

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

3 (25) / 2015

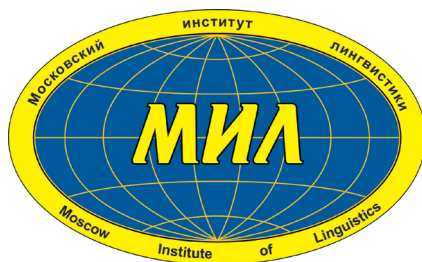
ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2015

3 (25)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2015
3 (25)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2015
3 (25)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911

Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Балаясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Свинчукова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Виноградов Виктор Алексеевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом африканских языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Караулов Юрий Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра русского языка Московского государственного лингвистического университета, Москва, (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций, заместитель руководителя научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций Высшей школы экономики, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, ректор Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Челябинского государственного университета, Челябинск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2015

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2015

© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2015

© Авторы, 2015

Подписано в печать 17.08.2015. Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Зак. № 0224. Усл. печ. л. 24,3. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INSTITUTE OF LINGUISTICS
Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Elena G. Svinchukova, Candidate of Philology, Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Anna A. Stepanova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Viktor A. Vinogradov, Doctor of Philology, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of African Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Valentin Ye. Goldin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Language Theory, History and Applied Linguistics Department, Saratov State University, Saratov (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, deputy director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Yury N. Karaulov, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Scientific Russian Language Centre of Moscow State Linguistic University, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State National Research University, Perm (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Professor of Integrated Communications Department, Deputy Head of the Laboratory of Business Communications, Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovsky, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Ludmila A. Shkatova, Doctor of Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied researches.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights are reserved.

The materials can be reprinted only with the agreement of the editorial office.

Moscow 2015

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2015

© Moscow institute of linguistics, 2015

© Authors, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

НАШ ЮБИЛЯР

80 лет Ю.Н. Караулову.....	10
Ю.Н. Караулов (<i>Москва, Россия</i>) Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста.....	14

СЛОВО КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский (<i>Москва, Россия</i>) Внутренняя форма идиом как системообразующий фактор.....	36
Б.Л. Бойко (<i>Москва, Россия</i>) Военная лексика в речевом общении.....	44
И.Г. Милославский (<i>Москва, Россия</i>) Об источнике, обеспечивающем выбор номинации в процессе активных речевых действий на русском языке.....	54
И.С. Улуханов (<i>Москва, Россия</i>) Старославянизмы со значением религиозных и мифологических существ в языке Древней Руси	67
Н.В. Уфимцева (<i>Москва, Россия</i>) Значение слова как отражение социокультурной реальности.....	83
Г.А. Черкасова (<i>Москва, Россия</i>) Сопоставительные исследования коэффициентов «лексического разнообразия» и «лексического богатства» Ю.Н. Караулова на материале русских ассоциативных словарей.....	93
Л.О. Чернейко (<i>Москва, Россия</i>) Полиморфный языковой знак как психолингвистический феномен.....	106

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Е.Г. Беляевская (<i>Москва, Россия</i>) О некоторых закономерностях формирования концептосферы в языковом сознании ребенка.....	120
Н.Д. Голев (<i>Кемерово, Россия</i>), Н.Н. Шпильная (<i>Барнаул, Россия</i>) Лингвогносеологический уровень языковой личности: типовые варианты реализации.....	134
Т.А. Гридина (<i>Екатеринбург, Россия</i>) Ассоциативный потенциал слова как основа лингвистической креативности: экспериментальные данные.....	148
Д.Б. Гудков (<i>Москва, Россия</i>) Языковая личность в зеркале политического транспаранта.....	158
В.С. Елистратов (<i>Москва, Россия</i>) О «креолизации» русской языковой личности.....	163
В.В. Красных, И.А. Бубнова (<i>Москва, Россия</i>) Некоторые базовые понятия и основные категории психолингвокультурологии.....	168
Д.В. Маховиков, А.А. Нистратов, Л.А. Ставицкая, Е.Ф. Тарасов (<i>Москва, Россия</i>) Национальные стереотипы в аксиологическом пространстве русских и украинцев.....	175
Е.А. Нефедова (<i>Москва, Россия</i>) Ассоциативно-образный потенциал языковой (диалектной) личности.....	192
М. Санчес Пуиг (<i>Мадрид, Испания</i>) Концепт БОГ в русской и испанской ассоциативно-вербальных сетях.....	198

Т.А. Трипольская (<i>Новосибирск, Россия</i>) Языковая личность К.И. Чуковского: моделирование эмоционально-оценочной картины мира.....	205
---	-----

КОНЦЕПТОЛОГИЯ – ПРАГМАТИКА - ТЕКСТ

В.А. Лукин (<i>Орёл, Россия</i>) Роли автора и «эффект образа автора» на фоне типологии текстов.....	218
Н.А. Фатеева (<i>Москва, Россия</i>) Языковое отображение танца в стихах и прозе.....	231
А.Л. Шарандин (<i>Тамбов, Россия</i>) Сознание, семиотика, язык, коммуникация и прагматика как единое концептуальное пространство.....	240

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

З.Ю. Петрова (<i>Москва, Россия</i>) «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» и их использование в лингвистических исследованиях.....	251
И.В. Ружицкий, Э.А. Ружицкая, С.Н. Шепелева (<i>Москва, Россия</i>) Языковая личность Федьки-каторжника: индивидуальное и коллективное.....	265
О.И. Северская (<i>Москва, Россия</i>) «Достоевщина – это...» (опыт ассоциативно-вербального представления понятия).....	276
Н.Л. Чулкина (<i>Москва, Россия</i>) Антропоцентрическая лингвистика и лингвокультурологические словари нового типа.....	284
Л.Л. Шестакова (<i>Москва, Россия</i>) Стилистический параметр и способы его представления в «Словаре языка русской поэзии XX века».....	300

ИНФОРМАЦИЯ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

CONTENTS

OUR ANNIVERSAR

80 th Anniversary of Yuriy N. Karaulov.....	10
Yuriy N. Karaulov (<i>Moscow, Russia</i>) Association Analysis: the New Approach to the Literary Text Interpretation.....	14

WORD AS A PSYCHOLINGUISTIC PHENOMENON

Anatoly N. Baranov, Dmitry O. Dobrovol'skij (<i>Moscow, Russia</i>) The Inner Form of Idioms as a System-Organizing Factor.....	36
Boris L. Boyko (<i>Moscow, Russia</i>) Military Vocabulary in Speech Communication.....	44
Igor G. Miloslavskiy (<i>Moscow, Russia</i>) About the Source Which Provides the Selection of Naming in the Process of Active Speech Acts in Russian Language.....	54
Igor S. Ulukhanov (<i>Moscow, Russia</i>) Old Slavic Words with the Meaning of Religious and Mythological Creatures in the Ancient Russian Language.....	67
Natalya V. Ufimtseva (<i>Moscow, Russia</i>) Meaning of the Word as the Display of Social and Cultural Reality.....	83
Galina A. Cherkasova (<i>Moscow, Russia</i>) Comparative Reseach of Factors of "Lexical Diversity" and "Lexical Richness" of Yuriy N. Karaulov on the Basis of Russian Associative Dictionaries.....	93
Ludmila O. Tcherneyko (<i>Moscow, Russia</i>) Polymorphic Linguistic Sign as Psycholinguistic Phenomenon.....	106

NATIONAL LINGUISTIC IDENTITY

Elena G. Belyaevskaya (<i>Moscow, Russia</i>) On Some Regularities of Concept Sphere Formation in Children's Language Mind.....	120
Nikolay D. Golev (<i>Kemerovo, Russia</i>), Nadezhda N. Shpilnaya (<i>Barnaul, Russia</i>) Linguistic and Noseological Level of Linguistic Identity: Typical Options of Realization.....	134
Tatyana A. Gridina (<i>Ekaterinburg, Russia</i>) The Word Associative Potential as Linguistic Creativity Basis: Experimental Data.....	148
Dmitry B. Gudkov (<i>Moscow, Russia</i>) Language Personality in the Mirror of Political Banner.....	158
Vladimir S. Yelistratov (<i>Moscow, Russia</i>) About the Linguistic Identity «Creolization».....	163
Viktoria V. Krasnykh, Irina A. Bubnova (<i>Moscow, Russia</i>) Some Basic Notions and Fundamental Categories of Psycho-Linguo-Cultural Studies.....	168
Denis V. Makhovikov, Aleksandr A. Nistratov, Lesya A. Stavitskaya, Evgeniy F. Tarasov (<i>Moscow, Russia</i>) National Stereotypes in the Axiological Space of Russians and Ukrainians.....	175
Elena A. Nefyodova Associative-Shaped Potential of Linguistic (Dialectal) Identity.....	192

Maria Sánchez Puig (<i>Madrid, Spain</i>) The Concept of <i>God</i> in Russian and Spanish Verbal Associative Networks.....	198
Tatyana A. Tripolskaya (<i>Novosibirsk, Russia</i>) Language Personality of Korney Chukovsky: the Emotive-Evaluative Worldview Modeling.....	205

CONCEPTOLOGY – PRAGMATICS – TEXT

Vladimir A. Lukin (<i>Oryol, Russia</i>) The Author's Roles and the «Image of the Author Effect» in the Aspect of Text's Typology.....	218
Natalya A. Fateeva (<i>Moscow, Russia</i>) Language Presentation of Dance in Poetry and Prose.....	231
Anatoly L. Sharandin (<i>Tambov, Russia</i>) Consciousness, Semiotics, Language, Communication and Pragmatics as a Common Conceptual Space.....	240

LINGUISTIC IDENTITY LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION

Zoya Y. Petrova (<i>Moscow, Russia</i>) «The Materials for the Dictionary of Metaphors and Similes in Russian Literature of XIX–XX Centuries» and their Linguistic Researches Usage.....	251
Igor V. Ruzhitskiy, Elina A. Ruzhitskaya, Svetlana N. Shepeleva (<i>Moscow, Russia</i>) The Personal Identity of Fedka-the-Convict: Individual and Collective.....	265
Olga I. Severskaya (<i>Moscow, Russia</i>) « <i>Dostoevshina</i> is...» (the Experience of the Associative-Verbal Representation of Concept).....	276
Nina L. Chulkina (<i>Moscow, Russia</i>) Antropocentric Linguistics and Linguo-Cultural Dictionaries of a New Type.....	284
Larisa L. Shestakova (<i>Moscow, Russia</i>) Stylistic Parameter and Ways of its Representation in «The Dictionary of the XX th Century Russian Poetry».....	300

INFORMATION

NOTES ON CONTRIBUTORS

**ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАРАУЛОВ
(К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Двадцать шестого августа исполняется 80 лет со дня рождения Юрия Николаевича Караулова, доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента РАН, выдающегося советского и российского языковеда, во многом определившего направления научных исследований современной лингвистики, учителя и друга для многих людей, связавших свою жизнь с филологией.

Юрий Николаевич Караулов родился 26 августа 1935 года в городе Подольске Московской области. В 1963 окончил с отличием филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и поступил в аспирантуру кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания. Кандидатскую диссертацию на тему «Таксономия падежей и предлогов (семантика)» (научный руководитель – Ю.С. Степанов) защитил в 1967 году. Там же, в МГУ, Юрий Николаевич начал свою научную и педагогическую деятельность – до 1972 года проводил лекционные и практические занятия по введению в языкознание, общему языкознанию, контрастивной лингвистике, испанскому и венгерскому языкам. Затем до 1981 года работал в должности учёного секретаря Отделения литературы и языка АН СССР и вёл исследовательскую работу по проблемам теории лексикографии. Докторскую диссертацию на тему «Общая и русская идеография» защитил в Институте языкознания АН СССР в 1975 году.

С 1982 по 1996 год Ю.Н. Караулов возглавлял Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН и одновременно вёл преподавательскую работу на кафедре общего и русского языкознания историко-филологического факультета Российского университета дружбы народов, где читал лекционные курсы по теории лексикографии, теории языковой личности, ассоциативному анализу текста, языку и стилю Ф.М. Достоевского и др. Под руководством Юрия Николаевича защищено более 20 кандидатских диссертаций.

В настоящее время Ю.Н. Караулов – директор «Научного центра русского языка» Московского государственного лингвистического университета, главный научный сотрудник Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова, где под его началом ведётся работа над «Словарём языка Достоевского».

Если постараться обозначить основные постулаты, определяющие научную деятельность Ю.Н. Караулова, то главными из них, по всей видимости, будут следующие: (1) любая концепция должна найти своё практическое воплощение (если, например, это теория семантического поля, то она подтверждается созданием словаря-тезауруса); (2) развитие современного языкознания возможно только с учётом междисциплинарных исследований, на стыке философии, психологии, социологии и других наук; (3) лингвистика необязательно должна быть скучной наукой с не допускающей никаких отклонений методологией. Ю.Н. Караулов автор более 300 научных работ, 11 из которых – монографии, определившие три основных исследовательские направления – теория и практика лексикографии, ассоциативная лингвистика и концепция языковой личности. Идеи, обозначенные в этих трудах, получили практическую реализацию в соответствующих словарях – семантических, ассоциативных, писательских и др.

Одна из последних идей Ю.Н. Караулова (её соавтор – Е.Л. Гинзбург) – это концепция «Словаря языка Достоевского», разрабатываемая учёным на протяжении последних 20 лет. Описанию в Словаре подлежат не все слова писателя, но только те, которые отражают наиболее важные, ключевые понятия в его картине мира, характеризуют авторский идиостиль. Эти слова, идиоглоссы, и структурируют мир языковой личности, ключевые параметры организации которой раскрываются в структуре словарной статьи, прежде всего – в специально разработанной системе лексикографических параметров. Таким образом, в Словаре языка Достоевского интегрируются многие предшествующие её созданию идеи: построения словаря-тезауруса («Общая и русская идеография», «Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка», «Русский семантический словарь», «Лингвокультурное сознание русской языковой личности»), реконструкции ассоциативно-вербальной сети («Русский ассоциативный словарь», «Ассоциативная грамматика русского языка», «Ассоциативный фразеологический словарь русского языка», «Славянский ассоциативный словарь», «Ассоциативные нормы испанского и русского языков») и, наконец, концепции языковой личности («Русский язык и языковая личность», «Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности»). В Словаре нашли также отражение и знаменитое «правило шести шагов», отражающее такое свойство словаря, как его семантическая непрерывность, и «закон свободы лексикографических параметров».

На базе теории языковой личности сформировалась возглавляемая Ю.Н. Карауловым ведущая научная школа «Русская языковая личность», объединившая учёных самых разных направлений не только в России, но и за рубежом. Появилась самостоятельная дисциплина, лингвоперсонология, объектом изучения которой стала языковая личность, возникла особая терминологическая парадигма: коммуникативная личность, вторичная языковая личность, билингвальная личность, орфографическая языковая личность, диалектная языковая личность и т. д.

Конечно, деятельность Ю.Н. Караулова существенно шире обозначенных выше тем, она хорошо известна и в России, и за её пределами: создание «Машинного фонда русского языка», исследования и разработки в области когнитивной лингвистики, этнокультурного аспекта языковой личности, детской языковой личности, проблем государственного языка и многое-многое другое. Юрий Николаевич являлся главным редактором журнала «Русистика сегодня» и энциклопедии «Русский язык», в настоящее время он член редколлегии научных журналов «Вопросы языкознания», «Русская речь», «Русистика сегодня», «Studia Slavica», «Вопросы когнитивной лингвистики», редакционного совета портала ГРАМОТА.РУ и журнала «Вопросы психолингвистики». Заслуги юбиляра получили признание и на государственном уровне: грамота Президента АН СССР (1974), орден Дружбы народов (1986), Государственная премия СССР в области науки (1991), благодарность Президента РАН (1999), золотая медаль ВВЦ (2002), благодарность Министра образования РФ (2003), премия Президента РФ в области образования (2003).

Лидерские и человеческие качества, открытость любым новым идеям, энтузиазм и неутомимая работоспособность Юрия Николаевича позволили ему объединить вокруг себя единомышленников, испытывающих к юбиляру самую искреннюю любовь и благодарность.

Коллеги и друзья Юрия Николаевича желают ему крепкого здоровья, долгих лет, продолжения плодотворной научной работы и – новых научных свершений!

Дорогой наш Юрий Николаевич!

Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова поздравляет Вас, своего выпускника, с замечательным юбилеем! Ваше имя известно как в России, так и далеко за её пределами, а Ваши идеи, изложенные в многочисленных научных трудах, послужили толчком для развития многих направлений современной русистики, прежде всего – лексикографии и теории языковой личности.

Желаем здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов! Пусть Ваши научные изыскания подарят Вам огромное моральное удовлетворение, радость, любовь и уважение всех Ваших коллег и учеников, всех, кому посчастливилось работать и встречаться с Вами!

*Декан филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
заведующая кафедрой русского языка, доктор филологических наук, профессор
Ремнёва Марина Леонтьевна*

Дорогой Юрий Николаевич!

Примите сердечные, самые искренние поздравления от имени профессоров и преподавателей, студентов и аспирантов филологического факультета Российского университета дружбы народов со знаменательным юбилеем 80-летием со дня рождения!

В университете хорошо знают Вас как одного из ярких представителей современной отечественной лингвистики, чьи труды являются основополагающими в её развитии.

Желаем Вам доброго здоровья, бодрости духа и неиссякаемого оптимизма, новых творческих успехов в Вашей плодотворной научно-исследовательской деятельности, направленной на развитие отечественной науки.

*Председатель комиссии Учёного Совета РУДН по русскому языку,
заведующий кафедрой общего и русского языкознания, доктор филологических
наук, профессор
Денисенко Владимир Никифорович*

**АССОЦИАТИВНЫЙ АНАЛИЗ:
НОВЫЙ ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА¹**

Задачей статьи явилось рассмотрение возможности ассоциативного анализа художественного текста. Для перехода к ассоциативному пространству текста обоснована методика построения ассоциативных полей из линейной последовательности слов и словосочетаний. Уточнен статус текстового ассоциативного поля, которое рассматривается как один из способов представления знаний. Предложена типология ассоциативных текстовых полей, исходящая из двух измерений: а) из соотнесения реально выделенных на тексте полей с существующими в лингвистике описаниями родственных им семантических полей и лексико-семантических групп; б) из различения двух разновидностей полей (знаний) – полей-рецептов и полей-ретушей. Применение изложенных теоретических и методических положений к конкретному тексту – рассказу Ф.М. Достоевского «Кроткая» – привело к построению его ассоциативного пространства в виде сети 56 ассоциативных полей.

Ключевые слова: текстовое ассоциативное поле, семантический гештальт, художественный текст, Достоевский, «Кроткая».

Yury N. Karaulov

**ASSOCIATION ANALYSIS:
THE NEW APPROACH TO THE LITERARY TEXT INTERPRETATION**

The task of the article was to investigate the possibility of literary text associative analysis. The methodology of associative fields from a linear sequence of words and phrases constructing is proved which serves for transition to the associative space of the text. The status of a text associative field is determined which is regarded as one of the ways of knowledge representation. The typology of associative text fields is suggested that follows from the two dimensions: a) the mapping of really extracted fields in the text with the existing in linguistics descriptions of similar semantic fields and lexico-semantic groups; b) the two types of fields (knowledge) distinguishing – recipe-fields and retouch-fields. The usage of the stated theoretical and methodical ideas for the particular text – to F.M. Dostoevsky's «A Gentle Creature» story – led to its associative space building in the form of a network of 56 associative fields.

Keywords: associative field, semantic Gestalt, literary text, Dostoyevsky, «A Gentle Creature».

¹ Статья в первой редакции опубликована в «Материалах IX конгресса МАПРЯЛ» (Братислава, 1999).

Ассоциативная лингвистика как самостоятельная отрасль языкознания

Цель исследования, результаты которого изложены в статье, заключалась в том, чтобы разработать теоретические принципы ассоциативного анализа текста и осуществить их практическую реализацию на примере рассказа Ф.М. Достоевского «Кроткая». Сама идея о возможности связать в одном исследовании ассоциативную лингвистику с проблемами анализа художественного текста возникает из представления о том, что объект языкознания – язык репрезентируется тремя способами: его можно исследовать как системное образование, и тогда результат его изучения предстает в соответствующих описаниях как система (словарь и грамматика); его существование можно репрессировать материально как очень большую совокупность разнообразных текстов, и это тоже будет «язык», или язык-текст»; наконец, язык можно мыслить как некую идеальную сущность – как языковую способность его носителя.

Каждому способу репрезентации языка ставится в соответствие определенная методологическая линия в развитии науки, реализуется во множестве – иногда противостоящих друг другу, иногда пересекающихся друг с другом – частных научных направлений: это – системная лингвистика, лингвистика текста и психолингвистика. Естественно, что в чистом виде эти линии в лингвистических исследованиях никогда не бывают реализованы, поскольку, например, психолингвистика опирается в своих подходах на системные постулаты и проявляет постоянный интерес к изучению текста; лингвистика текста часто апеллирует к психолингвистическим закономерностям и стремится к системному обобщению своих результатов; системные же построения вырастают, как правило, на текстовой базе и не обходятся без обращения к языковому сознанию носителей.

Ассоциативная лингвистика, занимающаяся изучением языковой способности человека, составляет часть психолингвистики, что уже могло бы оправдать ее обращение к тексту. Но ведь и текст, со своей стороны, есть результат функционирования языковой способности, ибо, по известному выражению, «за каждым текстом стоит не только система языка, но и языковая личность», что делает сближение этих областей языкознания еще более обоснованным, поскольку текст есть точка встречи языковых личностей, встречи языковых способностей продуцента и реципиента текста. При более подробном рассмотрении проблематики двух сближаемых в нашем исследовании областей науки – ассоциативной лингвистики и лингвистики текста – обнаруживается довольно широкая общность в объектах их интересов. И та и другая дисциплины встречаются между собой в лингвокультурологии, обе они разрабатывают проблемы понимания, как и проблемы владения языком, обучения родному и чужому языку, лингвострановедения.

Микроточкой их соединения – соединения и в объекте, и методе – является ассоциативное поле как предмет конструирования и изучения, как единица лексикона языковой личности, как единица понимания, как единица языковой способности (см. [Залевская 1977; Караулов 1994]). Ассоциативное поле и связанная с ним проблематика довольно хорошо разработаны в ассоциативной лингвистике, но применительно к тексту такие разработки только начинаются. Для достижения поставленной цели необходимо было провести специальные исследования, чтобы

ответить на такие вопросы:

1. Что собой представляет текстовое ассоциативное поле как аналог и коррелят ассоциативного поля в языке и каковы приемы его построения из текста?

Трудность здесь заключается в следующем. Ассоциативные поля в языке выстраиваются по результатам ассоциативных экспериментов, где носителям языка предъявляются словесные стимулы, на которые они должны спонтанно реагировать. По итогам анкетирования вокруг каждого стимула формируется множество его ассоциатов (слов и словосочетаний), которые и составляют ассоциативное языковое поле данного стимула. Это множество не имеет строго очерченных границ и является нечетким, размытым (т. е. при обращении к другому контингенту испытуемых мы не получим в точности того же множества), но в то же время характеризуется некоторыми вероятностными закономерностями, показывающими, что оно обладает вполне определенной структурой и неизменным ядром, которое, в противоположность неустойчивой периферии поля, всегда сохраняется и повторяется независимо от условий эксперимента.

Психологическая реальность ассоциативных полей в языке доказана психофизиологическими экспериментами, практикой ассоциативной лексикографии², а также специальными экспериментами по восстановлению носителями языка стимула (имени поля) на основании известного состава этого поля³. Построение языкового ассоциативного поля, так же как «угадывание» имени поля по известному его составу, являются, таким образом, относительно простой задачей с одним неизвестным: либо задан стимул и надо найти его ассоциаты, т. е. восстановить состав поля, либо задан состав поля и стоит задача найти его имя. При этом источником поисков, средой, откуда извлекается состав поля или его стимул, является языковая способность. Переноса понятие ассоциативного поля на текст – как его источник – мы оказываемся перед необходимостью решать уравнение с двумя неизвестными: нам надо установить, во-первых, имя ассоциативного поля, а во-вторых, его состав. Решение такой задачи на тексте и составляет известную трудность, преодолеть которую помогает специально разработанная методика.

2. Второй вопрос, требующий ответа на пути к нашей цели, состоит в следующем. Выбирая имя будущему полю, которое развертывается на тексте, мы должны исходить из того, чтобы вся совокупность имен ассоциативных полей, выделенных на конкретном тексте, была способна вобрать в себя всю его лексику: только в этом случае мы можем говорить о действительно полно осуществленном ассоциативном представлении линейного текста. Но возможно ли в действительности найти такой набор полей, по которым исчерпывающим образом распределялась вся лексика текста?

3. Что такое ассоциативная структура текста? Из чего она состоит и как выявляется?

² Имеется в виду большая близость ассоциативных полей для одного и того же стиля одного и того же языка, полученных в разное время по опросам разных групп его носителей; ср. одноименные статьи в ассоциативных словарях (см. [Леонтьев 1977; Титова 1995; Ульянов 1988; РАС-1]).

³ Такого рода эксперименты, в которых носителям русского языка предъявляли готовые статьи (поля) из РАС, но при этом стимул был скрыт от испытуемых, и им предлагалось восстановить («угадать») стимул, автор проводил неоднократно в разных аудиториях. Восстановление стимула во всех случаях было стопроцентным.

4. Как интерпретировать отдельное текстовое поле и что дает для понимания текста структура ассоциативного поля?

5. Что собой представляет ассоциативный анализ в целом, как его проводить и что нового он может дать в комментировании и интерпретации художественного текста?

Первые попытки осмысления ассоциативных связей в тексте, и прежде всего, в тексте художественном, были сделаны на материалах произведений Л. Толстого (см. [Савранский 1970]), Ф.М. Достоевского (см. [Зноев 1980]) и А. Вознесенского (см. [Барлас 1986]). В духе сложившихся традиций эти исследования делали объектом анализа слово в тексте, устанавливая и комментируя его ассоциативное окружение и воздействие этого окружения на семантику, смысловые обертоны, стилистические преобразования слова. Так, рассматривая слово «красота» в «Братьях Карамазовых», исследователь показывает, что в зависимости от принадлежности дискурса тому или другому типу персонажа, ассоциативное окружение этого слова составляют в одном случае – *смирение, откровение, гармония, Бог*, тогда как в другом случае – *загадка, секрет, сладострастие, чёрт*. То есть «героем» анализа остается слово, изучаемое в его контекстах и заключенном в них его ассоциативном окружении. Время поставить вопрос об «ассоциативных полях» в тексте еще не пришло.

Связывать это время с появлением идей о составлении ассоциативного тезауруса русского языка и с публикацией его первого тома (см. [РАС-1]) было бы, по-видимому, слишком прямолинейно и даже примитивно: едва ли развитие научной мысли питается одним источником. Однако во всяком случае для ассоциативной лексикографии создание такого словаря можно считать существенным прогрессом. Список стимулов только первого тома Ассоциативного тезауруса в десять раз превышает стандартный тестовый список, положенный в основу перечисленных выше ассоциативных словарей, а суммарный перечень стимулов в трех его томах (см. [РАС-3 и РАС-5]) приближается к десяти тысячам. А это значит, что такой словарь может претендовать на отражение в своей структуре ассоциативных связей большей части лексического состава современного русского языка. Связи эти зафиксированы в ассоциативных статьях словаря, которые и представляют собой ассоциативные поля языка. Ассоциативный тезаурус стал важным источником лингвистической информации, и его ассоциативные связи изучаются в различных аспектах.

Одновременно были разработаны основы ассоциативной грамматики (см. [Караулов 1993]), описание которой тоже вырастает из анализа ассоциативных полей. Таким образом, в настоящее время мы имеем довольно значительный корпус лексикологических исследований на ассоциативной основе, комплекс ассоциативных словарей, ассоциативно ориентированную грамматику и образцы ассоциативного подхода к анализу текстов. Всё это вместе, вкупе с теоретическими предпосылками ассоциативного подхода в языкознании, который обеспечивают нейролингвистика, когнитивная психология, семантическая теория памяти, психоллингвистика и теория речевой деятельности, позволяет говорить о существовании самостоятельной отрасли нашей науки – ассоциативной лингвистики, оснащенной собственной концепцией языка, словарем и грамматикой.

С позиций этой отрасли языкознания и строится наше исследование.

О типах ассоциативных структур

Ассоциативные поля стали объектом лингвистических изысканий относительно недавно, и по сравнению с текстом – главным источником наших знаний о языке – это объект совсем молодой. Ассоциативные поля не даны исследователю непосредственно, а выстраиваются в ходе специально поставленных экспериментов с носителями языка, т. е. возникают, «открываются» в результате взаимодействия экспериментатора с «естественно говорящим». Ассоциативные поля фиксируются, как правило, в ассоциативных словарях, и представленный в них языковой материал изучается в разных аспектах. В настоящем разделе речь пойдет о структуре, а точнее – о структурах или структурных закономерностях, которые организуют пространство ассоциативного поля, превращая его в специфическую «единицу» языка, единицу языковой способности.

Исследования последних двух-трех десятилетий позволяют говорить о нескольких типах структур, которые можно наблюдать в ассоциативном поле. Наибольшее внимание, как представляется, уделялось исследователями лексико-грамматическим закономерностям в поле, что вполне объяснимо, поскольку эти закономерности распространяются на весь состав поля, т. е. оказываются релевантными для каждого входящего в него элемента. Обобщая известные работы в этой области, можно утверждать, что группа лексико-грамматических закономерностей охватывает три типа структур ассоциативного поля – структуру лексическую, синтаксическую и морфологическую, причем две последних формируют так называемую ассоциативную грамматику.

Далее, к числу ассоциативных структур, помимо указанных, обладающих глобальной значимостью для всех элементов поля, следует отнести структуру когнитивную, которая представлена не во всех, а лишь в отдельных элементах поля (т. е. некоторых парах стимул-реакция, S – R) и отражает видение мира, реальности через язык его носителем. Она несет фиксированное в коллективном национальном сознании фактическое, констатирующее знание носителя языка о мире, мире таком, каков он есть. Иными словами, она воссоздает фрагменты наивно-языковой картины мира в глазах носителя языка. Следующей, также обязательной для каждого поля, но запечатленной далеко не во всех его элементах, является структура прагматическая, отражающая позицию, место носителя языка в окружающем его мире и несущая представления (знания) о том, каким этот мир должен был бы быть с точки зрения носителя языка или, наоборот, каким он быть не должен. Наконец, последней из обсуждавшихся в соответствующей литературе структур ассоциативного поля принято считать его статистическую структуру, которая является чисто формальной, не зависящей от содержательного его наполнения, от конкретной национально-языковой специфики, и призвана лишь квалифицировать степень адекватности полученного тем или иным путем состава поля внешним парадмам «единицы владения языком» – золотому сечению, оптимальному числу составляющих поле элементов и стабильному среднему числу ранговых показателей частот его ассоциатов.

Рассмотренные типы структур можно распределить по следующим группам: лексическая, морфологическая и синтаксическая структуры ассоциативного поля, охватывая основные системные уровни языка и объединяясь в единую лексико-грамматическую надструктуру, представляют собой собственно язык, язык, так

сказать, «в самом себе и для себя». Эта лексико-грамматическая надструктура, репрезентируя язык как таковой, охватывает все без исключения элементы ассоциативного поля.

Когнитивная структура ассоциативного поля, суммируя единицы хранения знаний и оперирования ими и отражая языковую картину мира, как бы воссоздает структуру мысли и репрезентирует тем самым отношение «язык и человек», ибо нет знаний без их носителя, как не существует «картины мира» без воспринимающего ее.

Единицы же, формирующие прагматическую структуру поля, репрезентируют запечатленное в языке отношение «человек – действительность».

После такого переосмысления рассмотренных ассоциативных структур совершенно очевидной становится фундаментальная лакуна в их перечне. В самом деле, из трех взаимосвязанных сущностей, определяющих процесс функционирования языка, т. е. процесс осуществления человеком своей способности «владения языком», а именно – «язык» – «человек» – «действительность», мы учли попарное взаимодействие только двух из них (язык – человек и человек – действительность), поставив им в соответствие когнитивную и прагматическую структуры ассоциативного поля. Между тем как важнейшему отношению «язык – действительность» не соответствует никакая из известных ассоциативных структур.

Такая особая структура существует, но в литературе, насколько нам известно, она не обсуждалась. Исходя из того, что в семиотике отношение знака к реальности принято именовать «семантикой», представляется целесообразным определить характер ассоциативной структуры, учитывающей отношение языка к реальности, как «семантический». А опираясь на тот факт, что схематические контуры этой ассоциативной структуры, ее структурообразующие точки, будучи достаточно четкими, задают вполне определенный, целостный «образ» фрагмента, «кусочка» реальности, стоящей за тем или другим ассоциативным полем, этот «образ», эти контуры предлагается назвать «гештальтом»⁴. Таким образом, есть все основания, чтобы новую ассоциативную структуру именовать «семантическим гештальтом».

Семантический гештальт ассоциативного поля начинает вырисовываться, когда при последовательном и сплошном чтении статьи ассоциативного словаря мы обнаруживаем, что ответы (реакции) испытуемых тяготеют по своей семантике к определенным характеристикам стимула, группируясь естественным образом вокруг нескольких (как правило, частотных в статье) реакций-концептов, которые в самом общем виде обозначают типовые свойства референта, стоящего в данной культуре за именем поля, т. е. за стимулом. И эти группировки и свойства не повторяют лексико-категориальных структур, т. е. не сводятся к синонимическим, антонимическим и т. п. отношениям, как и не проявляют изоморфности к перечню значений полисемантического стимула. Не совпадают эти естественным образом формирующиеся группировки ни с единицами когнитивной структуры (фразеологизмами, метафорами, фреймами, наглядными картинками и т. д.), ни с единица-

⁴ Гештальт (образ, форма) – функциональная структура, которая по присущим ей законам упорядочивает многообразие отдельных явлений. Термин «гештальт» был предложен гештальтпсихологией и первоначально применялся к описанию психики, но в дальнейшем был распространен на область физических, физиологических, социальных и других явлений (см. [Психологический словарь 1985: 62]).

ми прагматической структуры поля. Они скорее воссоздают типовую для данной национальной культуры модель того референта, которая соответствует стимулу в окружающей носителя данного языка реальности.

В качестве иллюстрации приведем воплощение структуры семантического гештальта в поле ПАМЯТНИК (см. [РАС-1]):

I. Тип памятника: *статуя, бюст, обелиск, изваяние, мемориал, надгробие, стела...*

II. Слава: *Пушкину, Ленину, герою, вождю, погибшим, великому человеку, писателю, художнику, торжественность, подвиг...*

III. История: *старина, вечность, времени, память, старинный, навечно, всегда...*

IV. Искусство: *культура, архитектура, скульптура, красивый, произведение, прекрасный, реставрирован...*

V. Материал: *камень, мраморный, гранит, бронзовый, из гранита, из бронзы, мрамор, медный...*

VI. Большой: *высокий, огромный, глыба, громадный...*

VII. Бесполезный: *бесхозности, надо убрать, не надо, неуместный, серость...*

Как правило, число зон в структуре семантического гештальта колеблется в пределах 6–8.

Процедуры перехода от текста к полю

Эта задача сугубо не формальная и едва ли формализуемая вообще: ведь мы хотим эксплицировать, вывести на поверхность, на уровень наблюдения те подсознательные, т. е. скрытые от читателя, да и от автора, мыслительные процессы, которые приводят к диалогу автора с читателем и делают возможным их взаимопонимание. По сути дела связный линейный текст нам предстоит переписать таким образом, чтобы все входящие в него слова разбились на значительные по составу группы, внутри которых ассоциативно-семантические связи между членами группы были бы заметно сильнее, чем связи между единицами (словами и словосочетаниями), относящимися к разным группам.

При этом, оставаясь в рамках собственно лингвистического анализа, мы не можем и не должны апеллировать к сведениям об истории создания данного текста, так как это требует выхода за рамки самого текста и нарушает условия прямого диалога автора с читателем, привнося в их взаимодействие влияние наблюдателя-исследователя. Единственно, что представляется допустимым при сохранении чистоты эксперимента, так это обращение к другим текстам того же автора с целью подкрепления того или иного решения: либо по определению принадлежности конкретного слова (словосочетания) данному ассоциативному полю, либо в случае колебаний при выборе имени какого-нибудь поля. При этом, выходя за границы конкретного текста, мы остаемся в пределах той же самой (авторской) ассоциативно-вербальной сети, послужившей источником создания этого самого текста (см. [Караулов 1992]).

Вместе с тем, процедура построения ассоциативных полей, не будучи строго формальной, не может быть и совершенно произвольной, так как в случае ее произвольности мы покидаем область научного анализа и не можем претендовать на объективность полученного результата и его воспроизводимость. Компромисс между

требованиями научной объективности анализа, с одной стороны, и отсутствием формализованной методики его проведения, с другой, достигается, на наш взгляд, благодаря участному характеру рассмотрения и квалификации (полевой атрибуции) каждой лексической единицы, каждого отдельного поля и групп, или кластеров, полей, в которые они естественным образом объединяются на основе сюжета произведения. В филологической герменевтике известен прием аналитического (медленного) чтения «под протокол», когда в ходе линейного движения читающего по тексту в нем вычленяются некоторые зачтенные отрезки, фрагменты текста разного объема и разного содержания, представляющие собой и отдельные эпизоды, и диалоги, и рассуждения-размышления персонажей или автора, и сценарии разного рода действий, и эмоционально-оценочные высказывания, и описания окружающей обстановки или природы, и портреты действующих лиц, и вставные рассказы или воспоминания, письма, цитаты из других произведений и т. д. и т. п.

Такие отрезки вычленяются на основании того, что читающий усматривает в каждом из них некий сверхсмысл, выходящий за пределы непосредственного значения, передаваемого лексической и грамматической семантикой составляющих их языковых единиц, и соотносимый с произведением в целом, с его идейным содержанием, темой, сюжетом или выходящий в «затекстовое пространство» (подтекст, интертекст, эпоха, история создания произведения его автором и т.п.). Умозаключения читающего по поводу этого сверхсмысла становятся «записями» в протоколе, чтобы затем путем различного их комбинирования, перестановок и установления новых, нелинейных отношений и зависимостей между ними составить основу либо интерпретации, герменевтического толкования текста, либо критического его разбора. Понятно, что «умозаключения» – вещь субъективная, поэтому и толкования одного и того же текста разными исследователями могут быть различными.

Как видим, интерпретатор для достижения своей цели разрушает связный линейный текст уже тем, что превращает его в совокупность разнородных фрагментов. А поскольку манипуляции с записями в протоколе соответствуют комбинированию, перестановкам и иному, чем в исходном тексте, соотносению друг с другом соответствующих этим записям фрагментов текста, то, естественно, при интерпретации нарушается сама последовательность выделяемых фрагментов, и исходный текст, таким образом, разрушается полностью. Это неизбежное условие интерпретации, да и не только интерпретации. Исследовательская мысль не движется вслед за линейным развертыванием текста, а совершает скачки, забегание вперед, возвращения и отлеты от последовательного изложения. Аналогично ведет себя и читательская мысль, отличаясь от собственно исследовательской отсутствием осознанного самонаблюдения, рефлексии, т. е. «протокола». В этом отношении механика простого понимания текста обыкновенным читателем сходна с механикой его интерпретации специалистом-филологом – чтобы понять текст или его истолковать, необходимо разрушить его линейность. Это утверждение выглядит парадоксально: получается, что чтение «линейного» текста на самом деле «нелинейно».

«Протокол», задающий рамки и направленность «медленного» чтения, содержит всего два вопроса, позволяющих оценить:

- релевантность каждого встретившегося слова для понимания идейного содержания текста и соответственно его возможную отнесенность к тому или иному полю;

- потенциальную способность этого слова или какого-то другого стать именем будущего ассоциативного поля, его ассоциативно-семантическую «емкость», т. е. способность собрать и объединить вокруг себя множество близких к нему по семантике слов, развертывающих и развивающих один из мотивов или одну из идей произведения.

Рассмотрим, как выглядела бы практическая реализация техники построения полей, если бы мы строго следовали изложенным здесь принципам. Возьмем для примера отрезок текста из третьей части рассказа Ф.М. Достоевского «Кроткая», заметив попутно, что границы таких отрезков устанавливаются довольно свободно и фиксируют некоторую, относительно законченную – по интуитивной оценке составителя – характеристику факта, события, мысли, действия или переживания персонажа:

Я, например, хотел сделать свадьбу, то есть решительно вдвоем, при двух свидетелях, из коих одна Лукерья, и потом тотчас в вагон, например, хоть в Москву (там у меня кстати же бучилось дело), в гостиницу, недели на две. Она воспротивилась, она не позволила, и я принужден был ездить к теткам с почтением, как к родственницам, от которых беру ее. Я уступил, и теткам оказано было надлежащее (стр. 13⁵).

Прежде всего составителю надлежит осуществить деграмматизацию составляющих этот отрезок предложений, чтобы выделить пропозиции. Из первого предложения устанавливаются три пропозиции:

- 1) я, хотеть, (сделать) свадьба;
- 2) (свадьба) вдвоем, свидетели, Лукерья, (в) вагон, Москва, (в) гостиница;
- 3) я, там (Москва), случиться, дело.

Также три пропозиции выделяются во втором, и две – в последнем предложении:

- 4) она, воспротивиться, не позволить;
- 5) я, принужден, ездить, тетки, (с) почтение, родственницы;
- 6) я, брать, она;
- 7) я, уступить;
- 8) тетки, оказать, надлежащее.

Далее для простоты иллюстрации будем исходить из предположения, что имена полей нам уже известны и задача состоит лишь в распределении членов пропозиций по соответствующим ассоциативным полям. При этом мы исключаем из распределяемых местоимения, местоименный глагол «сделать»⁶ и связочный «быть». Теперь, чтобы произвести распределение, мы должны «разорвать», разрушить сами пропозиции, приписав их члены к их ассоциативным «хозяйевам». В итоге получаем следующий результат:

хотеть → ХОТЕТЬ, свадьба → ЖЕНИТЬСЯ, вдвоем → ЖЕНИТЬСЯ,
свидетели → ЖЕНИТЬСЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ, Лукерья → ИМЕНА

⁵ Здесь и далее страницы указаны по Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. – Л.: Наука, 1972–1990. – С. 5–35.

СОБСТВЕННЫЕ, вагон → ПРОСТРАНСТВО, Москва → ПРОСТРАНСТВО, ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ, гостиница → ПРОСТРАНСТВО, случиться → СЛУЧАЙНОСТЬ/НЕОБХОДИМОСТЬ, дело → КАССА ССУД, воспротивиться → СОГЛАШАТЬСЯ/ НЕ СОГЛАШАТЬСЯ, не позволить → СОГЛАШАТЬСЯ/НЕ СОГЛАШАТЬСЯ, принужден → СЛУЧАЙНОСТЬ/НЕОБХОДИМОСТЬ, ездить → ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ, тетки → РОДСТВЕННИКИ, почтение → ОЦЕНКА, ОЦЕНИТЬ, родственницы → РОДСТВЕННИКИ, братъ (ее) → ЖЕНИТЬСЯ, уступить → СОГЛАШАТЬСЯ/НЕ СОГЛАШАТЬСЯ, тетки → РОДСТВЕННИКИ, оказать надлежащее → ОЦЕНКА, ОЦЕНИТЬ.

Итак, на пути превращения «системы текста» в другую систему, а именно в систему ассоциативных полей, мы осуществили несколько операций «ДЕ»:

- декомпозицию исходного текста, его разделение на несколько фрагментов, подлежащих отдельному, самостоятельному анализу;

- делинеаризацию каждого из фрагментов и превращение их в набор относительно самостоятельных, свободно комбинируемых одна с другой гипертекстовых единиц;

- деграмматикализацию словоформ, входящих в каждую гипертекстовую единицу, и преобразование ее в набор пропозиций;

- депропозиционирование этого набора путем разрушения пропозиций и распределения их составляющих по разным ассоциативным полям;

- наконец, пришлось прибегнуть к деперсонализации дискурсов действующих лиц. Распределив слова текста по ассоциативным полям и перемешав все дискурсы, мы утрачиваем возможность установить, из чьего дискурса взято то или иное слово – принадлежит ли оно речи Ефимовича, Кроткой, рассказчика, Лукерьи или гусара А-ва. В итоге линейный текст оказался полностью разрушенным, и мы получили его ассоциативную структуру в виде набора текстовых полей.

Сопоставление одноименных языковых (т. е. зафиксированных в ассоциативных словарях) и полученных нами на материале рассказа текстовых ассоциативных полей позволяет сделать следующие выводы.

1. Языковые и текстовые поля в целом оказываются сопоставимыми по объему, по количеству составляющих их ассоциатов.

2. Текстовое поле обладает отчетливо выраженной внутренней структурой, тяготеющей к семантическому гештальту, тогда как в словарных полях семантический гештальт вычленяется не всегда и делит роль доминирующей структуры в равной степени с остальными шестью типами структур – лексической, морфологической, синтаксической, когнитивной, прагматической и статистической.

3. Ассоциативное текстовое поле характеризуется вполне определенной внутренней динамикой, которая обусловлена его сюжетной зависимостью, его ориентацией на движение, на развитие сюжета. В словарном поле эта динамика, эта внутренняя напряженность поля приглушена, размыта из-за отсутствия заранее заданной сюжетной, целевой ориентации. Единицы словарного ассоциативного поля совершают как бы свободное, беспорядочное броуновское движение в

⁶ В оценке категориальной роли глаголов «делать» и «сделать» мы следуем Н.Ю. Шведовой, которая квалифицирует их по отношению к полнозначенательным глаголам так же, как квалифицируются местоимения по отношению к имени (см. [Шведова, Белоусова 1995]).

объеме, границы которого заданы стимулом, и не испытывают никакого другого внешнего воздействия, тогда как единицы текстового поля – в объеме, заданном его именем, приобретают определенную направленность, находясь под регулирующим воздействием сюжета.

4. Помимо такой тематико-сюжетной ориентации, практически в каждом текстовом поле выстраивается бинарная оппозиция его единиц, которая создает в нем внутреннюю противоречивость. Иногда она доходит до максимума и отражается в самом названии, в имени текстового поля (ср.: ДОБРО/ЗЛО, СЛУЧАЙНОСТЬ/НЕОБХОДИМОСТЬ, СОГЛАШАТЬСЯ/НЕ СОГЛАШАТЬСЯ, ПРАВДА/ЛОЖЬ); в других случаях проявляется в антонимичных отношениях зон семантического гештальта (ср.: внутри поля ВРЕМЯ противопоставление зон «прежде» и «после», «точка» и «отрезок», «вечность» и «хронотоп»; в поле ДЕНЬГИ – «получать» и «тратить»; в поле ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ – «не удержаться» и «удержаться» и т. п.). Наконец, в прочих ситуациях эта внутренняя противоречивость сохраняется на уровне единичных оппозиций входящих в текстовое поле ассоциатов (например, «знать – не знать», «принять – не принять», «трусость – мужество», «ум – безумие», «счастье – несчастье»).

5. Последнее замечание по поводу различий между полем языковым и полем в тексте касается такого свойства текстовых полей, как их зависимость от композиции произведения. Композиция определяет порядок появления, открытия полей в тексте, обуславливает, какие поля с какими взаимодействуют, или, по М.М. Бахтину (см. [Бахтин 1963]), вступают в диалог. Диалогичность столь же выразительно, как на указанных Бахтиным уровнях текста («большой диалог» на уровне всего текста, диалог внутренних и внешних частей и элементов текста, диалоги героев, микродиалог, или двуголосность, каждого слова романа), дает о себе знать и на уровне его ассоциативной структуры, находя воплощение в особой организации (структуре) текстовых ассоциативных полей, внутренней напряженности и противоречивости их состава, оформленных в оппозициях ассоциатов в одном поле, наконец, в нестандартности самих ассоциаций и композиционной зависимости текстовых полей в их взаимодействии.

Закljučая рассмотрение статуса текстового ассоциативного поля, мы имеем все основания утверждать, что поле в тексте обладает всеми качествами полноценного ассоциативного поля, выделяемого в языке, или словарного ассоциативного поля, отличаясь от него повышенной диалогичностью.

Внутренняя структура поля и ассоциативная структура целого текста

В ассоциативном анализе текста после наполнения текстовых полей, осмысления их статуса и типологизации встает вопрос об их внутренней организации. Ведь слова из текста распределялись по разным полям в процессе медленного чтения, по ходу линейного развертывания текста, и их состав при этом никак не упорядочивался. Внутреннее структурирование полей необходимо провести для последующей интерпретации текста, которая осуществляется в форме комментария к каждому полю (или группе полей), – лингвистического, филологического, а также, если это необходимо, философского, исторического, психологического, культурологического и литературного.

Обычно все структуры в ассоциативном поле в какой-то степени бывают представлены, но одна из ассоциативных структур оказывается превалирующей

в том или ином поле, играет роль доминирующей, когда количество ассоциатов, связанных со стимулом (именем поля) данным отношением, оказывается самым большим, превышающим число всех других отношений.

Таким образом, естественное структурирование поля означает выявление в нем доминирующей структуры. Определяя статус поля, мы установили, что оно является одной из форм представления знаний, и наиболее показательной структурой, выявляющей это свойство поля, оказывается семантический гештальт. Поэтому, приступая к структурированию каждого выделенного на тексте поля, мы прежде всего проверяем его состав на возможность образования семантического гештальта. Так, совокупность ассоциатов, включенных в поле НЕСЧАСТЛИВ, обнаруживает тенденцию к объединению в следующие группы, или зоны, семантического гештальта (по соображениям экономии места ассоциативное поле приводится лишь частично):

- в том, что герой несчастлив, виновата природа, так устроена жизнь на земле, что человек не может быть счастлив:

<i>злая ирония судьбы и природы</i>	<i>мы прокляты</i>
<i>о, природа! жизнь людей</i>	<i>проклята</i>
<i>все мертво</i>	<i>беда</i>
<i>кругом молчание</i>	<i>несчастье</i>
<i>вот земля!</i>	<i>судьба</i>

- но виновата в его несчастьях, как считает герой, не только слепая (NB! – «случай», «случайное скопление обстоятельств») судьба и природа; люди, человечество вообще, покинули его, отнеслись к нему несправедливо:

<i>выброшен</i>	<i>опять один</i>
<i>забыт</i>	<i>нет никого</i>
<i>отвергли меня</i>	<i>есть ли в поле жив человек</i>
<i>прогнали меня</i>	<i>никто не откликается</i>
<i>вдали от всех вас</i>	<i>люди на земле одни</i>

- да и ближайшее окружение героя, товарищи по полку, близкие люди не понимали его никогда, и он готов бросить вызов этому косному миру:

<i>меня не любили никогда, всегда и везде</i>	
<i>меня не любили товарищи</i>	
<i>меня Лукерья не может полюбить</i>	
<i>мрачная косность</i>	<i>мстит обществу</i>
<i>пусть судит</i>	<i>гласный суд</i>
<i>зачем мне ваши законы</i>	<i>к чему мне ваши обычаи</i>

- всё это вместе – природа, человечество и ближние героя – своим непониманием, нелюбовью, неумением оценить обрекают его на страдания:

<i>несчастлив</i>	<i>много жертвы</i>
<i>несчастный</i>	<i>ни капли славы</i>
<i>сколько я вынес</i>	<i>навек испорченная репутация</i>
<i>целые трагедии</i>	<i>мрачные воспоминания</i>
<i>страдать</i>	<i>страдания</i>

Эта структура получилась естественным путем, как бы сама собой вылилась из наличного состава поля таким образом, что каждый ассоциат нашел свое место в той или иной семантической зоне. Но, сложившись в такую структуру,

ассоциативное поле обнаружило тем самым скрытый в нем заряд диалогичности, оно «заговорило», воплотив потенциальную диалогичность в приведенный здесь комментарий, которым предваряется наполнение каждой зоны ее ассоциатами: структура породила толкование, структура стала источником информации, подтверждая статус ассоциативного поля как одной из форм представления знаний.

Не рискну утверждать, что в нашем кратком комментарии содержится некое «новое» знание – о данном персонаже ли, о тексте или об авторе. Но всё же на новые соображения, в частности на интертекстуальные параллели, семантический гештальт рассматриваемого ассоциативного поля наталкивает. В каждой из зон этой ассоциативной структуры, именно благодаря концентрации в ней определенной лексики, можно усмотреть переключку, если не прямую параллель, с отдельными местами и общим духом Книги Иова. Параллели эти многочисленны, и мы приведем лишь их отдельные примеры.

- *Природа и судьба как источник трагичности бытия*: Так, не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда; но человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх (гл. 5, ст. 6–7).

- *Люди, человечество*: Земля отдана в руки нечестивых; лица судей ее Он закрывает (гл. 9, ст. 24). Вот кричу: обида! и никто не слушает; вопию, и нет суда. (гл. 19, ст. 7). Ср. с этим также пассаж из текста рассказа: «Вы отвергли меня, вы, люди, то есть, вы прогнали меня с презрительным молчанием. На мой страстный порыв к вам вы ответили мне обидой на всю мою жизнь» (стр. 16).

- *Общество, ближние*: К страждущему должно быть сожаление от друга его, если только он не оставил страха к Вседержителю. Но братья мои неверны, как поток, как быстро текущие ручьи, которые черны от льда и в которых скрывается снег. (гл. 6, ст. 14–16). Покинули меня близкие мои, и знакомые мои забыли мен (гл. 19, ст. 14).

- *Личное*: о, если бы верно взвешены были вопли мои, и вместе с ними положили на весы страдание мое! (гл. 6, ст. 2). Он поставил меня притчею для народа и посмешищем для него (гл. 17, ст. 6). Совлек с меня славу мою и снял венец с головы моей (гл. 19, ст. 9). Я пресыщен унижением; взгляни на бедствие мое: оно увеличивается (гл. 10, ст. 15–16).

Этим примером с полем НЕСЧАСТЛИВ мы постарались разъяснить утверждение о естественности той внутренней структуры, к которой тяготеет данное поле, о ее диалогическом характере и о возможностях извлечения из такой структуры некоторых новых знаний, способствующих пониманию текста и его толкованию.

Однако воспринимаемое читателем поле НЕСЧАСТЛИВ несет определенную информацию не только составом своих ассоциатов и их взаимодействием – внутренней структурой, оно входит во взаимоотношения и устанавливает связи с другими ассоциативными полями в тексте, т. е. обладает внешней структурой. Внешние связи поля фиксируются его пересечениями с другими полями совпадением ассоциатов, одинаковыми ассоциатами в разных текстовых полях. Так, в поле НЕСЧАСТЛИВ мы находим ассоциаты, совпадающие с единицами поля ИСПЫТАНИЕ (*злая ирония судьбы и природы, все мертво, несчастье, судьба; потеря репутации, дело не личное, честь; мрачная косность, выброшен, гласный суд, не любила*), поля ОБИДА (*обида, отвергли, прогнали, молчание*), поля СЛУЧАЙНОСТЬ/НЕОБХОДИМОСТЬ

(случай, случайное скопление обстоятельств) и др. При этом оказывается, что в числе выделенных в тексте 56 ассоциативных полей нет полей изолированных, которые не имели бы внешних связей, не были бы связаны с другими полями. Иначе говоря, совокупность полей образует сеть взаимосвязанных множеств, которая и представляет собой ассоциативную структуру текста. Значит, ассоциативная структура текста складывается из иерархически упорядоченных двухуровневых ассоциативных связей:

- а) связей ассоциатов внутри каждого поля;
- б) связей полей друг с другом, которые проявляются в общности ассоциатов в разных полях.

Внешняя структура поля тоже сообщает определенную информацию. Это может быть информация о тексте, которая в явном или неявном виде воспринимается читателем, или информация о мире автора, который стоит за текстом. Что касается первого рода сведений, то их можно иллюстрировать на том же поле НЕСЧАСТЛИВ. Действительно, само наличие такого ассоциативного поля во всем множестве текстовых полей порождает вопрос о его противоположности: а как же СЧАСТЬЕ или СЧАСТЛИВ? Ведь эти слова встречаются в тексте неоднократно и даже применительно к самому рассказчику (*я хотел твердого счастья; я не половинщик в счастье; счастлив; страшно счастлив* и пр.). В какое же поле попадают они? Как и многие другие, эти слова распределяются не по одному ассоциативному полю (см. ЦЕЛЬ, НЕСЧАСТЛИВ, ЧУВСТВА), но сосредоточены в основном в двух полях – ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ и ЧУВСТВА, где в семантическом гештальте первого образуют вместе с другими отдельную, «диалогически» структурированную зону «Счастье и страх», а в семантическом гештальте второго помещены в рубрику «Положительные эмоции: радость». Такое распределение наводит на размышления: что же такое состояние «счастья» (в данном тексте, во всяком случае) и что такое ощущение «несчастья»?

Ответ на этот вопрос дает ассоциативное окружение этих слов. Слова «счастье», «счастлив» постоянно соседствуют в тексте (и, соответственно, оказываются рядом в структуре поля) со словами эмоционального содержания, выражающими чувства: *восторг, упоение, наслаждаться, спокойствие духа, радость, восхищать, доволен, развеселиться, восторжествовать* и др. Тогда как ассоциативное окружение слов «несчастье», «несчастлив» характеризуется не эмоциональным, а прежде всего оценочным, рассудочно-логическим содержанием: *злая ирония судьбы и природы; жизнь людей проклята; люди на земле одни; следствие нелюбви; пусть судит; к чему мне ваша жизнь; зачем мне ваши законы* и т. п. Следовательно, состояние «счастья» подано в тексте как эмоциональное переживание, которое не требует размышления, которое несовместимо с размышлением, тогда как ощущение «несчастья» в основе своей оказывается рациональным, возникающим как итог осмысления и умозаключения (*судить, следствие, ирония*), хотя и сопровождается чувством, но эмоциональный момент при этом является не главным, а лишь вносит дополнительный оттенок, создает добавочный эмоциональный фон (*злая, проклята, нелюбовь* и др.). Видимо, можно полагать даже, что это различие понятий «счастлив-несчастлив» является фундаментальным в человеческой природе и относится не столько к данному тексту или миропониманию автора, сколько к особенностям психической жизни человека.

Другая разновидность информации, которую может сообщать внешняя структура поля, относится к устройству мира, мировидению автора. Если мы обратимся к внешней структуре поля ДЕНЬГИ, например, то наше внимание не может не остановить обилие внешних связей этого поля с другими полями: мотив ДЕНЕГ пронизывает значительную часть полей в ассоциативной структуре рассказа, что свидетельствует о высокой значимости этого феномена и в сюжете данной художественной вещи, и в авторской картине мира вообще, поскольку этот мотив звучит в каждом произведении писателя. Обратимся к тексту «Кроткой» и будем иллюстрировать связь поля ДЕНЬГИ с другими полями каждый раз одним-двумя примерами (либо контекстом, в котором встречаются ассоциаты двух сравниваемых полей, либо просто общим для двух полей ассоциатом), помня, что такие связи на самом деле могут быть многочисленны. Итак, поле ДЕНЬГИ обнаруживает связи со следующими полями:

БЕДНОСТЬ – без гроша; без жалованья, из хлеба;

БЫСТРО – тотчас налег на деньги;

ВДРУГ – я предложил ей вдруг раздать все бедным, кроме основных трех тысяч, полученных от крестной матери...

ВЕЛИКОДУШИЕ – великодушие молодежи прелестно, но – гроша не стоит; подарил по сту рублей;

ВЕЩИ – на этой бедной коечке, железной кровати, которую я ей купил тогда за три рубля;

ВИНА – Не оправдываться же? Тут главное – эта касса ссуд;

ВНЕШНИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЧУВСТВ – она опять вспыхнула, но смолчала, денег не бросила;

ВОСПИТАНИЕ – закрасить роль закладчика;

ВРЕМЯ – всего мне стоило это дело рублей до трехсот, но в двое суток устроено было так...; мне нужно ... тридцать тысяч в три года...

ДОБРО/ЗЛО – они даже ее били, попрекали куском. Кончили тем, что намеревались продать;

ЖЕНИТЬСЯ – приданое сделал я;

ЗНАТЬ – она и сама знала, что цена им гривенник;

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ – мне, ей и Лукерье, которую я переманил...; доктора я позвал Шредера и платил ему по десяти рублей за визит;

ИСПЫТАНИЕ – без гроша; по гривеннику просить;

КАССА ССУД – долг, расчет, выдавать деньги

и т. д.

ХОТЕТЬ – А десять [рублей] не хотите?; мне даже хотелось на нее тратить; я имел право захотеть тогда себя обеспечить;

ЦЕЛЬ – Теперь я, стало быть, вправе был оградиться от вас стеной, собрать эти тридцать тысяч рублей...

Как видим, связи поля ДЕНЬГИ с другими полями в ассоциативной структуре текста оказались исключительно широкими: три четверти всех полей обнаружили такие пересечения, свидетельствуя тем самым о высокой значимости данного мотива в рассматриваемом тексте. Эта значимость усиливается тропеическими преобразованиями мотива ДЕНЬГИ, которые на фоне небогатой метафорики рассказа становятся особенно заметны, неявным образом воздействуя на восприятие

текста читателем и формируя его понимание. Ср.: *Бог вам заплатит, сударь; великодушные молодежи гроша не стоит; я стоил того; дешево ей достается (великодушные); подкупить воображение; чтоб дороже себя выставить; дешевый эгоист* и др.

Такое количество связей с другими полями, какое имеет в ассоциативной структуре текста поле ДЕНЬГИ, есть еще только у двух, типично «достоевских», полей – КРЕЩЕНДО и ВДРУГ. Среднее же число внешних связей ассоциативного поля равно 3 и 4, но в каждой типологической группе есть отдельные поля с сильно отклоняющимся, колеблющимся в пределах от 14 до 27, числом связей. Среди стандартного типа полей это ВРЕМЯ, из универсальных – ХОТЕТЬ, в группе сюжетных выделяется поле МОЛОДОСТЬ, а в авторских, помимо уже названных, следует отметить БЫСТРО, ИСПЫТАНИЕ и КРОТОСТЬ.

Возвращаясь к проблеме внутренней структуры ассоциативных текстовых полей, мы констатируем, что преобладающими оказываются две разновидности – структура семантического гештальта (БЕДНОСТЬ, ВДРУГ, ВЕЩИ, ВНЕШНИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЧУВСТВ, ВОСПИТАНИЕ, ВРЕМЯ и др., всего 23 поля) и лексическая структура (ВИНА, ЦЕЛЬ, ТРУСОСТЬ, СТРОГОСТЬ, ССОРА, СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ и др., всего 19 полей). Прочие разновидности ассоциативных структур представлены единичными образцами.

Итак, мы установили, что «многопольность» лексических единиц текста, т. е. распределенность одного и того же слова или словосочетания по разным полям, обязанная либо его многозначности, либо его связям на синтагматической оси, оборачивается внешними связями полей, которые и фиксируются как раз наличием одного и того же слова (словосочетания) в двух (трех, четырех и т. д.) полях. Эти внешние связи полей (в совокупности со связями слов внутри каждого поля) образуют ассоциативную структуру текста. Ассоциативная структура текста, как мы старались показать выше, обладает «двойной диалогичностью»: применяя участный анализ, исследователь интерпретирует как внутреннюю, так и внешнюю структуры поля и получает новое знание о тексте, об авторе или об особенностях восприятия текста читателем.

В заключение этого раздела следует отметить один важный момент. Итоговый набор текстовых ассоциативных полей, упорядоченный по их типам, являет собой, на наш взгляд, новую форму представления текста, с одной стороны, а с другой стороны, гипотетически, его можно расценивать как новую форму представления языка писателя, форму, родственную тезаурусу в его классическом понимании, т. е. такому способу организации вокабуляра, в котором в явном виде зафиксированы отношения между составляющими его единицами. Гипотетичность этого утверждения связана только с тем, что масштабы работы по составлению ассоциативных текстовых полей для всех произведений Достоевского – с целью построения его тезауруса – уходят далеко за горизонт представимого времени и объема работы. Но если мечтать о таком результате, то надо отдавать себе отчет, что поля должны составляться для каждого текста отдельно, и если сводимость друг к другу полей, относимых к группе стандартных или универсальных, кажется вполне допустимой, то сюжетные поля разных текстов, видимо, будут сильно пересекаться с авторскими и существенно различаться между собой.

Из перечисленных четырех типов текстовых полей в рассказе Достоевского рассмотрим далее и прокомментируем одну из групп, а именно сюжетные поля.

Интерпретация сюжетных полей

Этот цикл включает 12 имен, появление которых в большей мере, чем появление других полей, мотивировано содержанием данного текста. Сюжетные поля можно, вероятно, систематизировать разными способами. Логика предлагаемой ниже систематизации обусловлена, как нам представляется, именно развитием действия в рассказе. Поля объединяются в три группы по следующим принципам:

- выделяются некоторые факты или события, отражающие реальную обстановку, в которой протекает действие рассказа;
- характеризуются условия, с одной стороны, определяемые качествами и психологическими установками действующих лиц, а с другой, – определяющие направление, в котором развивается действие;
- фиксируются следствия, вытекающие из соединения фактов с условиями, т. е. из того, как взаимодействуют реалии с качествами и устремлениями персонажей и к каким итогам приводит это взаимодействие.

Итак,

- факты: КАССА ССУД, ЖЕНИТЬСЯ, МОЛОДОСТЬ, ОБРАЗ БОГОРОДИЦЫ;
- как, под знаком чего совершаются действия и протекают события: СТРОГОСТЬ, ТРУСОСТЬ, МОЛЧА, СПАТЬ;

- следствия: ЦЕЛЬ, НЕСЧАСТЛИВ, СМЕРТЬ, УЯСНИТЬ. Строго говоря, к числу качеств персонажей, обуславливающих данное развитие сюжета, следовало бы отнести еще по крайней мере три – КРОТОСТЬ, ГОРДОСТЬ и ВОСПИТАНИЕ. Но эти понятия, при всей их значимости для данного сюжета, обладают более общими свойствами, выводящими их за рамки одного текста: они повторяются во многих героях произведений Достоевского и потому приобретают статус полей иного типа в нашей классификации, полей авторских, или идиостилевых. Рассмотрим разновидности полей каждой из выделенных групп.

Ассоциативная аксиома поля ЖЕНИТЬСЯ («И на ней затем и женился, чтобы ее за то мучить») сразу задает перспективу структуре поля, определяя его внутреннюю противоречивость, которая находит выражение в двойной перемене знака – «плюса» на «минус» и «минуса» снова на «плюс»: *жениться – разорвать брак – снова сойтись*. Семантический гештальт поля, сформированный с учетом «деперсонализации», вмещает все этапы брака, распределяя относящуюся к ним лексику по шести зонам:

I. Синонимическая группа имени поля: *жениться, ввести в свой дом, сделать другом...*

II. Общая характеристика состояния в браке: *верная жена, настоящий муж, с семьей, супружеские права...*

III. Сваговство: *невеста, брать барышню, наглядеть, присвататься, сговариваться, брачное предложение...*

IV. Свадьба: *свадьба, свидетели, приданое...*

V. Разрыв: *разорвать брак, не легла со мной, стали друг другу чужды, разлука...*

VI. Опять сойтись: *точка соединения, опять приучиться, хорошо бы жить, начать новую жизнь...*

Похожим образом устроено относящееся к той же подгруппе поле МОЛОДОСТЬ. Наполняющая его лексика образует шесть семантических зон: синонимы имени поля, внешность, возраст, незнание жизни, поведение, свойства характера. «Диалогичность» поля особенно выразительно представлена в последней из перечисленных зон, которая строится парными противопоставлениями: *великодушна – прямолинейность, великодушие – в кривую сторону, искренно – заносчиво, искренность – дешевые убеждения, добра – предубежденность, простодушие – истерический, прекрасные сердца – мало терпимости.*

Неоднозначность реалии КАССА ССУД передана оценками самого закладчика: с одной стороны, он с ее помощью должен «обеспечить себя», а с другой, – «такое занятие», «ненавидел эту кассу ссуд первый». ОБРАЗ БОГОРОДИЦЫ появляется впервые как закладная «вещь», призванная спасти Ее от произвола теток, которые «намеревались продать» ее лавочнику, а «уходит» со страниц рассказа вместе с уходом из жизни героини.

Таким образом, уже сами «факты», на которых стоит сюжетная конструкция, заряжены неоднозначностью, чреватые потенциальным внутренним взрывом, который и происходит под воздействием «условий», создаваемых особыми качествами героев.

Раскрывающие эти качества поля СТРОГОСТЬ, ТРУСОСТЬ, МОЛЧА и СПАТЬ не формируют семантического гештальта, а упорядочивают свой состав в рамках простой лексической структуры и, на первый взгляд, не содержат внутреннего противоречия, свойственного полям предыдущей подгруппы. Однако при ближайшем рассмотрении каждое из них оборачивается на деле своей противоположностью. СТРОГОСТЬ после того, как «пелена упала с глаз» закладчика, превращается в нежность и бурные проявления любви; ТРУСОСТЬ оказывается была смелостью и подвигом («Знайте, – не удержался я тут, – что восстать действием против такой тирании и принять все последствия – значило выказать гораздо более мужества, чем в какой хотите дуэли» – стр. 18); МОЛЧАНИЕ превращается в пространные разговоры, объяснения, исповедь («Поговорим... знаешь... скажи что-нибудь... Я не скрыл... Я прямо высказал... Я ей разяснил... Я ей объяснил... Вообще я говорил большей частью как в горячке... Я ей всё про меня и про нее рассказывал» – стр. 30); СПАТЬ выливается в постоянное бодрствование: рассказчик сравнивает себя с приговоренными к смертной казни, которые «чрезвычайно, говорят, крепко спят в последнюю ночь», но с ним этого не происходит («Я лег на диван, но не заснул» – стр. 22; «Лучше бы спать лечь... Не заснул» – стр. 12).

Если посмотреть теперь на перечисленные качества под этим углом зрения, квалифицировав их как СТРОГОСТЬ, мужество и индивидуальный ПОДВИГ (ср.: «Нет, возьмите-ка подвиг великодушия, трудный, тихий, неслышный... попробуйте-ка этот подвиг... я только всю жизнь и делал, что носил этот подвиг» – стр. 14), МОЛЧАНИЕ и БОДРСТВОВАНИЕ, а также постоянную МОЛИТВУ («Молился на коленях пять минут, а хотел молиться час...» – стр. 22; «Я становился молиться Богу, но вскакивал опять» – стр. 29), можно прийти к заключению, что в них зашифрованы основные принципы русской аскезы, религиозного отшельничества, удаления от мира (ср.: «Теперь я вправе оградиться от вас стеной» – стр. 16; Я отделяюсь – стр. 35), принципы православного исихазма,

или священнобезмолвия (см. [Хоружий 1998]). Таким образом, «фактам», жизни – МОЛОДОСТИ, ЖЕНИТЬБЕ, мирской деятельности (ростовщичеству), т. е. КАССЕ ССУД, противостоит несовместимая с ними скрытая аскеза как неявный идеал, как жизненная установка закладчика (ср. также его стремление к жесткой «экономии»). Это противостояние и есть скрытая пружина конфликта в сюжете рассказа, которая закономерно приводит к итогу, обозначенному четырьмя последними полями сюжетного характера, – ЦЕЛЬ, НЕСЧАСТЛИВ, СМЕРТЬ и УЯСНИТЬ.

Поле НЕСЧАСТЛИВ мы рассмотрели ранее. Обратим далее внимание на ту трансформацию, которой подверглась ЦЕЛЬ главного действующего лица после того, как изменился он сам, отринув свои аскетические идеалы и провозгласив необходимость начать «новую трудовую жизнь» (*начнется всё новое, новое наше солнце, новая жизнь, насадил бы рай кругом тебя*). Это преобразование ЦЕЛИ от «собрать тридцать тысяч и окончить жизнь где-нибудь в Крыму» до «раздать всё бедным и начать новую жизнь» находит отражение в лексической структуре поля, где по частоте употребления на первое место выходит *Булонь* как символ «нового».

Мотивом смерти открывается повествование, мотивом смерти оно заканчивается. Смерть в рассказе выступает в разных обличьях: человек может умереть естественной смертью, как крестная мать рассказчика, оставившая ему средства к существованию; его могут убить, например, застрелить из револьвера, и через испытание угрозой такой смерти прошел наш герой; он может быть приговорен к смертной казни и казнен, о чем вспоминает опять-таки рассказчик; наконец, он может сам покончить с собой, как сделала это Кроткая подобно многим другим персонажам Достоевского. Семантический гештальт поля СМЕРТЬ включает все эти возможности, формируя в структуре поля четыре соответствующие зоны. Две другие зоны, завершающие организацию гештальта, отведены понятию «мертвый», которое важно в сюжетном плане, поскольку закладчик ведет свое повествование, находясь в комнате рядом с телом жены (*унести, гроб, все мертво, лежит на столе, мертвая, мертвец, слепая, белый гроденапель, похоронить, хоронить*), и понятию, смерть отрицающему, – понятию «жизнь».

Последнее включено сюда не просто потому, что законы организации ассоциативного поля требуют введения в него антонимов. Смерть, согласно традиции исихазма, является заключительным этапом «обожения», приближения к Богу в иной, потусторонней жизни. Достоевский, который много размышлял о проблеме смерти и бессмертия, который, по воспоминаниям современников, мог специально пойти в церковь, чтобы присутствовать на отпевании совершенно незнакомого человека, вглядываясь в его лицо и силясь осмыслить этот переход в инобытие, следующим образом, как считает исследователь его творчества, подвел итог своим размышлениям: «Все миры, сосуществующие в вечности и доступные человеку в его бессмертии, несовершенны по-своему и по-своему частично реализуют идеал, но полностью этот идеал не воплощен ни в одном из них... Бессмысленно уповать на посмертное совершенство, на свою причастность идеалу после земной жизни, в том бытии, как и в этом, земном, для человека главным останется постоянное стремление к идеалу и усилия по преобразению несовершенного бытия» (см. [Евлампиев 1998]).

Ассоциативное поле УЯСНИТЬ является одним из центральных в структуре текста. Под знаком УЯСНИТЬ построен весь дискурс закладчика, и это устремление,

это состояние хорошо вписывается в основные принципы исихастской традиции, соответствующей «модусу трезвения», т. е. высокой концентрации, сфокусированной интроспекции (см. [Хоружий 1998: 56]). Рассказчик постоянно настраивает себя на то, чтобы «собрать мысли в точку». Ассоциативная аксиома поля прямо нацеливает читателя на раскрытие этого «модуса трезвения», в котором пребывает главный герой: «Я всё хожу и хочу уяснить себе это. Вот уже шесть часов, как я хочу уяснить и всё не соберу в точку мыслей» (стр. 6). Ассоциативная структура поля не образует семантического гештальта, и наполняющая его лексика естественным, не насильственным, «участным» образом организуется лексическими (синонимы и квазисинонимы) и морфологическими (деривационные гнезда) закономерностями, образуя гнезда слов с корнем *-ясн-* (*объяснить, уяснить, пояснить, разъяснение...*) и их синонимами (*собрать мысли в точку, усвоить, смысл, осмыслить...*) и с корнем *-поня-/поним-* (*понять, понимать, понятно, понятое, понимание, не понимать...*), а также синонимами (*вдруг упало с глаз, вникнуть, прочел, прозреть, постичь, с полным сознанием...*).

И хотя во введении автор осторожно («по крайней мере») предуведомляет читателя, что «Истина открывается несчастному определительно, по крайней мере для него самого» (стр. 5), читатель едва ли согласится с ним, поскольку сам остается в неведении относительно самой последней истины. И в этом – весь Достоевский, поскольку фундаментальная неопределенность и дисгармония – главные параметры реальной жизни, которую он отображает художественными средствами: ведь если бы проблему можно было сформулировать в виде ясного и определенного тезиса, отпала бы сама необходимость художественного творчества, утратило бы смысл само искусство.

Таким образом, интерпретация группы сюжетных полей в ассоциативной структуре рассказа отчетливо выявляет организующую роль метатекста – концепции православного исихазма, скрытого за внешней канвой событий, переживаний и мучительных размышлений главного действующего лица – закладчика-рассказчика.

Итоги

Поставив исследовательскую задачу – рассмотреть возможности ассоциативного анализа художественного текста, мы в качестве теоретической базы опирались на положения ассоциативной лингвистики, представленной в современном ее состоянии ассоциативной лексикографией, ассоциативной лексикологией и ассоциативной грамматикой. Согласно этим положениям язык может быть представлен не только в виде сети системных отношений (системы систем), не только в виде очень большой совокупности текстов, но также и в виде ассоциативно-вербальной сети, соотносимой с языковой способностью носителя языка. Вычленяемая исследователем структура ассоциативно-вербальной сети складывается из последовательно усложняющихся и иерархически подчиненных уровней: слово и словосочетание, ассоциативное поле (со своей специфической внутренней структурой), группа, или объединение нескольких полей, ассоциативно-вербальная сеть в целом. На фоне такого – разрабатываемого ассоциативной лингвистикой – представления язык выстраивает изоморфное ему ассоциативное пространство текста.

Для перехода к ассоциативному пространству текста необходимо было методически обосновать возможность построения ассоциативных полей из

линейной последовательности слов и словосочетаний, которая дана нам в тексте, и такая методика, использующая принцип двунаправленного движения – от текста к полю и от поля к тексту – разработана. Одновременно уточнен статус текстового ассоциативного поля, которое рассматривается как один из способов представления знаний, наряду с фреймом, скриптом и сценарием. Предложенная в нашей работе типология ассоциативных текстовых полей исходит из двух измерений: а) из соотнесения реально выделенных на тексте полей с существующими в лингвистике описаниями родственных им «одноименных» семантических полей и лексико-семантических групп; б) из различия двух разновидностей полей (знаний) – полей-рецептов и полей-ретушей. Первые несут существенное, важное, основное, с точки зрения содержания текста, знание, тогда как вторые сообщают второстепенные, «необязательные» сведения, которые при анализе текста, например, по «ключевым словам», свертываются, опускаются, не учитываются. Специфика ассоциативного анализа в том, что при его применении к художественному тексту необходимо учитывать всё, и при этом оказывается, что поле-ретушь (как, например, поле КРЕЩЕНДО в тексте «Кроткой») позволяет вскрывать и анализировать тончайшие стилистические особенности в организации исследуемого текста.

Применение изложенных теоретических и методических положений к конкретному тексту – рассказу Достоевского «Кроткая» – привело к построению ассоциативного пространства, или ассоциативной структуры, этого текста в виде сети 56 ассоциативных полей.

Комментирование состава, внутренней структуры отдельных полей и взаимодействия полей (т. е. их внешней структуры) составило второй этап ассоциативного анализа – интерпретацию текста на основе его ассоциативной структуры. В ходе толкования различных особенностей построенного ассоциативного пространства обнаружены такие стороны рассматриваемого художественного текста, которые ранее не отмечались исследователями. В частности, показано существование метатекста, отмечены новые интертекстуальные связи (в частности, переключки элементов текста с Книгой Иова), прослежено распространение феномена «диалогичность», свойственного прозе Достоевского, также на внутреннюю структуру ассоциативных текстовых полей.

Литература

- Барлас В.* Ассоциативный поиск // Новый мир. – 1986. – № 7. – С. 228-239.
- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советский писатель, 1963. – 363 с.
- Евламтеев И.И.* Кириллов и Христос. Самоубийцы Достоевского и проблема бессмертия // Вопросы философии. – 1998. – № 3. – С. 18-34.
- Залевская А.А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1977. – 83 с.
- Зноев Н.И.* Семантические поля и семантическая многоплановость (на материале поздних произведений Ф.М. Достоевского): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1980. – 23 с.
- Караулов Ю.Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. – М.: Русский язык, 1993. – 330 с.

Караулов Ю.Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // Вестник Российского университета Дружбы народов. Сер. Филология. Журналистика. – 1994. – № 1. – С. 14-26.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – С. 190-218.

Караулов Ю.Н. Словарь языка Пушкина и эволюция русской языковой способности. – М.: Наука, 1992. – 180 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 192 с.

Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошенко. – М.: Политиздат, 1985. – 430 с.

РАС-1: Русский ассоциативный словарь. Кн. 1: Прямой словарь: от стимула к реакции. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 224 с.

РАС-2: **Русский ассоциативный словарь. Кн. 2: Обратный словарь: от реакции к стимулу.** Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: ИРЯ РАН, 1994. – 358 с.

РАС-3: **Русский ассоциативный словарь. Кн. 3: Прямой словарь: от стимула к реакции.** Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть II / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – 212 с.

РАС-4: **Русский ассоциативный словарь. Кн. 4: Обратный словарь: от реакции к стимулу.** Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть II / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – 324 с.

РАС-5: **Русский ассоциативный словарь. Кн. 5: Прямой словарь: от стимула к реакции.** Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть III / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: ИРЯ РАН, 1998. – 204 с.

РАС-6: **Русский ассоциативный словарь. Кн. 6: Обратный словарь: от реакции к стимулу.** Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть III / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: ИРЯ РАН, 1998. – 324 с.

Савранский И.Л. Роль ассоциативности в словесном искусстве: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1970. – 26 с.

Титова Л.Н. Киргизско-русский ассоциативный словарь. – Фрунзе: Мектеп, 1975. – 95 с.

Ульянов Ю.Е. Латышско-русский ассоциативный словарь. – Рига: Зинантне, 1988. – 187 с.

Хоружий С.С. Подвиг как органон. Организация и герменевтика опыта в исихастской традиции // Вопросы философии. – 1998. – № 3. – С. 35-118.

Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. – М.: ИРЯ РАН, 1995. – 120 с.

А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский

УДК 81'373

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ИДИОМ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР

В работе рассматривается внутренняя форма фразеологизмов определенного типа – конструкций, состоящих из относительного местоимения и приместоименного выражения (ср.: *кто/что/где/когда/как угодно*). Показывается, что внутренняя форма фразеологизмов-конструкций регулярно влияет на выбор варьируемого компонента, на семантику и сочетаемость.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизмы-конструкции, внутренняя форма, ограничения на сочетаемость, русский язык.

Anatoly N. Baranov, Dmitry O. Dobrovol'skij

THE INNER FORM OF IDIOMS AS A SYSTEM-ORGANIZING FACTOR

The paper discusses the inner form of constructional phrasemes of the type [relative pronoun + idiomatic expression]; cf.: *kto/čto/gde/kogda/kak угодно*. We claim that the inner form regularly influences the semantics and co-occurrence of these phrasemes as well as the choice of the variable constituent.

Keywords: phraseology, constructional phrasemes, inner form, combinatorial constraints, Russian.

Особенность творчества Юрия Николаевича – внимание к нетривиальным аспектам системы языка и специфическим сферам его функционирования. В этом ряду стоят такие феномены, как прецедентные тексты, особенности понимания текста автором и читателем, характерологическая лексика, составляющая основу мировидения писателя (ср. многолетний проект по исследованию и словарному описанию идиоглосс Достоевского). Внутренняя форма лексических единиц стоит в ряду этих не вполне традиционных объектов лингвистического анализа.

В этой статье мы покажем, что внутренняя форма представляет собой регулярный фактор, организующий определенные фрагменты фразеологической системы. Проиллюстрируем этот тезис с помощью выражений типа *что угодно, кто угодно, где угодно, что попало, кто попало, что придется, что ни попадя* и пр., являющихся фразеологизмами-конструкциями. С одной стороны, в их семантике есть нечто общее. Это идея случайности выбора. С другой стороны, они обнаруживают явные различия в сочетаемости, которые семантически мотивированы. Так, можно сказать *ходит в чем попало*, но странно сказать *ходит в чем угодно*. Или фраза *понаехали откуда ни попадя* не вызывает сомнений, а выражение **понаехали откуда душе угодно* невозможно.

Под фразеологизмами-конструкциями мы понимаем синтаксически автономные выражения устойчивого состава, в которых пропущены некоторые элементы (актанты – обычные или пропозициональные). Причем фиксированные элементы конструкции, вместе с ее синтаксисом, характеризуются единым лексическим значением. В рассматриваемом случае мы имеем дело с особым типом конструкций. Их структура включает константный компонент (*угодно, душе угодно, бог на душу положит* и пр.) и обозначение переменной, выраженное относительным местоимением. В отличие от других конструкций типа *X – он и в Африке X* (*туз – он и в Африке туз*), валентность, имеющаяся в рассматриваемых конструкциях, не заполняется актантом. Иными словами, контекстная реализация выражения *что душе угодно* (как и других аналогичных форм) не предполагает в рамках речевого акта конкретного выбора актанта.

Группа выражений типа *что угодно, кто угодно, где угодно, что попало, кто попало, что придется, что ни попадя* и пр. структурно негомогенна. В одних случаях они состоят из обозначения переменной (относительного местоимения) и идиомы (ср.: *что + душе угодно*), а других – из относительного местоимения и слова (ср.: *что + придется*). Иными словами, хотя все эти фразеологизмы являются конструкциями, состоящими из относительного местоимения и приместоименного выражения (ср.: *кто/что/где/когда/как угодно*), в случаях, когда такое приместоименное выражение развернуто (типа *душе угодно, бог на душу положит, попадется под руку*), мы имеем дело с конструкциями, в структуру которых вложена идиома.

Так, неоднословный константный компонент конструкции *что душе угодно* имеет статус идиомы: *что*_{обозначение переменной} *душе угодно*_{константный компонент}. Действительно, этот константный компонент устойчив, неоднослоven и семантически переосмыслен, то есть сочетание *душе угодно* образовано не в результате аддитивного сложения смыслов, выражаемых соответствующими компонентами. Известны похожие случаи, когда идиома входит в состав коллокаций. Например, в коллокации *работа не бей лежачего* компонент *работа* – это база коллокации, а *не бей лежачего* – это коллокатор, выраженный идиомой.¹

В данной статье основное внимание обращается не на структурные особенности данной группы выражений, а на их семантику и прагматику, в особенности на влияние внутренней формы на актуальное значение.

Фразеологизмы-конструкции данного типа следует также отличать от схожих по форме идиом (в том числе в составе придаточных предложений), вводимых соответствующими местоимениями. Ср., с одной стороны, контексты типа – *Ты когда придешь? – ?Да когда бог пошлет*² и контексты типа *Матушка попадя также пила допьяна всякий раз, когда бог пошлет* (Герцен, Былое и думы) – с другой. Из приведенного примера видно, что мы имеем дело с двумя различными формами: с конструкцией *когда бог пошлет* (в состав которой входит идиома *бог пошлет*) в значении неопределенного момента времени и с идиомой *бог пошлет* в сочетании с союзным словом *когда*. Идиома *бог пошлет* имеет в этом случае другое значе-

¹ Отметим, что возможен и противоположный случай, когда в идиому входит коллокация. Так, выражение выпала счастливая карта является идиомой, при том что счастливая карта в контексте карточной игры – коллокация.

² Неудачность сочетания *бог пошлет* с *когда* в составе рассматриваемых здесь конструкций обсуждается ниже.

ние и используется в контекстах самых различных типов – не обязательно в составе придаточных. Ср., например: – *Что есть-то будем?* – *Да бог пошлет что-нибудь*. Идиомы такого типа здесь не рассматриваются.

Итак, объектом исследования в данной статье выступают выражения типа *угодно, душе угодно, ни попадя, (ни) попало, придется, попадетя, под руку попадетя, бог пошлет*, регулярно образующие с помощью относительных местоимений *что, кто, какой, где, куда, откуда, когда, как и сколько* фразеологизмы с частично предсказуемой семантикой³. Семантически фразеологизмы-конструкции одного ряда (с одним и тем же местоимением) очень близки, ср. ряды *что (душе) угодно, что ни попадя, что попало, что придется, что попадетя под руку, что бог пошлет* и *где (душе) угодно, где ни попадя, где попало, где придется*. Однако регулярность и предсказуемость этих форм оказывается неполной в двух смыслах. Во-первых, эти фразеологизмы не являются полными синонимами, а во-вторых, соответствующие ряды оказываются дефектными, ср. Таблицу 1. И первое и второе, как мы покажем ниже, объясняется различиями во внутренней форме этих выражений.

Таблица 1. Сочетаемость константного компонента с относительным местоимением

	угодно	душе угодно	ни попадя	(ни) попало	придется	попадетя (под руку)	бог пошлет
что	+	+	+	+	+	+	+
кто	+	–	+	+	+	+	+ ⁴
какой	+	+	+	+	+	+	+
где	+	–	+	+	+	–	+
куда	+	+	+	+	+	–	+
откуда	+	–	+	+	+	–	–
когда	+	–	–	–	+	–	–
как	+	+	+	+	+	–	+
сколько	+	+	–	–	–	–	–

На первый взгляд, нерегулярность заполнения клеток таблицы представляется произвольной и объясняется исключительно узусом. Однако привлечение знаний об особенностях внутренней формы фразеологизмов и о семантике относительных местоимений позволяет сформулировать некоторые содержательные обоснования наблюдаемого феномена.

Оговоримся, что указанные в таблице запреты сплошь и рядом нарушаются в русскоязычном интернете. Это связано с почти полным отсутствием нормирования в этой сфере бытования русского языка. Впрочем, указанные ограничения сочетаемости проявляются в частоте употреблений соответствующих форм: в случае запретов частота на порядок ниже, чем в случае разрешенных словосочетаний. Корпусы текстов, в частности Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ), дают более точную оценку.

³ В рассматриваемых ниже сочетаниях данные местоимения естественнее интерпретировать как относительные, чем как вопросительные, поскольку исследуемые выражения не имеют типичных характеристик вопроса.

⁴ Именительный падеж местоимения *кто* в составе идиомы *кого бог пошлет* по очевидным причинам невозможен: позиция подлежащего уже занята компонентом ‘бог.’

Следует также иметь в виду, что запреты на сочетаемость в клетках таблицы касаются только конструкций рассматриваемого типа, а не придаточных предложений с омонимичной формой, вводимых союзными словами, омонимичными соответствующим относительным местоимениям (см. по этому поводу выше). Схожая омонимия наблюдается и в других фрагментах фразеологической системы. Так, И.А. Мельчук (см. [Мельчук 2012]), обсуждая выражения типа *черт/бог/хрен знает кто/что/где/куда...*, обращает внимание на принципиальную зависимость их лексического значения от синтаксического окружения. Например, семантика идиомы *черт знает куда* в предложении [*Она уехала*] *черт знает куда* существенно отличается от семантики выражения *черт знает, куда...* в предложении типа *Черт (ее) знает, куда [она уехала]*. См. также [Буй 1995: 33–35], где подобные формы уже последовательно были разведены как разные значения.

Приведем еще один характерный пример. Сочетание слов *сколько* и *придется*, казалось бы, совершенно нормально, что в частности отмечается в [Левонтина, Шмелев 2005: 650]. Между тем, из-за омонимии указанного типа легко спутать гипотетический фразеологизм **сколько придется* в возможном значении ‘неизвестно сколько именно, скорее много’ и реально представленное в речи регулярное сочетание слов *сколько* и *придется* в высказываниях типа: *Сколько мне еще придется ждать вас?*, а также – *Сколько придется, столько и проживете*, – сказал Коминт. – *Бандеровцы вон по сорок лет в сχροнах сидели...* (Лазарчук, Успенский, Посмотри в глаза чудовищ). Ср. также приводимый в статье (см. [Левонтина, Шмелев 2005: 650]) пример из Л.Н. Толстого: *Когда речь зашла о том, кому сколько земли дать, портной сказал, что обложить всех надо поровну, что не надо брать лишнего с наемщиков, а сколько придется*. Ясно, что в последних примерах речь не идет о неопределенном, как правило, большом количестве, а о регулярном соположении смыслов, то есть \approx ‘ровно столько, сколько стоит соответствующая услуга’ (ср. близкие по семантике употребления глагольной формы *придется*: *В результате на каждого придется по сто рублей*). Отметим, что приводимый там же пример из М. Веллера *Так хоть любить настоящего мужчину, уж сколько придется* стилистически не вполне приемлем.

Аналогично выражение *сколько бог пошлет* возможно лишь как идиома, образующая придаточное предложение, а не как конструкция рассматриваемого типа. Ср. следующий контекст: *Пусть меня не поймут превратно: выступая в поддержку программы «Планирование семьи», я признаю право и желание каждого иметь столько детей, сколько Бог пошлет* (Независимая газета), в котором выражение *сколько бог пошлет* употребляется не как фразеологизм-конструкция со значением неопределенности, а как идиома, зависящая от слова *столько* в главном предложении. Слово *столько* при этом может отсутствовать, но подразумеваться: *В те благодсловенные времена, когда ни театра, ни труппы МХАТ еще не было, здесь Немирович сочинял репертуар из одних современных пьес, Чехов удил, а Станиславский женился. Вот и мы, не мудрствуя лукаво, под каждый кустик, в каждый уголок, да по бережкам тихоструйной Клязьмы, навывускаем станиславских и немировичей, сколько Бог пошлет* (Независимая газета).

Данная идиома значит нечто вроде ‘столько, сколько окажется в распоряжении субъекта в результате действия факторов, осмысляемых как действие сверхъестественных сил, не зависящих от человека’. Если представленные в таблице конструкции *сколько угодно* и *сколько душе угодно* скорее связаны с идеей большого

количества чего-либо, то идиома *сколько бог пошлет* может характеризовать как большое количество, так и малое (см. примеры выше).

Из таблицы видно, что компоненты *угодно* и *придется* обладают самой широкой сочетаемостью. Как показывает анализ материала, формы *что угодно, какой угодно, где угодно* и пр. приемлемы и реально представлены в узусе. Что касается сочетаемости с *придется*, то, как видно из таблицы, имеется лишь одно исключение: сочетание *сколько придется* в интересующем нас значении неупотребительно. Ср. странный контекст – *Можно я возьму добавки?* – **Да, бери сколько придется* при норме *Да бери сколько угодно*. Дело в том, что форма *придется* указывает на внешнее ограничение ресурса, не связанное с желанием субъекта. В принципе такой смысл выразить можно – *Бери, сколько дают*. Но эта форма, во-первых, в данной ситуации невежлива, и, во-вторых, не входит в исследуемый ряд выражений. Реплика *Сколько угодно / Сколько душе угодно* в данной ситуации приемлема потому, что в ней возможные ограничения ресурса определяются только желаниями субъекта, что естественно в описываемой ситуации. Тем самым, актуальное значение фразеологизмов рассматриваемого ряда в существенной степени зависит от внутренней формы.

Интересно отметить, что фразеологизмы *сколько угодно* и *сколько душе угодно* обладают не тем значением, которое можно было бы ожидать, исходя из аналогии с рядом *что/где/куда (душе) угодно*, то есть нечто вроде ‘безразлично сколько’, а ‘у меня этого ресурса много’, а значит ‘сколько бы ты ни взял, у меня хватит’.

Данное выражение допускает и «нересурсное» употребление, что объясняется еще большей дистанцией актуального значения от внутренней формы. Ср.: *Я знал это место. Два пивных ларька, а между ними рюмочная. Неподалеку от театрального института. Действительно, пьяных сколько угодно* (Довлатов, Чемодан). В данном случае идея желаний субъекта практически пропадает из актуального значения, сохраняется лишь идея ‘много’.

Возвращаясь к анализу таблицы, отметим дефектность ряда идиом с компонентом *попадется под руку*. Здесь объяснение очевидно: внутренняя форма этого компонента указывает на предметность. Ср. возможное толкование идиомы *что под руку попадет* (i) для контекстов типа (1).

(i) **ЧТО ПОД РУКУ ПОПАДЕТСЯ** (кому-л.) ‘любой объект, случайно оказавшийся в пределах непосредственной физической досягаемости’⁵

(1) **а.** По ночам прокрадывался к деревьям, воровал *что под руку попадет*, в конце концов появились у него керосиновая лампа, деревянный топчан с матрасом, набитым соломой, появились лопата, топор и прочие мелкие инструменты (Войнович, Замысел); **б.** – Надо разыскать на станции пять старых теплушек, загрузить их песком, камнями, железом – *что под руку попадет* (Васильев, Дом, который построил Дед); **в.** Думаю – по типу и цвету лица думаю – не только потребляет, но и злоупотребляет: политура, тройной одеколон, *что под руку попадет* – работа такая, аж закачаешься, не то что пить станешь! (В. Соловьев, Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами); **г.** Или, наоборот, сидит, рта не раскрывает, слушает все, слушает, потом – шарах на пол *что под руку попадет* (Киреев, Год лебедей).

⁵ Значение форм *кто попадет под руку* и *какой попадет под руку* можно описать на основе данного толкования.

Иными словами, то, что может попасться под руку, не может быть ни временем, ни местом, ни способом действия, ни количеством. Тем самым, выражение *попадетсЯ под руку* образует идиомы только с местоимениями *что, кто* и *какой*. В последнем случае нет никакого противоречия, так как указание на свойство отсылает к соответствующему предмету, ср.: *Взял стакан – какой под руку попался – и нашл себе воды*. Выражение *попадетсЯ под руку* передает идею произвольного движения руки, предполагающего единственность попадания, то есть попадания на какой-то единичный объект. Отсюда следует запрет на множественность. Действительно, множество в наивном понимании состоит из многих элементов и попасть рукой одновременно на все или многие элементы нельзя. Тем самым, сочетание с местоимением *сколько* было бы нелогичным. Запрет на сочетаемость *попадетсЯ под руку* с местоимением *когда* также мотивирован внутренней формой. Метафора пространства не сочетается с метафорой времени (хотя пространство легко переосмысливается как время).

Отметим, что форма *кто попадетсЯ под руку* (в том числе и в составе придаточного предложения) семантически не идентична форме *кто попадетсЯ*. Так, вполне можно сказать:

– *Кому доказываешь?.. – Мне всё равно. Кто попадетсЯ. Толпе в метро. Ментам. Им чаще всего* (Волков, Ликвидаторы);

и плохо:

– *Кому доказываешь?.. – Мне всё равно. ?Кто попадетсЯ под руку.*

Семантическое различие объясняется внутренней формой: присутствие в образе идеи руки высвечивает смысл инструментальности. Если речь идет о неодушевленной сущности, то это всегда что-то, что можно взять руками. Если же это человек, то скорее имеется в виду физическое воздействие. Ср.: *наш сержант в подпитии бил всех, кто попадетсЯ под руку*. Тем самым, гипотетический вариант понимания не вполне корректной фразы [*Мне все равно.*] ?*Кто попадетсЯ под руку* сводился бы к тому, что говорящий доказывает что-то всем, на кого он может физически воздействовать.

Форма *что/кто попадетсЯ* отличается от только что проанализированного выражения *что/кто попадетсЯ под руку* идеей личной сферы.

(ii) **ЧТО ПОПАДЕТСЯ** (кому-л.) ‘любой объект, случайно оказавшийся в пределах личной сферы’

В толковании отсутствие инструментальности передано идеей присутствия в личной сфере, а не идеей присутствия в пределах непосредственной физической досягаемости (см. выше толкование идиомы *что под руку попадетсЯ*). Идея личной сферы в большей степени связана с психологическими характеристиками, а непосредственная физическая досягаемость – это то пространство, которое контролируется руками человека.

Еще одна особенность образования выражений этой группы – дефектность ряда с некоторыми местоимениями, чаще всего с местоимениями *когда* и *сколько*. Эта дефектность связана как со значением местоимений *когда* и *сколько*, так и со значением компонентов *ни попада, (ни) попало, попадетсЯ, попадетсЯ под руку*, реализующимся в соответствующих конструкциях, то есть с внутренней формой. Дело в том, что компоненты *попада, попало, попадетсЯ под руку* связаны с идеей пространства. Особенности сочетаемости форм *попадетсЯ под руку* и *попадетсЯ*

в составе фразеологизмов *кто/что/какой попадетя под руку* и *кто/что/какой попадетя* были только что рассмотрены. А что касается выражений *ни попадя*, (*ни*) *попало*, они также не сочетаются с относительными местоимениями *когда* (время) и *сколько* (количество) в первую очередь из-за пространственности метафорического образа.

Запрет на сочетаемость местоимения *когда* со словом *попало* и словосочетанием *ни попадя* не имеет абсолютного характера, относясь к сфере семантики слабых взаимодействий. Эффекты такого рода ощутимы только на материале репрезентативных корпусов. Так, нормальная сочетаемость *когда* *угодно* и *когда* *придется* может быть проиллюстрирована 207 и 140 контекстами из НКРЯ соответственно (на 9 апреля 2015 года). А сочетание *когда* *попало* встречается в НКРЯ лишь 9 раз, сочетание же *когда* *ни попадя* – вообще только 3 раза. Ср.: *Людмила послушалась, – и уже стала приходить когда попало* (Сологуб, Мелкий бес); *Тут надо сказать, что не было в жизни Вари ничего более раздражающего, чем мать, которая приставала со всякой ерундой, являлась когда ни попадя, клянчила деньги, одним словом, торчала, как кость в горле* (Щербакова, Ангел Мертвого озера). Подчеркнем, что приведенные контексты стилистически (с точки зрения носителя современного русского языка) не вполне удачны.

Возвращаясь к обсуждению сочетаемости форм *ни попадя*, (*ни*) *попало* со словом *сколько*, отметим, что запрет на множественность связан с тем, что компоненты *попадя*, *попало* реализуют идею бросания. Бросая что-то, мы скорее случайно попадаем на какой-то единичный объект, чем на множество (см. также выше). Ср.:

(iii) **ЧТО ПОПАЛО** ‘что-л., что случайно оказалось в пределах физической досягаемости, осмысляемое как результат произвольно сделанного выбора – как если бы выбор объяснялся непрецельным бросанием, – в том числе и выбора чего-то такого, что абсолютно не подходит для данной цели’

(iv) **ЧТО НИ ПОПАДЯ** ‘что-л., что случайно оказалось в пределах физической досягаемости, осмысляемое как результат абсолютно произвольно сделанного выбора – как если бы выбор был основан на бросании, цель которого не поддается объяснению, – в том числе и выбора чего-то такого, что абсолютно не подходит для данной цели’

(2) **а.** Будто смертельные враги, сошлись артельщики средь избушки, схватились, испластали вмиг друг на дружке рубахи, рычали по-собачьи, хватались за горло; царапались, хрястали кулаками во **что попало** (Астафьев, Царь-рыба); **б.** Читаю телеграмму и валюсь на пол в корчах и истерике, бьюсь головою обо **что попало**, подохнуть желаю на месте, и нету снова в глазах моих света, а в ушах звука – контузия вернулась... (Алешковский, Синенький скромный платочек); **в.** Мой-то как зенки зальет, так сразу за ухват либо за кочергу и давай крушить **что ни попадя**, тарелки в доме целой уж не осталось (Войнович, Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Компонент толкования ‘в том числе и выбора чего-то такого, что абсолютно не подходит для данной цели’ является семантическим следствием случайности выбора: ясно, что неразборчивость в постановке цели приводит к непригодности результата. Однако экспликация такого следствия в толковании необходима, поскольку оно не является обязательным.

Есть и другие ограничения, связанные с концептуализацией пространства и времени. Например, концептуализация пространства предусматривает возможность движения по различным путям. Временные отношения такой свободы в переосмыслении не допускают. Отсюда и ограничения на использование компонентов *ни попадя*, (*ни*) *попало* с местоимением *когда*.

В [Левонтина, Шмелев 2005: 649] отмечается, что формы с *ни попадя* отличаются от форм с *попало* «идеей еще большего разброса (это связано с усилительным *ни*)». В предложенных толкованиях это различие передается компонентами ‘неприцельное бросание’ vs. ‘бросание, цель которого не поддается объяснению’. Семантическая свертка ‘неприцельное бросание’ оказывается менее интенсивным способом выражения смысла, чем развернутое придаточное определительное.

Замечание: Фразеологизмы-конструкции *что попало* и *что ни попадя* имеют еще одно значение: ‘что-л., осмысляемое как результат произвольно сделанного выбора, в том числе и нечто такое, что абсолютно не подходит для данной цели’. Ср. *Люся отчетливо увидела перед собой рыжей масти коня с серебряной гривой и серебряной звездой во лбу – худого до того, что, казалось, высохли даже копыта, и себя за ним – тоненькую, во что попало одетую девчонку <...>* (Распутин, Последний срок); *Королев несколько раз видел этот фильм в детстве – к ним в интернет по субботам привозили что ни попадя, из вторичного проката* (Новый Мир).

Некоторые из рассмотренных конструкций развили дополнительные значения и используются как речевые формулы. Так, конструкция *как угодно* употребляется, в том числе, и как не очень вежливое выражение смирения говорящего относительно решения собеседника, с которым говорящий не согласен, причем по внутренней форме это указание передается как сообщение о том, что говорящий рассматривает желание собеседника как единственный и решающий фактор в процессе принятия решения и не несет за это никакой ответственности. Ср.: – *Черт возьми, иногда бывает любопытно выслушать мнение дилетанта. – Если ты собираешься корчить из себя большого профи, – сказал я, – разговор окончен. – Как угодно, – равнодушно отозвался Макар* (Корпус Детект.). Очевидно, что подобное семантическое развитие также опирается на образную составляющую, зафиксированную во внутренней форме.

Приведенные здесь данные функционирования фразеологических единиц с определенностью указывают на то, что внутренняя форма фразеологизма является существенной частью его плана содержания. Можно спорить по поводу отнесения этого феномена к значению фразеологической единицы в узком смысле, но очевидно, что описание семантики идиом без отражения внутренней формы будет заведомо неполным.

Литература

Василий Буй. Русская заветная идиоматика. – М.: Помовский и партнеры, 1995. – 336 с.

Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Малоизученные единицы со значением незаданности критериев выбора в русском языке // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. – М.: Индрик, 2005. – С. 638–651.

Мельчук И.А. Местоименные выражения с именем чертыхательным типа [Она уехала] черт знает куда и им подобные в русском языке // Русский язык в научном освещении. – 2012. – № 2(24). – С. 5–22.

Б.Л. Бойко

УДК 81'23

ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ

Военная лексика в речевом общении функционирует преимущественно в текстах военной тематики и представлена военной лексикой, вошедшей в общий речевой оборот, военными терминами и лексическими единицами разговорной речи. Преимущественное употребление терминологической и разговорной лексики, реализация языковой нормы в речевом общении зависит от степени социального контроля. Содержание представлений общества о военной теме существует на уровне общественного официального сознания (военная терминология) и на уровне общественного обыденного сознания (военный жаргон).

Ключевые слова: речевое общение, военные тексты, военная лексика, военные термины, военные профессионализмы, военный жаргон, социальный контроль, языковая норма.

Boris L. Boyko

MILITARY VOCABULARY IN SPEECH COMMUNICATION

The military vocabulary in speech communication functions mainly in texts of military subjects and is represented by the general military vocabulary which entered the total speech turnover, military terms and units of informal conversation. Primary use of terminological or colloquial vocabulary depends on extent of social control. Content of social ideas of military subjects at the level of public official consciousness exists in military terms, at the level of public ordinary consciousness in units of military professional vocabulary and military slang.

Keywords: speech communication, texts of military subjects, military vocabulary, military terms, military professional vocabulary, military slang, social control, language norm.

Военная лексика охватывает обширный пласт словарного состава, используемый в текстах, принадлежащих к сфере военного дела. Соответственно, и сами тексты могут быть определены как военные тексты, иначе – тексты военной тематики. Относительно нормы литературной речи часть военных текстов принадлежит к книжной речи и представлена текстами письменными и устными.

Социальный контроль над использованием языка носит институциональный характер, т.е. предписывает членам социума некие общие правила социального поведения [Яковлев 1995: 301-303]. Применительно к речевому общению такие правила закрепляются, с одной стороны, в литературной норме, с другой – в социально приемлемых формах речевого общения, в этике общения отдельных

социальных общностей. Норма языка кодифицирована в справочных изданиях, существует в социальном опыте носителей нормированной речи и реализуется в социальной практике в формах письменной и устной речи. Для большинства современных литературных языков, как справедливо утверждает Н.Н. Семенюк, характерна тенденция к сближению нормы литературного письменного языка с нормами разговорной речи. В основе сближения норм лежат процессы приобщения более широких социальных слоев общества к числу носителей литературного языка [Семенюк 1990: 337-338]. Относительно военной сферы речевого общения в этом плане можно назвать обусловленное войной или военными конфликтами массовое вовлечение в военную среду гражданских людей.

Нормированная письменная речь специалистов военного дела закреплена в различных изданиях – военных энциклопедиях и словарях военных терминов, уставах и наставлениях, учебниках и учебных пособиях, штабных документах по организации и ведению боевых действий, применению систем оружия. Характерный признак нормированных письменных и устных военных текстов – наличие в них терминов и терминологических словосочетаний, фраз (команд), закрепленных в уставах и наставлениях, военно-научных и военно-технических текстах. Устная речь военных специалистов ориентирована на письменную реализацию нормы литературной речи, однако в зависимости от степени социального контроля (и самоконтроля) в той или иной степени отклоняется от норм литературной речи.

По мере ослабления социального контроля снижается терминологичность военных текстов, военные термины сосуществуют с военными профессионализмами и жаргонизмами и частично вытесняются ими. Относясь к сфере устного общения, такие тексты частично воспроизводят синтаксис устной речи, выражающийся в эллиптичности, незаконченности фраз и дополняющийся невербальным контекстом и невербальными средствами общения.

Степень нормированности военных текстов зависит и от степени владения пишущего / говорящего предметом военного дела, от уровня его военного образования. От человека с академическим военным образованием ожидают высшей степени владения военной литературной речью. Того требует необходимость создавать тексты, предназначенные для организации повседневной деятельности войск в мирное время и организации боевых действий в случае вооруженных конфликтов. Владение нормированной речью военнослужащими срочной службы соответствует уровню военных знаний, необходимых для выполнения непосредственных обязанностей.

Сниженный социальный контроль допускает иную норму речевого общения. Эта норма существует в опыте речевого общения представителей данной социальной среды или социальной группы. Оцениваемая как отступление от нормы литературной речи, норма неформального общения, тем не менее, не только получает социальное одобрение, но и социально предписана в соответствующей ситуации общения. Тональность такого общения может задавать старший по званию, переходя с подчиненным с официальной формы общения на доверительную. В среде равных тональность неформального речевого общения задает неформальный лидер.

В текстах книжной речи лексические единицы разговорной речи носят цитатный характер, они извлечены из текстов устно-речевого общения и оформляются, подобно цитатам, кавычками, или иными пояснениями своей иностилевой принадлежности. Термины, профессионализмы и жаргонизмы различаются внутренней формой слова. Образность слова как оценочный компонент его семантики в термине утрачена настолько, что его стертая метафоричность во многих случаях не связывается с реалиями окружающего мира: *крыло* самолета не вызывает в памяти образ крыла птицы, *нос* корабля не соотносится с носом пловца или летящего животного как самой передней части тела. Напротив, профессионализмы и жаргонизмы отличаются нестертой внутренней формой, часто яркой образностью: *сесть на живот* (о самолете, производящем посадку с невыпущенным шасси), *послать пулю в молоко* (не попасть в означенное цветом зачетное поле мишени при стрельбе в тире).

Противопоставляя военную терминологию в целом военному жаргону по преимущественной отнесенности военных терминов к текстам штабных документов, а единиц военного жаргона к ситуациям непринужденного общения в различных ситуациях военной жизни, Е.Ф. Тарасов отмечает в качестве отличительных признаков обобщенность семантики первых и конкретность вторых:

1) в штабных документах процесс боевых действий (процесс боя) описывается при помощи социально санкционированных знаний (социально обобщенных), общих для всех профессиональных военных, получивших специальную подготовку. Этот военный язык штабных документов отображает процесс боестолкновения в абстрактных категориях военной науки;

2) жаргон отображает ситуации войсковой жизни, включая ситуацию боестолкновений, менее обобщенно, жаргон в звуковой форме слова и в содержании лексических единиц и речевых высказываний отображает ситуацию более конкретно, в коннотативных значениях, указывая на эмоциональную окрашенность (нагруженность) реальных действий военнослужащих.

Содержание представлений общества о боевой деятельности и о бое существует в двух формах (на двух уровнях): 1) на уровне общественного официального сознания – бой, походная кухня и 2) на уровне общественного быденного сознания – *Gulaschkanone* – походная кухня (метафора). Оба варианта – изменение звуковой формы.¹

Рассуждая о неологизмах военной лексики в языке / речи ее носителей, П.Н. Денисов выделяет следующие типы речи (стили, подязыки, сферы):

- язык профессиональных военных, язык военной промышленности, терминологию военного искусства как разновидность языка военной науки: *живая сила и техника, глубоко эшелонированная оборона, узел сопротивления, огонь по площадям*;

- язык военно-политической пропаганды и агитации (язык замполитов, военной печати, военных газет);

- разговорная речь солдат-фронтовиков и их непосредственных командиров

¹ Приведенный текст изложен Е.Ф. Тарасовым в рукописной форме и передан нам в мае 2013 года. – Б.Б.

(сержантов, лейтенантов), солдатский фольклор, непринужденная речь тружеников тыла – рабочих и колхозников: *«катюши» – гвардейские минометы, установки реактивной артиллерии;*

- язык художественной и мемуарной литературы, содержащий лексику и фразеологию названных типов речи [Денисов 1985: 361-362].

Военная терминология исключительно точно используется в военно-энциклопедических текстах, которые по праву должны быть отнесены к научному стилю в целом и его подразделу, охватывающему тексты военно-научные. Энциклопедическая статья «Боевые действия» начинается с определения заголовочного термина:

Боевые действия 1) Составная часть военных действий противоборствующих сторон, организованное применение сил и средств объединений, соединений, частей, подразделений для выполнения поставленных боевых задач. 2) Форма оперативного (боевого) применения объединений, соединений, частей, подразделений в рамках операции в составе объединений более крупного масштаба или между операциями для последовательного решения оперативных, оперативно-тактических, тактических задач (то есть Б.д. могут рассматриваться и как процесс, являющийся составной частью военных действий, и как форма применения объединений, соединений, частей и подразделений) [Ворогушин, Савушкин 1997: 147].

Это только начальный фрагмент достаточно объемного текста, содержащего определение понятия *боевые действия*. Однако уже этот фрагмент текста энциклопедической статьи отличается насыщенностью военными терминами, часть которых освоена общим литературным языком и известна читателю, не обязательно имеющему военное образование: *военные действия, противоборствующие стороны, силы и средства*. Другая часть военных терминов нуждается в развернутых пояснениях, которые выходят за рамки обыденных знаний – *объединение, соединение, часть, подразделение, операция, оперативная задача, оперативно-тактическая задача, тактическая задача*.

Столь же обобщенным содержанием семантики отличается понятие *бой*, включающее в себя такие формы тактических действий войск, как *удар, огонь, маневр*, что вытекает из текста развернутого определения:

Бой – *осн. форма такт. действий войск (сил); организованные и согласованные по цели, месту и времени удары, огонь и манёвр соедин., частей и подразделений. Проводится обычно в целях уничтожения (разгрома) пр-ка и выполнения др. боевых задач в огранич. районе в течение короткого времени. Б. может быть общевойсковым, противовозд., возд. и морским. Для ведения Б. войска (силы) принимают боевой порядок* [Михайлов 2003: 530].

Наш опыт работы с военными текстами подсказывает нам, что далеко не все военные термины имеют эквиваленты в виде профессионализмов или жаргонизмов. Последние встречаются, как утверждалось выше, в ситуациях со сниженным социальным контролем, в общении среди «своих», в разговорной речи бытового общения. К таким ситуациям нельзя отнести общение, опосредованное строго выверенными в плане военной терминологии текстами военных энциклопедий, уставов и наставлений, штабных документов в целом, и документов по управлению

войсками (директивами, приказами) в частности. Любая терминология, и военная не в последнюю очередь, по определению, стремится к однозначности, по крайней мере, в пределах своей тематической сферы. Лексема *действия* в терминологическом словосочетании *боевые действия* перемещается из общего лексикона в тематическую сферу войны за счет определения *боевые*. Принадлежность слова *бой* к военной сфере (ср. *бой часов*, *бой стекла* (битое стекло) определяется военной тематикой текста и соответствующими атрибутами и предложными конструкциями *наземный бой*, *воздушный бой*, *морской бой*, *огневой бой*, *бой в городе*, *бой по отражению высадки морского десанта*, и это далеко не полный список.

Граница между военными терминами, профессиональной и жаргонной лексикой в сфере языка и речи пролегает не только в различении «общее – конкретное» в их семантике, как это нетрудно установить, например, сопоставляя термины *бой* и *воздушный бой*, но и в различении образности внутренней формы слова, опирающейся на образность окружающего мира. В связи с этим упомянем одну из идей Шарля Балли, высказанную им во «Французской стилистике»: «Величайшее несовершенство человеческого ума состоит в том, что он не способен к абсолютной абстракции; он не может выделить чистое понятие, воспринять идею вне всякой связи с конкретной действительностью. Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других. Таково происхождение метафоры; метафора – это не что иное, как сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сближать абстрактное понятие и конкретный предмет сочетает их в одном слове» [Балли 2001: 221].

Тропеическая образность, основанная на употреблении слов и выражений в переносном смысле, сохраняется в части терминов с нестертой внутренней формой. Описание боевых действий с опорой на начертание боевых порядков войск на карте в их статике и динамике открывает образную природу части военных терминов, опирающуюся на предметную конкретность окружающего мира:

- оперативного искусства: *клещи*, *котел*, *очаговая оборона*, *клин*, *кулак*, *горловина*, *коридор*;
- виды артиллерийского огня: *огневой вал*, *огневая завеса*, *огневой кулак*, *огневой мешок*, *вилка*;
- фортификационные сооружения пехоты: *рогатки* и *ежи*, *лисья нора* (вид окопа), *спотыкач* (сеть на низких кольях) [Гербановский 1942].

Общение автора военных мемуаров с читателем, в которых текст рукописи подвергнут обязательной литературной обработке, выдает уровень военного образования автора (будь то и знания, приобретенные в ходе самообразования). Чем ниже этот уровень, тем конкретнее мышление автора, поиск образного слова и словосочетания. Уникальным примером служат воспоминания солдата-фронтовика, попавшего на фронт со школьной скамьи, написанные спустя более полувека после окончания Великой Отечественной войны [Дробязко 2008]. На страницах своих воспоминаний С.Г. Дробязко ни разу не употребляет словосочетание *боевые действия*, слово *бой* он использует в самом общем его значении, в каком этот специальный термин военного дела вошел в словарный фонд русского языка и известен достаточно широкому кругу его носителей. Собственно *бой* для автора

воспоминаний – это всегда не тот конкретный случай войны, в котором он лично участвует. Об этом свидетельствуют следующие фрагменты текста:

... Но пушки, как и до этого, продолжали палить, и бой продолжался. Неужели нам придется туда идти? Позже я понял – издали смотреть на бой страшнее [Дробязко 2008 : 134].

Где-то далеко справа не умолкали орудия – там продолжался ожесточенный бой [Дробязко 2008 : 165].

Конкретны личные действия солдат в бою, конкретны и именованья того, в чем участвует солдат. В совершенно конкретном значении используется общеизвестное слово и военный термин **атака**.

Мне дали в отделение пять бойцов; я не успел запомнить их лица, а утром после короткой артподготовки нас стали поднимать в атаку: «За Родину! За Сталина!» – по траншее с пистолетами в руках бежали офицеры и толкали нас в спины: «Вперед!» [Дробязко 2008: 227-228].

Красноармейцы не успели как следует перезнакомиться, а рано утром, после короткой, но мощной артподготовки, нас подняли в атаку. «Вперед!» – выталкивали солдат офицеры. Я вымахнул из траншеи. Главное – не залечь сразу, потом трудно оторваться от земли [Дробязко 2008: 243].

Уровень военно-профессиональной подготовки находит выражение не только в текстах мемуаров крупных военачальников, но и офицеров, получивших подготовку командиров подразделений и продолжавших военную службу в послевоенные годы. В таких текстах, возникших спустя несколько десятилетий после войны, сказывается начитанность автора в исторической и мемуарной литературе. Давние эпизоды войны восстанавливаются на фоне общей осмысленной в послевоенное время картине действий войск конкретного фронта, армии, корпуса, дивизии. Терминологическое словосочетание **боевые действия** связывается с понятиями **наступление** и **оборона**.

Командир батареи военных лет, окончивший всего лишь ускоренный курс военного училища, не может оценивать конкретные события войны в терминах, какими пользуется командир соединения (как минимум дивизии или корпуса). Два огневых взвода, в каждом по два орудия, обеспечивают огневую поддержку наступающей стрелковой роте или вместе с стрелковой ротой отбиваются от наступающего противника. Поэтому термины **наступление**, **оборона**, **боевые действия** в тексте мемуаров И.М. Новохацкого носят тот уровень обобщения, который достигается в результате размышлений о событиях войны многие годы после ее окончания. Такие фрагменты в книге мемуаров ветерана далеки от конкретики боевых действий на переднем крае, в которых ему приходилось участвовать:

***Наступление** всегда вызывало у солдат и офицеров чувство возбуждения, его ждали и готовили с нетерпением, хотя прекрасно знали, что любая атака всегда сопряжена с большими потерями, чем в обороне. **Оборона** изнуряла бездеятельностью, если это слово применимо к боевым действиям [Новохацкий 2007: 212].*

Реалиям уровня командира батареи, действующей непосредственно в боевых порядках наступающих войск, скорее соответствует текст, не содержащий слишком значительных обобщений:

Батарея моя все время в движении. Я с разведчиками и связистами впереди, в цепи батальона. Огневые взводы батареи с орудиями, следуют километрах в двух позади в готовности, при необходимости, к разворачиванию и ведению огня [Новохацкий 2007: 216-217].

Военные термины в приведенном фрагменте текста конкретны и соответствуют тому, что видит на войне командир подразделения: *батарея, огневые взводы, орудия, разведчики, связисты*. Однако и в этом предельно конкретном описании одного из фрагментов войны проступает стилистика специальных текстов по организации боевых действий: *огневые взводы батареи, в готовности ... к разворачиванию и ведению огня*.

Конкретика в семантике военных жаргонизмов ограничивает их возникновение и функционирование как по тематическим сферам общения, так и по ситуациям общения в соответствии со степенью социального контроля за протеканием общения. Если аббревиатуры и сокращения, входящие в состав военной терминологии, в силу реализованной в них тенденции к экономии языка используются наряду с военными терминами в официальных военных текстах, в речевой практике штабов, то военные жаргонизмы целиком относятся к сфере непринужденного речевого общения. Для неподготовленного читателя военные аббревиатуры и сокращения сопровождаются пояснениями. В одних случаях они даются в скобках после развернутого терминологического словосочетания, в других – располагаются в непосредственной близости от него:

Мне коротко объяснили задачу: обеспечивать командира полка, вернее его наблюдательный пункт (НП) и штаб полка телефонной связью с дивизионами [Новохацкий 2007: 42-43].

Местность в обороне противника ... поднимается вверх и хорошо просматривается с нашего НП километра на три. [Новохацкий 2007: 138].

Пошел доложить командиру батальона о полученном приказании. Тот общил мне, что его тоже вызывают ... Комбат предложил ехать вместе... [Новохацкий 2007: 56].

Военные жаргонизмы в силу нестертой образности внутренней формы слова настолько контрастируют с терминологической лексикой и фразеологией, что находят применение почти исключительно в ситуациях обыденного общения, большей частью обслуживаемой средствами разговорной речи. Терминам *боевые действия, бой*, равно как *оборона и наступление*, не находится эквивалентов в солдатском просторечии, напротив, реалии боевой техники, своей и противника, получают свои вторичные, жаргонные, наименования, обладающие конкретностью и образностью просторечного слова.

В книге рассказов фронтовиков, которые были записаны составителем частично в блокнот, частично на диктофон, а затем уже переведены в письменный текст, огромное количество такого материала [Михеенков 2009]. Тематически разговорные эквиваленты военных терминов распадаются на две большие группы – наименования реалий противника и наименование реалий своих войск.

Наименования реалий противника включают стрелковое оружие и минометы, артиллерийские установки и самолеты, действие которых солдаты и офицеры на передовой ощущают на себе:

- немецкий пулемет MG-42 производства 1942 года, калибра 7,92 мм в речевом обиходе фронтовиков известен в форме субстантивированной транслитерации **МГ-42**:

*Немцы возились с пулеметом. Я видел, как они ловко высвобождают свой **МГ-42** из плащ-палатки и торопливо устанавливают на сошки* [Михеенков 2009: 125]²;

- 150-мм реактивный шестиствольный миномет. В отечественном военном жаргоне имел несколько наименований³:

Немцы нашего нападения не ждали. Выбили мы их и захватили там шестиствольный миномет. ... Шестиствольный миномет, прозванный солдатами «скрипачом», тогда на фронте был еще диковинкой [Михеенков 2009: 41];

- истребитель Me-109 «Мессершмитт» (Messerschmitt), назван по фамилии немецкого конструктора, в отечественном солдатском просторечии именуется **мессер**:

*Пошел самолет в немецкую сторону. И вдруг – сзади! – появился **мессер*** [Михеенков 2009: 96];

- пикирующий бомбардировщик Юнкерс Ju-87 (Junkers Ju-87), на солдатском жаргоне – **лапотник, лаптежник, шарманицик**, реже – **костыль**:

Буквально через полчаса на Городок налетели примерно 30 пикировщиков «Юнкерс-87». На фронте их вскоре прозовут «лаптежниками». Дело в том, что у них не убирались шасси, а колеса были «обуты» в защитные металлические колпаки. Колпаки имели продолговатую форму и чем-то действительно напоминали лапти [Крутицин];

- немецкий двухфюзеляжный самолет-разведчик «Фокке-Вульф» (Focke-Wulf Fw 189 Uhu) в русском военном жаргоне – **«рама»**:

А тем временем в небе появилась «рама». Корректировщик полетал-полетал и пропал. Мы с шофером сразу сообразили: если «рама» засекала нашу конницу, то скоро жди бомбардировщиков [Михеенков 2009: 207].

Наименования реалий своих войск также главным образом включают образцы вооружения и военной техники. Профессионализмы и жаргонизмы опираются на номенклатурные наименования отдельных частей оружия, калибры, кодовые наименования, фольклорные переосмысления: средний боевой танк Т-34 – **Т-34, тридцатьчетверка**, 45-мм противотанковое орудие – **сорокопятка** – **«Прощай Родина!»**:

Тут подошли наши танки. Ударили. Помню, как вышла наша «тридцатьчетверка». Остановилась. Стволом повела. Шлеп! – и немецкий танк сразу загорелся [Михеенков 2009: 57].

*Артиллеристы подкатили к моему окопу **сорокопятку** и начали стрелять из нее прямо через мой окоп. ... Стреляли из пушек и минометов и немцы. Один снаряд не долетел метров двух до бруствера моего окопа, разорвался, и меня засыпало глиной. Стреляли конечно же не по мне, а по **сорокопятке**. Вот уж действительно: «**прощай Родина!**»* [Михеенков 2009: 145].

² MG – Maschinengewehr – (нем.) ‘пулемет’.

³ На Западном фронте шестиствольные немецкие минометы называли «стонущим Микки». Наши солдаты – «ишаком», «дурилой». И, как ни странно, «ванюшей» [Борисов С. «Катюша» против «Ванюши»].

Образность военной лексики в разной степени присуща отдельным ее единицам и не может рассматриваться как ее главное качество. Образность военных терминов как ее этимологическое свойство не воспринимается в пределах военно-профессиональной среды. Эта образность очевидна извне, например, на начальном этапе изучения военного дела или в процессе изучения иноязычной военной лексики. Одинаково яркие для непрофессионалов такие немецко-русские параллели терминов, как *Feuersack* / огневого мешок, *Feuerwelle* / огневая завеса, *Feuertaufe* / боевое крещение. Образность военного жаргона можно отнести к его ведущим качествам, благодаря которым единицы жаргона отвечают стилистике непрофессиональных военных текстов, принадлежащих массиву текстов непосредственного речевого общения.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что речевое общение в военной среде реализуется в письменных и устных текстах военной тематики. Соответствие текстов литературной норме, как и употребление терминологической и противопоставленной ей профессиональной и жаргонной лексики, определяется уровнем социального контроля над протеканием речевого общения. Единицы официальной нормативной речи носят обобщенный характер, единицы разговорной речи характеризуются нестертой образностью внутренней формы.

Литература

Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.

Борисов С. «Катюша» против «Ванюши» // «Меридиан». Обзорник общественно-политических изданий. [Электронный ресурс]. – URL: <http://nurmedia.ru/society/4678-katyusha-protiv-vanyushi.html> (дата обращения 03.03.2013).

Ворогушин Е.Б., Савушкин Н.И. Боевые действия // Военная энциклопедия. – М.: Воениздат, 1997. Т. 1. – С. 147. URL: http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=12700@morfDictionary (дата обращения 03.03.2013).

Гербановский С.Е. Фортификация пехоты. – Красноярск: Воениздат. Красноярское отделение, 1942. – 132 с. URL: <http://www.vrazvedka.ru/main/learning/vopros-ob/gerbanovskiy.html#10> (дата обращения: 03.03.2013).

Денисов П. Н. Русская военная лексика в период Великой Отечественной войны // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1985 г., т. 44, № 4. – С. 358-365.

Дробязко С.Г. Путь солдата. С боями от Кубани до Днепра. 1942-1944. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 255 с.

Крутицин И. Командир стрелкового взвода [Воспоминания] // The Russian Battlefield. Мемуары. – URL: <http://www.battlefield.ru/ivan-krutitsyn/stranitsa-2.html> (дата обращения: 03.03.2013).

Михайлов В.С. Бой // Военная энциклопедия. Т. 1. – М.: Воениздат, 2003. – С. 530. URL: http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=3567@morfDictionary (дата обращения: 03.03.2013).

Михеенков С.Е. В донесениях не сообщалось... Жизнь и смерть солдата Великой Отечественной. 1941-1945. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 351 с.

Новохацкий И.М. Воспоминания командира батареи. Дивизионная артиллерия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 313 с.

Семенюк Н.Н. Норма // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. редактор В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 337-338.

Яковлев А.М. Контроль социальный // Энциклопедический социологический словарь. Общая ред. академика РАН Осипова Г.В. – М.: Институт социально-политических исследований РАН, 1995. – 939 с.

И.Г. Милославский

УДК 81'373

ОБ ИСТОЧНИКЕ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕМ ВЫБОР НОМИНАЦИИ В ПРОЦЕССЕ АКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Автор отмечает, что многие словари русского языка непоследовательно учитывают интересы пользователя, ориентированного на выполнение конкретных видов речевой деятельности, говорения и письма, аудирования и чтения. В статье обсуждается вопрос об источнике, позволяющем производителю речи на русском языке сделать именно такой выбор номинации, который соответствует содержательному замыслу продуцента речи, а также его коммуникативным задачам. Утверждается необходимость рассмотрения в процессе этого выбора не только слов литературного языка, но также словосочетаний, свободных и фразеологических. Подчеркивается необходимость явной фиксации (не «по умолчанию») существующих в языке лакун. По мнению автора, в подобном источнике не стоит давать толкования членов синонимических и квазисинонимических рядов, но следует опираться на конечный список дифференциальных модификационных признаков, которые продуцент может/хочет прибавить/изъять по отношению к первоначальному выбору. Обсуждается также тот вклад, который могут внести в коррекцию первоначального выбора словарь антонимов, а также ассоциативный словарь.

Ключевые слова: продуктивная речевая деятельность, выбор номинации, слово, фразеологизм, словарь, дифференциальный признак, модификация.

Igor G. Miloslavskiy

ABOUT THE SOURCE WHICH PROVIDES THE SELECTION OF NAMING IN THE PROCESS OF ACTIVE SPEECH ACTS IN RUSSIAN LANGUAGE

The author underlines that many dictionaries of Russian language don't have in mind the type of speech activity in which their user is involved. In the article is discussed the source which can help the speaking/writing person to make the best choice among different abilities to name the piece of reality. It can be done by using not only a word of standard Russian, but by a word of colloquial Russian and by a phraseological unit. Sometimes there is no such a proper unit in the language and that should be marked clearly. All these decisions depend on the aim of the speech producer in semantic and communicative aspects. The author insists on using as basic units the features which differ all kinds of proper means (not full explanations of these) in order to help the producer to make his choice rather easily and effective. In the last part of the article is discussed how some other dictionaries of Russian language (of antonymous or of associations) can help the producer to correct his first choice.

Keywords: speech activity, selection of naming, word, phraseological unit, dictionary, different feature, modification.

Положение Юрия Николаевича Караулова в нашем профессиональном сообществе определяется не должностями и постами, не званиями и чинами, не

наградами и премиями, хотя и всего этого у него в избытке, но по гамбургскому счету. А именно теми его идеями и результатами, которыми пользуемся все мы, кто работает в трехчленной научной парадигме «язык – действительность – человек» или в любом ее варианте, усеченном до двух элементов.

Не пытаюсь оценить все аспекты многогранной научной деятельности Юрия Николаевича, а тем более деятельности педагогической и организационной, отмечу лишь несколько разработанных им идей, которые одновременно и субъективно близки мне, и объективно представляются исключительно важными для настоящего и будущего нашей области знания. Во-первых, это движение мысли не только от текста (слова, предложения) к стоящей за ним действительности, но и в обратном направлении, т. е. от действительности к «называющим» ее языковым средствам. Во-вторых, это смелое преодоление уровневого (фонетика, лексика, синтаксис) подхода к языку, в рамках которого, как кажется, научное поле в отношении русского языка уже полностью выпажано. И, в-третьих, включение человека в лингвистические исследования, не декларативное, в качестве «фактора», но как деятельного участника, реципиента и/или продуцента. Все эти три момента проникают друг в друга и создают плодотворное научное поле, исследования в котором осуществляются не просто потому, что некая область ранее не изучалась, но потому, что предполагают ответы на вопросы, важные для нравственного здоровья российского общества.

1. Продуктивные речевые действия и традиционные классификации, ориентированные на рецепцию

Обучение русскому языку как родному и как неродному, автоматический и неавтоматический перевод с русского языка и на русский язык всё более стимулируют исследования, ориентированные не на язык, но на речевую деятельность, рецептивную (чтение, аудирование) и продуктивную (письмо, говорение). Одновременно с этим всё яснее становится ущербность исследований, замкнутых внутри формальных уровней (лексика, фразеология, словообразование, морфология, синтаксис). Лингвистические уровневые единицы и явления (семы и омонимы, суффиксы и дериваторы, падежи имени и виды глагола, главные члены и подчинительные связи и т. д. и т. п.) в процессе рецепции требуют приведения всех их либо к «общему семантическому знаменателю», объективному, номинативному, и субъективному, так называемым стилистическим, либо отнесения к «языковым капризам», не имеющим какой-либо содержательной ценности и отражающим лишь нормы парадигматических формальных различий и/или синтагматических ограничений.

Уже совершенно невозможно продолжать игнорировать ту очевидную истину, что целью продуктивной речевой деятельности не может быть употребление слова или словосочетания, префикса или конфикса, дательного падежа или несовершенного вида, дополнения или союзной связи и т. д. и т. п. (см. [Караулов 1999]). Все такие объекты и/или характеристики всегда выступают или как соблюдение собственно языковых, асемантических, норм, или как средство для достижения продуцентом речи своих целей. Целей, определяемых как на макроуровне (просьба, информирование, вопрос и т. п.), так и на микроуровне (> N или < N; «нарочно» или «случайно»; более или менее вежливо; с оценкой «+» или «-», либо без оценки; с акцентированием одного и вуалированием другого и т. д. и т. п.). Очевидно, что одна и та же цель нередко может быть достигнута средствами разных уровней языка. Например, отрицательная оценка статьи может быть выражена и как *статейка*,

и как *пресловутая, мерзкая, гнусная, бездарная, невежественная* и т. п. *статья*, и как *писанина, бредни, чепуха, откровения, бумагомарание* и т. п.; и как *ниже всякой критики, за пределами, черт знает что* и т. п. (Разумеется, оставляю в стороне важный вопрос об аспектах, степени и жанровых соответствиях создаваемому тексту такой отрицательной оценки).

Казалось бы, что отмеченное смещение интереса исследователей с собственно языка на виды речевой деятельности, рецептивные и продуктивные, должно было повлиять и на современную русскую лексикографию. Ведь именно лексикография переживает в последние десятилетия своеобразный бум, что обусловлено двумя основными причинами – желанием полно конкретизировать теоретические представления о самых разнообразных параметрах языка, от социо- до идиолекта, в частности, а также стремлением удовлетворить интересы рынка, явно предпочитающего словари монографиям или сборникам научных статей. Конечный продукт, словарь или справочник, всегда привлекательнее, чем проспект, изложение идей или частные заготовки. Однако почти все и старые, и появившиеся в последние десятилетия словари русского языка ориентированы либо на «введение в научный оборот новых фактов», либо на новую группировку фактов, уже давно известных, но под некоторым новым углом зрения во всей их полноте ранее не представленных таким образом. При всем этом явно превалирует ориентация исключительно на реципиента, интересы которого удовлетворяются преимущественно за счет расширения и/или новой группировки словника, но не за счет качественного усовершенствования правой части такого словаря (строгие принципы установления многозначности, единообразие метаязыка толкований, унификация так называемых стилистических помет и т. п.). Вообще, как кажется, даже уважаемые авторы толковых словарей русского языка, по определению предназначенных для рецепции, считали возможным «для удобства пользователя» вносить и некоторую информацию, нужную исключительно для продуцента. Едва ли, например, отдельные примеры грамматических форм в толковом словаре были предназначены для проверки читающим правильности образования этих форм пишущим, а постановка ударения ориентировалась на такую же проверку слушающим соблюдения орфоэпических норм говорящим. Скорее всего, авторы просто не задумывались над разграничением задач, решаемых читающим/слушающим, и задач, решаемых пишущим/говорящим. При этом в соответствии с русской лексикографической и – шире – филологической традицией в тени для лексикографов оказались фундаментальные вопросы обеспечения продуктивной речевой деятельности, по-прежнему ограничиваемой лишь нормативной формальной правильностью (орфография, пунктуация, орфоэпия).

Совсем плохо вопрос о том, какие именно словари русского языка в каких случаях следует использовать, осмыслен в широком общественном сознании. Здесь никакой ясности в том, что орфографический словарь – для преодоления трудностей при написании основ (не окончаний!) слов, орфоэпический – для того же самого, но уже для слов и при говорении, толковый словарь – для обоих видов рецептивной речевой деятельности, как и словари омонимов и паронимов. «Человек с улицы» даже с филологическим образованием обычно не понимает, что словарь синонимов – для продуктивной речевой деятельности (особенно для письма, в частности для перевода с иностранного языка – на русский), а назначение словаря антонимов такой «пользователь» русского языка ограничивает интересами только «профессионалов слова». Эта непростительная наивность удивительным образом

соединяется с имеющимся у такого «пользователя» опытом изучения иностранных языков, когда русско-иностранному словари использовался только для продуктивных действий на этом иностранном языке, а иностранно-русский словарь – только для рецептивных действий на том же языке. В этой ситуации следует ли удивляться тому, что большинство родителей, озабоченных успехами или неуспехами своих чад в школьном изучении русского языка, на вопрос о том, какие словари русского языка нужны их детям, отвечали готовностью приобрести словарь В.И. Даля?

Радостное исключение на этом фоне – «Русский ассоциативный словарь», созданный Ю.Н. Карауловым, Ю.А. Сорокиным, Е.Ф. Тарасовым, Н.В. Уфимцевой и Г.А. Черкасовой, где четко противопоставлены, с одной стороны, реакции читающего/слушающего на предъявленное слово и, с другой стороны, стимулы, для возбуждения которых пишущий/говорящий может использовать определенный круг слов.

2. Слова, свободные словосочетания, фразеологические единицы (ФЕ) и лакуны в процессе поисков номинации производителем речи

Очевидно, что в описаниях, ориентированных на продуктивную речевую деятельность, наиболее эффективным подходом является соединение классификаций языковых средств по их семантико-тематическим характеристикам с движением от интуитивно выделяемых понятий к разнообразным по форме языковым средствам, эти понятия выражающим. В таком случае в фундаменте лежит не язык как форма, а именно содержание (концепт) как основа процесса познания (см. [Караулов 2010]). Можно предполагать, что при сознательном речепорождении первичны отнюдь не языковые номинации, а мыслительные сущности, которые, однако, становятся действительно осознанными лишь после того, когда получают языковое оформление. Подчеркну специально, что это языковое оформление в подавляющем большинстве – однословное, однако это лишь частотно, а не принципиально. Так, например, 'отсутствие' в русском языке может оформляться и служебными словами (*без, кроме*), и аффиксами (*нонконформистский, аполитичный*), и через *не* как частицу и как часть слова. Для обозначения единичности/множественности «предметов» также могут служить и флексии существительных (*стол – столы, сына – сыновей*), и их суффиксы (*горох – горошина, колонна – колоннада*). 'Неправедный суд' по-русски и *Шемякин, и басманный, и судилище*.

Совсем не редкость, когда важные понятия (концепты?) оформляются по-русски с помощью словосочетаний: *железная дорога, платоническая любовь, сухой закон, административный ресурс* и многие другие. Напомню, что областью номинаций выступают не только «предметы», но и признаки. А они также получают не всегда только однословные номинации: 'неумелый' (в быту) – *звезда вбить не может, руки не оттуда растут*; 'старый' – *песок сыплется, в обед сто лет*; 'слишком молод, неопытен' – *под стол пешком ходит, молоко на губах не обсохло* и др. (см. [Словарь-тезаурис... 2007]). Еще более тесными однословными номинациями в тех случаях, когда обозначения требует некоторая типичная ситуация. Например, ситуацию, когда «X считает, что Y представляет для него угрозу» по-русски обозначает глагол *бояться*. А та же ситуация с добавлением «преувеличенно и без объективных оснований, но поскольку у X-а уже имеется подобный опыт» может быть наилучшим образом номинирована как *пуганая ворона (X) куста (Y) боится* или как *обжегись на молоке (Y), дует на воду (Y)*.

Движение от идей, т. е. от предметов, признаков, ситуаций (или от понятий о них) позволяет, как кажется, осмыслить теоретически важные, связанные с про-

дукцией речи лингвистические задачи. Оказывается, что, например, в русском языке существует немало таких комбинаций различных семантических примитивов, которые четко коррелируют с действительностью, а с другой стороны, есть феномены, которые не имеют языкового оформления, кумулирующего соответствующее содержание (см. [Караулов 1981]). Я уже не раз приводил множество таких примеров, а на сей раз ограничусь лишь вопросом о том, как на фоне *двоечников, троечников, отличников* и даже *хорошистов с ботаниками* назвать ту немалочисленную группу школьников и студентов, которая ничуть не заинтересована в получении знаний, но всеми способами стремится получить хорошие оценки. Ближайшие по значению *чинодрал* не относится у учащимся, а *карьерист* и *формалист* задают слишком широкие рамки. Не раз уже отмечалось, что в русском языке на фоне слов *зависть, злорадство* есть номинации *черная зависть* и *белая зависть* («X, не имея того, что есть у Y-а, хочет быть в таком же положении, как Y, однако не желает Y-у никакого зла»), но отсутствует *доброрадствовать* (В *доброжелательность* отсутствует сообщение о собственном положении X-а). Для этого комплекса сем «X рад успехам, достижениям, положению Y-а и, хотя сам этого не имеет, считает это неравное положение нормальным и заслуженным» во многих языках имеются специальные словные обозначения, отсутствующие, как представляется, в русском. Едва ли это можно объяснить абсолютным отсутствием соответствующего положения дел в той реальности, которую воплощает русский язык. Быть может, эту ситуацию отражает не слово и даже не свободное словосочетание, но фразеологизм *Большому кораблю – большое и плаванье?*

Движение от одних слов с их значениями к другим словам с пусть и близкими значениями мешает вырваться из языкового плена на просторы обозначаемой языком реальности, не позволяет реально оценить те возможности, которыми располагает (или не располагает) языковая система. При этом отсутствие каких-либо номинаций едва ли может восприниматься как претензия к качеству языка с вытекающими отсюда упреками в недостатке патриотизма. Постоянное пополнение словарного состава любого языка – свидетельство его жизнеспособности. И история русского языка знает немало примеров, когда у русских слов были свои изобретатели: Александр Солженицын – для *образованщина*, Игорь Северянин – для *бездарь*, Карл Брюллов – для *отсебятина*, а также Ломоносов, Карамзин и многие другие деятели русской культуры и науки. Объективное представление о том, какими же именно ресурсами располагает язык, где такие ресурсы в избытке, а где их недостает, так же необходимо для культуры носителей языка, как для экономики страны необходимо ясно осознавать, какими природными и иными богатствами эта страна располагает, а чего она – в силу географических, исторических и иных обстоятельств – лишена. При этом последнее – объективная реальность, а вовсе не укор.

Наблюдения показывают, что исходными для смыслового синонимического ряда нередко выступают не слова и даже не простые словосочетания, но фразеологические обороты, не имеющие словных эквивалентов (см. [Химик 2004]). *Рыба гниет с головы* – о ситуации, которая признается обычной, когда разнообразие отрицательные и опасные для общества явления начинаются в среде его руководителей. *Гора родила мышь* – о часто встречающейся ситуации, когда большие усилия дают ничтожно малые результаты. Почти то же самое – *Из пушек по воробьям*. В этой же зоне – «несоответствие средств и последствий» – представление, оформляемое и свободным словосочетанием *здесь нет мелочей*, и фразеологизмом *от*

копеечной свечи Москва сгорела или переведенным с английского текстом о последствиях того, что *в кузнице не было звоздя*.

Нередко в качестве типовых концептуальных ситуативных представлений выступают литературные номинации. *Демьянова уха* – о ситуации назойливого принуждения X-а к чему-то, что объективно и, по мнению Y-а, является хорошим. В той же зоне *не в масть, не к масти козырь, не от шубы рукав* уже о ситуации, когда объективно ценное оказывается в данной ситуации просто ненужным, а не выступает объектом принуждения (ср. о постоянно ненужном для X-а *как рыбке зонтик, попу гармонь* и многие другие). *А был ли мальчик-то? (Может, мальчика-то и не было?)* – о неприятной для X-а ситуации, которую X пытается представить самому себе как никогда реально не существовавшую. Следует добавить, что именно литературные образы часто выступают в русском языке как основа и для предметных, и признаковых ситуаций: *Плюшкин* ('крайняя степень скупости'), *Собакевич* ('негативные отзывы о людях'), *тургеневская девушка* ('чистота, цельность, непрактичность, соединенные вместе'), *город Глухов* ('бессмысленное государственное и общественное устройство'), *воевать с ветряными мельницами* ('с вымышленными и одновременно непобедимыми врагами').

Приведу другие примеры, когда соответствующие однословные номинации в русском языке отсутствуют, и их замещают ФЕ. Оказывается, что таких случаев довольно много: *в мутной воде рыбку ловить* (не просто 'заниматься сомнительными делами', но 'делать это с выгодой для себя'), *торговать воздухом* (не просто 'обманывать', но 'создавая иллюзию взаимовыгодной операции'), *дружба дружбой, а табачок врозь* (не просто 'не путать идеальное с материальным', но 'ставить материальное даже выше идеального, пусть и имеющего оценку «хорошо»'), *наступать на грабли* ('сознательно повторять поступок, вредящий самому себе'), ср.: *свинья под дубом* ('по глупости и невежеству вести себя не только неблагодарно, но и во вред самому себе'), *чем бы дитя ни тешилось* ('снисхождение к неразумному занятию'), *вор у вора дубинку украл* (не просто 'один другого стоит', но 'не следует реагировать на вред, который один нанес другому') и т. п.

Как известно, образность, представленная обычно в ФЕ и во внутренней форме многих русских слов, является одной из характерных черт русского языка. Думаю, что оценивать эту черту следует диалектически. С одной стороны, в таких случаях язык предьявляет зримый пример некоторой сущности, делая его абсолютной понятной и конкретной иллюстрацией самой этой сущности (как упавшее на голову Ньютона яблоко демонстрирует проявление закона всемирного тяготения). Ср., например: 'имеет много денег' – *куры не клюют*, 'получает много денег' – *лопатой загребают*; 'не давать свободы' – *держат в ежовых рукавицах* (именно это выражение не понял немец в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина), *завинчивать гайки, держать на (коротком или длинном) поводке* и т. п. В современных условиях это обстоятельство полностью соответствует мощной тенденции к визуализации информации. Однако конкретность примера, заложенная для номинации обобщенного характера, может и мешать коммуникации, по крайней мере, отвлекая внимание реципиента на такие конкретные обстоятельства, которые не важны для точного и полного понимания: пример может оказываться сильнее самого общего положения, примером иллюстрируемого. Всё это влияет на коммуникативные свойства соответствующих слов и ФЕ, позволяя, в частности, сознательно отвлекаться от сути дела. Например, *Я с Вами свиней не пас!* – *А кто же их пасет, они сами...*

Или ограничивать употребление некоторых ФЕ в силу правил вежливости, например, *на ловца и зверь бежит* или *свинья грязь найдет* по отношению к поступкам собеседника.

Остается лишь предполагать, что образность, представленная в ФЕ и членимых словах, принадлежит к ассоциативной части номинативных единиц (см. [Русский ассоциативный словарь 2002]).

3. Коммуникативные характеристики как фактор, определяющий выбор средства

Известно, что в основе выбора, осуществляемого говорящим/пишущим, могут лежать коммуникативные различия, существующие не только между словами или ФЕ, но и среди словных именовании. Очевидно, что при выборе из слов возникает принципиально та же проблема, что и при выборе между словом и ФЕ. Как известно, ФЕ часто выступают и в качестве полного семантического эквивалента слова: *никогда* = *когда рак на горе свистнет* = *после дождичка в четверг* = *на морковкино заговенье* ≈ *держи карман шире* и т. п.; *ясно, доходчиво* = *русским языком, черным по белому, на пальцах*; *скучно* = *мухи дохнут*; *неизвестно* = *на воде вилами писано*; *заранее известно* = *к гадалке не ходи*; *навязчивая идея, идея фикс* = *голодной куме – хлеб на уме*; *заурядный* = *пороху не выдумает, звезд с неба не хватает* и многие другие. При этом использование ФЕ, по мнению исследователей, создает эффект некоторой стилистической сниженности, разговорности, неофициальности. Замечу, что последнее несправедливо по отношению ко многим традиционным фразеологическим сочетаниям (в отличие от традиционных сращений и единств), соотносимым также с отдельными словами: *принимать участие* – *участвовать*, *оказывать помощь* – *помогать*, *выразить одобрение* – *одобрять*, где ФЕ, напротив, примета официальности. Видимо, такое различие предопределено тем, что в последнем случае отсутствует образность – главная примета многих фразеологизмов (см. об этом выше).

Некоторые номинации, отсутствуя в литературном языке либо имея в соответствующих словарях сниженные пометы, имеются в разговорной, арготической, социально ограниченной речи. И таким образом говорящий/пишущий должен решать ту же проблему, что и в случае со стилистически окрашенным фразеологизмом и нейтральным словом или отсутствием последнего, соблюдая верность либо номинативной точности, либо стилистической заданности. (В различных практических пособиях по русскому языку это противоречие рекомендуется обычно, следуя постулату вежливости, решать в пользу стилистики, хотя решение в пользу семантики с различными оговорками типа *как говорит теперь молодежь* и т. п., представляется более предпочтительным для соблюдения постулата истинности).

Таких разговорных слов, не имеющих нейтральных эквивалентов, имеется довольно много, причем часто они называют то, что в повседневной жизни людей является весьма важным. Например, *оттягиваться* – ‘полноценно отдыхать после тяжелой работы’, *забить (на что-н.)* – ‘воинственно игнорировать’, *гнобить, чморить* – ‘постоянно создавать какие-либо трудности и неприятности’, *подсесть (на что-н.)* – ‘непроизвольно оказаться в зависимости от какого-то явления’ и многие другие.

При принципиальном сходстве выборов не из нейтральных слов, но из случаев «отсутствие нейтрального слова – ФЕ», «отсутствие нейтрального слова – слово разговорное», «отсутствие нейтрального слова – ФЕ – слово разговорное» меж-

ду возможностями в пользу ФЕ или в пользу разговорных слов, как правило, есть существенное различие. Оно состоит в том, что включенные в синонимический ряд сниженные разговорные номинации обычно не выражают никаких номинативных различий, лишь изредка воплощая образность и/или большую или меньшую степень сниженности (см. [Химик 2004]). Например, человек, характеризуемый как «сила есть – ума не надо», может быть обозначен как *бегемот, битюг, бугай, бык, громила, горилла, долбак, дуболом, жлоб, мордovorот, слон, сундук, шкаф, балда, дуб, дубарь, дубина, дундук, обалдуй, остолоп, тумак, чурбан*, и это еще не всё, хотя и без всякой попытки как-то обозначить степень и пропорции «силы» и «глупости». Или *выделяваться, выдрючиваться, выеживаться, выкаблучивать(ся), выкомаривать(ся), выкобениваться, выкозюливаться, выпендриваться* (с различными производными), *выпендюриваться, выставляться* о поведении человека, старающегося привлечь к себе внимание необычными способами. Ср.: *как корове седло, зайцу стоп-сигнал, кенгуру авоська, козе баян, попу гармонь, рыбе зонтик* и т. д. и т. п.

В отличие от слов разговорной речи, выступающих часто в качестве стилистических синонимов слов языка литературного, различные ФЕ, принадлежащие к одному синонимическому ряду, нередко проявляют важные семантические различия. Например: *за морем телушка полушка да рубль перевоз*, где акцент на дешевизне как на привлекательном; *вот тебе, бабушка, и Юрьев день* – о неоправдавшихся надеждах и *с вымытой шеей* о напрасных усилиях в связи с неслучившимся; *детей не крестить – на одной поляне не сяду* о разной степени неприязни и об отношении к ней; *на всякого мудреца довольно простоты и жизнь, она полосатая* о простительности ошибки, совершенной человеком, и о неприятностях, predeterminedных самим устройством жизни (ср.: *черт дернул, лукавый попутал и что Бог ни делает, всё к лучшему* об обычном снятии ответственности с самого человека); *прошел огонь и воду и наш пострел везде поспел* о ловком пройдохе, однако с противопоставлением постоянного качества конкретному проявлению; *выплеснуть ребенка с водой и зарезать курицу, несущую золотые яйца* о более или менее драматических последствиях, возникающих в силу небрежности или в силу глупости, в обоих случаях проявляя неспособность отличать важное от неважного и т. д. и т. п.

Короче говоря, ФЕ не только чаще, чем слова разговорной речи, замещают словные лакуны литературного языка и, выступая в качестве членов соответствующего синонимического ряда, воплощают не только стилистическую сниженность, но и пополняют ряд новыми модификационными характеристиками.

4. Дифференциальный признак как основа коррекции в процессе выбора средства для номинации

Итак, в процессе выбора номинаций из синонимического ряда производитель речи должен выбирать не только из слов литературного языка, поскольку среди них существуют немалочисленные и важные лакуны, но из соответствующих ФЕ, а также из слов, принадлежащих разговорной речи. Нетрудно видеть, что обе обозначенные сферы, несколько огрубляя дело, представляют собой движение в направлении от нейтральности к меньшей (обычно ФЕ) или большей (отдельные ФЕ и многие слова разговорной речи) сниженности. Напомню, что не менее важным, чем стилистический, является вектор семантический.

Существенным семантическим моментом такого выбора является масштаб номинации, т. е. установление гипо-гиперонимических отношений, а после того,

как выбор сделан, главной трудностью речепроизводства выступают ограничения в сочетаемости выбранных языковых единиц. Эти ограничения, в частности, могут даже привести к отказу от уже произведенного выбора, подобного тому, который делает говорящий/пишущий при отсутствии соответствующих средств в пользу семантики (точности) или стилистики (соблюдения постулата вежливости), о чем уже говорилось выше. К сожалению, для русского языка не существует надежных источников, достаточно полно определяющих гиперо-гипонимические отношения между номинативными единицами. А вот вопросы сочетаемости, обычно интуитивно ясные носителю языка и камень преткновения для не-носителя, давно привлекают внимание исследователей (см. [Учебный словарь сочетаемости... 1978]).

Напомню, что словари синонимов – важнейший помощник в обеспечении продуктивных речевых действий, ибо они «предоставляют возможность выбора нужного слова в тех затруднительных случаях, когда есть сомнения и колебания в его употреблении или когда память не сразу подсказывает нужное слово» [Словарь-тезаурус... 2007: 8] (подчеркнуто мною – И. М.). И – добавлю – свободное словосочетание или ФЕ.

В настоящее время производитель речи (обычно пишущий на русском языке или переводящий на русский язык) более всего напоминает покупателя в универсаме, которому предлагается определенный набор сходных товаров с более или менее внятным разъяснением различий между этими товарами. В то же время неудовлетворенный своим первым выбором производитель обычно весьма ясно представляет себе, чем же именно не удовлетворяет его пришедшее на память слово, словосочетание или ФЕ, в какой именно коррекции оно нуждается. Такая коррекция может идти в направлении семантическом и стилистическом. Может требоваться коррекция, связанная с оценкой, положительной или отрицательной, а также ее отсутствием, и с ассоциативным потенциалом слова, в частности, обладающего внутренней формой, а особенно большинства ФЕ и т. п.

В таком случае речепроизводитель уже не похож на наивного покупателя, он уже скорее заказчик, самостоятельно устанавливающий те конкретные характеристики товара, которые его не устраивают. Выступая как «сам себе режиссер», производитель речи (говорящий, пишущий, переводчик) не хочет прямо использовать любой результат работы модельеров и кутюрье, он сам, в соответствии с собственным замыслом, свойствами адресата, условиями общения, хочет сделать вполне определенный выбор (может даже создать неологизм). А словари синонимов в идеале должны помочь ему сделать такой выбор из всего многообразного материала с опорой на вполне конкретные параметры и с признанием того, что некоторые такие параметры, а особенно некоторые их комбинации, в частных случаях вообще невозможно реализовать. И как бы ни был важен стилистический момент, он не перекрывает аспект семантический. Не следует ли поставить вопрос следующим образом, а именно – нельзя ли представить весь набор синонимических различий в виде конечного закрытого списка? (см. [Караулов 1980]). В частности, доведя различие, например, физических действий на случайные и целенаправленные, систематические и одноразовые; целей – на ориентированные на субъект и его пользу и ориентированные на объект, его пользу или вред; на свойства субъекта, в частности, на равное, более высокое или более низкое по отношению к объекту и т. д. и т. п. С учетом достижений современной лексической семантики можно утверждать, что этот список принципиально конечен. Кроме того, он и практически, хотя и с

большим трудом, но достижим, поскольку количество единиц в таком списке измеряется, разумеется, не десятками, однако и не тысячами, но сотнями единиц. Более того, применительно к каждой единице, теоретически модифицируемой по одному или нескольким таким параметрам, сам этот список будет значительно сокращен, однако не по причинам формального отсутствия соответствующих номинаций, (это как раз могут быть те самые языковые лакуны, о которых говорилось выше), но по причинам либо бессмысленности таких добавлений к семантике модифицируемого, либо в силу отсутствия соответствующих феноменов в реальной действительности.

Приведу примеры. Дано: *забыть* в значении 'перестать заниматься чем-то'. Требуется добавить 'нанести субъекту урон'. Ответ: *запустить*. Если же модификатор 'на некоторое время, конец которого неясен', то ответ: *забросить*. Модификатор 'в интересах объекта' в данном случае бессмыслен. А модификатор 'навсегда', видимо, даст стилистическое сниженное *забыть на*. Или дано: *бояться*. Требуется прибавить отрицательную оценку: *трусить, дрожать, трястись, дрейфить*; прибавить 'слишком и без оснований в конкретном случае': *пуганая ворона куста боится, (обжегшись на молоке), дует на воду*; добавить 'временно' – *пугаться*; заменить эмоцию на рациональный подход – *опасаться*; добавить 'в своих интересах' – бессмысленно; добавить 'в высокой степени' – *обескуражен, потерял самообладание, демобилизовался, страшится, поджилки трясутся, душа ушла в пятки*; 'в малой степени' – *робеть* и т. д.

Попробуем сравнить предлагаемый подход с содержательной статьей в [Новый объяснительный словарь... 1999] и в [Перспектив активнаго словаря... 2010], посвященной глаголу *бояться*. В этой статье, включающей синонимический ряд *пугаться, страшиться, опасаться, трусить, дрейфить, робеть, трепетать, дрожать, трястись*, выделяется 8 противопоставляющих эти глаголы семантических признаков, среди которых 3 характеризуют угрожающий объект и 5 – воспринимающий угрозу субъект. Среди трех первых 1) характеристики объекта как 'положение дел' или как 'человек'; 2) непосредственный или опосредованный характер угрозы и 3) мера реальности угрозы. Как представляется, все эти характеристики так или иначе влияют на сочетаемость членов ряда, но никак не отражаются в их семантике. В отличие от выделяемых характеристик состояния субъекта: 1) эмоциональная и интеллектуальная составляющая; 2) длительность и сила эмоции; 3) наличие/отсутствие попытки избежать неприятных последствий; 4) моральная оценка субъекта говорящим. Некоторые сомнения вызывает 5) обязательность/необязательность внешних проявлений. Опираясь на возможные значения выделенных признаков (и их комбинаций) можно получить по параметру 'длительность и сила эмоции' для 'скоротечности' *пугаться, трусить, дрейфить*, противостоящие всем остальным членам ряда, не способным выразить такое противопоставление; для 'слабость' – *робеть*, для 'сила' – *страшиться, трепетать, дрожать, трястись* (ср. выше с отрицательной оценкой), а также неспособность других членов ряда выражать это семантическое добавление иначе, чем лексическими средствами: *очень, сильно (немного) пугаться, трусить, опасаться*. Иными словами, речь по-прежнему идет не о семантических классификациях внутри синонимического ряда, а о нахождении тех средств, которые способны в конце концов выразить модификацию по заданному параметру или по комбинации параметров, обнаружив, таким образом, разноразличные возможности для выполнения поставленной задачи и/или отсутствие таких представлений о жизни и/или в языке таких возможностей.

Очевидно, что в процессе продуктивных речевых действий в идеале обсуждаемая семантическая модификационная матрица должна быть совмещена с матрицей стилистической. Видимо, такой подход, требующий, как уже отмечалось, большой, но посильной невидимой черновой работы, мог бы стать и практически весьма эффективным, облегчая использование словаря как источника, обеспечивающего в той или иной мере именно тот этап продуктивной речевой деятельности, который связан с выбором номинации.

5. Дополнительные источники в процессе поисков средства для номинации

Обсуждение вопросов обеспечения продуктивной речевой деятельности не только преодолевает уровневый подход к языку, не только ориентирует лексикографов на решение конкретных задач различных видов речевой деятельности, но и требует интеграции источников, отражающих литературный язык, и источников, ориентированных на речь разговорную. В самом деле, ориентация только на словарь слов и игнорирование фразеологизмов сильно деформирует и обедняет представление о языковой системе и ее возможностях. Точно такой же эффект возникает при опоре на словари литературного языка и игнорировании фактов разговорной речи. Еще более искажают реальную картину исследования, базирующиеся только на источниках, отражающих разговорную речь (арго, жаргон). В последнем случае соответствующие словари как принципиально дифференциальные, т. е. никак не отражающие того, что совпадает в литературном языке и языке соответствующего социума, по определению дают неадекватное представление о соответствующих языковых личностях. Как и ориентация только на материал нормативных словарей не способна создать адекватное представление даже об элитарной языковой личности. Ведь личность такого типа, даже крайне редко прибегая к ненормативным средствам, без сомнения, пассивно отлично большинством таких средств владеет.

Иными словами, только комплексный учет всех источников, слов и ФЕ, литературных и ненормативных, может позволить объективно представить свойства русского языка как самоценной системы и ради уяснения возможностей ее речевой реализации говорящим/пишущим.

В самом деле, любой лексикографический источник – в идеале – должен быть ориентирован именно на решение какой-либо конкретной задачи. В частности, словарь синонимов должен обеспечивать в процессе продуктивных речевых действий именно процедуру выбора номинаций. При этом действия говорящего/пишущего определяются двумя факторами. Во-первых, адекватностью именованию тому, как он хочет представить существо дела – конкретно или размыто (гипоним – гипероним), с оценкой (плохо – хорошо) или безоценочно, с модифицирующими характеристиками и с какими именно. И во-вторых, продуцент речи определяет свой выбор отношениями с собеседниками, условиями общения, официальными, дружескими, нейтральными. Напомню, что первый фактор требует своего воплощения в каждой избираемой номинативной единице, слове, свободном или фразеологическом сочетании слов. А для второго в случае официальности или сниженности достаточно обычно лишь нескольких вкраплений в текст, здесь необязательно преобразовывать каждое нейтральное слово.

По-видимому, в таком случае в синонимический ряд должны быть поставлены все соответствующие слова, свободные словосочетания и ФЕ, которые реализуют разнообразные параметры и их комбинации из отмеченных двух сфер. В едва ли достижимом идеале в таком словаре не по умолчанию, но в явной форме должны

быть представлены и те комбинации смыслов, которые, коррелируя с объективной действительностью, либо вовсе не находят точного языкового воплощения, либо воплощают такую комбинацию лишь с обязательным добавлением определенных незаданных принудительных параметров. Точно так же не по умолчанию, но в явной форме следует установить и абсолютные синонимы. В последнем случае, если уже говорить об идеале, заслуживают более пристального внимания ассоциативные различия.

В связи с постановкой задачи, требующей от словаря ясных ответов на конкретные вопросы, возникающие в процессе конкретного вида речевой деятельности, не могу не упомянуть словарь антонимов. Он едва ли полезен для рецептивной речевой деятельности, в процессе которой «противоположность» непосредственно вытекает из лексических значений слов, которые непременно объективирует толковый словарь. Зато для продуктивных речевых действий важным членом синонимического ряда является антоним с *не-*: *умный* ≈ *неглупый*, *не дурак*; *старый* ≈ *немолодой*, однако *вредный* ≠ *неполезный*, *бесполезный*; *уродливый* ≠ *некрасивый* и т. п. Напомню о фразеологизмах с *не-*: *бабник* ≈ *ни одной юбки не пропустит*, *пройдоха* ≈ *мимо рта не проносит* и т. п. Возникающие в этом случае (по определению) образность и некоторая коммуникативная сниженность сопровождаются определенной смягченностью категоричности оценок, что отнюдь не бессмысленно для выбора, наиболее соответствующего целям и обстоятельствам продуцента речи.

Короче говоря, речь идет о некоторой идеальной для производителя речи ситуации. Ситуации, в которой он не должен читать длиннейшие разъяснения относительно различий каждого из значений каждого слова и относительно различий внутри синонимического ряда, не должен весьма невнятно просить помощи ни у фразеологических словарей, ни у словарей разговорной речи, ни у словарей антонимов.

Очевидно, что обсуждаемый идеальный источник для сознательного выбора оптимального и с семантической, и с коммуникативной точки зрения средства номинации опирается на уже созданные разнообразные лексикографические труды по русскому языку, причем не только на словари синонимов. Здесь, однако, существенны два момента. Первый касается принципиальной коррекции в подаче материалов существующих словарей разговорной речи, фразеологических и антонимов в интересах производителя речи. Речь идет о замене алфавитного порядка на идеографический, причем не только по отношению к самим членам синонимического ряда, но к тем **различиям**, семантическим и коммуникативным, которые существуют (могут существовать) между членами такого ряда и должны служить «навигатором» для пользователя. Второй момент связан с необходимостью использования соответствующих информационных технологий для представления материалов именно в такой форме, которая создает максимум удобств пользователю, решающему задачу выбора номинации в процессе активной речевой деятельности.

Напомню, что именно Ю.Н. Караулов стоял у истоков того направления в русистике, которое тогда называлось «машинным фондом», а теперь обозначается как «корпусная лингвистика», или «использование национального корпуса русского языка». Замечу, что корпус представляет собою расклассифицированный в самом общем виде огромный массив текстов на русском языке, давно ждущий сложной и трудоемкой содержательной разметки, совершенно необходимой, в частности, для обеспечения продуктивной речевой деятельности. «Машинный фонд», не предпо-

лагая столь внушительного объема, принципиально был ориентирован не на то, чтобы быть «источником», но был нацелен на такую разнообразную организацию материалов, которая позволяла бы ему выступать в качестве средства для решения конкретных задач.

Вообще, уже совершившийся перевод материалов одних русских словарей на язык компьютеров и неизбежно предстоящий перевод на этот язык других словарей неумолимо ставит вопрос о качестве исходных материалов. Среди множества вопросов, связанных с таким качеством, я выделяю лишь один, хотя, быть может, и самый главный. Речь идет об ориентации не на язык вообще, а именно на пользователя, решающего конкретную жизненно важную задачу. Будь то точное понимание предъявленного текста с его возможной многозначностью, ассоциативными связями, подразумеваемыми, хотя и формально не выраженными смыслами, или создание собственного речевого произведения с продиктованным общей целью, адресатом и условиями коммуникации выбором средств номинации и соблюдением узуса (правил?) соединения избранных языковых единиц. Простое перекодирование существующих словарных материалов, не ориентированное на решение пользователем конкретных задач в процессе различных видов речевой деятельности, приведет к обесцениванию всей этой работы. Игнорирование конкретных реальных интересов пользователя, без сомнения, обернется игнорированием соответствующего продукта со стороны самого пользователя. Последняя опасность – не востребованность обществом новых достижений науки – особенно страшна, поскольку она связана с существенной характеристикой современной российской действительности.

Литература

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.

Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 363 с.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. Изд. стереотип. – М.: Либроком, 2010. – 356 с.

Караулов Ю.Н. Словарь семантических множителей русского языка. – М.: Наука, 1980. – 207 с.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. 2-е изд. / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 552 с.

Перспект активного словаря русского языка / Отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 784 с.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.В. и др. Русский ассоциативный словарь. Т. 1. – М.: Астрель; АСТ, 2002. – 784 с.

Словарь синонимов русского языка. В 2-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.–Л.: Наука, 1970–1971.

Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. – М.: Аванта+, 2007. – 1135 с.

Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М.: Русский язык, 1978. – 688 с.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 708 с.

И.С. Улуханов

УДК 81'373.6

СТАРΟΣЛАВЯНИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ РЕЛИГИОЗНЫХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ¹

В статье рассмотрены старославянизмы и древнерусские новообразования со значением религиозных и мифологических существ. Эти слова описаны с семантической, генетической и функционально-стилистической точек зрения. С семантической точки зрения выделены две группы: «В религии, религиозной мифологии» и «В древней мифологии, в сказках, народных поверьях». С генетической точки зрения наиболее употребительные и адаптированные слова восходят к старославянизмам, заимствованным из греческого языка. Генетическое деление слов является основой построения отсутствующей пока исторической лексикологии русского языка. Генетическая группа может получить описание, мельчайший фрагмент которого представлен в статье: слова разделены на семантические группы, каждая семантическая группа рассматривается с точки зрения происхождения (дальнейшее генетическое описание генетически выделенной группы старославянизмов – грецизмы, исконные образования) и с функционально-стилистической точки зрения (описание жанра памятников, в которых употреблен данный старославянизм).

Ключевые слова: старославянизмы, древнерусские новообразования, заимствования, мифологические существа, Древняя Русь.

Igor S. Ulukhanov

OLD SLAVIC WORDS WITH THE MEANING OF RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL CREATURES IN THE ANCIENT RUSSIAN LANGUAGE

Old Slavic words and ancient Russian language neologisms with the meaning of religious and mythological creatures are considered in the article. These words are described from semantic, genetic and functional-stylistic points of view. From the semantic point of view there are two groups: «In religion and in religious mythology» and «In ancient mythology, in fairy tales and folk beliefs». From the genetic point of view the most commonly used and adapted words date back to the old Slavic words borrowed from the Greek language. Genetic division of words is the basis for building missing so far historical lexicology of the Russian language. A genetic group can get the description and the smallest fragment of such description is represented in the article: the words are subdivided into semantic groups, each semantic group is considered from the point of view of origin (the further genetic description of the genetically chosen group of old Slavic words – grecisms, original formations) and from functional-stylistic point of view (the description of the genre of the text in which the old Slavic word is used).

Keywords: old Slavic words, ancient Russian language neologisms, mythological creatures, ancient Russia.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-04-00037.

И зучая проблемы конструирования русского тезауруса, Ю.Н. Караулов писал о «понятийных наборах наиболее полных идеографических словарей с хорошо разработанными классификационными схемами» [Караулов 1981: 227], приводя в качестве примеров словари Roget, Dornseiff и ряд других [там же: 219, 227]. В этот ряд в настоящее время можно поставить и созданные позднее семантические и идеографические словари русского языка (см. [БТСР; ТСРГ; РСС]). Проблемы идеографического описания русской лексики, разрабатывавшиеся Ю.Н. Карауловым уже в его первой монографии (см. [Караулов 1976]), продолжали оставаться актуальными всё последующее время.

Открылась возможность применения семантических и идеографических словарей для исследования разных уровней языка; ср., например, использование РСС для исследования лексико-словообразовательных закономерностей (см. [Улуханов 2007]); для классификации древнерусской разговорной лексики (см. [Улуханов, Солдатенкова 2004, 2006]). В данной статье РСС используется для семантической классификации старославянизмов – названий религиозных и мифологических существ.

1. В РСС (т. 1) названия лиц делятся на два количественно неравных множества: большее – «Реальные лица, люди» и меньшее – «Религиозные, мифологические, сказочные, фантастические человекоподобные существа». Данная статья представляет собой часть исторического комментария к словам второго – «религиозно-мифологического» множества: описывается этимология и история старославянизмов типа *ангѣлъ*, *апостолъ*, *богородица*.

Факт заимствования слова из старославянского языка далеко не всегда может быть установлен с полной уверенностью. Существуют, как известно, фонетические приметы (неполногласие, жд < *dj, щ < *tj и др.), свидетельствующие о том, что слово заимствовано из старославянского языка.

Из слов, не имеющих таких примет, как старославянизмы рассматриваются слова, зафиксированные в словарях старославянского языка (см. [Ст. сл.; Sl. st.]) и словарях языка Древней Руси (см. [СДРЯ XI–XIV; СлРЯ XI–XVII]); учитывались также словники к ряду изданий памятников и отсутствующие в ЭССЯ (вып. 1–38), т. е. не являющиеся праславянскими.

Вышедшие выпуски ЭССЯ охватывают отрезок *a – otytegati (se)*. Статус слов, начинающихся на буквы, не охваченные в ЭССЯ, но представленных в старославянских и древнерусских словарях и не имеющих показателей старославяности, устанавливается с разной степенью надежности.

Безусловно старославянизмами можно считать те слова, которые были заимствованы старославянским языком из греческого и далее вошли в другие славянские языки (*апостолъ*, *дѣмонъ*, *дѣволъ* и др.).

В работе анализируются также и те слова, старославянское происхождение которых не может быть установлено точно: это слова, не имеющие фонетических признаков старославянизмов, не заимствованные из греческого языка и зафиксированные (в пределах наших материалов) только в словарях старославянского и древнерусского языков. Если слово зафиксировано во многих славянских языках, то оно, как правило, не считается старославянизмом. Так, по-видимому, не следует считать старославянизмом слово *тронца*, представленное

в древнерусском, старославянском и ряде других славянских языков (болг. *троица*, с.-х. *тројица*, пол. *trójca*, чеш. *trojice*, словац. *trojica*). Видимо, оно, подобно словам *bogъ* (см. [ЭССЯ вып. 2: 161–163]), *boguni* (см. [ЭССЯ, вып. 2: 163]), *bogomilъ* (см. [ЭССЯ, вып. 2: 159]), *krъstъ* (см. [ЭССЯ, вып. 13: 76]), существовало в докирилломефодиевское время в праславянском языке. Если слово, не имеющее фонетических примет старославянизмов, зафиксировано только в старославянском языке и других южнославянских языках, то мы обычно считаем его старославянизмом (ср. обсуждение этого вопроса в [Kiparsky 1975: 73]).

В данной статье рассматривается этимология и употребление изучаемых слов в древнерусских памятниках письменности (религиозно-мифологическую характеристику понятий, выражаемых описываемыми словами, см. прежде всего в [Мифы... 1987–1988]).

2. Мифологическое множество в РСС делится на подмножества:

– «В религии, религиозной мифологии» (см. [РСС, т. I: 386–393]);

– «В древней мифологии, в сказках, народных поверьях» (см. [РСС, т. I: 393–395]).

Будучи книжными заимствованиями, большая часть старославянизмов относится к первому подмножеству.

2.1. Наиболее частотное слово первого из названных подмножеств – *вогъ* (> 11000)² (первоначальное значение – ‘тот, кто дает, наделяет’) старославянизмом, как уже говорилось, не является, относясь к праславянской лексике. Из старославянских текстов, по-видимому, перешли в древнерусский язык многочисленные названия Бога: *владъика*, *живодавецъ*, *живодатель*, *животворецъ*, *жизнодавецъ*, *жизнодатель*, *зиждатель*, *зъдатель*, *изкавитель*, *создатель*, *строитель*, *съпаситель*, *творецъ*, *хитрьць*. Старославянизм *владъика* (889), например, имевший значения ‘1. Господин, хозяин; 2. Высший церковный чин; архиерей’, употреблялся для названия Бога в церковно-книжных памятниках и в летописи: *вѣдите тако влѣдъикы нѣснаго ли соущю*. ЖФП XII 63 г.³; и *оумоли ш насъ овца(г) вл(д)коу. да подасть ны глѣть и слово*. ПКП 1406, 102 г.; *Игорь же повиваемъ рѣ(ч) вл(д)ко в роуцѣ твои предаю тебе дхъ мои*. ЛИ ок. 1425, 129 (1147) – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 439].

Из старославянского языка заимствовано сущ. *вогородица* (< 1000). Это весьма частотное слово встречается во всех жанрах письменности: в грамотах (дали есати сю милостыню церкви Святое Богородици Отороуью монастырю. Гр 1362–1364 (твер.) – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 266; т. VI: 21] – дополнения и уточнения к списку источников), в том числе берестяных (*пакы ли не оуправише того а т передано свтее вогородице*. ГрБ № 705, XIII – [Зализняк 1995: 349]), в близких к живой речи приписках (*сѣога бѣе помоган равоу своему Дъмъкъ. Мин. 1096 (окт.), л. 127об* – [СДРЯ XI–XIV, т. II: 266]), в летописях (*ѣха въ еп(с)пю ко сѣби Бци. идеже положенъ въ(с) вратъ его Володимѣръ*. ЛИ ок. 1425, 305(1289) – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 267]) и в разнообразных церковно-книжных памятниках. Это слово закреплено в названиях церквей, икон и церковных праздников.

² Здесь и далее в скобках приводится частотность слова в картотеке СДРЯ XI–XIV по данному словарю или непосредственно по картотеке.

³ Нами используются сокращенные обозначения памятников письменности, принятые в СДРЯ XI–XIV (см. тт. I и VI), СлРЯ XI–XVII (см. Спр. вып.) и Срезн. (см. тт. I–III).

Старославянское *богородица* – калька сложного греческого слова *Θεοτόκος* (см. [Фасмер 1964, т. I: 183; ЭСРЯ, т. I: 150]); оно образовано сложно-суффиксальным способом: *бог+о+род+ница*; слова **родица*, видимо, не существовало; в значении ‘мать’ употреблялось *родительница*; ср. обозначение Богородицы с помощью словосочетания: *Извудѣиѣ лютыхъ прѣгрѣшени мѣти твои, Бѣга родителнича ѿста*. Мин. сент., 020, 1096 г. (1199) – [СлРЯ XI–XVII].

В значении ‘мать божья, вечная девственница’ употреблялся также старославянизм *приснодѣва* (12) (см. [СДРЯ, т. VIII: 563–564]) – сложение: *присно+дѣва*. Большая часть контекстов, в которых выступает это слово (оно представлено только в церковно-книжных памятниках), типизирована: в препозиции выступает (как правило, с различными эпитетами) слово *богородица*, а в постпозиции – имя Богородицы – *Марина*, например: *Г(с)и ісѣ хѣ бѣ нашъ. приими жертвѣоу сию. въ славу и ч(с)ть прѣбѣтна вл(д)учѣ наша бѣчѣ и приснодѣвы мѣри*. КР 1284, 274в – [СДРЯ XI–XIV, т. 8: 564].

В переводных памятниках слово *приснодѣва* употреблялось для поморфемной передачи греч. *ἀειπαρθένος* (*ἀεί* ‘всегда, постоянно’, *παρθένος* ‘дева, девица’, например: *М(с)ца авгоу(с) ѡ ѿѣо сло(в) на ѡспі(н)е стѣи вл(д)уча бѣа. стѣи и преславнѣи бѣи при(с)дѣвѣ мѣри (ἀειπαρθένου) СбЧуд к. XIV (1), 113 в-г. – [СДРЯ XI–XIV, т. VIII: 564].*

В древнерусских памятниках употреблялось не зафиксированное в старославянских словарях сложное слово *приснодѣвица* (24), представленное как в церковно-книжных памятниках, так и в летописи, например: *...оуспениѣ славиѣна стѣи владѣици наша бѣа. и приснодѣвица мѣри (ἀειπαρθένου)*. ПрЛ 1282, 37а; *кнзъ же олеѡандръ... приде на н. і поведе га силою. стѣи софыа і мѣтви вл(д)уча наша бѣа. приснодѣвица мѣри*. ЛН ок. 1330, 126 об (1240) – [СДРЯ XI–XIV, т. VIII: 564].

Старославянизм *владѣици* (91), судя по фиксациям в исторических словарях русского языка (см. [Срезн.; СлРЯ XI–XVII; СДРЯ XI–XIV]), употреблялся почти исключительно применительно к богородице; например: *сѣвърши сие еѣа(г)и на вл(с)вениѣ прѣбѣтѣи чѣтѣи вл(д)учи наши бѣи*. ЕвМст до 1117, 213 (запись) – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 440]. Слово употреблено в книжных памятниках (например: *Мѣтви прѣ(с)тѣи владѣици наша бѣа (τῆς παναγίας δεσποίνης... Θεοτόκου)*. ФСт XIV/XV – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 440] и в летописи: *посѣи въжгоша (половцы) домѣ стѣи вл(д)учѣ наша бѣа*. ЛЛ 1377, 77 (1096) – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 440]. Образовано от *владѣика* ‘господин, хозяин’ > *владѣици* ‘госпожа, хозяйка’ > ‘богородица’.

2.2. Одним из наиболее употребительных старославянизмов рассматриваемого подмножества является существительное *апостолѣ* (> 1500) ‘ученик Христа, несущий людям его учение’.

Старославянское слово *апостолѣ* заимствовано из греческого языка; греч. *ἀπόστολος* ‘посланец’ образовано от глагола *ἀποστέλλω* ‘посылаю’. Этот глагол образован с помощью приставки *ἀπο-* ‘от’ от глагола *στέλλω* ‘готовлю, снаряжаю, посылаю’ (см. [ЭСРЯ, т. I: 129; ЕСУМ, т. I: 80]), родственного с праславянским **stlati*, *steljŕ* (рус. *стелить*, *стелю*), которое, по мнению этимологов (см. [Черных 1993, т. II: 204; ЕСУМ, т. V: 297]), восходит к индоевропейскому **stel* ‘расширять; простирать; раскладывать’. К этому значению, таким образом, восходит семантический компонент ‘посылать’, имеющийся в значении слова *апостолѣ*. Связь понятий ‘расстилать’, ‘простирать’, ‘двигаться’, ‘заставлять двигаться’, ‘посылать’ отражена, в частности, во фразеологизме *скатертью дорога (дорожка)*.

Помимо многочисленных оригинальных и переводных церковно-книжных памятников (см. ЖФП XII; КЕ XII; ПНЧ 1296 и др.), слово употреблено в нескольких древнейших летописях, что свидетельствует о его закреплении в языке повседневного общения: м(с)ца ноявр. въ ѡбѣ на пам(т) стго ап(с)ла. андрѣа. вѣ(с) помрачєнїи в слнці. ЛН XIII–XIV, 167 (1331); Того же мѣ(т) мѣца дѣкр в ѡбѣ днь созда црѣвь каменогоу стхъ ап(с)лѣ в Бѣлѣгородѣ ѡ благовѣрнѣи кнзѣ Рюрикѣ. ЛИ ок. 1425, 242 (1198) – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 90].

Слово апостолъ уже в древнейших памятниках отмечено в значении ‘богослужебная книга, содержащая «Деяния» и «Послания апостолов»’, например: сима же пришедѣшема ѡ науста съставивати писмена ѡ азѣ-вуквьнана Словѣньски ѡ и преложиста Яп(с)лѣ и Соу҃д(ѣ). ЛЛ 1377, 9-9 об (892) – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 90].

Переносное значение ‘последователь и распространитель какой-нибудь идеи’ возникло у слова «апостол» не ранее XIX века: в СлРЯ XVIII в. оно отсутствует.

2.3. Заимствованное из греческого языка через посредство старославянского слово ангѣлъ ‘служитель Бога, исполнитель Его воли и его посланец к людям, вестник’ (ср. глоссу: вѣстницѣ рѣкше аггѣлы ДионАреоп XIV, 55 об – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 87]) было, подобно рассмотренным выше вогородица, апостолъ, адаптировано языком Древней Руси, о чем свидетельствует частота его употребления (1352 в [СДРЯ XI–XIV]), так и наличие его не только в церковно-книжных памятниках (например: тѣ же. ча^о мое дрѣжевное. гѣа гѣса правды вѣди добръ дѣлатель и схранитѣ т гѣ и помощь его вѣдетъ ѡ тебе. и аггломъ своимъ заповѣсть ѡ тебе. ЖАЮ к. XIV, л. 31 – [Молдован 2000: 224]), но и в летописях (например: аркадѣ... състави собе манастырѣ. и вѣ(с) кр(с)тыаномъ привежше аггломъ радость и дьяволоу пагоука. ЛН XIII₂, 27 об (1153); и посла гѣ Бѣ ангѣла в помощь Рѣсьскымъ кнземъ. ЛИ ок. 1425, 100 (1111) – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 87].

В словосочетании велика съвѣта ангѣлъ это слово используется для названия Христа: отроца родис намъ стнъ дастъс . ѡмоу же начало на рани ѡго . и наречѣтъс им ѡго велика съвѣта аггѣл (μεγάλης βουλής ἀγγελος) КЕ XII, 225б – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 87].

В христианстве возникла иерархия ангелов – девять ангельских чинов (*чин* < греч. τάξις ‘порядок’, ‘ряд’, ‘отряд’). По учению Псевдо-Дионисия Ареопагита (V или начало VI вв.), «Д<евять> ч<инов> а<нгельских> образуют три триады, перечисляемые (сверху вниз) в таком порядке: первая триада (характеризуемая непосредственной близостью к богу – серафимы, херувимы, престолы; вторая триада (особенно полно отражающая принцип божественного мировладычества) – господства, силы и власти; третья триада (характеризуемая непосредственной близостью к миру и человеку) – начала, архангелы, ангелы (в узком смысле слова)» [Аверинцев 1986: 323–332].

Ангельские чины в различном порядке и в различном составе нередко перечислялись в памятниках. Перечни могут быть полными (Янгѣли и архнгѣли. хѣрѣвини и серафими. власти и вл(д)ѣства. престолы г(с)ѣства. и вс чиноначальа горнихъ чиновь. молтъ т х(с)ѣ ц(с)рю всего мира. КТурКан XII сп. XIV, 227 об – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 87]) и в разной степени сокращенными, причем вместо конкретных названий чинов могут употребляться обобщающие названия: не ѡбкмѣ глѣю. и стѣлымъ апломъ. но аггѣлѣ и архнгѣлѣ и всѣмъ вшшимъ силамъ. ПНЧ XIV, 159в – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 94].

Е.М. Верещагин, автор философско-богословского комментария к факсимильному изданию Ильиной книги рубежа XI–XII вв., отметил, что «составитель канона настойчиво (неоднократно) перечисляет чины ангельские, как бы стремясь, чтобы верующие хорошенько закрепили их в своей памяти» [Верещагин 2006: 603]. В издании приведены примеры разнообразных перечней: полных, с изменениями в порядке следования чинов, сокращенных.

Названия ангельских чинов в исторических словарях русского языка представлены в основном цитатами из церковно-книжных текстов, лишь *архангелъ* (108) и *господства* отмечены в летописях: *посла на нѣх Бѣъ арханѣла Михаила ѡтворити хлѣи нв(с)нѣи*. ЛЛ 1425, 275об (1229); – СДРЯ XI–XIV, т. 1, с. 94; *суть си анѣи нарицаѣми Г(с)ства*. ЛЛ 1377, 143 (1206) – [СДРЯ XI–XIV, т. II: 370].

С этимологической точки зрения названия ангельских чинов делятся на две группы: заимствования из греческого языка и слова, которые формально совпадают с существующим славянским словом (с его формой множественного числа) и являются результатом развития у этого слова значения ангельского чина (обычно под влиянием греческого слова).

Слово *ангелъ* «разными путями вошло в славянские языки» [ESJS, вып. 1: 49]. В старославянском оно заимствовано из греческого языка. Греч. ἄγγελος ‘ангел, посланец, вестник, провозвестник’ (перевод евр. Malāḥk – [Мифы... 1987, т. I: 76]) образовано от глагола ἀγγέλλω ‘объявляю, уведомляю’, который, возможно, является родственным дринд. āngiraḥ ‘божественный’ [ЕСУМ, т. I: 72]. Существует предположение, что «ἀγγέλλω заимствовано из языков Востока» [ESJS, вып. 1: 49].

Возглавляющий иерархию ангельских чинов старославянизм *серафимъ* восходит к греческому Σεραφίμ, заимствованному из древнееврейского языка. Др.-евр. serāfīm в свою очередь восходит к sārāf ‘жечь’ (см. [ESJS, вып. 13: 800; ЕСУМ, т. V: 215]). Описание серафимов дается в ветхозаветной книге пророка Исаяи, где говорится о шести крыльях серафимов и связи серафимов с огнем: «Вокруг Него <Господа> стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лицо, и двумя закрывал ноги свои и двумя летал... Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами в жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен» [Ис. 6,2; 6,6; Библия 1990: 685]. Как известно, этот сюжет использовал А.С. Пушкин в стихотворении «Пророк».

Серафимы назывались также сложными и сложно-суффиксальными словами: стсл. *шестикрилатъць* (ἑξάκτερουός; [Ст. сл.: 789]), дрр. *шестокрильъ* (жъртвище... ѡ анѣъ държитъсѣ. ѡ арханѣлъ ѡкроужаетъсѣ. ѡ шестокрильъ ѡсѣняетъсѣ. ПНЧ 1296, 129 об. – [СДРЯ XI–XIV, т. VI: 245]); *шестокрильць* (агнѣцю вѣжню тебе ради закалаемоу... шестикрильцемъ лицъ закрываюштемъ (τῶν ἑξακτερούων; Изб 1076, 260 об.); субстантивированные прилагательные *шестокрильньми* (Ἰεγο же шестокрильни, и мѣногоуцитни здрѣкти не могутъ. Стихир. XII в. Ак.н.л.130 – [Срезн., т. III, стлб.1589]), *шестъкрилатъць* (Шестъкрилатъць силоу въспринимъ, шствоюу нъинѣ по слѣдоу оучителю. Конст. Болг. поуч. XIII в. – [Срезн., т. III, стлб.1591]; ср. также собирательное *шестокрильство* ‘сонм шестокрыльцев (о серафимах)’: Раддѣста, архистратѣже, шестокрильству похвала. Хож.Богор. – [Срезн., т. III, стлб.1589].

Стсл. *херовимъ* (> дрр. *херувимъ*) восходит через посредство греч. χερουβίμ к древнееврейскому kerūbīm – мн. число от kerūb ‘херувим’ [Фасмер 1964–1973,

господства зафиксирована в летописи (ЛЛ 1377, 143 (1206) (контекст приведен на с. 72) и в КТурКан XII, сп. XIV, 227 об (контекст приведен на с. 71).

Второй член второй триады ангельских чинов – *силы* (см. [Ст. сл.: 602]), ср. употребление этой формы в одном из многочисленных перечней ангельских чинов: ОуѡнсѢ БѢ, сѢдѣцѢ(р) на хирѡуѡнѢхъ і призираѡщѢ(р) ѡздрѣнѢ, ѡго же трѣпѣщѡ(т) анѢли, арханѢли, прѣстоли, госпо(д)ства, начала, власти, силы, мѣногоуѡчитѢ хирѡуѡнѢ и шѣстокрилатѢ сѢрафи(м). Служ. Серг.л.112 – [Срезн., т. III: 351].

Форма *силы* (чаще с определением) употребляясь также в значении ‘небесное воинство, ангелы всех чинов’: Попове... по образу сѢрафимѢскѢмъ силѢмъ сѣтъ ѡдѣни ѡко в крилъ мѣсто... Я диаconi образѣмъ анѢльскѢхъ силъ тѣмъкъты ѡрѣря нѡстѣце льнѣнѢ (δυνάμειον... τῶν ἀγγελικῶν δυνάμειον). Толк. лит. Германа. 334. XII в. – [СлРЯ XI–XVII, вып. 24: 136]. В этом значении слово употреблялось в сочетаниях *Богъ Силъ*, *Господь СилѢмъ* – ‘эпитет Бога’ и *Вседержитель*, *Духъ Сѡтѣи*, *ПрѣнѣстѢ Богородица*, *Спасѣ*, *Спаситель в силахъ* – названия икон, изображающих Св. Духа, Спаса, Богородицу на фоне ангельских сил’ (см. [СлРЯ XI–XVII, вып. 24: 137]).

Третий чин второй триады небесной иерархии – *власти* (см. [Ст. сл.: 118]): Тѡѡно оуспѣнна сѡвѣтъ. власти и прѣстоли. зачала и гѣства. силы же и херѡуѡнѢ и страшнѢ сѢрафимѢ (ἔξουσία). Ил. кн., 141г – [Ильина книга 2005: 628]. «Псевдо-Дионисий Ареопагит... отводит В<ластям> место... после господств и сил, особую близость В<ластей> к которым подчеркивает: как и они, В<ласти> воплощают принцип непогрешимой и невозмутимой иерархической стройности, повелевания в послушании, без всякой возможности «тиранического употребления во зло» авторитета» [Мифы... 1987, т. I: 240].

Значение ангельского чина имело также стсл. *владычества* (αἱ ἔξουσία, αἱ ἀρχαί, οἱ ἑρόνοι, – [Ст. сл.: 117]); в [СДРЯ XI–XIV; СлРЯ XI–XVII; Срезн.] у этого слова нет данного значения, но оно имеется у дрр. *владычества* – мн. число от *владычество* (см. приведенный выше контекст из КТурКан XII, сп. XIV, 227 об – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 441] при отсутствии этого значения (в [Ст. сл.: 117]) у стсл. *владычество*. Видимо, данные различия между старославянскими и древнерусскими словами объясняются незафиксированностью в Ст. сл. и древнерусских словарях потенциально возможных форм.

Первый чин третьей триады – *начала*; в эту триаду входят также архангелы и ангелы («в узком смысле слова» [Мифы... 1987, т. I: 362]. В словарях старославянского языка *начала* в рассматриваемом значении не зафиксированы; в древнерусских исторических словарях данное значение выражено не только формой *начала* (например: не можѣт ѡтноудѣ прѣвѣзѣти на вѣшьнѢе нѣбо. ни начал ни в<л>асти прѣбити (τὰς ἀρχὰς) КЕ XII, 280б – [СДРЯ XI–XIV, т. V: 213], но и формами *начатъци* – от *начатъкъ* ‘начало’ (ѡлѡкъ ѡгоже дѣла сѣтъ нѣбо... ѡгоже ради начатъци и власти и гѣства (ἀρχαί) СбТр, XII/ХIII, 16 – [СДРЯ XI–XIV, т. V: 217]) и *поконъници* (ср. стсл. *поконъ* или *поконъ* ‘начало’ – [Ст. сл.: 470]): сѣтъѢ вс нѣснѣѢ и ѡсплѡтнѣѢ силы. сѣти анѢли и арханѢли. поконъници бѣдѣкы и силъ гѣствѢѢ... за||криитѣ ѡ вашѢни сѣтъѢѢ пламеннѣѢѢ крилы всѡдоу. СбЯр XIII₂, 118–119 – [СДРЯ XI–XIV, т. VII: 44].

Слово *архангелъ* ‘один из ангельских чинов, принадлежащий третьей триаде’, как и *ангелъ*, заимствовано из старославянского языка, куда оно вошло из греческого. Греч. ἀρχάγγελος образовано от ἄγγελος с помощью приставки ἀρχ- ‘старший’, родственной прилагательному ἀρχαῖος ‘старый’ и глаголу ἀρχῶ ‘являюсь первым’ (см., например, [ЕСУМ, т. I: 89]).

2.4. Если для ангелов в древнерусском языке существовало одно родовое и несколько видовых названий, то для беса (дьявола) существовало несколько синонимичных названий. Большая часть названий дьявола заимствована из старославянского языка.

Таково, в частности, дрр. антихристъ. Его старославянский источник (см. [Ст. сл.: 71]) восходит к дргреч. ἀντίχριστος ‘противохристос’. В христианской мифологии этим словом обозначался противник Иисуса Христа, который должен явиться перед концом света. В Новом завете говорится об антихристе как о «человеке греха» (2 Фес. 2,3), отрицающем христианскую веру: «всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире» (1 Ио 4, 3 – [Библия 1990: 1221]); «Ибо многие обольстители вошли в мир, не исповедующие Иисуса Христа, пришедшего во плоти; такой человек есть обольститель и антихрист» (2 Ио 1,7 – [там же: 1223]).

В древнерусской письменности слово антихристъ употреблялось достаточно часто (25 цитат в картотеке СДРЯ XI–XIV), причем как в церковно-книжных памятниках (например: хса же себе антихристъ сътвори. <т. е. антихрист принял образ Христа> и оученикы прѣже. проповѣдающе посылъ. сѣна ѿцъ перьскааго недужьна соуща. ицѣлти овѣщавъс. посемь мьртва сътвори и. (ὁ ἀντίχριστος) КЕ XII, 278a – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 89]), так и в летописях (ср. употребление слова антихристъ по отношению к реальному человеку: вѣ во толитель боронъ и гражданомъ и влоудъ твор и шквернхочужены же и черници и попадыи в правдоу вѣ антихристъ за скверната дѣла его. ЛИ ок. 1425, 246об (1205); (в словарях современного русского языка аналогичное употребление фиксируется в качестве отдельного значения: «Употр. как бранное слово (устар. прост.)» [ТС: 16]. В летописи это слово зафиксировано также в передаче устной речи: многожды во вѣси пакости дѣлаху яену <Исакию> и глху нашъ яси. и поклониле яи нашему старѣшину и намъ. шнъ же глше вашъ старѣшана (так!) антихрестъ есть. а вѣси есте. ЛЛ 1377, 66(1074) – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 89].

Не столь употребительным в древнерусских памятниках (только в церковно-книжных) было название дьявола, князя бесов – вельздуль, вельзовуль, вельздуль (в современном языке закрепилась форма *Вельзевул*); ср.: яште домашьного блкоу вельзаоуломъ прозъваша. Изб.1073г – [Срезн., т. 1, стлб.240].

Слово заимствовано из старославянского языка (стсл. вельзѣволъ также имело ряд орфографических вариантов – см. [Ст. сл.: 111]). Старославянское слово, в свою очередь, восходит к греч. Βεελζεβοὺλ, Βεελζεβοῦβ.

В качестве князя бесов слово *вельзевул* упоминается в Евангелии (в частности, Мф. 12,22-24: «Тогда привели к Нему бесноватого слепого и немого; и исцелил его, так что слепой и немой стал говорить и видеть. И дивился весь народ и говорил: не Сей ли Христос, Сын Давидов? Фарисеи же, услышавши сие, сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как силою *вельзевула*, князя бесовского» [Библия 1990: 1026].

Сходный текст – Лк. 11,15: «Некоторые же из них говорили: Он изгоняет бесов силою *вельзевула*, князя бесовского» [там же: 1102].

Этот эпизод (утверждения книжников и фарисеев, что бесы изгоняются силою князя бесов) отражен в одной из фиксаций слова в древнерусской письменности: И книжници же отъ Иеросла съшьдъшес глааху яко вельзовуль имать,

яко владѣякою вѣсовьскыиимъ изгонити вѣсы. Еванг. (Воскр.), 138. XII в. – [СлРЯ XI–XVII, вып. 2: 71].

Происхождение названия князя бесов объяснялось по-разному. «Переводчик и комментатор Библии Евсевий Иероним (4-нач. 5 вв.) связывал имя «В<ельзевула>» с именем упоминаемого в Ветхом завете бога филистимлян Баал-Зебуба (Ba'al-z'ebub, “повелитель мух”... который почитался в городе Аккарон (Экрон)...; в русском переводе Библии этот божок так и назван – “В<ельзевул>» [Мифы... 1987, т. I: 229]. Так, в 4 Цар. 1, 2-4 говорится: «Охозия же упал чрез решетку с горницы своей, что в Самарии, и занемог. И послал послов, и сказал им: пойдите, спросите у Веельзевула, божества Аккаронского: выздоровею ли я от сей болезни? [И пошли они спрашивать.] Тогда Ангел Господень сказал Илии Фесвитянину: встань, пойдй навстречу посланным от царя Самарийского и скажи им: разве нет Бога в Израиле, что вы идете вопрошать Веельзевула, божество Аккаронское? За это так говорит Господь: с постели, на которую ты лег, не сойдешь с нее, но умрешь. И пошел Илия [и сказал им]» [Библия 1990: 347–348].

Связь со значением ‘повелитель мух’ закрепилась за именем Вельзевул в глубокой древности («имеются археологические находки изделий в виде мухи, посвященные, очевидно, соответствующему божеству» [Мифы... 1987, т. I: 229]) и устойчиво держалась до нового времени (ср. употребление в тексте XVIII века слова «Веельзевул» в значении ‘сатана как повелитель, князь мух – в соответствии с иудейской демонологией’: «Тут черноватая муха шмелиного рода, летающая около головы Грандиеровой, была почтена от одного монаха... Веельзевулом начальником мух, который вился около Грандиеровой головы, дабы перенести во ад его душу. ПЭ I 114 – [СлРЯ XVIII, вып. 3: 26]) и современности (ср. название романа английского писателя У. Дж. Голдинга «Повелитель мух» – [Мифы... 1987, т. I: 229]).

О двух других версиях толкования имени Вельзевул (имя сатаны Zabulus – искаженное греч. διάβολος ‘дьявол’; еврейский глагол zabal ‘вывозить нечистоты’) подробнее см. [там же].

Древнерусское дѣмонъ (см. [СДРЯ XI–XIV, т. III: 163]) (< стел. Дѣмонъ – [Ст. сл.: 186]) восходит к греч. δαίμων ‘божество; дух; душа умершего; злой рок, несчастье’, образованного от δαίω ‘делю, разделяю, распределяю’. В этимологических словарях отмечается, что греч. δαίμων имеет такое же семантическое развитие, как прасл. богъ ‘дающий’ [ESJS, т. II: 125] и приводятся дрперс. бага ‘бог’, прасл. богъ, связанные с авест. бага ‘доля’ или дринд. bhāga- ‘доля; тот, кто дает, наделяет; господин’ [ЕСУМ, т. II: 31]. Если вслед за [ЕСУМ, т. II: 31] связать δαίμος с δῆμος ‘народ; страна’, то можно констатировать отдаленное родство демонов и демократов.

В греческой мифологии и религии демон трактовался как всякое божество, как разумный дух-хранитель, подсказывающий, дающий. В римской мифологии демону соответствует гений. В христианской традиции имела место эволюция термина. Демоны стали рассматриваться только как злые духи, что нашло отражение в древнерусской письменности. Слово дѣмонъ многократно (54 употребления в картотеке СДРЯ XI–XIV) зафиксировано в древнерусских памятниках, как правило, с негативной окраской, ср.: помазас бѣтъынъ маслѣмъ... и излѣзѣ иж [так!] него дѣмонъ и исцѣлѣ. ЧудН XII, 72б; пожроша во, ре(ч) дѣмоно(м), а не Бѣ. КТур XII, сп. XIV, 47; дѣмонъ множество дѣши люди на пакость пре(д)стану(т) (τῶν δαιμόνων) ЖВИ, XIV–

XIV, 131б; *спадшии же уинъ* (т. е. ‘падшие ангелы, низвергнутые на землю вместе с драконом’, см. Отк. 12, 7) *нарекош(с) дѣмонъ*. Пал 1406, 20а – [СДРЯ XI–XIV, т. III: 163–164]. Слово зафиксировано в летописи (в «Повести временных лет» в «Рассказе о крещении Руси»): *дѣмони проклинаеми ѿ блговѣрны(х) мюжь. и ѿ вѣрны(х) женъ. иже приаши соуть крещенье и поканяне*. ЛЛ 1377, 42 (988)

Исконным славянским синонимом слова *дѣмонъ* является праславянское слово *вѣсъ*.

Древнерусское *дѣволъ* (*дыволъ*) ‘злой дух, властелин ада’ через посредство стсл. *дывалъ* заимствовано из греческого языка. Греч. *δίαβολος* ‘дьявол; клеветник’ образовано от глагола *διαβάλλω*, возникшего с помощью префикса *δι-* ‘поперек, между’ от глагола *βάλλω* ‘бросаю, разрушаю’ (см. [ЕСУМ, т. II: 81]). Глагол *διαβάλλω* в греческом языке был многозначным: помимо исходного значения ‘перебрасываю, перевожу, переправляю’, равногo сумме значений производящего глагола и префикса, он развил еще несколько значений (см. [Дворецкий 1958, т. I: 363]), среди которых ‘сеять рознь, ссорить; клеветать, оговаривать, чернить’. Последнее явилось производящим для существительного *δίαβολος* (ср.: *илленоуеть его дывала тако на ба къ улв(к)мъ клеветища и салѣмъ улв(к)мъ враждоу дроутъ на дроуга творца. (δίαβολον) ГА XIV₁ 46а*), которое получило значение ‘дьявол’ в начале христианской эпохи (см. [Черных 1993, т. I: 278]).

Дѣволъ было весьма употребительным словом в древнерусском языке (619 употреблений в картотеке СДРЯ XI–XIV; см. т. II, с. 469). Оно вошло в повседневное употребление, в устную речь, о чем свидетельствуют его фиксации в летописях: *бѣмь и стюю софнью. кр(с)тъ възвелиунъ вы(с). а дывалъ погранъ*. ЛН XIII₂, 93об (1220); *а дывалъ стѣн гѣше. оуветы || мнѣ тако всюда [в др. сп. отсюдѣ] прогони(м) есмь*. ЛЛ 1377, 40–41 (988); *всекозненъи же дывалъ. не хош любви межю братьею*. ЛИ ок. 1425, 119об (1146).

Существительное *дывалъ* нередко употреблялось в сочетании с прилагательными или существительными негативного содержания, например: *завидевъи же неприазнѣвъи дывалъ. доброму начатью его*. Пр XIV(2), 44б; *всекозненъи дывалъ* – ЛИ ок. 1425, 119об (1146) (см. выше); *вѣдѣ во дывала рикающа лвоветымъ въразомъ (τὸν διάβολον) ФСт XIV, 128г; понеже улѣккоувища дывалъ. единою вседържителю воу противльс (ὁ... διάβολος) КЕ XII, 38а; нъ дывалъ нѣ(с) срѣдцевѣдѣць. нъ назиратель и оуховолокъ. (ὁ διάβολος) ПНЧ 1296, 148; и троудомъ многомъ повѣдили дьвола. [так!] врага улѣвческа рода. Сб Яр XIII, 109; свѣтникъ же всемъ злѣ дывалъ. Пр 1383, 18б; *изиде противу супостату дывалоу*. ЧТБГ к. XI сп. XIV, 11б; *аще коему васъ оудѣтъ злы<и> волкъ дывалъ?* СВл XIII сп. к. XIV, 13; *Гвци же сѣ(т) кр(с) тыяне. а волкъ дывалъ*. ЗЦ к XIV – [СДРЯ XI–XIV, т. II: 469]; *ненавидцаго добра и враждолюбца дывола. разорити ш(т) много лѣтъ*. ЛЛ 1377, 11об (945 – Договор Игоря с греками).*

Древнерусское *сатана* (12), *сатона* восходит к стсл. *сотона*, которое заимствовано из греческого языка; греч. *σατανᾶς* восходит к *sātān* ‘противник’ (см. [Фасмер 1964–1973, т. III: 565; Черных 1993, т. II: 141; Мифы... 1987, т. I: 416]). «Формы с *a* – более поздние, чем с *o*» [Черных 1993, т. II: 41]. «Форму *сатана* можно объяснить из *сотона* вторичным приспособлением к греч. форме» [Фасмер 1964–1973, т. III: 565]. Этими словами обозначался главный противник небесных сил, один из падших ангелов. Слово употреблялось преимущественно

в церковно-книжных памятниках, например: *Єдинъ же ѿ прѣжерѣ(у)нънихъ ан҃гльскы(х) силъ... възнесѣсѣ възумьємь противитисѣ въсхотѣвъ вл(д)цѣ и бѣ. тѣмже ѿверженъ бѣ(с) ч(с)ти своѣа и сана. въ вл҃женъа мѣсто славы шноа. и ан҃гльскаго имен(и) диваволъ нарѣ(у)с. и сатана именовас. (Σατανᾱς) ЖВИ XIV–XV, 266; в летописи употреблено в «Повести временных лет» в речи философа: *изъгна Г(с) Бѣ Ядлаа из раѣ... и порадовас сатана [ЛЛ 1377, 29 сотона] ѡ прокатѣ зѣла. ЛИ ок. 1425, 35 (986) – [СДРЯ XI–XIV, т. X: 593–594].**

В качестве названий злого духа (беса, демона, дьявола, сатаны) употреблялись приведенные ниже существительные (в том числе субстантиваты), называвшие также реальных лиц (все эти существительные зафиксированы в обоих значениях и в старославянских памятниках):

врагъ: *Иште хочѣши врага си немощьна створити. то грѣхы си. оумали (ἐχθρόν) Изб 1976, 13об – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 479];* в этом же значении употреблялись слова *вражьбьникъ* и *враждьникъ*, отсутствующие в старославянских памятниках и являющиеся, возможно, книжными новообразованиями древнерусского языка: *а по цр҃квному || закону въ по(с) · бѣ · лѣ(т) предаѣт(с). тако вражьбьникъ ѣсть. ЗС 1280, 339в-г – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 480]; не подовно естъ оубо доврѣ смыслшим(тъ) || ѡ(т) враждьника водимомъ бѣти. ПрЮр XIV, 61 в-г. – [СДРЯ XI–XIV, т. I: 480, 481];*

зълодѣи: *егда оубо молимъ(с) оудобъ ѡдолѣемъ врагѣ дѣаволѣ. лѣнше же (с) сами поупѣаемъ на с зълодѣа. ЗЦ, 61в – [СДРЯ XI–XIV, т. III: 416];*

зълъин (в роли существительного): *хочѣдоу оутѣхѣоу имѣа ѡ томъ зълъин. насъ же бл҃годатъ г(с)а нашего... зашитити ѡ(т) сѣтѣ его. СбТр XIV/XV, 195об – [СДРЯ XI–XIV, т. III: 426];*

искоуцитель: *Кр(с)тиимъсѣ вѣща да повѣди(м). и х(с)ъ во по кр҃цини врас со искоуцителемь. ГБ к.XIV, 29в – [СДРЯ XI–XIV, т. IV: 20];*

лоукавъин (в роли существительного): *и лоукавааго льсть ижденемъ. спса нашего бл҃гдатию (тоу повнѣоу) КЕ XII, 212б – [СДРЯ XI–XIV, т. IV: 430];*

неприазнь: *ре(у) пѣрархъ... и т <Ольгѣ> изкавитъ. ѿ неприазни. и ѿ сѣтти его. ЛЛ 1377, 17об -18 (955) – рассказ о крещении Ольги.*

Существительные *зълодѣи*, *зълъин*, *лоукавъин* – праславянские: они присутствуют в ЭССЯ, но в указанном значении, скорее всего, заимствованы из старославянского языка.

3. Из слов, отнесенных в РСС к группе «В древней мифологии, сказках, народных поверьях» [РСС, т. I: 393–395], к старославянизмам относятся *призракъ* и, возможно, *привидѣнне*.

Старославянское существительное *призракъ* ‘образ кого/чего-либо, представляющийся в воображении, видение’ рассматривают как префиксальное: *при+зракъ* ‘внешний вид, облик’ (*зрак* < прасл. *zogъ – производное от *zǫgĭ (рус. *зреть*) с суффиксом -к- и чередованием *ь/о* – (см. [Шанский, Боброва 1994: 254; ТС 2007: 282, 283, 731]; в [Фасмер 1964–1973; Черных 1993] это слово, равно как и *привидѣнне*, отсутствует). Приставка *при-*, возможно, выражала значение неполноты, неполноценности, неясности (‘неясный вид, образ’) того, что названо производящим существительным. В современном русском языке слово является немотивированным.

Древнерусское *призракъ* (4) зафиксировано только в церковно-книжных памятниках, например: *въ иконахъ твоихъ... толико вапъ и доска... и дѣмонъ призракъ.*

вѣдѣтъ во бѣа ѿшла вѣтъ ѿ нихъ. не терпици дѣмоньска смрада и оске(ε)рненна. ЖАЮ к. XIV, 42 в-г (см. [Молдован 2000: 324–325]).

Образование старославянского *привидѣннѣ* можно объяснять по-разному. Во-первых, оно могло быть образовано аналогично слову *призракъ*, т. е. префиксальным способом: *при+видѣннѣ* ‘слабое, неясное видение’; во-вторых, возможно суффиксальное образование от глаголов *привидати*, *привидѣти* или *привидѣтис*, отсутствующих в старославянских словарях, но зафиксированных (правда, единичными употреблениями) в [СДРЯ XI–XIV, т. VIII: 373] (*привидати* (1) – ‘воображать, представлять (себе)’) и в [СлРЯ XI–XVII, вып. 19: 112 (*привидѣти* ‘показать, явить ложно, как наваждение, видение (?)’, *привидѣтис* ‘показаться, явиться (во сне); привидеться’)]; в-третьих, учитывая редкость употребления указанных глаголов (особенно по сравнению с производным *привидѣннѣ* – 83 в [СДРЯ XI–XIV, т. VIII: 373]), можно предположить, что слово *привидѣннѣ* образовано префиксально-суффиксальным способом с помощью форманта *при+-ение* непосредственно от *видѣти*.

Друс. *привидѣннѣ*, как и *призракъ*, зафиксировано только в церковно-книжных памятниках, например: *и се ѿтроуа ста пред ним... глше юму въстани и гажь. ѿн же въставъ полюис. мише тако привидиннѣ [так!] вѣтъ. (φαντασία)*. ПрЛ 1282, 140об – [СДРЯ XI–XIV, т. VIII: 373]. Привидение как нечто нематериальное, нереальное противопоставлялось материальному, реальному, в частности, опровергалось еретическое учение докетизма, по которому Христос только казался человеком: *Въплъштѣннѣ же сѣна върѣи истиньно соуште а не привидѣннѣемь*. Изб 1076, 29об – [СДРЯ XI–XIV, т. VIII: 374]. В значении ‘призрак, привидение’ в древнерусских памятниках зафиксированы отсутствующие в Ст. сл. *призоръ* [И видѣвъше и ученици ходящъ по мору съмятошяся, глюще, како вѣстѣльсьнъи призоръ вѣтъ (φαντασμα)] (Матф. XIV, 26) Гал. Ев¹, 32 об. 1144 г. – [СлРЯ XI–XVII, вып. 19: 156] и *призрачнѣ* [Мнѣвъъ призрачнѣ сущѣ възбоавъъ же ста зѣло (spectrum) (Ж. Март.) Мин. чет. февр., 144, XV в. – [СлРЯ XI–XVII, вып. 19: 157].

Оба слова образованы, по-видимому, префиксально-суффиксальным способом: *призоръ*, видимо, от *зрѣти* (префикс *при-* + нулевой суффикс), а *призрачнѣ* – от *зракъ* (префикс *при-* + суффикс *-ие*).

4. Итак, в статье рассмотрены старославянизмы и древнерусские новообразования со значением религиозных и мифологических существ. Эти слова описаны с семантической, генетической и функционально-стилистической точек зрения. Подведем итоги этого описания.

С семантической точки зрения были выделены (вслед за РСС) две группы: «В религии, религиозной мифологии», «В древней мифологии, в сказках, народных поверьях». Первая группа включает в себя следующие подгруппы: названия Бога и богородицы (*владѣйка*, *зиждитель*, *спаситель* и другие названия Бога, *когородица*, *приснодѣвка*, *владѣчица*, не зафиксированное в старославянских словарях *приснодѣвица*), название апостола, названия ангелов (*ангѣль*, *сѣрафимъ*, *шестикрилатъць*, *шестокрилъ*, *шестокрильць*, *шестокрильнъи*, *шестъкрилатъи*, *хѣрүвилъ*, *престоли*, *господьствѣна*, *господьства*, *силы*, *власти*, *владѣучьствѣна*, *владѣучьства*, *начала*, *начатьци*, *поконьници*, *архангѣль*), названия злого духа (*антихристъ*, *вельзаоуль*, *дѣмонъ*, *диаволъ*, *сатана*, *врагъ*, *зѣлодѣи*, *зѣлыи*, *искоушитель*, *лоукавъи*, *неприазнь*).

Во второй группе имеются существительные *призракъ* и *привидѣннѣ* и незафиксированные в Ст. сл. *призоръ* и *призрачѣ*.

С генетической точки зрения изучаемые слова весьма разнообразны. Наиболее употребительные и адаптированные слова восходят к старославянизмам, заимствованным из греческого языка. Греческие существительные нередко восходят к глаголу, обозначающему действие, имеющее отношение к тому, кто назван мотивированным существительным: *апостолъ* 'тот, кто послан', *ангелъ* 'тот, кто возвещает', *демонъ* 'тот, кто делит, распределяет', *дыаволъ* 'тот, кто сеет рознь, клеветает'. *Архангелъ* и *антихристъ* восходят к греческим словам – приставочным образованиям соответственно от слов со значениями 'ангел' и 'Христос'.

Серафимъ в конечном счете (через посредство греческого языка) восходит к древнееврейскому слову со значением 'жечь'; *херувимъ* – к древнееврейскому слову, родственному аккадскому со значением 'заступник', *вельзеволъ* – к древнееврейскому слову со значением 'повелитель мух', *сатана* – к древнееврейскому слову со значением 'противник'.

Словами, восходящими к старославянизмам, возникшим в старославянском языке со значением мифологического существа, являются: *богородица*, *приснодѣва*, *шестокрилатъць*, *призракъ*, *привидѣннѣ*. *Богородица* является калькой греческого слова, *приснодѣва* – сложение, *шестокрилатъць* – сложно-суффиксальное слово, *призракъ* и *привидѣннѣ* – префиксальные образования (*привидѣннѣ* может быть образовано и суффиксальным и префиксально-суффиксальным способом, см. п. 3).

Ряд названий ангельских чинов представляют собой застывшие формы множественного числа существительных: *престолы*, *господства*, *силы*, *власти*, *владычества*.

Имеется ряд старославянизмов, которые обозначают как реальных лиц (исходные, первичные значения), так и мифологических: *владыка*, *владычица*, *врагъ*, *зълодѣи*, *зълъин*, *искоуситель*, *лоукавыи*, *неприазнь*.

К книжным новообразованиям древнерусского языка предположительно (поскольку слово могло существовать и в старославянском языке) относятся: *приснодѣвица*, *шестокрилъ*, *шестокрильць*, *шестокрильчын*, *шестыкрилатчын*, *шестокрильство*, *господства* (застывшая форма множественного числа сущ. *господство*), *владычества* (застывшая форма множественного числа сущ. *владычество*), *начатъци*, *поконьници*.

Все описанные слова представлены в церковно-книжных памятниках. Третья часть слов зафиксирована и в летописях, одно слово – и в летописях, и в грамотах. В летописях (в различных по степени книжности контекстах) зафиксированы: *владыка*, *владычица*, *апостолъ*, *ангелъ*, *архангелъ*, *господства*, *антихристъ*, *дѣмонъ*, *дыаволъ*, *сатана*, *неприазнь*; в грамотах отмечено только *богородица*. Все остальные рассмотренные слова зафиксированы только в церковно-книжных памятниках.

Как видим, слова, представленные в летописях и грамотах (за исключением слова *господства*) вошли в дальнейшем в активное употребление в литературном языке.

5. В заключение отметим, что в основу построения отсутствующей пока исторической лексикологии русского языка может быть положено генетическое деление слов (праславянизмы, старославянизмы, другие заимствования, восточнославянские новообразования); генетическая группа может получить

описание, мельчайший фрагмент которого представлен в данной статье: слова разделены на семантические группы (с использованием РСС); каждая семантическая группа рассматривается с точки зрения происхождения (дальнейшее генетическое описание генетически выделенной группы старославянизмов – грецизмы, исконные образования) и с функционально-стилистической точки зрения (описание жанра памятников, в которых употреблен данный старославянизм).

Литература

- Аверинцев С.С.* Девять чинов ангельских // Богословские труды. Т. 27. – М., 1986. – С. 323-332.
- Библия. – М.: Изд-е Моск. патриархии, 1990. – 1370 с.
- БТССР: Большой толковый словарь синонимов русской речи / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 752 с.
- Верещагин – Древнейший славянский богослужебный сборник «Ильина книга». Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием / Подгот. Е.М. Верещагин. – М.: Индрик, 2006. – 975 с.
- Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. Тт. 1–2. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. Т. 1 – 1043 с., т. 2 – 1905 с.
- ЕСУМ: Етимологічний словник української мови. Тт. 1–5 / Гд. ред. О.С. Мельничук. – Київ: Наукова думка, 1982–2006.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. – М.: Языки славянской культуры, 1995. – 879 с.
- Ильина книга. Рукопись РГАДА. Тип. 131. Лингвистическое издание / Подгот. греч. текста, коммент., словоуказ. В.Б. Крысько. – М.: Индрик, 2005. – 904 с.
- Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 366 с.
- Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
- Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. Тт. 1–2. – М.: Сов. энцикл., 1987–1988. Т. 1 – 671 с., т. 2 – 719 с.
- Молдован А.М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. – М.: Азбуковник, 2000. – 760 с.
- РСС: Русский семантический словарь / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. – М.: Азбуковник, 2000. – 720 с.
- СДРЯ XI–XIV: Словарь древнерусского языка (XI–XIV). Тт. 1–10 / Под ред. Р.И. Аванесова и др. – М.: Русский язык; Азбуковник, 1988–2013.
- СлРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. Тт. 1–29 / Под ред. С.Г. Бархударов и др. – М., 1975–2011.
- СлРЯ XVIII: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–20 / Гл. ред. Ю.С. Сорокин. – Л.–СПб.: Наука, 1984–1913.
- Спр. вып.: Словарь русского языка XI–XVII вв.: Справочный выпуск / Под общ. ред. Г.А. Богатовой. – М.: Наука, 2001. – 813 с.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. – СПб: Изд-е Отд. рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1893–1903.
- Ст. сл.: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1994. – 842 с.

ТС: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2007. – 1175 с.

ТСРГ: Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Аст-пресс, 1999. – 698 с.

Улуханов И.С. «Русский семантический словарь» и словообразование // Язык как материя смысла: Сб. ст. к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2007. – С. 360–376.

Улуханов И.С., Солдатенкова Т.Н. Семантика русской разговорной лексики // Russian Linguistics. – 2004. – № 28. – С. 361-400.

Улуханов И.С., Солдатенкова Т.Н. Семантика русской разговорной лексики (социальные названия лиц) // Russian Linguistics. – 2006. – № 30. – С. 1–52.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тт. 1–4. – М.: Изд-во Прогресс, 1964–1973.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Тт. 1–2. – М.: Русский язык, 1993. – Т. 1 – 623 с., т. 2 – 560 с.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – 400 с.

ЭСРЯ: Этимологический словарь русского языка. Т. 1. Вып. 1. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 196 с.

ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–39 / Под ред. О.Н. Трубачева и др. – М.: Наука, 1974–2014.

Dornseiff, F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. – Berlin, 1959. – 690 S.

ESJS: Etymologický slovník jazyka staroslověnského. V. 1–16. – Praha, 1989–2012.

Kiparsky, V. Russische historische Grammatik. Band III. – Heidelberg: Carl Winter, 1975. – 375 S.

Roget, P.M. Thesaurus of English words and phrases. – Harmondsworth, 1964. – 712 p.

Sl. st.: Slovník jazyka staroslověnského. T. I–IV. – Praha, 1966–1997.

Н.В. Уфимцева

УДК 81'23

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА КАК ОТОБРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Предметом исследования является значение слова, понимаемое как отображение социокультурной реальности. Рассматривается история данного подхода к значению слова в работах А.А. Леонтьева, своеобразное развитие такого подхода к значению в работах Ю.Н.Караулова. Проводится сопоставительный анализ знаний, связанных со словами, входящими в ядро языкового сознания двух поколений носителей русской культуры по данным РАС и ЕВРАС.

Ключевые слова: значение слова, субъективное содержание знакового образа, ассоциативное поле, ядро языкового сознания, семантический гештальт, социокультурная реальность.

Natalya V. Ufimtseva

MEANING OF THE WORD AS THE DISPLAY OF SOCIAL AND CULTURAL REALITY

The subject of the study is the meaning understood as a reflection of social and cultural reality. We review the history of the approach to the meaning of the word in the works of A.A.Leontev, the original approach to the development of the meaning in the works of Yu.N.Karaulov. We provide a comparative analysis of the knowledge associated with words in the core of language consciousness of two generations of Russian culture media according to the RAS and EVRAS.

Keywords: meaning, subjective content of iconic images, associative field, the core of language consciousness, semantic gestalt, social and cultural reality.

Еще в 1976 году, анализируя различные подходы к описанию значения, А.А. Леонтьев закрепил за психолингвистикой понимание значения слова как «субъективного содержания знакового образа». При этом значение слова у разных индивидов всегда совпадает «по отнесенности к данному конкретному предмету», но может отличаться как «по отнесенности к социальной, действительности (по идеальному содержанию)», так и «по субъективному содержанию» [Леонтьев А.А. 1976: 47]. А.А. Леонтьев утверждал это по отношению к онтогенезу. Структура значения слова, по его мнению, оказывается на разных возрастных этапах «различной даже при внешнем тождестве семантической стороны слова, т. е. тождестве употребления слова» [там же: 51]. А развитие значения слова, по мнению А.А. Леонтьева, это «и есть развитие идеального содержания знаков через развитие их субъективного содержания на основе все более полного овладения объективным содержанием» [там же: 48].

Развитием этих идей можно считать представление о языке как отображении социокультурной реальности, поскольку, как считает А.А. Леонтьев, «культурную специфику общности... составляет в большей мере система смысловых единиц,

конституирующая образ мира и выступающая в деятельности как ориентировочная основа, нежели система речевого реагирования или речепорождения. Этот образ мира построен не из вербальных, а, скорее, из предметных значений». И именно значения конституируют образ мира и одновременно выступают «как конституенты развертывающихся во времени процессов речепорождения» [Леонтьев А.А.: 1996, 43]. Почему это так? Во-первых, как указывает А.А. Леонтьев, человек «стоит перед лицом не отдельного предмета, а предметного мира как целого; он оперирует не отдельным значением, а системой значений» [А.А. Леонтьев 1993: 19]. Во-вторых, значение как составляющая сознания является преобразованной и свернутой в материи языка идеальной формой существования предметного мира, его свойств, связей и отношений [Леонтьев А.Н. 1975]. А в третьих, язык, как показывают психологические исследования, состоит из двух языков: внутреннего, концептуального, на котором осуществляется работа интеллекта, не имеющего отношения ни к какому конкретному этническому языку, и внешнего, формального, предназначенного для общения с другими носителями той же культуры [Жинкин 1982]. Внешний язык формален, поскольку его функцией является установление только правил речи, но не ее содержания. «Особенностью внутреннего, «молчаливого» языка является то, что в нем отображается сенсорный континуум окружающей человека действительности» [Жинкин 1982: 123]. Следовательно, именно значения, а точнее, их система и должны составлять предмет исследования любого лингвиста, разделяющего антропоцентрический подход к исследованию языка. Неоценимый вклад в формирование такого подхода внесла ассоциативная лингвистика, создателем которой по праву считается Ю.Н. Караулов.

Ассоциативное поле, получаемое в результате массового ассоциативного эксперимента, является отражением тех знаний, которые стоят за словом в данной культуре, т.е. отражает его значение именно как социокультурную реальность (См. А.А. Леонтьева, который настаивал на принципиальном единстве «психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов» [Леонтьев А.А. 1969: 268]).

По мнению же Ю.Н. Караулова, «взаимную информацию стимула и реакции можно интерпретировать как результат рефлексии носителя языка. Рефлективный акт может быть вызван самыми различными параметрами стимула – и языковыми его характеристиками, и денотативной отнесенностью, и стандартным для речевой общности отношением к обозначаемому им явлению или факту, и другими его особенностями» [Караулов 1994, 199].

Ю.Н. Караулов пишет, «что большинство ассоциативных полей обнаруживает особую внутреннюю семантическую организацию своего состава, названную мною “семантическим гештальтом” и характеризующую поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности. Семантический гештальт складывается обычно из нескольких зон (их число колеблется в пределах 7 ± 2), которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (= стимулу). Например, семантические гештальты ассоциативных полей MONUMENTO и ПАМЯТНИК оказываются тождественными, включая следующие зоны: история (память), слава, культура (искусство), форма (тип), материал, место, забвение (ненужность)» [Караулов 2000: 193-194]

Ассоциативно-вербальная сеть (т.е. неполно связанный, ориентированный граф со взвешенной частотой), построенная по данным Русского ассоциативного словаря [Караулов и др. 2002], позволила впервые получить реальную модель языкового сознания носителя языка, отвечающую системно-целостному принципу, т.е. системе составляющих его значений, и исследовать содержание языкового сознания,

Организирующим для такой модели в целом и для каждого ее отдельного фрагмента является принцип значимости/ценности (*valeur* в терминологии Ф. де Соссюра). Каждый элемент ассоциативно-вербальной сети имеет и значение и значимость/ценность одновременно. Именно это свидетельствует, что он входит в систему, и его ценность определяется исходя именно из системы как целого (см. подробнее [Уфимцева 2014]). Кроме того, с точки зрения дихотомии значение/значимость организованы и знания, стоящие за телом знака каждой из единиц ассоциативно-вербальной сети, т.е. ассоциативное поле каждого слова-стимула. Следовательно, именно значимость каждого элемента является системообразующим фактором для предметных значений и их вербальных овнешнений, т.е. для языкового сознания. Поскольку, по мнению Ф. де Соссюра, «для установления значимостей необходим коллектив; существование их оправдывает только обычай и общее согласие; отдельный человек сам по себе не способен создать вообще ни одной значимости» [Ф. де Соссюр 1977: 148].

Вот уже более двадцати лет участниками Ведущей научной школы «Русская языковая личность» и отделом психолингвистики Института языкознания РАН ведутся исследования содержания языкового сознания носителей русской культуры. За это время собран и размещен в интернете в виде баз данных (см., например, в Интернете rat.ivri.webfactional.com/overview/russian/) огромный экспериментальный материал, который фиксирует содержание образов сознания носителей русской культуры (студенты разных специальностей различных вузов РФ в возрасте от 17 до 25 лет) и их изменения начиная с 70-х годов прошлого века.

Наиболее значимым можно считать создание Ассоциативного тезауруса русского языка, более известного как Русский ассоциативный словарь, в котором зафиксированы изменения, происходившие в сознании носителей русского языка и культуры в годы Перестройки (1988-1998) [Караулов и др. 2002]. Это позволило получить новые инструменты исследования культуры и ее бытования в обыденном сознании носителя языка, изучить системность обыденного сознания русских, выявить закономерности его изменения в процессе жизнедеятельности социума. Кроме того, это послужило толчком для появления целого семейства ассоциативных словарей, как бумажных, так и в виде баз данных, размещенных в Интернете.

Все это вместе взятое, а также неиссякаемый интерес к русской культуре и к процессам, происходящим в обыденном сознании ее носителей, подвигло авторов этого словаря расширить задачи своего исследования и попытаться смоделировать региональные особенности языкового сознания носителей русской культуры. Так в 2008 году родился следующий проект, целью которого является создание трех региональных баз ассоциативных данных: ЕВРАС (словарь, собираемый по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части РФ), СИБАС (словарь, собираемый по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями Сибири и Дальнего Востока) и УРРАС (словарь, собираемый по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями Урала), которые, с

одной стороны, могут существовать как самостоятельные базы данных, но, с другой стороны, поскольку они собираются по единой технологии и на одном списке слов-стимулов, могут быть объединены в единую базу данных в зависимости от целей, которые будут решаться в конкретных исследованиях. К настоящему моменту закончен первый этап ассоциативного эксперимента во всех трех регионах и созданы три электронные базы данных, опрошено 15000 испытуемых. Эксперимент проводился с группами испытуемых в письменной форме с помощью анкет, которые включали 100 слов-стимулов из списка 1000 наиболее частотных слов русского языка с некоторым числом «экспериментальных» стимулов. Авторы сознательно включили в свой список 700 слов-стимулов из РАСа, чтобы иметь возможность изучать изменения, которые произошли в обыденном сознании русских в начале XXI века.

А теперь посмотрим, что изменилось за последние десять лет в обыденном сознании молодых носителей русской культуры. Для этого сравним данные Русского ассоциативного словаря (1988-1998) [Караулов др. 2002] и Русского регионально-ассоциативного словаря по Европейской части (ЕВРАС) (2008-2011) [Уфимцева, Черкасова 2015]. По данным РАС в русском языковом сознании наиболее важными были такие реалии: **ДОМ, ЖИЗНЬ, ДЕНЬГИ, ЛЕС, ДЕНЬ, ЛЮБОВЬ, РАБОТА, ВОДА, РАДОСТЬ, ДЕЛО, СМЕРТЬ, СТОЛ, ДОРОГА**; а по данным ЕВРАС – это **ЖИЗНЬ, ДОМ, ДЕНЬГИ, МИР, РАДОСТЬ, РАБОТА, СИЛА, ЛЮБОВЬ, ВРЕМЯ, СЧАСТЬЕ, ДЕНЬ, СМЕРТЬ, ЗЛО**. Как мы видим, повысилась ценность таких понятий, как Мир, Радость, Сила, Время, а Лес, День, Дело, Стол и Дорога стали менее важными. Оценки в РАС: **ПЛОХО, ХОРОШО, МНОГО, БЫСТРО, ВСЕГДА**; качества: **БОЛЬШОЙ, ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ, МОЙ, СТАРЫЙ**; в ЕВРАС оценки: **ПЛОХО, ХОРОШО, МНОГО, ВСЕГДА, БЫСТРО**; качества: **БОЛЬШОЙ, ХОРОШИЙ, УМНЫЙ, ПЛОХОЙ, МОЙ, ДОБРЫЙ**. В ЕВРАС отсутствует оценка **СТАРЫЙ**, но появились оценки **УМНЫЙ** и **ДОБРЫЙ**. По-прежнему в ядре русского языкового сознания оценка как бы смещена в сторону признака положительного. Особенно ярко это проявляется в случае пар **БОЛЬШОЙ – МАЛЕНЬКИЙ** и **ХОРОШИЙ – ПЛОХОЙ**. Хотя по данным ЕВРАС сами оценки **БОЛЬШОЙ** и **ХОРОШИЙ** стали менее значимыми. Типичными действиями по данным РАС являются **ЖИТЬ, ДУМАТЬ, ГОВОРИТЬ, ИДТИ**, в ядре языкового сознания русских по данным ЕВРАС значимость этих действий существенно понизилась (в число первых 75 слов они не вошли). Человек в ядре русского языкового сознания по-прежнему «параметризован» (термин Ю.С. Степанова) преимущественно как существо мужского пола. Явно выросла значимость ума. Но самое существенное изменение значимости в ядре языкового сознания по данным ЕВРАС мы наблюдаем у местоимения **Я**. Ассоциативное поле слова стимула **Я** в Русском ассоциативном словаре [Караулов и др. 2002] включает следующие слова-реакции (указаны все кроме единичных);

Ты 77, человек 62; студент 21; я 18; мы 17; личность, он 16; сам 13; люблю, студентка, это я 11; и ты, учусь 8; иду, хороший 7; женщина 6; девушка, дурак, живу, кто, не я, никто, пишу, сама, свинья, устал, хорошая, хочу 4; знаю, умница, учитель 3; большая, вопрос, вселенная, гений, думаю, жду, инженер, и она курсант, Люда, май, могу, молодец, не люблю, нечто, одна, они, оптимистка, пришел, самая, Света, семья, сижу, смотрю, такой, ушел, хороший человек, эгоист 2.

Ассоциативное поле того же слова-стимула **Я** в ЕВРАС (материалы собирались в 2008-2011 гг.)

человек 59; личность 33; девушка, ты 13; студент 10; студентка, я 7; люблю, он, хороший 6; хорошая 5; лучшая, мы, самая 4; лучший, молодец, умный 3;

бог, буква, десантник, добрый, друг, есть, живу, жизнь, и всё, индивидуальность, король, красавица, крут, я, кто, курсант, лучшие всех, любимая, мама, пришел, сам, сок, такая, умная 2.

Как мы видим, ассоциативное значение слова Я изменилось, и это изменение есть изменение, прежде всего, значимости отдельных его элементов, таких как *человек, личность и ты* и других. *Ты* с первой позиции переместилось на четвертую, потеряв в частотности (77 в РАС, 13 в ЕВРАС), а слово-реакция *личность* повысило свой ранг, переместившись с шестой позиции на вторую, и удвоило свою частоту (с 16 до 33).

Проанализируем, связаны ли эти изменения в структуре ассоциативного значения слова-стимула Я с его позицией в ядре языкового сознания носителей русской культуры. Рассмотрим часть ядра, условно названной нами «Персоналии».

Таблица 1

Русские (РАС)			Русские (ЕВРАС 2 ¹)		
1	человек	1404	1	человек	510
9,5	друг	565	8	друг	244
9,5	дурак	565	10	я	216
12,5	мужчина	438	15	мужчина	182
19	ребенок	413	19,5	ребенок	172
27	парень	368	28	парень	160
36	я	347	35, 5	люди	147
42	женщина	321	42,5	дурак	132
46,6	мальчик	308	56	враг	120
49	девушка	302	66	мальчик	114
50	мужик	301	70	студент	111
62	муж	272	70	народ	111
71,5	он	258	75,5	девушка	108

Изменения, которые произошли в структуре ассоциативного поля слова-стимула Я, не случайны и являются отражением тех изменений, которые произошли в структуре самого ядра языкового сознания носителей русской культуры за последние 10-12 лет. Ранг Я изменился с 36 в РАС на 10 в ЕВРАС, следовательно, его ценность/значимость повысилась, и, скорее всего, это связано с повышением ценности личности в картине мира современных носителей русской культуры. Эти изменения есть отражение изменений в социокультурной реальности.

А теперь посмотрим, какие изменения произошли в содержании центральных понятий ядра языкового сознания русских респондентов, воспользовавшись идеей «семантического гештальта» Ю.Н. Караулова (см. Таблицу 2). По-прежнему, в центре ассоциативно-вербальной сети у наших респондентов и десять лет спустя стоит ЧЕЛОВЕК. В РАС он *хороший* (25), *добрый* (21), *разумный* (18), *умный* (16), *мудрый* (2). Он *гордый* (7), *красивый* (5), *смелый* (3), *надежный* (2), *сердечный* (1), хотя мо-

¹ Цифра перед словом указывает на его ранг в ядре языкового сознания, цифра после – на количество разных слов, с которыми оно связано во всей ассоциативно-вербальной сети.

жет быть *плохим* (6), *странным* (2), *трудным* (2) и *упрямым* (2). Это **человек** *дела* (9), *слова* (5), *долга* (2), *труда* (2), *чести* (1), хотя последние три понятия в русском языковом сознании слабо связаны с понятием **человека**. Актуальной в сознании является связь таких понятий, как **человек** – *зверь* (13), *животное* (12), *обезьяна* (10), с одной стороны, и **человек** – *друг* (10), *брат* (2), *товарищ* (1). Достаточно редко **человек** воспринимался испытуемыми как *гражданин* (4) и *личность* (6) (см. об этом подробно [Уфимцева 1996]).

При общем сходстве структуры ассоциативного поля в обоих словарях отдельные зоны семантического гештальта поменялись местами и несколько отличаются по своему содержанию. В ЕВРАС ЧЕЛОВЕК стал, прежде всего, *разумным* 27 и *личностью* 17. Он остался *хорошим* 12, *добрым* 10 и *другом* 3, но частотность этих характеристик существенно уменьшилась. Он перестал быть человеком *дела* 9, *долга* 2, *труда* 2 и *чести* 1. Исчезли и прецедентные феномены – фрагменты текстов, остались лишь названия кинофильмов (9 зона).

По данным РАС второе по важности после человека для образа мира современных русских понятие – это **дом**. По данным первого этапа ассоциативного эксперимента ЕВРАС **дом** по-прежнему является одним из самых важных понятий в языковом сознании наших испытуемых, хотя и занял третью позицию в ядре языкового сознания, уступив второе место понятию **жизнь**. Если мы посмотрим на соответствующую графу таблицы, то увидим, что структура ассоциативного поля (семантического гештальта) этого слова полностью совпадает в обоих словарях, хотя вследствие неравенства выборок (в РАС – 104 реакции, в ЕВРАС – более 500) проследить более тонкие различия оказывается достаточно сложно. Можно отметить появление в ЕВРАС представлений о **доме** как о *крепости* 20 и как о *квартире* 12

РАС	ЕВРАС
<p>ЧЕЛОВЕК</p> <p>1. хороший 25, добрый 21, друг 10; любимый 8; милый 3, плохой 5</p> <p>2. разумный 18, умный 16, разум 6, мудрый 2,</p> <p>3. я 7, личность 6, гордость 4, гражданин 4, индивид 3,</p> <p>4. животное 16, зверь 15, обезьяна 13, существо 8</p> <p>5. гордый 7, красивый 5, смелый 3, надежный 2, сердечный 1</p> <p>6. плохой 6, странный 2, трудный 2, упрямый 2</p> <p>7. дела 9, слова 5, долга 2, труда 2, чести 1</p> <p>8. люди 9, мужчина 4</p> <p>9. невидимка 25, амфибия 21, это звучит гордо 6, в футляре 5, с большой буквы 3</p>	<p>ЧЕЛОВЕК</p> <p>1. разумный 27, умный 7, разум 2, глупый 2</p> <p>2. личность 17, я 9, индивид 3, гордый 2, гражданин 2, зло 2, индивидуум 2, лицо 2</p> <p>3. хороший 12; добрый 10, друг 3, родной 2, плохой 2, разный 2</p> <p>4. животное 13, существо 13, обезьяна 12, муравей 2</p> <p>5. красивый 5, живой 3, гордый 2, опытный 2, терпимый 2</p> <p>6. плохой 2, глупый 2, смешной 2, зло 2</p> <p>7. слова 2</p> <p>8. люди 11, мужчина 4</p> <p>9. паук 18, амфибия 5, невидимка 4</p>

РАС	ЕВРАС
<p>ДОМ</p> <p>1. родной 12, большой, мой 4, красивый 2, ветхий 1, гостеприимный 1</p> <p>2. семья 3</p> <p>3. тепло 2, жизнь 1, защита 1, убежище 1, уют 1, тюрьма 1</p> <p>4. крыша 3, дверь 1, очаг 1, труба 1, калитка 1, кресло 1, черепица 1, забор 1</p> <p>5. хата 2, вилла 1, дача 1, жилище 1, изба 1, избушка 1, квартира 1</p> <p>6. родина 1</p> <p>7. в деревне 1, деревня 1, на окраине 1, за углом 1, на улице 1, у бабушки в деревне 1, у дороги 1</p> <p>8. кирпичный 3, дерево 1, каменный 1, каменный 1</p> <p>9. строить 2, построим сами 1, построить 1, стоит 1, строится 1</p>	<p>ДОМ</p> <p>1. родной 61, большой 23, мой 20, теплый 7, красивый 6, милый 6, старый 6, уютный 6, отчий 2</p> <p>2. семья 43, мама 9, родители 7, родные 3, девушка 1, мать 1, родня 1, родственники 1, хозяин 1, я 1</p> <p>3. уют 25, крепость 20, тепло 17, спокойствие 7, защита 3, надежность 3, отдых 3, радость 3, убежище 2, милосердие 1, мир 1, ужасов 1, детство 1</p> <p>4. очаг 18, крыша 8, камин 2, труба 2, дверь 1, ковер 1, комната 1, кошка 1, пирожки 1, мебель 1, окно 1, стол 1, этаж 1</p> <p>5. квартира 12, жилище 4, хата 3, дача 2, вилла 1, изба 1, коттедж 1, строение 1, помещение 1</p> <p>6. Родина 9, место 1, место жительства 1, отечество 1</p> <p>7. у моря 3, в лесу 2, у озера 2, в деревне 1, город 1,</p> <p>8. кирпичный 5, кирпич 3, дерево 2, деревянный 1, каменный 1</p> <p>9. спать 3, горит 1, жить 1, построить 1, пугает 1, строится 1</p>
<p>ДРУГ</p> <p>1. верный 69, мой 28, лучший 20, близкий 16, хороший 16, милый 12, единственный 9, надежный 9, настоящий 9; закадычный 8; любимый 4, сердечный 4, старый 4, большой 3, преданный 3, дорогой 2</p> <p>2. враг 47, товарищ 27, собака 17, брат 10, подруга 10, приятель 4, человек 4, и враг 2, товарищ и брат 2</p> <p>3. детства 33, семьи 4, детство 5, человека 5, жизни 2, по несчастью 2, навеки 2, навсегда 2, на всю жизнь 2</p> <p>4. верность 3, любовь 2</p> <p>5. рядом 2</p>	<p>ДРУГ</p> <p>1. лучший 41, верный 28, хороший 14, мой 10, близкий 5, преданный 4, любимый 3, надежный 3, дорогой 2, единственный 2, родной 2, старый 2</p> <p>2. враг 31, товарищ 23, брат 14, собака 11, подруга 7, человек 5, недруг 4, приятель 4, парень 3, близкий человек 3, врач 3, помощник 2</p> <p>3. детства 5, семьи 2, навсегда 2</p> <p>4. верность 6, доверие 5, надежность 4, близость 2, радость 2, уверенность 2</p>

<p>ЖИЗНЬ</p> <p>1. смерть 50, наука 14, борьба 9, событие 4, урок 5, искусство 3, загадка 1</p> <p>2. радуемся 40, изменить 36, отдать 28, любить 25, возрождать 16, посвятить 13, прожить 9, познать 4, идет 3, начинается 2, проходит 2.</p> <p>3. смысл 35, спутник 26, цель 13, корень 9, основа 9, ритм 9.</p> <p>4. прекрасна 30, долгая 16, коротка 13, короткая 12, тяжелая 12, моя 9, длинная 8, интересная 6, веселая 4, прекрасная 4, сложная 4, счастливая 4, большая 3, нелегкая 2, огромная 2</p> <p>5. семья 11, воздух 9, вода 6, дерево 6, солнце 4, природа 4</p> <p>6. дорога 6, поле 4, река 4, путь 2, воля 2</p> <p>7. любовь 4, судьба 4, радость 3, счастье 3.</p> <p>8. период 7, год 5, минута 4, история 3, вечность 3.</p>	<p>ЖИЗНЬ</p> <p>1. смерть 75, игра 15, дерьмо 5, движение 3, судьба 3, борьба 2, ад 1, говно 1, кайф 1, испытание 1, отдых 1, труд 1, тяжесть 1, удовольствие 1, мука 1</p> <p>2. прекрасна 46, коротка 11, хороша 9, длинная 8, моя 8, прекрасная 7, хорошо 5, интересная 3, трудная 3, сложная 3, без забот 2, бесконечна 2, веселая 2, вечная 2, единственная 2, интересна 2, короткая 2, красивая 2, яркая 2, жесткая 1, жестока 1, без наркотиков 1, безнадежный 1, достойная 1, мучительна 1</p> <p>3. счастье 21, радость 15, любовь 10, существование 6, движение 3, свобода 3, стремление 2, течение 2, трудность 2, житуха 1, завоевание 1, испытание 1, мука 1, одиночество 1, развитие 1</p> <p>4. время 7, вечность 6, миг 2, свет 2, год 1, годы 1, этап 1</p> <p>5. дорога 5, путь 5, семья 5, река 1</p> <p>6. идет 4, прожить 4, удалась 3, люблю 2, дать 1, есть 1, кипит 1, когда-нибудь</p>
<p>ДЕНЬГИ</p> <p>1. большие 41, много 19, бешеные 14, мало 11, шальные 2, немалые 2, огромные 2, заработанные 2, малые 2, трудовые 1</p> <p>2. кошелек 14, золото 12, бумага 11, рубль 9, доллар 2, доллары 2, монеты 2, счет 2, товар 2</p> <p>3. нужны 11, не пахнут 8, нет 8, есть 5, кончились 5, истрачены 2, нету 2</p> <p>4. зло 9, грязь 4, грязные 4, дрянь 3, мусор 2; это зло 2, грязь, но без них никуда 1; мусор, но их не хватает 1; хлам 1, власть и свобода 1,</p> <p>5. вода 8, время 8</p> <p>6. счастье 5, жизнь 2, работа 2, зарплата 1, радость 1, свобода 1</p> <p>7. считать 5, получить 4, трагично 4, дать 3, получать 3, делать 2, зарабатывать 2, заработать 1</p>	<p>ДЕНЬГИ</p> <p>1. зло 45, власть 29, бумага 16, грязь 7, сила 5, бабло 4, мусор 4, взятки 2, всего лишь бумага 2, жадность 2, мусор 2, гадость 1, грязная бумага 1, грязно 1, дрянь 1, портят людей 1, правят миром 1, пыль 1, раздор 1</p> <p>2. много 34, большие 13, мало 7, грязные 6, крупные 4, бумажные 3, легкие 3, шальные 2, бешенные 1</p> <p>3. богатство 15, рубли 10, валюта 9, кошелек 9, рубль 9, монеты 8, доллары 7, зеленые 7, евро 6, достаток 6, монета 5, доллар 4, зарплата 4, золото 4, банк 3, в банке 3, все 3, баксы 2, золотые 2, купюра 2, купюры 2, счет 2, ценность 2, хорошо 5, влияние 1, цель 1</p> <p>4. не пахнут 11, нужны 6, на ветер 5, надо 3, пахнут 3, любят счет 2, мало 2, не хватает 2, хорошо 2, больше 2</p>

	<p>5. зарабатывать 6, тратить 5, получать 2, получить 2, тратятся 2, возмещать 1, заработать 1, иметь 1, кончаются 1, копить 1, липнуть 1, платить 1, покупать 1, хочу 1, хочу много денег 1</p> <p>6. время 4, час 1</p> <p>7. работа 3, покупки 3, еда 2, радость 1, труд 1</p>
--	---

прежде всего. Кроме того в РАС **дом** в представлении испытуемых был домом *в деревне*, а в ЕВРАС это **дом у моря** 3, *в лесу* 2, *у озера* 2 и только потом *в деревне* 1. Можно предположить, что в РАС фигурирует дом, который человек строит сам – *строить* 2, *построим сами* 1, *построить* 1, а в ЕВРАС это другие действия – *спать* 3, *горит* 1, *жить* 1, и только потом *построить* 1.

По данным РАС понятие **ЖИЗНЬ** занимает третье место в ядре языкового сознания, а по данным ЕВРАС – второе. Прежде всего **жизнь** соотносится со *смертью* (РАС – 50, ЕВРАС – 75). Из *науки* 14 (РАС) **жизнь** превратилась в *игру* 13, *кайф* 1 (ЕВРАС). Появились отрицательные характеристики: *дерьмо* 5, *ад* 1, *говно* 1, *испытание* 1, *тяжесть* 1, *мука* 1. В РАС **жизни радуемся** 40, пытаемся ее *изменить* 36, *отдать* 28, *любить* 25, *возродить* 16, *посвятить* 13, *прожить* 9, *познать* 4. **Жизнь идет** 3, *начинается* 2, *проходит* 2. В ЕВРАС совсем другая картина: **жизнь идет** 4, *прожить* 4, *удалась* 3, *люблю* 2, *дать* 1, *есть* 1, *кипит* 1, *когда-нибудь кончится* 1, *летит* 1, *познавать себя* 1, *не удалась* 1, *продолжается* 1, *прошла* 1, *слепнуть* 1, *ценить* 1. Но **жизни** уже не радуются, а главное – у **жизни** пропали *смысл* (РАС 35, ЕВРАС 3) и *цель* (РАС 13). Даже такой беглый анализ показывает существенные различия в содержании знаний, соотносящихся с понятием **жизнь** у двух поколений испытуемых, которые являются отражением социальных изменений в нашем обществе.

Понятие **друг** по-прежнему занимает очень важное место в образе мира русских респондентов и по данным ЕВРАС, и связанные с ним знания практически не изменились, хотя в структуре ассоциативного значения произошли некоторые несущественные изменения. Можно констатировать, что сознание молодого поколения носителей русской культуры все также другоцентрично, как это было и по данным РАС (см. [Уфимцева 1996]), и знания, связанные с этим понятием, по-прежнему окрашены преимущественно положительно (см. Таблицу 2).

Серьезные изменения произошли в содержании понятия **деньги**. Так, по данным РАС, **деньги**, прежде всего *большие* (41), *бешеные* (14), *шалые* (2), *немалые* (2), *огромные* (2). **Деньги** – это *зло* (9), *грязь* (4), *грязные* (4), *дрянь* (3), *мусор* (2); *грязь, но без них никуда*; *мусор, но их не хватает*; *хлам*, с одной стороны, и *золото* (12), *счастье* (5), *жизнь* (2), *власть и свобода* (1), *радость* (1), *свобода* (1), с другой. **Деньги нужны** (11), *не пахнут* (8). Из 537 слов-реакций на стимул **деньги** только 9 реакций связаны с понятием «работа»: *заработанные* (2), *работа* (2), *зарабатывать* (1), *заработать* (1), *зарплата* (1), *трудовые* (1) [Уфимцева 1996]. По данным же ЕВРАС на первое место вышло понимание **денег** как *зла* 45 и *власти* 29, негативная их оценка: *грязь* 7, *сила* 5, *бабло* 4, *мусор* 4, *взятки* 2, *всево лишь бумага* 2, *жадность* 2, *мусор* 2, *гадость* 1, *грязная бумага* 1, *грязно* 1, *дрянь* 1, *портят людей* 1. Появились реакции *хочу* 1, *хочу много денег* 1. Из положительных изменений в образе **денег** можно отметить, что наиболее частотным действием с

деньгами стало *зарабатывать* 6, *заработать* 1, а не *тратить* 5, хотя различие в частотах этих реакций можно признать несущественным. Из 542 реакций на это слово-стимул в ЕВРАС с понятием работа связано ненамного больше слов-реакций, чем в РАС: *зарабатывать* 6, *заработать* 1, *зарплата* 4, *работа* 3, *труд* 1. Зато **денег** должно быть *много* 34, и они должны быть *большие* 13. И хотя в числе реакций появились *банк* 3, *в банке* 3, *счет* 2, однако этого явно недостаточно, чтобы признать, что у наших респондентов сформировалось экономическое мышление. (По мнению социологов, русских 90-х годов XX века характеризовало так называемое неэкономическое мышление, что и нашло свое отражение в данных РАС).

Подводя первые итоги нашего сопоставления, можно сказать, что материалы массового ассоциативного эксперимента, представленные в РАС и ЕВРАС, позволяют увидеть и проанализировать те изменения, которые происходят в языковом сознании молодых носителей русской культуры под влиянием изменяющейся социокультурной реальности, а также проследить вектор этих изменений и спрогнозировать их последствия для культуры в целом. Для лингвиста же они открывают возможность наглядно увидеть и проанализировать содержание значения слова как отражения социокультурной реальности в его временной динамике.

Литература

- Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 157 с.
- Караулов Ю.Н.* Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000, – С.191-206.
- Караулов Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности// Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Т.1. – М.: АСТ-Астрель, 2002, – С.749-782.
- Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Русский ассоциативный словарь. Т.1,2. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 782 с., – 991 с.
- Леонтьев А.А.* Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976, – С. 45-57.
- Леонтьев А.А.* Язык не должен быть «чужим» // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. – М.: ММА им. И. М. Сеченова-Институт языкознания РАН, 1996, – С. 41-47.
- Леонтьев А.А.* Языковое сознание и образ мира// Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания РАН, 1993. – С. 16-21.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. – М.: Политиздат, 1975. – 271 с.
- Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Институт языкознания РАН, 1996, – С. 139-162.
- Уфимцева Н.В.* Идеи Ф. де Соссюра в психолингвистическом прочтении// Вопросы психолингвистики. № 1(17), 2013. – С. 44-52.
- Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Русский региональный ассоциативный словарь – ЕВРАС. – М: МИЛ, 2015, в печати.

Г.А. Черкасова

УДК 81'33 + 81'23

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОЭФФИЦИЕНТОВ
ЛЕКСИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ И ЛЕКСИЧЕСКОГО БОГАТСТВА
Ю.Н. КАРАУЛОВА НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ АССОЦИАТИВНЫХ
СЛОВАРЕЙ¹**

В статье приводятся результаты вычисления количественных показателей двух Русских ассоциативных словарей, анализируются и сопоставляются коэффициенты лексического разнообразия и лексического богатства, предложенные Ю.Н. Карауловым. Исследуется влияние реакций при опросе множества конкретных испытуемых на значения коэффициентов. Результаты показывают зависимость значений коэффициента лексического разнообразия от объема опрошенных респондентов. Выявлены диахронические изменения значений показателей на интервале 20-ти лет.

Ключевые слова: русский ассоциативный словарь, статистические показатели, лексическое разнообразие, лексическое богатство, диахрония.

Galina A.Cherkasova

**COMPARATIVE RESEARCH OF FACTORS OF LEXICAL DIVERSITY
AND LEXICAL RICHNESS OF YURIY N. KARAULOV ON THE BASIS
OF RUSSIAN ASSOCIATIVE DICTIONARIES**

The article presents the results of calculating the quantitative indicators of the two Russian associative dictionaries, analyzed, and compared rates of lexical diversity and richness offered by Yuriy N. Karaulov. The influence of the reactions in the survey sets specific subjects on the values of the coefficients. The results show the dependence of the values of the coefficient on the lexical diversity of the respondents. We have revealed the diachronic change of parameters in the interval of 20 years.

Keywords: Russian associative dictionary, statistics, lexical diversity, lexical richness, diachrony.

Научные исследования последних десятилетий подтвердили, что результаты массовых ассоциативных экспериментов отражают реальное состояние обыденного сознания носителя определенной культуры/языка и могут использоваться как для анализа его синхронного состояния, так и для фиксации происходящих в нем изменений в течение определенного периода времени (диахронический аспект). Ассоциативный эксперимент является эффективным инструментом изучения национально-культурной специфики языкового сознания и дает возможность с наибольшей объективностью вскрыть «культурную» специфику слов.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке грантов РГНФ в рамках проектов №15-04-00378а и №15 34-14007а(ц) и Ведущей научной школы РФ НШ-5740.2014.6

Результаты ассоциативных экспериментов представляются в виде сетевых структур – ассоциативно-вербальной сети (АВС) и ассоциативных словарей-тезаурусов.

В ассоциативном эксперименте слово-стимул «выступает как импульс, “запускающий” процесс активации в сети и приводящий в предречевую готовность значительный ее участок, в результате чего испытуемый вербализует один из находящихся в предречевой готовности узлов» [Караулов 1993: 250]. Стимул приводит к бифуркациям, ветвлению возможных ассоциативных связей, так как один и «тот же стимул может вызвать у другого испытуемого потребность реализовать иной “узел” сети из активированной зоны, и, переходя таким образом от одного испытуемого к другому, мы очерчиваем весь потенциально активируемый слабым импульсом участок коллективно существующей, или принадлежащей “коллективной личности”, сети» [там же: 245].

Ассоциативный словарь, включающий множество полей стимулов и реакций, «будучи онтологически отражением структур мысли, может рассматриваться как характеристика индивидуума, среднего носителя языка, воспринимающего действительность» [Караулов 1976: 176] – «это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании “среднего” носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 2009: 98].

Материалы АВС и ассоциативных словарей-тезаурусов позволяют исследовать системность образа мира носителей конкретной культуры и сопоставлять результаты по разным языкам.

0. Исходные данные и определения

В настоящей статье анализируются предложенные Ю.Н. Карауловым коэффициенты лексического разнообразия и лексического богатства на основе количественного анализа полей двух словарей: «Русского ассоциативного словаря» (РАС-1, опрос 1988–1995) и «Русского регионального ассоциативного словаря: европейская часть России» (РАС-2, 2008–2012).

В статистических характеристиках Прямого ассоциативного словаря для каждого стимула указано общее число ответов (N), количество разных ассоциатов ($N_{\text{разн}}$), количество единичных реакций (N_1) и количество отказов от ответа. Ю.Н. Караулов пишет: «соотношение этих цифр выявляет содержательные характеристики ассоциативной статьи, или, можно сказать, ассоциативного поля, имея в виду, что статья воспроизводит фрагмент ассоциативно-вербальной сети носителя языка. Так, отношение разных ответов к общему числу ответов служит некоторым показателем лексического разнообразия поля, а отношение единичных ответов к разным должно отражать в какой-то степени его лексическое богатство» [Караулов 1994: 23]. Показатели или коэффициенты *лексического разнообразия* (A) *лексического богатства* (B) им предложено вычислять по следующим формулам:

$$A = \frac{N - N_{\text{д\`аци}}}{N} \quad (1),$$

$$B = \frac{N_1}{N_{\text{д\`аци}}} \quad (2).$$

Для статистически корректного сравнения материалов двух словарей из баз данных были сформированы выборки по 907 повторившимся стимулам (в РАС-2

использовано 1000 слов, а в РАС-1 – 6624). Затем выборки были разбиты на две подвыборки, так как в РАС-1 не все стимулы опрошены на одинаковом количестве испытуемых. В связи с этим отдельно рассмотрены результаты по 696 стимулам, получившим не менее 500 реакций, и по остальным – 211 стимулам, имеющим в РАС-1 около 100 ответов испытуемых.

Сопоставление коэффициентов лексического разнообразия и богатства двух словарей позволит установить, произошли ли изменения в языковом сознании носителей русского языка за последние 20 лет. Ранее автор сравнивал эти показатели в РАС-1 с материалами «Словаря ассоциативных норм русского языка под ред. А.А. Леонтьева» и русской части «Славянского ассоциативного словаря» по множеству стимулов [Черкасова 2006: 380–383]. Данные этих словарей по совпадающим стимулам опубликованы в электронном «Русском сопоставительном ассоциативном словаре» [Черкасова 2008].

1. Сопоставительный анализ материалов РАС-1 и РАС-2

1.1. Исследование стимулов, получивших не менее 500 ассоциатов

Для множества 696 стимулов, получивших в двух экспериментах не менее 500 ассоциатов на каждый, рассчитанные значения показателей лексического разнообразия и лексического богатства представлены в виде графиков на рис. 1 и 2, на которых значения коэффициентов даны отдельно для РАС-1 и РАС-2. По оси абсцисс стимулы упорядочены по возрастанию коэффициента лексического разнообразия и указано каждое 20-е слово.

В РАС-1 коэффициент лексического разнообразия возрастает от 0,42 для стимула **раздражение** до 0,91 для **скорый**. Коэффициент лексического богатства колеблется в пределах от 0,54 для **открытый** до 0,84 у **раздражение**. Пунктирной линией приведен график *B1sort* по возрастанию значения *B1*, имеющий при этом другой порядок стимулов по оси абсцисс.

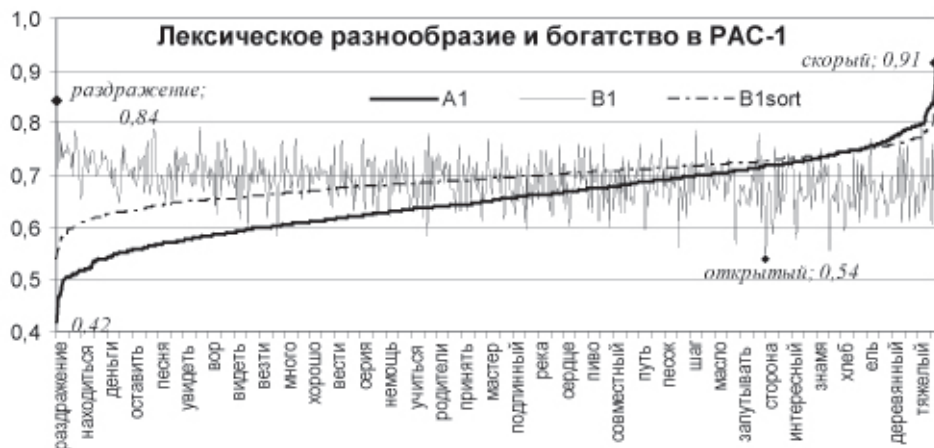

Рис. 1. Коэффициенты А и В для 696 стимулов в РАС-1

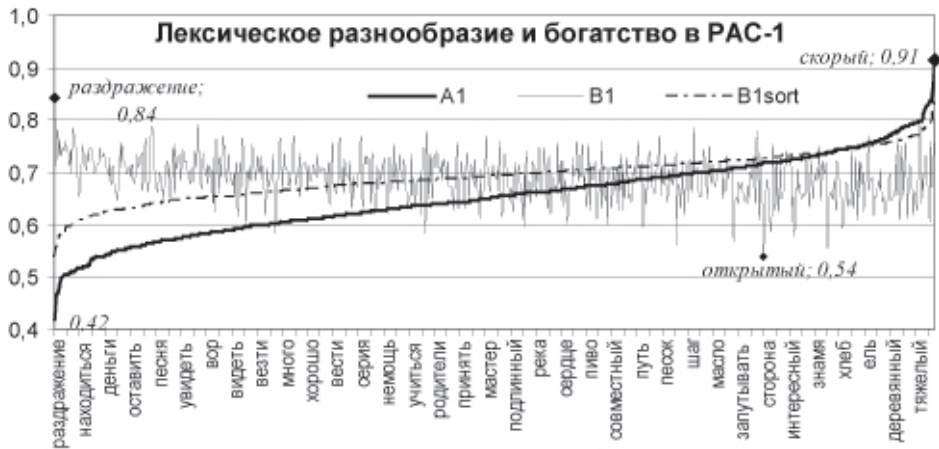

Рис. 2. Коэффициенты А и В для 696 стимулов в PAC-2

Лексическое разнообразие в PAC-2 получило наименьшее значение 0,5 на стимул **показаться**, а наибольшее – 0,89 на **скорый**. Коэффициент лексического богатства изменяется в пределах от 0,53 для стимула **сыр** до 0,80 у **неправда** (см. рис. 2).

Следует отметить, что, хотя последовательности слов-стимулов по оси абсцисс на рис. 1 и 2 не совпадают, значения коэффициентов лексического разнообразия и лексического богатства в двух экспериментах имеют одинаковый характер кривых, и значения их колеблются почти в одинаковых пределах, что отражено в двух верхние строках таблицы 1.

Таблица 1. Пределы коэффициентов А и В в PAC-1 и PAC-2

Словарь и количество анализируемых стимулов	Показатели				Количество ассоциатов
	лексического разнообразия		лексического богатства		
	min	max	min	max	
PAC-1 696 стим.	0,42	0,91	0,54	0,84	» 500
PAC-2 696 стим.	0,50	0,89	0,53	0,80	³ 500
PAC-1 211 стим.	0,15	0,78	0,59	0,90	100-200
PAC-2 211 стим.	0,51	0,87	0,54	0,78	³ 500

Сопоставить показатели лексического разнообразия по двум опросам позволяют графики на рис. 3, где по оси абсцисс стимулы упорядочены по возрастанию значения коэффициента *A2* для PAC-2 (плавная кривая). Для PAC-1 кроме графика *A1* приведена аппроксимирующая кривая (пунктирная линия), при этом для большинства стимулов оба графика расположены ниже кривой *A2*. Только 30 слов-стимулов имеют в PAC-2 значения лексического разнообразия на 5% меньше, чем в PAC-1, что отображается выбросами над кривой *A2*: *новый, деятельный, абсолютный, запас, милый, старый, имя, армия, ошибка, инициативный, сторо-*

на, лаконичный, восстанавливать, потерять, краткий, место, жесткий, общий, хуже, проект, следовать, болезнь, польза, палка, быстрый, долг, возделывать, запутывать, важный, становится.

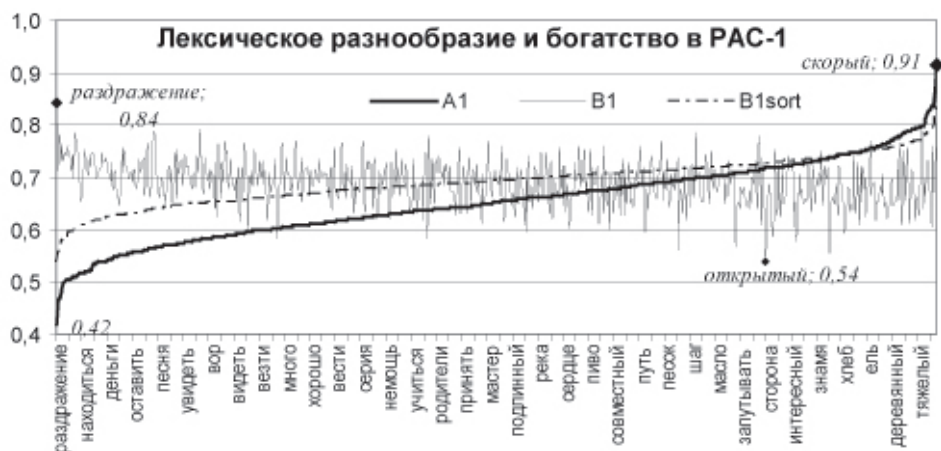

Рис 3. Показатели лексического разнообразия в РАС-2 и РАС-1

Наибольший рост показателя лексического разнообразия отмечен на стимул **раздражение** с 0.42 до 0.60, поэтому ниже приведены фрагменты словарных статей для него, в которых не указаны единичные ответы, и жирным шрифтом выделены повторяющиеся реакции. Еще десять стимулов более чем на четверть (25%) от значений *A1* увеличили коэффициент *A2*: **спросить** (0.52 0.69), **ярость** (0.51 0.67), **попробовать** (0.50 0.65), **сверло** (0.59 0.75), **вранье** (0.50 0.64), **наверно** (0.54 0.68), **театр** (0.55 0.69), **здесь** (0.60 0.75), **квадрат** (0.64 0.80), **топливо** (0.63 0.78).

РАЗДРАЖЕНИЕ:

РАС-2: злость 61/11.4; гнев 33/6.1; нервы 30/5.6; кожи 26/4.8; сильное 16/3.0; злоба 13/2.4; неприязнь, нервозность 11/2.0; ярость 10/1.9; зуд 8/1.5; бесит, ненависть, неприятно 6/1.1; аллергия, боль, кожа 5/0.9; на лице, неприятность, реакция, спокойствие, стресс, чувство 4/0.7; болезнь, вызывать, глаз, дискомфорт, красный, люди, мурашки, нерв, нервный, плохо, прыщи, псих, сыпь, усталость 3/0.6; агрессия, бесить, бешенство, бритва, бритье, бывает, возбуждение, вред, вызывает, глупость, достали, зло, кожное, крик, негатив, нервов, нет, после бритья, рефлекс, рецептора, рецепторов, слезы, утро, человек, чесотка, чешетка 2/0.4; ... 537+217+12+155 // 68+150

РАС-1: сильное 32/6.5; кожи 23/4.7; злость 22/4.5; гнев 17/3.4; нервы 12/2.4; нервное, прошло 7/1.4; на коже 6/1.2; вызывает, глаз, глухое, на лице, по поводу 5/1.0; нервов, плохо, постоянное 4/0.8; боль, внезапное, внешнее, вызывать, злое, крик, полное, спокойствие, человека 3/0.6; аллергия, бывает, восторг, глупое, грубость, злоба, на всех, нарастает, ненависть, неприязнь, неприятности, нервный, нескрываемое, от чего-то, по коже, рецептор, снять, тела, ярость 2/0.4; ... 493+285+24+241 // 68+218

Как показывают фрагменты словарных статей для стимула **раздражение**, почти все ассоциированные более чем 1% испытуемых реакции повторились в

двух опросах. Исключение – ассоциаты *бесит* и *неприятно*, порожденные в РАС-2 шестью испытуемыми (или 1,1% от общего количества опрошенных), и в РАС-1 по семь респондентов указали реакции *нервное* и *прошло* (1,4%). Приведенные в конце статей цифры показывают, что при возрастании количества полученных реакций в опросе РАС-2 с 493 до 537 существенно уменьшилось количество разных ассоциатов с 285 до 217, единичных ответов тоже получено меньше – было 241 в РАС-1, стало 155 в РАС-2. В итоге значение показателя лексического разнообразия стимула **раздражение** в РАС-2 увеличилось на 42%. Поясним последние цифры, указанные после знака //: 68 – количество повторившихся в двух опросах реакций; 150 и 218 – количество оригинальных ассоциатов соответственно в РАС-2 и РАС-1.

Сопоставление графиков на рис. 3 показывает, что коэффициент лексического разнообразия в опросе 2008–2012 гг. (РАС-2) для большинства стимулов увеличился, а это, согласно формуле [1], говорит об уменьшении количества разных реакций, полученных на конкретные слова-стимулы.

На рисунке 4 приведены графики для показателя лексическое богатство, где последовательность стимулов задается возрастанием коэффициента B_2 , и она отлична от последовательности слов по оси абсцисс на рис. 3.

Рис. 4. Показатели лексического богатства в РАС-2 и РАС-1

Как видно из графиков на рис. 4, значения коэффициента лексического богатства в РАС-2 для многих стимулов меньше, чем по ним же в РАС-1. Аппроксимирующая полиномиальная кривая B_1 сначала располагается выше графика B_2 , а при значениях коэффициента лексического разнообразия около 0,71 пересекает его и затем опускается ниже, хотя и незначительно. Получается, что значения коэффициентов лексического богатства в РАС-2 для многих стимулов не превышает их значений в РАС-1, т.е. в эксперименте 2008–2012 гг. уменьшилось соотношение количества одиночных ответов к числу разных реакций на этот же стимул.

1.2. Анализ 211 стимулов, получивших 100 реакций в РАС-1

Так как в РАС-1 211 стимулов опрошено на 100–200 испытуемых (199 из них получили по сто ответов), то можно проанализировать влияние количества опрошенных респондентов на значение коэффициентов A и B . Результаты представлены

на рис. 5, где стимулы упорядочены по возрастанию лексического разнообразия в РАС-2, т.е. по $A2$ (плавный график). Значение коэффициентов $A2$ изменяется от 0,51 для стимула **беспечность** до 0,87 для **близкий**. График $A1$, характеризующий лексическое разнообразие в РАС-1, расположен ниже $A2$, т.е. значения коэффициента меньше и колеблются в пределах от 0,15 для стимула **беспечность** до 0,78 для **образование** ($A2=0,8$). Это показывает, что *при опросах 100 респондентов коэффициенты лексического разнообразия имеют значения меньше, чем при количестве испытуемых 500.*

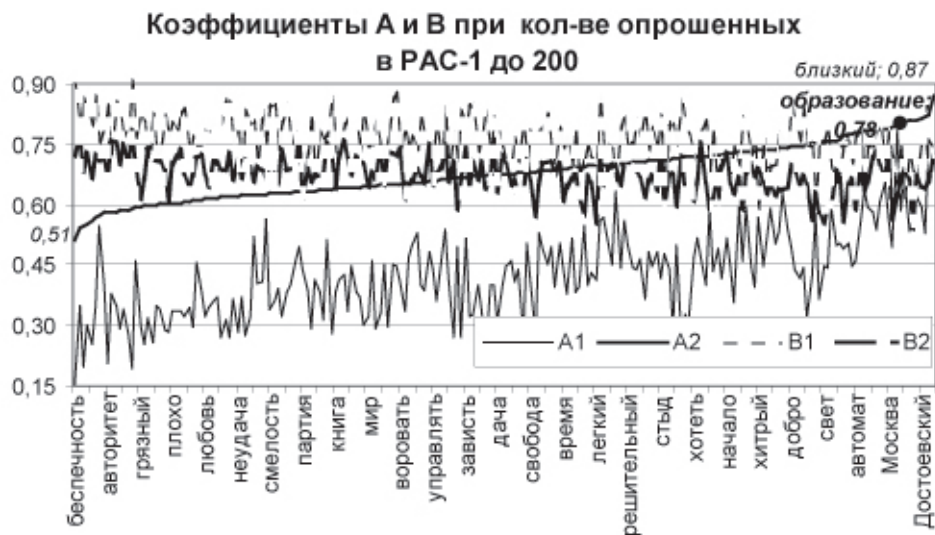

Рис. 5. Коэффициенты A и B для 212 стимулов

Две верхние кривые на рис. 5 характеризуют лексическое богатство и констатируют, что большинство точек на графике $B1$ для РАС-1 находится выше, чем для РАС-2. Наибольшая разница в значениях лексического разнообразия на 0,21–0,23 выявлена для стимулов: **мой** (0.81, 0.59), **богатый** (0.83, 0.61), **грязный** (0.82, 0.61), **жадный** (0.85, 0.64). Всего десяток стимулов (т.е. 5%) получили значения коэффициента $B1$ меньше чем $B2$, среди них **хитрый** (0.59, 0.69), **достаток** (0.60, 0.68), **пьяный** (0.60, 0.68) и др., при этом разница в значениях коэффициентов лексического богатства небольшая и составляет не более 0,1.

Границы изменений коэффициентов лексического разнообразия и лексического богатства для 211 стимулов даны в двух нижних строках таблицы 1. Анализ минимальных и максимальных значения и кривых на рис. 5 показывает, что количество опрошенных влияет на значения коэффициентов лексического разнообразия и лексического богатства следующим образом: при увеличении количества полученных на стимул ассоциатов значения коэффициента лексического разнообразия возрастает, а значения коэффициента лексического богатства наоборот падает.

2. Исследование влияния количества полученных ассоциатов на показатели A и B

Чтобы показать, как влияет количество опрошенных на значения коэффициентов A и B , из базы данных РАС-2 была сформирована выборка с количеством

реакций 100 на каждый стимул, к ней трижды добавлялось еще по сто ответов на каждый стимул. Для сформированных выборок рассчитывались значения коэффициентов лексического разнообразия $A100$, $A200$, $A300$ и $A400$ соответственно для 100, 200, 300 и 400 реакций на стимул. В таблице 2 и на рис. 6 и 7 приведены значения коэффициентов лексического разнообразия и лексического богатства не всех 211 стимулов, а только для 35-ти, являющихся первым в ядре языкового сознания русских (см. исследования, описанные в работах [Уфимцева 2014: 345-346; Черкасова 2007, 2014] и др.).

Таблица 2. Коэффициенты лексического разнообразия и лексического богатства для 100, 200, 300, 400 и 500 опрошенных в РАС-2

Stim	A100	A200	A300	A400	A500	B100	B200	B300	B400	B500
человек	0,440	0,515	0,562	0,595	0,625	0,696	0,742	0,700	0,690	0,673
жизнь	0,416	0,540	0,551	0,571	0,612	0,763	0,688	0,741	0,731	0,719
дом	0,480	0,606	0,620	0,640	0,672	0,667	0,628	0,670	0,681	0,705
плохо	0,330	0,413	0,503	0,558	0,603	0,851	0,814	0,700	0,701	0,704
хорошо	0,460	0,547	0,579	0,593	0,617	0,815	0,750	0,711	0,704	0,675
нет	0,566	0,645	0,674	0,690	0,720	0,721	0,732	0,776	0,790	0,755
деньги	0,390	0,555	0,580	0,604	0,640	0,770	0,640	0,635	0,652	0,667
мир	0,429	0,540	0,574	0,593	0,644	0,625	0,659	0,685	0,681	0,641
друг	0,535	0,644	0,682	0,726	0,753	0,681	0,625	0,615	0,627	0,654
я	0,396	0,517	0,546	0,573	0,615	0,770	0,773	0,752	0,731	0,742
радость	0,446	0,500	0,576	0,624	0,667	0,821	0,780	0,727	0,702	0,659
работа	0,356	0,510	0,590	0,588	0,610	0,785	0,687	0,626	0,659	0,684
сила	0,408	0,518	0,582	0,621	0,653	0,759	0,768	0,704	0,671	0,612
любовь	0,320	0,460	0,543	0,564	0,613	0,853	0,750	0,657	0,684	0,671
время	0,390	0,574	0,619	0,658	0,690	0,754	0,674	0,661	0,672	0,608
мужчина	0,525	0,603	0,617	0,650	0,670	0,723	0,722	0,728	0,710	0,705
счастье	0,410	0,545	0,579	0,606	0,649	0,780	0,756	0,744	0,755	0,730
ребенок	0,424	0,500	0,563	0,611	0,646	0,737	0,660	0,664	0,645	0,625
большой	0,430	0,558	0,645	0,676	0,686	0,737	0,659	0,692	0,674	0,698
день	0,596	0,690	0,711	0,718	0,757	0,725	0,613	0,558	0,586	0,592
смерть	0,390	0,513	0,566	0,602	0,637	0,705	0,701	0,672	0,667	0,682
зло	0,460	0,505	0,542	0,550	0,582	0,852	0,818	0,810	0,793	0,754
много	0,540	0,585	0,623	0,653	0,685	0,674	0,651	0,673	0,683	0,649
город	0,510	0,574	0,605	0,646	0,661	0,694	0,640	0,655	0,563	0,597
хороший	0,620	0,657	0,683	0,702	0,726	0,816	0,797	0,768	0,761	0,741
есть	0,424	0,518	0,609	0,633	0,655	0,684	0,677	0,638	0,632	0,634
свет	0,554	0,619	0,686	0,711	0,756	0,644	0,636	0,611	0,573	0,556
всегда	0,430	0,553	0,595	0,620	0,654	0,702	0,674	0,667	0,656	0,668
парень	0,490	0,588	0,626	0,645	0,678	0,700	0,683	0,730	0,727	0,710
предмет	0,303	0,389	0,466	0,506	0,561	0,812	0,719	0,717	0,680	0,662
дело	0,408	0,520	0,585	0,612	0,646	0,672	0,688	0,664	0,660	0,660
умный	0,470	0,583	0,622	0,658	0,677	0,717	0,723	0,688	0,672	0,703

ум	0,350	0,532	0,617	0,660	0,688	0,831	0,755	0,670	0,625	0,671
страх	0,296	0,434	0,495	0,529	0,601	0,841	0,795	0,767	0,753	0,685
люди	0,510	0,552	0,575	0,642	0,671	0,735	0,756	0,748	0,690	0,702

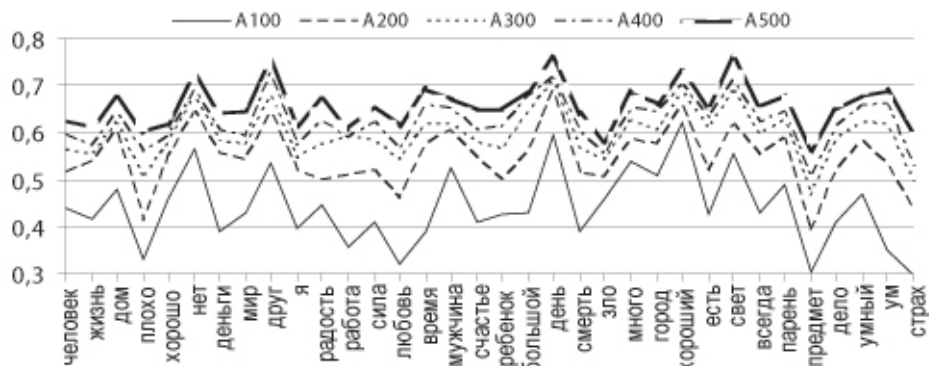

Рис. 6. Лексическое разнообразие при 100, 200, 300, 400 и 500 ответах

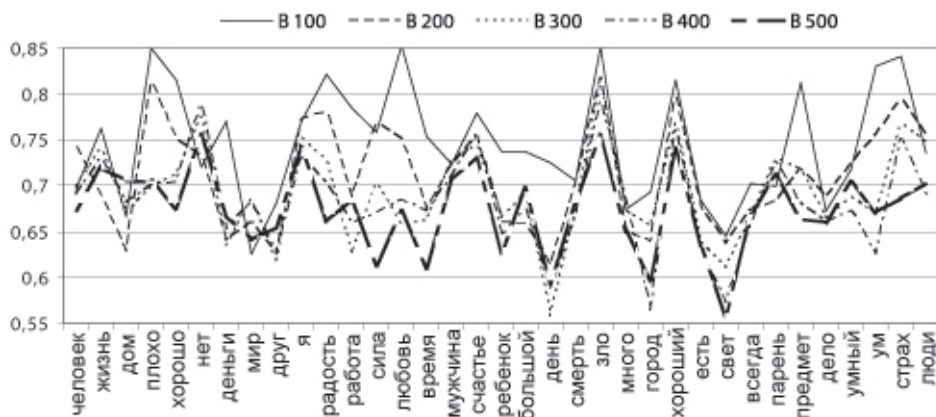

Рис. 7. Лексическое богатство при 100, 200, 300, 400 и 500 ответах

Графики на рис. 6 располагаются строго друг над другом, при этом нижний отображает значения коэффициентов лексического разнообразия для 100 респондентов, второй снизу – для 200, средний – для 300, затем для 400 и верхний – для всех опрошенных, т.е. более 500 и более. Анализ графиков подтверждает, что для конкретных стимулов с увеличением количества ответов-ассоциатов, коэффициент лексического разнообразия возрастает.

На рис. 7 представлены значения для коэффициента лексического богатства, где графики расположены «зеркально» предыдущим: сверху для 100 опрошенных респондентов, снизу – для 500. Следует, однако, отметить, что не все кривые находятся строго друг под другом, так как для некоторых стимулов графики пересекаются. Например, для стимулов *жизнь*, *дом*, *нет*, *деньги* значения *B300* больше чем для *B200* (в таблице 2 это отмечено курсивом). Можно сделать вывод, что

коэффициент лексического богатства при увеличении количества ассоциатов уменьшается.

3. Сопоставительный анализ значений коэффициентов *A* и *B* при одинаковом количестве опрошенных респондентов

Теперь исследуем стабильность коэффициентов лексического разнообразия и лексического богатства при равном количестве полученных на стимулы реакций, но ассоциированных неповторяющимися испытуемыми. Из БД РАС-2 для множества стимулов, получивших в РАС-1 около ста реакций, были сформированы три выборки по 100 ответов испытуемых. Рассчитаны коэффициенты лексического разнообразия, которые представлены на рис. 8 графиками *A*, *A1* и *A2*. Там же приведена кривая *A_1* для РАС-1. Стимулы по оси абсцисс упорядочены по алфавиту и указано каждое пятое слово.

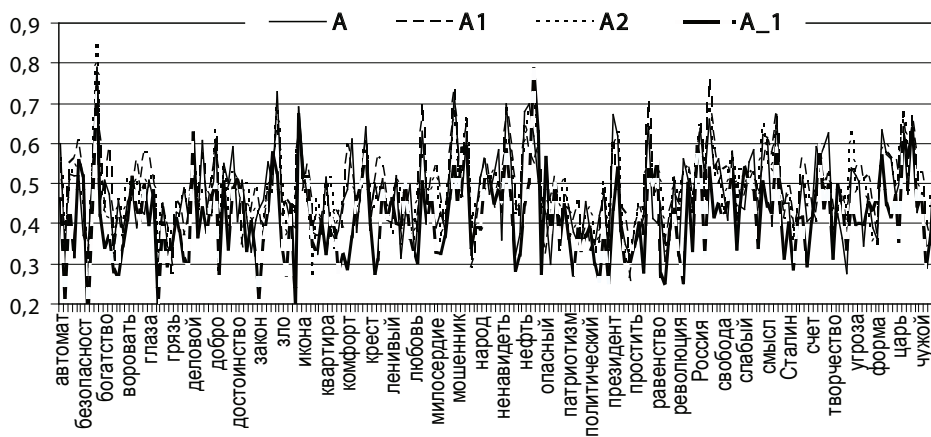

Рис. 8. Лексическое разнообразие для трех выборок из РАС-2 по 100 реакций

Графики показывают, что значения коэффициентов лексического разнообразия для разных выборок не всегда совпадают, хотя для большинства стимулов отличаются незначительно.

На рис. 9 представлены фрагменты графиков коэффициентов лексического разнообразия (нижние) и лексического богатства (верхние) по 35 стимулам. К каждому множеству из четырех ломанных линий добавлены графики «средних значений» лексического разнообразия *Asred* и лексического богатства *Bsred* в РАС-2 (изображены сплошной жирной линией). Их значения вычислены по формулам: $Asred = (A+A1+A2)/3$ и $Bsred = (B+B1+B2)/3$.

На рис. 9 видно, что значения коэффициентов *A* и *B* для разных выборок не всегда совпадают и колеблются вокруг «средних» значений. При этом следует отметить, что для большинства стимулов график *A_1* лексического разнообразия РАС-1 расположен ниже графиков для выборок из РАС-2 *A*, *A1*, *A2* и *Asred*, а значения показателя лексического богатства несколько больше, т.е. точки на кривой *B_1* располагаются выше, чем точки для кривых РАС-2, что подтверждает вывод, сделанный в разделе 1.1.

Пики или наибольшие значения лексического разнообразия для РАС-2 в приведенном фрагменте отмечены на стимулы **президент** (0,67, 0,6, 0,59), **Пушкин**

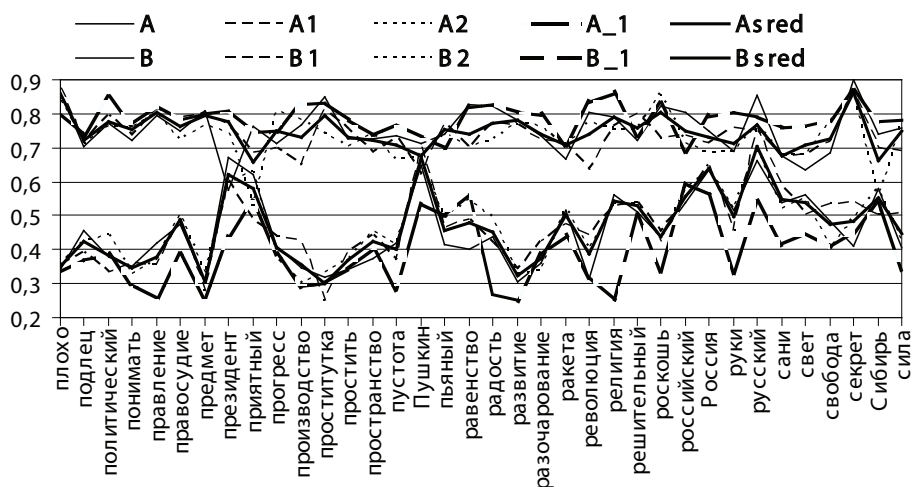

Рис. 9. Коэффициенты А и В по 35 стимулам для трех выборок по 100 ответов

(0.65, 0.7, 0.65), **Россия** (0.64, 0.65, 0.64), **русский** (0.66, 0.76, 0.69). Для РАС-1 пиковые значения, хотя и несколько меньшие, повторились для стимулов **Россия** (0.56) и **Пушкин** (0.53), а для слов-стимулов **российский** (0.59) и **равенство** (0.56) значения коэффициентов лексического разнообразия даже больше, чем в РАС-2, что отражается пересечением графиков.

Несовпадение коэффициентов лексического разнообразия и лексического богатства для разных выборок указывает на зависимость их значений от ответов конкретных испытуемых, и, к сожалению, невозможно определить количество испытуемых для опроса, которое позволит стабилизировать эти значения.

Заключение

Приведенные выше результаты исследований коэффициентов лексического разнообразия и лексического богатства показали следующее:

1. При упорядочивании стимулов по возрастанию коэффициента лексического разнообразия *A* значения коэффициента лексического богатства *B* имеет тенденцию к убыванию, т.е. эти коэффициенты изменяются разнонаправленно.

2. Для конкретных стимулов с ростом количества ассоциативных реакций (ответов респондентов) коэффициент лексического разнообразия увеличивает свое значение, а коэффициент лексического богатства уменьшается.

3. Значения коэффициента лексического разнообразия в более позднем опросе 2008-2012 гг. для большинства стимулов РАС-2 возросло по сравнению со значением в РАС-1, что говорит об уменьшении количества разных реакций, полученных на конкретные слова-стимулы, т.е. об «обеднении» ассоциативных связей слов у опрошенных респондентов.

4. Показатели лексического разнообразия и лексического богатства можно использовать при сопоставительных исследованиях материалов ассоциативных опросов при условии, когда анализируемые данные имеют одинаковые объемы стимулов и реакций на них.

В Интернете в свободном доступе по следующим адресам представлены:

- <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> БД «Русского ассоциативного словаря» (РАС-1);
- http://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf «Русский региональный ассоциативный словарь (РАС-2)
- <http://it-claim/Projects/ASUS/index.htm> материалы разных ассоциативных словарей
- http://iling-ran.ru/main/publications/psycholinguistics_books и
- <http://it-claim> в разделе «персоналии» статьи по ассоциативным экспериментам и исследованию языкового сознания русских.

Литература

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 365 с.

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. – М.: Наука, 1993. – 330 с

Караулов Ю.Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Филология. Журналистика. – 1994. – № 1.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Астрель: АСТ, 2002.

Русский региональный ассоциативный словарь: Европейская часть России. В 2 т. / Н. В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М.: – ИЯЗ РАН, 2014. 2008 // URL: http://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf, (дата обращения: 19.06.15).

Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. – 2009. – № 4. – С. 98-111.

Уфимцева Н.В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – № 9 (92). – С. 340-347.

Черкасова Г.А. Исследования статистических характеристик ассоциативных словарей // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова. Сб. статей. – М., 2006. – С. 378-388.

Черкасова Г.А. Исследование динамики ассоциативно-вербальной модели языкового сознания русских // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 105-122.

Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. Электронный словарь. – М.: ИЯЗ РАН, 2008 // URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>, (дата обращения: 26.06.14).

Черкасова Г.А. Динамическая ассоциативно-вербальная модель языкового сознания носителей русского языка // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. – 2014. – № 17. – С. 405-414.

11th INTERNATIONAL CONGRESS OF ISAPL

Tbilisi, 27-30 June 2016

organized by the
INTERNATIONAL SOCIETY OF APPLIED PSYCHOLINGUISTICS
(ISAPL)

hosted by the
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
(Georgia)

NEW E-MAIL ADDRESS:
e-mail: nino.aroshidze@yahoo.com

Л.О. Чернейко

УДК 81'22

ПОЛИМОРФНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В статье рассматриваются проблемы комплексного изучения полиморфного языкового знака с фокусом на абстрактном имени (АИ) существительном, но не в аспекте традиционной грамматики, ориентированной на язык-систему (код), а в аспекте грамматики ассоциативной, ориентированной на речевую способность носителей языка. Предлагается способ извлечения информации об ассоциативном ореоле абстрактной сущности с помощью лингвистического инструмента «проективный смысл». Особое значение в моделировании представлений сознания об абстрактных сущностях имеют их проекции на геометрические фигуры. Представлен анализ диалогов (и взрослых, и детей), направляемых полиморфным означающим.

Ключевые слова: абстрактный субстантив, активная грамматика, ассоциативная грамматика, графическая проекция, диалог (взрослый-взрослый и взрослый-ребенок), полиморфизм знака, проективный смысл.

Ludmila O. Tcherneyko

POLYMORPHIC LINGUISTIC SIGN AS PSYCHOLINGUISTIC PHENOMENON

The article deals with the problems of polymorphic linguistic sign complex study with a focus on an abstract noun (AN) but not in the aspect of traditional grammar which is language system (code) aimed but in the aspect of associative grammar which is focused on the speech ability of native speakers. The method of information extracting about abstract essence associative aura with the linguistic tool «projective meaning» is suggested. Of particular importance in the modeling of consciousness images about abstract essences have their projections on geometrical figures. The dialogues (both adults and children) analysis which are directed by polymorphic signifier is given.

Keywords: abstract substantive, active grammar, associative grammar, graphical projection, dialogue (adult-adult and adult-child), sign polymorphism, projective meaning.

Язык есть прежде всего и главным образом человеческий способ бытия в мире.

Дж. Стюарт, Возвращаясь к символической модели.

1.1. В отзыве на мою диссертацию «Абстрактное имя в семантическом и прагматическом аспектах» Ю.Н. Караулов написал: «Лингвистика последних лет, и в частности теоретическая русистика, обрела такую зрелость и мощь, что ее не удержать уже в традиционных границах русского языка “в самом себе и для себя”. Она осуществляет энергичную экспансию в смежные области науки, обильно удобряя свою лингвистическую почву идеями двух смежных дисциплин – психологии и философии». С тех пор прошло 18 лет. За эти годы отечественная когнитивная лингвистика настолько поверила в свою мощь, что уже, кажется, забыла о специфике

своего научного объекта, полагая, что мы «мыслим концептами», а «разговариваем дискурсами» [Чернейко 2012a]. Термины «концепт» и «дискурс» не только имеют право на существование, но и совершенно необходимы когнитивной лингвистике с ее ориентацией на изучение сознания и мировоззрения (картины мира) всего культурного сообщества в целом и отдельного говорящего («языковой личности») через язык как репрезентативную систему. Однако в руках у современного лингвиста, как и много веков назад, есть только один эмпирически воспринимаемый объект – речь (текст), являющаяся материальным воплощением языка.

К общим местам лингвистики относится положение о том, что язык – феномен объективный, существующий до каждого и помимо каждого члена культурного сообщества, и идеальный, поскольку локализован он в идеальном пространстве коллективного сознания. Из этого следует, что устройство языка никому из исследователей не дано в качестве эмпирической реальности, подобно устройству часового механизма, но может существовать лишь в виде гипотезы и разработанной на ее основе объяснительной модели объекта.

К одной из таких гипотез относится структурная организация языка, согласно которой язык представляет собой систему уровней, а содержание единиц этих уровней может быть описано лингвистически релевантными параметрами («значимостями»). Э. Бенвенист, основоположник концепции уровневой организации языка, считал, что с помощью понятия «уровень» удастся «правильно отразить такую существенную особенность языка, как его членораздельный характер и дискретность его элементов» [Бенвенист 1974: 129]. Но уровню он придавал не онтологический, а эпистемологический статус адекватного инструмента лингвистического описания. При этом взгляд структуралистов на язык как на «слепок логики», внутренне присущей мышлению и внешне проявляющейся в языке, Э. Бенвенист называл «наивными воззрениями».

Иные методы лингвистического анализа рождаются в недрах иных представлений о его устройстве. Так, в концепции Б.М. Гаспарова язык предстает как «текущая, открытая и непрерывная среда» существования человека [Гаспаров 1996: 6], как «мнемонический конгломерат» [там же: 13], а морфема признается первичным элементом языковой структуры только «в метаязыковой рефлексии», но не в самом существовании языка, поскольку «носитель языка не мыслит словоформу как построение, составленное из отдельных морфем» [там же: 86]. Хотя ссылок на соответствующие статьи А.М. Пешковского в монографии у Б.М. Гаспарова нет, его концепция перекликается с взглядами предшественника, который не язык, а слово определял как «конгломерат многих и даже разнородных значений», как «интегрально-дифференциальный конгломерат» [Пешковский 1959: 77].

Представляется, что истина, как всегда, состоит в понимании и строгом разграничении двух феноменов, а именно: языка-виртуальной системы знаков (с уровневой организацией) и правил их сочетаемости и языковой способности, воплощающейся в речи, которая направляется действием иных механизмов.

1.2. Ю.Н. Караулов как родоначальник ассоциативной грамматики (см. [Караулов 1993]) проводит четкую демаркационную линию между ее статическим и динамическим аспектами. Он пишет: «Как только мы подходим к фактам языка с точки зрения языковой способности, мы покидаем системно-детерминистский мир привычного представления языкового строя, его грамматики и лексики, и вступаем в вероятностный мир языковой личности» [Караулов 1999: 7]. Четко разграничивая

«язык-систему», «язык-способность» и «язык-текст», Ю.Н. Караулов «эти три ипостаси языка считает «разными способами видения одного и того же объекта» [там же: 9]. А «видение» – не что иное, как определенный угол зрения, аспект научного рассмотрения объекта, не отделимый от метода его конструирования¹. При этом Ю.Н. Караулов во многих своих работах подчеркивает, что в речи лексика и грамматика существуют в их неразрывной связи, разрывает которую аналитический взгляд исследователя, создающий научные абстракции.²

Не структурный, а вероятностный подход к объяснению механизма функционирования языка и в конкретной коммуникативной ситуации, и в истории своего развития В.В. Налимов в монографии 1974 года обосновал тем, что «наш язык должен быть пригоден для выражения непрерывно развивающихся и усложняющихся знаний о мире» [Налимов 1974: 125]. Можно сказать, что задолго до рождения когнитивной лингвистики как науки (днем ее рождения признается 1990 г., когда появился научный журнал «Когнитивная лингвистика») В.В. Налимов сформулировал один из важнейших семантических постулатов, объясняющих вхождение знака полиморфной, асимметричной языковой системы (кода) в индивидуальную речь, суть которого состоит в том, что с каждым знаком высказывания связано больше одного смысла. Это положение в качестве гениально простой догадки сформулировал О. Мандельштам в «Разговоре о Данте»: «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку» [Мандельштам 1991: 233].

Убедительным в вероятностной модели является допущение, что члены одного культурного сообщества примерно одинаково настроены на отображение действительности общностью языка-кода, их «языковой компетенции» и что на пути понимания речи мощной преградой стоит полиморфизм знака, или его неоднозначность (полисемия). Поскольку основное внимание В.В. Налимов сосредоточил, как он пишет, на «неоднозначной связи между знаком и обозначаемым» [Налимов 1974: 85], его книга могла бы иметь подзаголовок «Вероятностная семантика».

Ю.Н. Караулов эту вероятностную семантику русского слова воплотил и теоретически, и практически, предложив алгоритм представления сложного узора ассоциативных связей единиц русского лексикона в виде ассоциативно-вербальной сети, построив «грамматику речевой деятельности», где уровневые единицы языка «идут под звуки иного марша» (выражение Юрия Николаевича). Ассоциативно-вербальная сеть фиксирует, как отмечает ее создатель, «уникальную моментальную картину одного из своих бесчисленных состояний», обязательная смена которых в процессе текучей речевой деятельности «не затрагивает ее общей сбалансированной организации» [Караулов 1999: 36], которую удалось воплотить лексикографически в «Русском ассоциативном словаре» [РАС: 1994, 1996, 1998].

Описывая принципы проведения ассоциативного эксперимента, осмысление результатов которого и легло в основу «Русского ассоциативного словаря», Ю.Н. Караулов определяет анкету статус инструмента, прибора, который и «делает доступным

¹ Ср.: «В лингвистике точка зрения создает объект» [Соссюр 1977: 46] и «реальность исследуемого объекта неотделима от метода, посредством которого объект определяют» [Бенвенист 1974: 129], что предлагается определить как «постулат Соссюра-Бенвениста» [Чернейко 2012а].

² «Для говорящего не существует отдельно лексики и отдельно грамматики с ее правилами» [Караулов 1999: 35]. Ср.: «Всякое осознание фактов языка основано прежде всего на сознательном выхватывании данных фактов из общего потока речи-мысли и над наблюдением над выхваченным, т. е. прежде всего над расчленением процесса речи-мысли» [Пешковский 1959: 123].

наблюдению объект изучения – языковую способность носителя языка», и «воздействует» на него, внося «некоторые возмущения, искажения» [Караулов 1999: 124], что в полной мере соответствует открытому Н. Бором «принципу дополнительности»³. Однако в естественных условиях человеческой коммуникации возможно наблюдение, например, за развертыванием диалога, являющегося основной формой живой спонтанной речи, позволяющее увидеть полиморфный, асимметричный знак не в толковом словаре в виде перечня его лексико-семантических вариантов, а во взаимодействии со своей естественной средой обитания – с речевой ситуацией. Но в этом случае на авансцену лингвистического объяснения выходит концепция активной и пассивной грамматик, пересмотренная Ю.Н. Карауловым.

1.3. Активная и пассивная грамматики связаны, как известно, с двумя базовыми принципами коммуникации – кодированием смысла и его декодированием и с ориентацией, соответственно, на говорящего и на слушающего. Парадокс заключается в том, что в онтогенезе понимание предшествует говорению, в филогенезе деятельность декодирующая преобладает над кодирующей, а активной считается позиция говорящего. Как писал Р. Якобсон, «сфера нашей декодирующей деятельности шире нашей кодирующей способности» [Якобсон 1985: 294], т. е. мы⁴ понимаем больше, чем говорим. При этом говорящий, кодирующий смысл, в норме (или идеале?) знает, про что он говорит. А вот какотреагирует на его слова слушающий, зависит не только от «базы данных» последнего (от типа языковой личности, от ее перцептивного словаря, от настроения и т. д.), но и от структуры языкового знака – его неоднозначности. В диалоге в механизм текстопорождения встраивается позиция слушающего, активность которой задается его ассоциативной реакцией на сам знак – на его понимание, а точнее, на недопонимание или непонимание (подробно см. [Чернейко 2012б]). В приведенных ниже диалогах слушающий «активно» включается в речевую деятельность не собственной интенцией. Он ведом языком, а именно воспринятым в реплике говорящего асимметричным означающим, направляющим его речь совсем не по тому руслу, которое ему определяет означаемое говорящего. Их смыслы расходятся по разным векторам, заданным самим языком, самой семантической структурой знака.

Предложенное в ассоциативной грамматике понимание «активности» с ориентацией на «диалоговое взаимодействие» коммуникантов с необходимостью влечет включение «в режим диалога на равных основаниях две языковые способности» [Караулов 1999: 107–108]. В понимании метакатегории «активность–пассивность» коммуникантов и грамматик, объясняющих механизм их взаимодействия, упускается из вида та простая очевидность, что эмпирически дана только позиция слушающего, имеющего дело с материальным воплощением языка в речи и осуществляющего ее «распаковку» в надежде обнаружить смысл сказанного. Что же касается интенций говорящего (что он хотел сказать, как искал подходящую форму для смысла и т. д.), то его позиция, смыслы (означаемые) – «черный ящик»,

³ «Наблюдение атомных явлений включает такое взаимодействие последних со средствами наблюдения, которым нельзя пренебречь» [Бор 1971: 37]. В работе «Единство знаний» Н. Бор вывел принцип дополнительности за пределы квантовой физики, в частности в психологию (переживание-рефлексия, знание-вера).

⁴ Это «мы» относится к нормальному мышлению, которое, по словам К. Леви-Стросса, «страдает от недостатка означаемого», тогда как для мышления патологического характерен «избыток означающего» [Леви-Стросс 2008: 209].

пространство которого лингвисту дано в превращенной форме – через означающие, часто асимметричной структуры.

2.1. Особенность существования двустороннего языкового знака в системе статической и в динамике речи состоит, как представляется, в том, что означаемое знака остается идеальным и в речи, тогда как сама речь представляет собой линейную последовательность материализованных в звуке (или букве) означающих. Поскольку с материальным означающим асимметричного знака ассоциативно связаны разные означаемые (смыслы), которые «торчат во все стороны», постольку в определенных условиях контекста возможны смысловые осцилляции. При этом наблюдаются те же закономерности, что и в свободном ассоциативном эксперименте.

Рассмотрим фрагменты диалогов разных типов коммуникативных ситуаций (см. [Чернейко 2012б]).

А. «Герметическая» коммуникативная ситуация, в которой соблюдено «триединство» – места, времени, действия в том смысле, что количество участников речевой ситуации не меняется (как и положено диалогу, их двое), они друг с другом знакомы, а речевая коллизия обусловлена как состоянием их сознания, так и языком.

1) X: *Зато ты приобрела ценный опыт.* – У: *Горький опыт.* – X: *Горький, как истина.* – У: *А опыт он и есть истина.* 2) X: *А чувствуешь ты себя плохо и потому, что и с Федькой сплошной недосып, и весна. Ты, кстати, соки пьешь?* – У: *Разве что из близких.* 3) Молодая женщина ушибла ногу и ходила с палкой. С палкой ее видела знакомая. Прошло какое-то время. Они снова встретились, но женщина уже была без палки и забыла про свой ушиб. Знакомая радостно восклицает: *Ты поправилась!* На что та, будучи беременной на ранней стадии, недоуменно и уныло ответила: *А что, уже заметно?* 4) X: *Мне нужно сдать анализ крови.* – У: *А я сегодня плащ сдала.* – А что? – *Не понравился.*

Б. Ситуация «коммуникативной интервенции», характеризующаяся тем, что в диалог (а это, как правило, ситуации официального общения: «продавец-покупатель», «врач-пациент», «страж порядка-нарушитель», «соискатель-ученый совет», особенность которых состоит в достаточно большой социальной дистанции между коммуникантами, независимо от того, знакомы они друг с другом или нет) вторгается третий, «сторонний наблюдатель», ведомый исключительно «лингвистическим» интересом – услышанным словом. Этот трудно собираемый материал повседневной практики ценен тем, что раскрывает самые неожиданные ракурсы совмещения не совместимого по законам логики, но мотивированного законами ассоциации.

1) Покупатель обращается к продавцу: *У вас есть липовый чай?* – Продавец медлит с ответом. – Стоящий за спиной покупателя: *Да любой берите, он у них весь липовый.* 2) После защиты диссертации на ученом совете разворачиваются два диалога. Соискатель: *Спасибо моему научному руководителю, который помогал мне и в теории, и в практике.* – Реплика из аудитории: *Помогал и не мешал.* Разговор между членами ученого совета, каузированный репликой. X: *Руководитель должен быть как словарная дефиниция.* – У: *То есть?* X: *Досточным и неизбыточным.* 3) В телестудии. Ведущий: *А что ещё вы считаете необходимо сделать новому мэру?* – П. Лунгин: *Я бы заклеил ему (медлит и показывает на уши) ... уши...* – Реплика из зала: *И карманы* (ТВ. Судите сами. 07.10.10).

Эти разные диалоги имеют одну общую черту: текстопорождающий потенциал «упакован» в асимметричном означающем – А2 (*пить соки* – свободное

сочетание и ФЕ), А3 (*поправиться* – ‘выздороветь’ и ‘потолстеть’), Б1 (*липовый* – относительное и качественное значения), Б3 (*заклеить уши* – то же, что А2). Что касается диалога А1, то он направляется сложным взаимодействием синтагматики абстрактных субстантивов ОПЫТ и ИСТИНА. В репликах этого диалога явлена собственно предикация (по Ю.Н. Караулову, «предикация в узком смысле»). А в двух диалогах «на ученом совете» реализуются разные тенденции (к «вторичной номинации») через антоним *мешать* к *помогать* и более сложные ассоциативные связи, обнаруживающие профессиональную компетенцию в проекции словоформ *не мешал* и *помогал* на избыточность и достаточность как существующие критерии идеальной лексикографической дефиниции.

«Персональные вероятности» (термин В.В. Налимова) позволяют объяснить структуру диалогов, извлеченных из повседневной жизни, кроме того, они показывают неправоту Шалтая-Болтая, утверждавшего, что он «господин своего слова».

2.2. Одна из причин совмещения в диалоге субстантивов – наличие в зоне их сочетаемости хотя бы одного общего предиката, определяющего «синтагматическую общность». Классической иллюстрацией ассоциативной валентности предиката может служить такая особая разновидность загадки, как «вопросы-шутки» типа «Что общего между Х и У?»: *Какое сходство между деревом и преступником? – Обоих сажают.* Е.Д. Поливанов на материале японского языка описал этот тип загадок с модификацией вопроса «С чем можно сравнить Х?»: *С чем можно сравнить бездельника? – С бумажным фонарём. Это потому, что оба без толку болтаются* [Поливанов 1968: 307-308].

В диалоге взрослого с ребенком ассоциативная валентность предиката может рассматриваться и как порождающий реплику ребенка механизм, и как свидетельство уровня его овладения языком. Два соединенных ассоциацией по синтагматическому основанию («синтагматической ассоциацией») субстантива вне зависимости от синтаксического оформления слова-реакции можно рассматривать как «синтагматические ассоциаты» (см. [Чернейко 2007а]).

Взрослый (укладывая ребенка): *Слышишь, проверяльщик* (в семейном языке это тот, кто присматривает за тем, чтобы дети вовремя ложились спать – Л.Ч.) *уже детей на улице собирает?* – Ребенок: *Угу, как грибы* (3.5); Ребенок: *Я хочу кефир прямо сейчас.* – Взрослый: *Я не могу его тебе прямо сейчас выдать.* – Ребенок: *Замуж?* – Взрослый: *Что «замуж»?* – Ребенок: *Выдать замуж* (3.2); Взрослый: *Я купила вчера молоко, а оно свернулось.* – Ребенок: *Бап, оно что, ёжик что ли?* (4.6).

Все глаголы реплик взрослого неоднозначные, и теоретически любой асимметричный глагол (как и асимметричные слова другой частеречной принадлежности) обладает по причине наличия собственно языковой ассоциативной валентности текстопорождающей силой. Однако важны как потенциальные возможности того или иного асимметричного языкового знака, так и его актуализация в реальных речевых ситуациях. В речевой деятельности детей более раннего возраста их реплика в диалоге со взрослым может проистекать из невозможности совместить уже известный (буквальный, физический) смысл многозначного глагола с тем производным абстрактным значением, в котором он употреблен взрослым, например: Взрослый: *Федька, баба завтра домой уедет, нас бросит.* – Ребенок: *Бах.* – Взрослый: *Нет, она нас не так бросит, она нас оставит.* – Ребенок: *Да* (2.5). Услышанное слово в неизвестном значении ребенок проецирует на известное ему значение того же означающего: Взрослый: *Дашенька, смотри, сорока.* – Ребенок (0.11) на-

чинает водить пальцем по ладошке, имитируя игру. И речевая реплика *Bax*, и жестовая реплика «сорока»-игра как ответное действие на стимул СОРОКА-‘птица’ показывают, что смысловые векторы взрослого и ребенка не совпадают, поскольку ребенком эти смыслы асимметричного знака еще не освоены. Положение классической детской психологии о том, что ум ребенка – это не ум маленького взрослого, а совершенно особая система мышления в ее развитии, подтверждается многочисленными исследованиями. Представляется, однако, важным сходство поведения асимметричных слов в речи и детей, и взрослых.

3.1.1. Особый класс слов в любом языке составляют абстрактные имена (АИ) существительные, поскольку именно они создают метафизический мир культуры, составляя ее специфические модели, представляющие собой «вторичные образы» реальности, артефакты, сложным образом преломляющие первичную реальность – природу и социум. Имея слабую опору в эмпирической действительности, абстрактные сущности не обладают независимым от языковой материи бытием (см. [Чернейко 1997, 2010]). Если за словами типа БЕРЕЗА, ТЕНЬ, СОБАКА, ЗАБОР и подобных («денотативов») стоят дискретные фрагменты физической действительности, лишь обобщенные в словах, то за словами типа СВОБОДА, СЧАСТЬЕ, ЖИЗНЬ стоят идеи, фрагменты мира умопостигаемого. И этот мир континуален. Его дискретизация определяется исключительно дискретностью означающего абстрактного знака, а означаемое – той мыслительной фигурой, которую придает этому знаку лексико-семантическая парадигматика конкретного языка (например, СОЗНАНИЕ и СОВЕСТЬ в русском и соответствующее им CONSCIENCE во французском). Семантический анализ абстрактных имен проводить трудно, что и отражает лексикографическая практика интерпретации их значений, известная в лингвистике как «порочный круг толкования» (СМЕЛОСТЬ и МУЖЕСТВО толкуются через друг друга, НАДЕЖДА – через УВЕРЕННОСТЬ, а последнее – через ВЕРУ и НАДЕЖДУ), который современные отечественные словари с разной степенью успешности пытаются преодолеть.

В этой связи особое значение приобретает выделенное И.А. Бодуэном де Куртенэ в особый тип знания «языковое знание» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 312], извлекаемое из сочетаемости единиц языка. У АИ нет собственных предикатов. Оно берет чужие предикаты (потому они и «вторичные» для АИ), предикаты имен конкретных, за которыми стоит предметная действительность, т. е. сфера опыта. Через употребление абстрактного слова в разных контекстах мы узнаем не столько о внешнем для человека мире, сколько о его внутреннем мире, системе его ценностей, т. е. значимых для него смыслов (ЖИЗНЬ – ‘театр’, ‘поезд’, ‘перрон’, *телега жизни*). При этом способ думания о вещи и разговоры о ней, сложившиеся в культурной практике вещи, прочно вплетены в язык: *факты шлифуют* (как детали или камень), *неприятности наживают* (как имущество), *вину заглаживают* (как неровности на ткани).

Последние два десятилетия концептуальный анализ абстрактных субстантивов стал приоритетным видом лингвистической деятельности. В уже упоминавшемся отзыве на мою диссертацию (1997 г.) Ю.Н. Караулов проблему изучения абстрактного имени назвал «вечной», а объекту, из постижения которого проблема АИ вырастает, приписал «благородное древнее происхождение», подкрепив сказанное словами Х.Л. Борхеса о «Стольности», «Треугольности», которые можно себе представить, а также «Необходимости, Разума, Судьбы, Отношения, Размера,

Порядка» как об «умственных конструктах», которые нормальный человек и представить себе не может.

3.1.2. Вопрос, который был мне задан моим оппонентом по поводу концептуального анализа, звучал так: «Как концепт абстрактного имени соотносится с его полисемией?». Сегодня я на этот вопрос ответила в своих «постдиссертационных» статьях, но не совсем так, как отвечала на защите. Поскольку я считаю концепт сущностью не онтологической, а эпистемологической, т. е. лингвистическим инструментом анализа полиморфного знака (см. [Чернейко 2007б, 2012а]), позволяющим смоделировать проективные смыслы (см. [Чернейко 2012а, 2015]) абстрактной сущности, создав ее, сущности, ассоциативную модель и тем самым заполнив пустующий фрагмент мозаичного полотна под устоявшимся названием «языковая картина мира», постольку полисемия как определенный тип внутризнаковых семантических отношений в системе, как модель этих отношений если и связана с концептуальным анализом, то только на правах отношений включения.

И еще один аргумент. Если под асимметрией знака вслед за С.О. Карцевским понимается функциональная неоднозначность означающего (с одним означающим связано в системе языка больше одного означаемого, которые находятся в отношениях позиционного распределения, например, КОЛОДА – ‘бревно’, ‘человек’, ‘карты’), позволяющая в модели полисемии говорить о лексико-семантической производности, то АИ в этом плане обладает размытой семантической структурой, дающей основание устанавливать, говоря языком фонологии, не варианты значений, а их вариации – то, что принято называть «сужением» и «расширением» основного номинативного значения. Например, подробно описанное в [Чернейко 1997, 2010] имя СУДЬБА имеет разные вариации, например, такие: ‘доля-участь’ (*счастливая судьба*), ‘стечение обстоятельств’ (*судьба свела*), ‘настоящее’ (*спорить с судьбой*) ‘будущее’ (*предчувствовать свою судьбу*), ‘прошлое’ (*подтвердить своей судьбой*), однако все они (и многие другие) не что иное, как вариации (модификации) основного значения, в котором воплощается умпостигаемая сущность, стоящая за именем СУДЬБА, и ее архетипы. Следует отметить, что во всех семантических вариациях АИ, представленных в разных контекстах, происходит контаминация его ассоциативных смыслов в их разных комбинациях с базовым значением ‘потусторонняя сила или воля’, например, контекст *спорить с судьбой*, профилируя проекцию ‘Судьба-оппонент’, не только не отменяет базового значения, но преобразует его. Таким образом, АИ, не обладая полисемантической (эпидигматической) структурой в традиционном понимании полисемии, тем не менее, является знаком полиморфным и потому асимметричным. Но его полисемия представляет собой парадигму не лексико-семантических вариантов слова (ЛСВ), а семантических вариаций (СВ). Причина асимметричности означающего АИ относительно реальных и потенциальных означаемых кроется в его сложном и открытом ассоциативном ореоле, обусловленном проективным контуром абстрактной сущности. Углубленный анализ АИ позволяет иначе сформулировать положение о соотношении теоретических понятий «полиморфизм», «асимметрия» и «полисемия» знака.

3.2. Языковое знание об абстрактных сущностях, не осознаваемое говорящими, и предопределяет связанную сочетаемость единиц языка в речи, и проявляется в этой сочетаемости. Как выражающее не только мировоззрение, но и мироощущение, оно плохо поддается логической обработке. Как писал В. Гегель, «познание не замечает, что дошло до своей границы, а когда оно переходит эту границу, оно не

знает, что находится в области, в которой определения рассудка уже не имеют силы, и продолжает применять их там, где они неприменимы» [Гегель 1974: 416]. Эту мысль Гегеля в полной мере можно отнести к компонентному анализу, на смену которому и пришел анализ концептуальный, пришел в ту сферу, где рациональность сдала свои позиции и где правит видение (интуиция), языковой формой воплощения которой является ассоциативно-вербальная сеть языка.

Имена предметные (ТОПОЛЬ, УЗЕЛ, РЕКА), будучи знаками-символами по отсутствию в них внутренней формы, тем не менее, оказываются знаками иконическими по наличию в них перцептивного образа (следа предмета, хранящегося в памяти в виде инварианта материальных форм), наглядного прототипа. У имен метафизических сущностей таких прототипов нет. Однако, как писал И. Кант, «представить чистое рассудочное понятие как мыслимое в связи с предметом возможного опыта – значит придать ему объективную реальность и вообще изобразить его» [Кант 1963–1966: 202–203]. Переживание абстрактной сущности языковой личностью, в идиолекте которой есть ее имя, неизбежно приводит к проекции этой сущности на эмпирически постигаемые элементы опыта, что ведет, в свою очередь, к соединению абстрактного имени с разными предикатами физического действия, дескриптивными прилагательными, конкретными вещными существительными, анализ которых и позволяет раскрыть ассоциативные контуры имени, присущие ему в том или ином языке (см. [Чернейко 1997: 299–302]).

Проекция абстрактных сущностей на эмпирически постигаемые предметы физического мира, обуславливающая их наглядность и конкретность и представленная эксплицитной и имплицитной метафорами, являет собой метафорический модус существования абстрактных понятий (resp. абстрактных сущностей) в сознании носителей языка. Он сопоставим с другим модусом, наглядным и абстрактным одновременно. Этот модус «геометрический». Именно геометрия, как отмечал Гегель, «имеет дело с чувственным, но абстрактным созерцанием пространства» [Гегель 1974: 415]. Формы чувственно-абстрактного созерцания являются наиболее адекватным наглядным коррелятом абстрактной сущности, которое не может существовать вне наглядности.

3.3.1. Вербализация геометрического представления предметов невидимого мира (психофизического и метафизического), к которым неприменимы геометрические параметры в их собственно геометрической функции, обнаруживается в текстах, развертывающих геометрическую метафору (или метафорическую геометрию?). Много интересных случаев «вербализованной геометрии» представлено в научных и научно-популярных текстах, например: *точка на огромном круге черноты; круг черноты – действительность* (В.В. Кандинский. О духовном в искусстве).

Когда мышление спотыкается на труднодоступном умопостигаемом, включает внутреннюю геометрию (графика), проясняющая формы, конфигурации ментального пространства. Как пространство физическое наполнено своим содержимым – имеющими протяженность телесными вещами, так и пространство ментальное (идеальное), составляя сферу сознания, заполнено бестелесными вещами, но не аморфными, а оконтуренными, имеющими свои конфигурации. Психолингвистические эксперименты дают убедительные результаты того, что на стимулы-абстракции возникают реакции-образы.

Это фиксирует и «Русский ассоциативный словарь» [РАС 1996: 157, 161, 162] (например, СВОБОДА – *берег моря, степь, шалаи*; СКУКА – *вечер, ненастье, письмо, слезы*). Конечно, среди подобного рода реакций преобладают синтагматические,

поскольку слова входят в память осваивающего язык ребенка не изолированно, а в окружении своего наиболее типичного контекста⁵. Однако имплицитная образность представлена во всех глагольных и адъективных реакциях-предикациях при условии, что эти глаголы (и их дериваты) и прилагательные для абстрактных имен являются вторичными предикатами. Они либо обозначают эмпирически постигаемые параметры и модусы, либо, будучи «неэмпирическими», тем не менее, однозначно указывают на стандартный акт, позволяющий считывать проективные смыслы, либо своей внутренней формой дают о них информацию, кроме того, информация может иметь и аксиологический характер, например: СЛАВА – *мучает* (= причиняет муки)⁶, *громкая* (= звучит), *заработанная* (= деньги), *ослепительная* (= свет), *пустая* (емкость + пейоративная оценка; ср.: *Да, слава у него есть, только он ее водкой заполняет* – из разговора); СВОБОДА – *бремя* (груз + пейоративная оценка), *пьянит* (= алкоголь), *завоевать* (= желаемое). Что касается природы образов, в частности механизма их возникновения, РАС дает возможность поставить и решать вопрос о соотношении метонимии и метафоры. Даже при беглом взгляде на материалы словарных статей прямого словаря становится очевидно, что наглядные ассоциативные образы абстрактного имени возникают метонимически (СВОБОДА – *лето, берег, степь, мама, баррикады, Нью-Йорк*).

3.3.2. В конце двадцатых – начале тридцатых годов в лаборатории по физико-психическим исследованиям произведений искусства Российской академии художественных наук В.В. Кандинский, изучая психологию восприятия формы и цвета через их вербальные параметры, поставил и психолингвистическую проблему соотношения слова, смысла и геометрической фигуры.

В.В. Кандинский подготовил «опросный лист», по которому он предполагал выявить ассоциативные связи между базовыми геометрическими фигурами (кругом, квадратом и треугольником) и словами-понятиями. При этом он шел как от фигуры к слову, так и от слова к фигуре. В этом листе В.В. Кандинский сформулировал вопросы, аналогичные алогичному, на первый взгляд, вопросу Л. Витгенштейна: «Неужели ты готов утверждать, что среда толстая, а вторник худой или же наоборот? (Я склонен выбрать первое)» [Витгенштейн 1994: 303]. Цель В.В. Кандинского как художника-теоретика состояла в исследовании переживаний испытуемого при созерцании им сложных рисуночных форм и отдельных геометрических фигур. Однако сформулированные им частные вопросы, например, о геометрической фигуре треугольник, выглядели так: «Не кажется ли Вам, что он движется, куда, не кажется ли он Вам более остроумным, чем квадрат; не похоже ли ощущение от треугольника на ощущение от лимона, на что похоже больше пение канарейки – на треугольник или на круг, какая геометрическая форма (квадрат или треугольник – Л. Ч.) похожа на мешанство, на талант, на хорошую погоду? Попытайтесь выразить графическими формами Ваши впечатления, переживания и представления о науке вообще, о каких-нибудь науках в частности» [Кандинский 2001: 64-65]. Как видно из приведенных вопросов, некоторые из них имели сугубо лингвистическую основу (от слова к фигуре). Общий вывод Кандинского сводился к тому, что «графическое изображение и выражение могут найти не только явления искусства, но и явления жизни в самом широком смысле этого слова. Графически может быть изобра-

⁵ Ср.: Б.М. Гаспаров отстаивает идею «рассматривать слово растворенным в языковых выражениях и тех более широких ситуациях, которым эти выражения соответствуют в опыте говорящего» [Гаспаров 1996: 250].

⁶ Большие буквы обозначают вокабулу (слово-стимул), курсив – реакции, а комментарии в скобках – мои (Л. Ч.).

жена весна, революция, любовь, греза, смерть, ярость и т. д.» [Кандинский 1989а: 50]. Психо-социо-лингвистическое изучение языка вписывалось художником и теоретиком искусства в общую программу установления общих принципов связи всех родов искусства – живописи, музыки, поэзии, архитектуры, танца.

Справедливости ради следует отметить, что последующие экспериментальные психосемантические исследования, ориентирующиеся на геометрические формы (в их «чистом» виде и в виде произвольных трансформаций) в качестве стимула (см. [Артемьева 2007]), на «Опросный лист» В.В. Кандинского не ссылаются, хотя, как известно, в метод семантического дифференциала, предложенный Ч. Осгудом и его группой, помимо лексических антонимов были встроены и графические оппозиции.

3.3.3. Если треугольник мы можем представить себе наглядно и понятийно, то тысячеугольник, как писал Р. Декарт, мы можем только помыслить, поскольку «невозможно столь же ясно представить себе эту тысячу сторон или всмотреться в них как в присутствующие» [Декарт 1989: 58]. Однако и то, что только мыслится и понимается, тоже можно увидеть и увиденное изобразить. Иерархию отношений между геометрическими телами выстроил Декарт. Он считал, что протяженный предмет можно рассматривать как а) предмет – то, что обладает фигурой, б) фигуру – то, что обладает протяженностью, в) тело – то, что обладает длиной, шириной, глубиной, г) поверхность – то, что обладает длиной, шириной, д) линию – предмет, обладающий длиной, и е) точку – предмет как сущее [там же: 137].

Таким образом, всякий существующий предмет (вещь) имеет то идеальное общее, которое на языке геометрии имеет имя ТОЧКА. Существующие в сознании геометрические фигуры являются инвариантными формами множества предметов материального мира, и потому, как считал Декарт, «посредством их одних могут быть образованы идеи всех вещей» [там же]. В качестве примера он приводил дерево как фигуру множества, линию – как фигуру, через которую воображается протяженность, а точку – как такую фигуру, через которую передается внешнее множество измерений.

В.В. Кандинский предполагал получить на свой опросный лист массовые ответы, которые, по его мнению, дали бы возможность на основании их обобщения «установить известную закономерность во впечатлениях и наблюдениях» [Кандинский 2001: 67]. Не ставя перед собою такой глобальной цели, но вдохновленная художником и философом, я предложила студентам нарисовать тысячеугольник⁷. Отличие лингвистического эксперимента, подробно описанного в [Чернейко 2000], от психолингвистических очевидно: лингвист идет от слова. Приводимые в Приложении рисунки явились их графическим ответом (реакцией) на слово-стимул.

Разница между изображением треугольника и тысячеугольника состоит в том, что первый имеет некий наглядный инвариант в сознании разных людей, поскольку есть визуально воспринимаемый прототип, а у второго такого прототипа нет. Тысячеугольник – это скорее логическая возможность фигуры, а вовсе не ее материализованность. Поэтому и образы тысячеугольника у разных людей будут совпадающими, но разными. Но и в таких достаточно простых графических реакциях, которые можно трактовать как «равномерно усредненный фон» (термин Ю.Н. Караулова), обнаруживаются реакции уникальные, например, реакцией-рисунком на стимул «тысячеугольник»

⁷ Эти рисунки представляются впервые. Другие рисунки студентов с описанием эксперимента даны в [Чернейко 1997, 2010], а в [Чернейко 2000] к этим и новым рисункам дан подробный комментарий.

было изображение ежа (на доске аудитории). Такая реакция представляется достаточно нетривиальной, но лингвистически обоснованной: имя ТЫСЯЧЕУГОЛЬНИК находится в отношениях паронимической аттракции с окказиональным, но мотивационно прозрачным именем ТЫСЯЧЕИГОЛЬНИК, а стандартным носителем этого параметра в сознании русской языковой личности является еж.

Такую же нетривиальную реакцию дал тот же человек на стимул СВОБОДА – *улитка*. Он не смог сразу эксплицировать мотив такой сложной ассоциации (в основе метафорической предикации лежит пропозиция), но позже объяснил его следующим образом: у улитки дом (укрытие) всегда с нею, а свободным я чувствую себя только в собственном жилье (ср. слово *шалаш* как одну из реакций к стимулу СВОБОДА в РАС).

Цель использования невербального семантического дифференциала, разработанного Ч. Осгудом, при анализе семантики слов состоит в исследовании визуального мышления как минимума мышления понятийного. В.Ф. Петренко на основе проведенных им психосемантических экспериментов пришел к важному выводу, что, во-первых, «визуальные образы могут образовывать устойчивую сетку отношений, своеобразную парадигму “языка образов”» и, во-вторых, что есть «подобие вербальной и визуальной семантики» [Петренко 1983: 97]. К наиболее важным для лингвистики выводам проводимых Е.Ю. Артемьевой экспериментов относится следующий: «Геометрические формы оказываются наделенными жестко сцепленными комплексами свойств, ведущими из которых являются эмоционально-оценочные свойства» [Артемьева 2007: 108].

Выводы. В работе 1996 года Б.М. Гаспаров писал, что «мы располагаем в настоящее время достаточными методологическими основаниями и арсеналом наблюдений над языком, дающими возможность сделать такой подход (к языку как деятельности, как языковой способности в отличие от лингвистического моделирования языка-системы – Л. Ч.) полноправной альтернативой традиционному лингвистическому описанию» [Гаспаров 1996: 49]. Действительно, альтернативная традиционная лингвистика уже давно заявила о себе в трудах таких ученых, как А.А. Залевская, А.А. Леонтьев, Ю.Н. Караулов. Однако традиция оказывает достаточно мощное сопротивление альтернативной лингвистике, не желая уступать ей в первую очередь традиционного понимания грамматики. Между тем один из разделов (второй), на которые «распадается грамматика» в «самом обширном смысле этого слова», называется у И.А. Бодуэна де Куртенэ «семасиология (семантика)» и определяется как «наука о значении или об ассоциациях внеязыковых представлений (идей) с представлениями строго языковыми» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 100].

Объект альтернативной грамматики речи – слово во всем многообразии его ассоциативных связей, в основе которых лежит закон аналогии. Обширную информацию дает изучение полиморфного знака в диалоге, где раскрываются его текстопорождающие потенции.

Кроме того, для ассоциативной грамматики представляется перспективным использование невербального семантического дифференциала, такого простого, какой предложил В.В. Кандинский. Он представляется значимым не только теоретически, но и дидактически. Когнитивная графика (геометрия) открывает новые перспективы в изучении абстрактных сущностей, позволяя выявить способы визуализации обыденных и научных абстрактных понятий и зрительно, а не ментально воспринять различия между близкими, но не тождественными сущностями.

Трудно переоценить теоретический и практический вклад Ю.Н. Караулова в ассоцианизм и грамматику речи, особенно в разработку положений ассоциативной грамматики в ее статическом и динамическом аспектах, в пересмотр концепции активности-пассивности грамматики, в создание теории языковой личности. А «Русский ассоциативный словарь» стал и продолжает оставаться не только важным для носителей языка информационным источником, но и мощной базой для дальнейших лингвистических исследований.

Литература

- Артемяева Е.Ю.* Психология субъективной семантики. – Изд. 2-е. – М.: URSS, 2007. – 136 с.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
- Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. – М.: Изд. Академии наук, 1963. – 391 с.
- Бор Н.* Избранные научные труды. В двух томах. Т. 2. – М.: Наука, 1971. – 680 с.
- Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994. – 520 с.
- Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
- Гегель В.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
- Декарт Р.* Сочинения. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – 458 с.
- Кандинский В.В.* Каталог выставки. – Л.: Аврора, 1989. – 272 с.
- Кандинский В.В.* Опросный лист // Избранные труды по теории искусства. Т. 2. – М.: Гилея, 2001. – С. 64–67.
- Кант И.* Сочинения в шести томах. Т. 4(1). – М.: Мысль, 1965. – 544 с.
- Караулов Ю.Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. – М.: Русский язык, 1993. – 330 с.
- Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. – М.: Академический проект, 2008. – 555 с.
- Мандельштам О.* Избранное. – М.: СП Интерпринт, 1991. – 480 с.
- Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. – М.: Наука, 1974. – 272 с.
- Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. – М.: МГУ, 1983. – 176 с.
- Пешковский А.М.* Избранные труды. – М.: Учпедгиз, 1959. – 252 с.
- Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. – М.: Наука, 1968. – 376 с.
- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
- Русский ассоциативный словарь (РАС). Ассоциативный тезаурус современного русского языка. В 3-х частях, 6-ти книгах / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Кн. 1, 3, 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Кн. 2, 4, 6. Обратный словарь: от реакции к стимулу. – М. 1994, 1996, 1998.
- Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М., 1997. – 320 с.
- Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – 2-е изд., испр. – М.: УРСС, 2010. – 272 с.
- Чернейко Л.О.* Геометрический модус существования абстрактных понятий в сознании носителей языка // Обработка текста и когнитивные технологии. № 4. Тр. межд. конф. «Когнитивное моделирование» (Пушино, 17–19 сентября 1999). – М.: МИСИС, 2000. Т. 2. – С. 364–381.
- Чернейко Л.О.* Синтагматический ассоциат как текстопорождающий фактор детской речи // Проблемы онтолингвистики – 2007: Материалы межд. конф. – СПб, 2007а. – С. 209–211.

Чернейко Л.О. Новые инструменты и объекты лингвистики в свете старых понятий // Лингвистическая полифония. Сб. в честь юбилея проф. Р.К. Потаповой. – М.: Языки славянских культур, 2007 б. – С. 150-183.

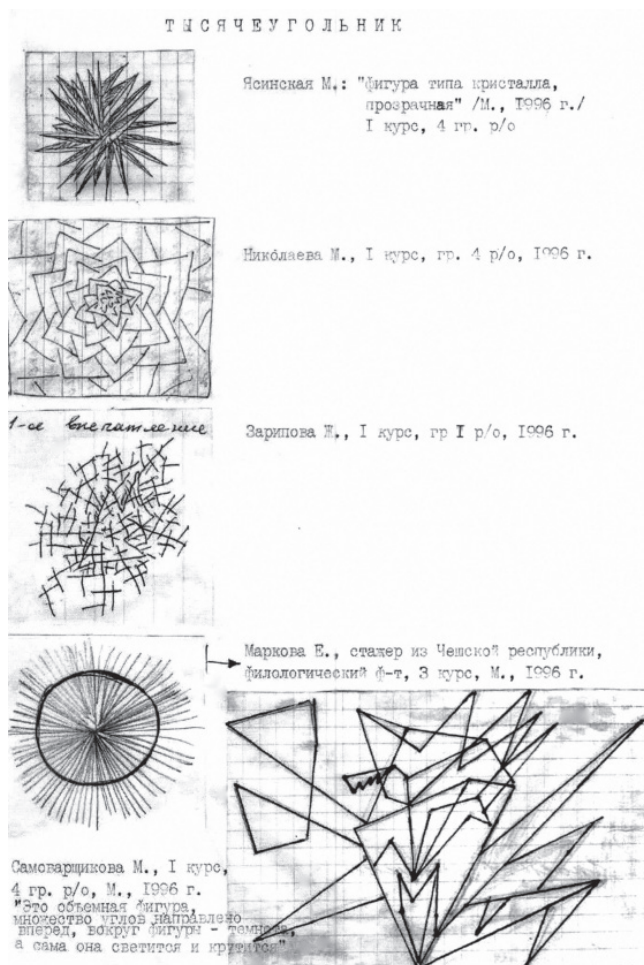
Чернейко Л.О. «Ненаучная метаречь» современной когнитивной лингвистики // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства. Сб. ст., посвященный 35-летию каф. современного русского языкознания Башкирского гос. ун-та. В 2-х томах. Т. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012а. – С. 151-165.

Чернейко Л.О. Асимметричный языковой знак в речи: к вопросу о взаимодействии смыслов в разных условиях их реализации // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 2012б. – № 2. – С. 7-40.

Чернейко Л.О. Грамматика семантики // Сб. памяти А.А. Поликарпова. – М.: МГУ, 2015 (в печати).

Якобсон Р. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 455 с.

Приложение

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РЕБЕНКА

В статье на основании текстов сказок, придуманных детьми в возрасте от трёх до семи лет, выделяются элементы концептосферы, складывающейся в языковом сознании ребенка, определяются факторы, влияющие на ее формирование. Конкретизируются понятия «сознание», «языковое сознание» и «концептосфера». Исследование показало, что более важным для формирования детского языкового сознания оказывается не противопоставление «отечественное – зарубежное», но тот канал, зрительный или слуховой, по которому к ребенку поступает информация. Формирование концептосферы детского языкового сознания в основном осуществляется в соответствии с концептуальной матрицей, выделенной для русского обыденного языкового сознания. Наиболее активными участками формируемой концептосферы являются представления о семье и об окружающей природе. Для обеспечения речевой деятельности концептосфера ребенка не только должна быть представлена определенным набором рубрик, но и – структурирована, т. е. закрепленное в языке знание о мире должно быть подвергнуто первичной категоризации, объединению отдельных концептов в обладающие общими свойствами классы, а первичная классификация основных концептов должна быть помещена в концептуальную сеть пространственно-временных отношений, определяющих соотношение и размещение выделенных классов в пространстве и времени.

Ключевые слова: детское языковое сознание, концептосфера, концептуальная схема, концептуальный блок, сказка, когнема.

Elena G. Belyaevskaya

ON SOME REGULARITIES OF CONCEPT SPHERE FORMATION IN CHILDREN'S LANGUAGE MIND

On the basis of fairy tales texts invented by children aged three to seven years the elements of the conceptual sphere are being extracted which influence conceptual sphere formation. The concepts of “consciousness”, “language mind” and “concept sphere” are specified. The research showed that the more important for the formation of children’s language mind is not opposed to a “domestic – foreign” but that channel, visual or auditory, at which a child receives information. The formation of the concept sphere of children’s language mind is mainly carried out in accordance with the conceptual matrix that is allocated to the ordinary Russian language consciousness. The most active areas of the formed concept sphere are the ideas about the family and natural environment. To provide speech activity the children’s concept sphere must be represented not only by a certain set of sections but also to be structured, i.e. embodied in the language knowledge about the world should be subjected to a primary categorization, combining separate concepts in possessing common properties of classes, and the primary classification of the basic concepts should be placed in a concept network of spatio-temporal relations that determine the proportion and the selected classes in space and time.

Key words: children’s language mind, concept sphere, concept scheme, concept block, fairy tale, cogneme.

В данной статье мы, на основании анализа текстов сказок, составленных и рассказанных русскоязычными детьми от трех до семи лет¹, постараемся выделить элементы концептосферы, которая складывается в языковом сознании ребенка, и определить некоторые факторы, влияющие на ее формирование.

Термин «языковое сознание», который в настоящее время широко используется в самых разделах лингвистики, весьма по-разному трактуется в научной литературе. Причины этого Ю.Н. Караулов видит в отсутствии четких и однозначных определений еще более широкого термина – «сознание», что «связано не только с великим разнообразием форм проявления сознания, включающим ощущения и представления, образы и эмоции, память и воображение, условные и безусловные рефлексy, волевой тонус и невербальные формы мышления и т. д., но также и с тем, что сознание имеет как индивидуальное, так и конперсональное – коллективное, национальное, общепланетарное воплощение» [Караулов, Филиппович 2008: 7].

Использование термина «сознание» в лингвистике сразу обращает исследователя к изучению мыслительных процессов человека и его менталитета, поскольку в философии и психологии, откуда этот термин и пришел в лингвистику, сознание понимается как «человеческая способность идеального воспроизведения действительности в мышлении» [СЭС: 1232]. Отметим два аспекта понимания сознания, важных для нашего дальнейшего изложения. Во-первых, во всех определениях «сознания», в какой бы науке этот термин ни использовался, акцентируется активность ментальных процессов, из чего следует возможность контроля со стороны мыслящего субъекта. Это свойство сознания косвенным образом проявляется в контекстуальной реализации слова «сознание», когда говорят *потерять сознание, затуманенное сознание, прийти в сознание* и т. д. Иными словами, термин «сознание» имплицитно подразумевает способность человека «осознанно» выбирать объект для ментальной обработки или же способность человека «осознанно» направлять свои ментальные процессы на тот или иной объект. Во-вторых, сознание как особая подструктура мышления устанавливает связь между человеком и окружающей его действительностью. Именно активно действующие, целенаправленные мыслительные процессы человека позволяют ему постоянно фиксировать изменение окружающих условий, поведение людей, с которыми человек входит в контакт и вообще – всю информацию, постоянно поступающую к человеку из окружающего мира. Таким образом, «сознание» – это операциональная система мышления человека, обеспечивающая его связь с действительностью.

Особенности самого понятия «сознание» обуславливают его значимость для психолингвистики, однако в рамках собственно лингвистики ракурс рассмотрения сознания существенно меняется. Предметом изучения в лингвистике является язык, который, как механизм сбора информации, хранения и переработки информации, а также передачи информации, тесно связан с сознанием. Более того, по меткому замечанию Ю.Н. Караулова, именно язык является «окном» в сознание, позволяющим заглянуть в сложные механизмы работы человеческого мышления.

¹ Данный эксперимент был организован И.В. Ружицким в рамках выполнения в Научном центре русского языка МГЛУ (директор – Ю.Н. Караулов) проекта «Фундаментальное исследование этапов формирования русской языковой личности в начальный период ее становления у детей 3–7 лет».

На пересечении знаний о сознании человека и о том, как человек пользуется языком в процессе коммуникации, возникает представление о «языковом сознании», которое уже является непосредственным предметом изучения в лингвистике и, что самое важное, может быть реконструировано лингвистическими методами на основании анализа языкового материала. Здесь уже «речь идет не о сознании в широком смысле термина, а только о доступной изучению лингвистическими методами вербализованной его части – языковом сознании» [Караулов, Филиппович 2008: 111].

В ходе реконструкции языкового сознания как «особого рода механизма, специального экспериментального устройства, которое обеспечивает слияние, интеграцию, знания языка со знанием о мире» [там же: 10] необходимо решить вопрос о структуре языкового сознания, отражающего языковую картину мира соответствующего социума. В соответствии с концепцией Ю.Н. Караулова, реконструкция языкового сознания предполагает «движение снизу вверх», от элементарных единиц знания (фигур знания) к референтным областям, формирующим единицы более высокого уровня – концепты. Концепты имеют разную степень сложности и обобщенности. Обыденное языковое сознание среднестатистической (взрослой) языковой личности оперирует множеством первичных или базовых концептов (предметно-тематических областей), включающим около 100 единиц.

В соответствии с принципом естественной самоорганизации базовые концепты распределяются по крупным предметным областям, обозначаемым Ю.Н. Карауловым как концептосферы. Концептосферы, которые по сравнению с концептами становятся более обобщенными, распадаются на два подмножества – реальной действительности и виртуальной реальности. Язык при этом составляет самостоятельную концептосферу, точнее, множество концептосфер, отражающих строение и функционирование языка, т. е. знание языка, знание о языке, а также знание, заключенное в языке.

Концептосферы реального мира, которые отражают ядро обыденного языкового сознания среднего носителя русского языка, это: *быт; время; география мира; геометрия мира; государственное устройство; животный мир; информация; мир растений; наука; неорганический мир; отдых, досуг; природа; разрушение; социально-трудовые отношения; строительство; техника; человек – Мы; человек – Я; чужой мир*. Виртуальный мир обыденного сознания структурируется следующими концептосферами: *живопись; игра; искусство; кино, телевидение; литература; мифология; мода; музыка; поп-культура; религия; скульптура; спорт; театр, цирк, шоу; фольклор; фотография*.

Это довольно пространное изложение потребовалось нам для того, чтобы представить себе общую матрицу элементов языкового сознания, которой оперирует средний носитель русского языка. Можно полагать, что по мере овладения языком ребенок должен некоторым образом заполнять «клетки» этой матрицы, формируя общую концептуальную структуру, лежащую в основе языковой системы, поэтому модель, разработанная Ю.Н. Карауловым и Ю.Н. Филипповичем, может послужить отправной точкой при исследовании закономерностей формирования языкового сознания ребенка. Вместе с тем, необходимо также внести в общую методологическую систему некоторые уточнения, обусловленные особенностями поставленной нами исследовательской задачи.

Прежде всего, составление модели базы данных, формирующей основание русскоязычного сознания, предпринимаемое Ю.Н. Карауловым и Ю.Н. Филипповичем, имеет лексикографическую направленность. Конечным итогом этой модели является

разработка принципов организации словарной статьи для соответствующего словаря. Кроме того, анализируется не всё поле русскоязычного сознания, а только его ядро, поэтому термин «концептосфера русскоязычного сознания», по-видимому, целесообразно сохранить для всего языка, обозначив конструируемые «концептосферы» как «базовые концептуальные конфигурации». Тогда реконструируемые на базе анализа текстов концептуальные составляющие общего представления о мире носителей русского языка (как детей, так и взрослых) могут рассматриваться как элементы концептосферы² русскоязычного сознания.

Кроме того, концептосферой мы будем считать *концептосферу языка* (в отличие от возможной интерпретации этого термина как концептосферы культуры или концептосферы индивида)³. Мы определяем концептосферу языка как совокупность концептуальных структур разной степени сложности (концептуальных оппозиций, концептов, концептуальных конфигураций, систем метафорических и метонимических переносов и т. д.), выработанных в данном социуме в процессе развития языковой системы как основание формирования семантики языковых сущностей (от сочетаний фонем до текстов).

Материалом для нашего исследования послужили данные эксперимента, в ходе которого детям в возрасте от 3 до 7 лет (с приблизительно одинаковым количеством мальчиков и девочек) предлагалось придумать и рассказать сказку. Это мог быть результат самостоятельного творчества, или же дети могли воспроизвести некоторую ранее рассказанную им сказку или пересказать увиденный ими до этого мультфильм.

Как показало предварительное изучение материала (около восьмидесяти текстов), практически все дети воспроизводили ранее услышанные ими сказки или увиденные мультфильмы. Самостоятельно придуманные сказки или «гибриды» нескольких сказок представлены единичными примерами. Бросается в глаза обилие сюжетов, пришедших из американских и японских мультфильмов («Черепашки Ниндзя», «Винкс», «Трансформеры», «Звездные войны» и т. д.). Эти источники во многом заменяют традиционные русские народные и литературные сказки.

Можно было бы сделать вывод о том, что раньше в детском языковом сознании в основном присутствовали когнемы из русского фольклора и источников, по традиции предлагаемых для чтения в детских садах, в то время как в настоящее время источниками когнем в детском русскоязычном сознании становятся зарубежные медийные и компьютерные сюжеты. Представляется, что подобное утверждение будет верным лишь отчасти, ситуация, на самом деле, намного сложнее. Проведенное нами изучение материалов описанного выше эксперимента позволяет с достаточными основаниями полагать, что более важным для формирования детского языкового сознания оказывается не противопоставление «отечественное – зарубежное», но тот канал (зрительный или слуховой), по которому к ребенку поступает информация.

Для того чтобы это продемонстрировать, необходимо уточнить направление поиска и определить порядок обработки языкового материала. В этом плане изучение когнем – фигур знания, фиксирующих объекты, на которые направле-

² Впоследствии эти элементы общей концептосферы русскоязычного сознания могут быть отнесены к соответствующим рубрикам модели Ю.Н. Караулова и Ю.Н. Филипповича.

³ Подробнее о различных подходах к определению термина «концептосфера» см. [Зыкова 2014].

на познавательная деятельность ребенка, – вряд ли может что-либо дать, помимо списков подобных элементарных когнитивных единиц. Более того, набор когнем в определенном смысле можно «предсказать», установив те сказочные мотивы, на которые опирались дети в ходе эксперимента. Намного более информативным, по нашему мнению, является изучение процесса конструирования сказки ребенком. «Выстраивание» сюжета, распределение ролей участников действия и поиск возможного завершения – все эти этапы создания текста и раскрывают особенности концептосферы, формирующейся в языковом сознании ребенка.

Коротко остановимся на особенностях текста сказки как некоторой концептуальной схемы, которую должны были заполнять дети в ходе выполнения предложенного им задания.

Сказка – «одна из самых древних и распространенных форм устного творчества у всех народов, отражающих их воззрения, черты национального характера, классовые отношения, старинный быт... Сказка преследует либо поучительные цели, либо «сказывается» для развлечения слушателей – взрослых и детей» [Тимофеев, Венгеров 1958: 137–138]. Сказка ставит в центр внимания человека; она стремится обосновать необходимость реализации морально-нравственных установок поведения, поскольку они необходимы, чтобы выжить, получить помощь сил «тонкого мира» и добиться успеха. Отметим, что дидактическая направленность сказок обуславливает «счастливый конец» повествования, победу добра над злом.

Кроме того, центральный момент в сказке – выполняемое задание, в англоязычной литературе обычно обозначаемое как *quest* – a long and difficult search for something (см. [MED]) (*долгий и трудный поиск чего-л.*). Представление о *quest* имплицитно подразумевает длинную последовательность (цепочку) действий, в большинстве случаев связанную с перемещением в пространстве или с путешествием. Таким образом, чтобы рассказать сказку, независимо от того, будет ли это воспроизведение некоторого текста, некоторого фильма или конструирование самостоятельного произведения, ребенок должен располагать несколькими блоками концептов (схематизированных представлений). В число этих концептуальных блоков должны входить

- концептуальный блок, содержащий указание на действующих лиц;
- концептуальный блок, содержащий указание на задачу, которую должны разрешить действующие лица;
- концептуальный блок, описывающий последовательность предпринимаемых действующими лицами действий;
- концептуальный блок, фиксирующий пространственную локализацию происходящих событий;
- концептуальный блок, отражающий временную составляющую происходящих событий.

Совершенно очевидно, что все перечисленные концептуальные блоки связаны между собой и образуют некоторую общую схему, в целом отражающую концептуальное основание будущего (производимого) текста. При этом наиболее важную роль в обеспечении единства разных концептуальных блоков играют элементы пространственной и временной локализации. Действительно, действующие лица – это некоторые объекты, которые существуют в определенном пространственно-временном континууме, где развиваются предпринимаемые ими действия.

Моделируя процесс формирования сказки ребенком, можно предположить, что маленький автор должен выбирать элементы создаваемого текста, опираясь на перечисленные выше концептуальные блоки. Чем богаче общая система знаний о мире (концептосфера), сформировавшаяся у него к моменту рассказа, тем в большей мере она будет отражаться в составляемом тексте. Кроме того, как мы полагаем, следует установить определенную зависимость между полнотой и связностью продуцируемого текста и полнотой концептосферы, которой располагает его автор.

Представляется целесообразным проводить анализ с учетом базовой пространственно-временной «сетки», являющейся основанием для описываемых событий и действий персонажей (см. [Новикова 1986]). Говоря о сказках, нельзя не сказать несколько слов о сказочном мире, в котором обитают его персонажи, так как именно особенности этого мира определяют специфику действующих лиц.

Сказочный мир включает две составляющие. Первая представлена квазиреальным миром, обычно связанным с миром реальной культуры, в котором возникает сказка. Русские народные сказки представляют мир, в котором живет (или мог бы жить) русский социум, французские народные сказки воссоздают мир, привычный для французского социума, и т. д. Временной период, в течение которого происходит действие, по законам жанра никогда точно не определяется, однако обычно относится к неопределенному прошлому (*некогда жили да были...*). Время действия может быть отнесено и к неопределенному настоящему или недавнему прошлому. Сказочный квазиреальный мир населен людьми, имеющими свои имена и социальный статус (*городской житель, деревенский житель, богач, бедняк* и др.).

Вторая составляющая сказочного мира представлена миром «абсолютно сказочных персонажей», которые и маркируют «сказочность» происходящего. Это мир, населенный говорящими животными и растениями, злыми и добрыми волшебниками. По условиям жанра люди, населяющие квазиреальный мир, тем или иным способом оказываются на территории сказочного мира, и дальше с ними начинают происходить разные приключения.

Всё, что мы описали выше, относится к фольклорной сказке. Современная литературная сказка может сохранять классическую концептуальную схему пространственной, временной и персонажной организации, но может заменять ее совершенно новой, ирреальной, картиной сказочного мира. В этой схеме мир людей полностью исключается из сказочного действия, и на смену ему приходит мир фей и волшебников, которые и являются действующими лицами. Такая схема присутствует в серии романов Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере, а также в большинстве американских и японских мультфильмов. Соответственно, в качестве персонажей в такого рода сказках действуют феи, злые и добрые волшебники, неодушевленные предметы, которые оживают и действуют подобно людям, злые и добрые духи и др. Кроме того, в этом ирреальном мире в качестве персонажей могут выступать разумные роботы, пришельцы с других планет, а также разного рода «гибридные» персонажи, сочетающие в себе черты, например, робота и злого волшебника.

Отметим один важный момент. Сказки первого типа опираются на уже известную ребенку реальность, т. е. на частично сформировавшуюся концептосферу. Такие сказки ребенок может воспринять «со слуха», поскольку слова текста сказки будут у него соотнесены с обозначаемыми этими словами объектами окружающей действительности. Далее работа воображения ребенка может легко превратить

устный рассказ в мысленную зрительную картину. Что касается сказок второго типа, то в них при устном рассказе ребенок может только в некоторой степени «восстановить» зрительную картину происходящего, опираясь на ее подобие миру людей. Здесь со стороны рассказчика требуются пространные описания строений и предметов, уточнение и объяснение деталей. Совершенно очевидно, что сказки второго типа лучше (точнее – удобнее для родителей) подавать ребенку в виде мультфильма или компьютерной игры, где зрительное представление будет выстраиваться автоматически.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении исследовательского материала показывает, что большинство составленных детьми сказок воссоздает квазиреальный мир (69 % текстов). Это означает, что, осваивая предметно-пространственные отношения, языковое сознание ребенка формирует ту часть концептосферы, которая включает в себя разнообразные пространственные ориентиры: ЛЕС⁴, ДОРОГА, ОЗЕРО, ПЕЩЕРА (в качестве страшного, пугающего враждебного пространства), ДОМ (дача), САД (с цветами)⁵, СКАЛА. В числе водных пространственных ориентиров также выступает МОРЕ, однако функция у этого концепта другая – он в большинстве текстов служит для того, чтобы превратить ирреальное пространство в квазиреальное. Морские глубины, малоизвестные человеку, могут быть отнесены к ирреальному пространству, поскольку это сказочный мир, в котором живут не люди, а морские обитатели. Однако МОРЕ – это все-таки реально существующее водное пространство, и если назвать конкретное море (например, *Красное море*), то пространство событий сказки превращается из ирреального в квазиреальное (фикциональное), т. е. в сказочное пространство с чертами реального мира.

Подобное явление, т. е. попытка конкретизировать пространство, в котором происходит действие, отмечалось в 10 % текстов. Следует отметить, что в 31 % случаев автор сказки либо вообще никак не упоминал пространство, в котором происходило действие, либо строил некоторый сказочный сюжет в ирреальном пространстве. К ирреальным пространствам дети прибегали в тех случаях, когда они пересказывали иностранные мультфильмы, например:

Потеря друга

В городе Алфее жила маленькая девочка по имени Стелла, фея Солярии. Она поступала в клуб Винкс, так же как поступала Блум, Текна, Муза, Флора. У каждого из них был питомец, у каждого питомца висел кристалл... у каждого из них висели кристаллы. У Джинджи, маленькой собачки, было колечко. Стелла очень любила свою собачку, и она... если бы собачку украли бы, она бы все бы отдала. Как Валтор узнал, что появилась информация о волшебном кольце, он попросил злых ведьм Трикс украсть собачку. Трикс звали Айси, Дарси и Сторми. Они украли собачку и сделали выкуп о волшебном кольце и маленького питомца. Добро побеждает зло, и у них ничего не получилось (Осянова Алина; 7 лет).⁶

На основании изучения текстов сказок можно предположить, что, избрав в качестве опорного материала американские или японские мультфильмы, дети фактически воспроизводили последовательность зрительных картинок и, в определенном смысле, испытывали недостаток фонового (пространственного)

⁴ Отметим особую частотность концепта ЛЕС в русскоязычном детском сознании.

⁵ Именно упоминание цветов, имплицитное сад или цветник с перечислением названий цветов, а не собственно слово «сад», встречается в целом ряде сказок, в основном у девочек.

⁶ Здесь и далее текст сказки представляет собой письменную транскрипцию устного рассказа ребенка со всеми (насколько это возможно) особенностями индивидуального произношения и композиции.

контекста. В ряде случаев они пытались восполнить этот недостаток за счет конкретизации места действия, достаточно неожиданного. Так, Бэтмен оказывается в Египте, приключения Русалочки Ариэль переносятся в Красное море⁷, а Черепашки Ниндзя спасают мир⁸, вслед за чем следует уточнение, что они спасают Россию.

Действующие лица анализируемых сказок соответствуют тому пространству, в которое они по условиям сказки помещаются, и их можно распределить по нескольким группам, образующим определенные концептуальные конфигурации.

Первую группу образуют персонажи-люди: *дед и бабушка, мальчики и девочки, Маша, рыцарь* и т. д. В двух сказках автор вводит себя в качестве основного персонажа рассказа. В подавляющем большинстве сказок, в которых фигурируют персонажи-люди, четко просматривается концепт СЕМЬЯ, поскольку в большинстве случаев персонажи образуют семейные группы. Приведем несколько примеров:

...И девочка горевала. О своих родителях... (5,5 лет);

...Жили-были дед со старухой, и у них были... и у них были внучата – Максим и Настя (6 лет);

В одном простом городе живет папа, Бося, мама, Малыш и Битан (6 лет).

Интересно отметить, что семейные отношения в этих сказках гармоничны и позитивны: нет персонажей, нарушающих семейную гармонию, например, злой мачехи. Этот результат можно трактовать как воплощение детской мечты о счастливой семье и добрых отношениях между родителями и детьми.

Вторую группу (самую многочисленную) составляют персонажи-животные. Данная группа распадается на две подгруппы – домашних животных (*лошадка, курочка Ряба, кошка Котя, котенок Гав* и т. д.) и диких животных (*волк, лиса, медведь, ежик, заяц, белки, журавль, лягушка, сова, осьминог* и т. п.). Большое разнообразие диких животных, которые часто появляются в качестве персонажей сказок наряду с другими персонажами, по-видимому, связано (учитывая возраст авторов сказок) с приобретением знаний о мире природы и с усвоением этих знаний.

Третья группа персонажей создаваемых детьми сказок представлена персонифицированными явлениями природы: в одной сказке действующими лицами являются *Солнце* и *Луна*, еще в двух в качестве действующего лица появляется *Ветер*. Однако в целом персонификация явлений природы или их помощь персонажам сказки не типична.

Четвертую, весьма немногочисленную группу действующих лиц составляют названия механизмов. Так, героями одной сказки наряду с мальчиком и его папой являются *Камаз* и *паровоз*. Еще в одной сказке главным действующим лицом выступает *трактор*.

⁷ Совершенно очевидно, что подобные уточнения места действия могут быть навеяны местами летнего отдыха с родителями.

⁸ Отметим, что лозунг «Добро побеждает Зло», которым заканчиваются многие серии американских мультсериалов и который 6 раз воспроизводился детьми в проанализированных нами сказках, несет на себе особую идеологическую нагрузку. Ирреальный мир, в котором чаще всего происходит действие этих фильмов, бесконечные битвы, быстро сменяющие друг друга мелькающие картинки воспитывают агрессию, сопровождаемую некоторой идеологией, объясняющей, почему идет бесконечная, возобновляющаяся в каждой серии война. Не вызывающий никаких отрицательных ассоциаций лозунг «Добро побеждает зло» превращается в идеологему в американской культурной картине мира, представлению об особой роли США, которые борются со злом в мире.

Отметим попутно, что основные участки формирующейся у детей 3–7 лет концептосферы, представленные действующими в сказках персонажами, совпадают с основными областями-источниками, задействованными при формировании концептуальной метафоры, необходимой для формирования вторичных наименований, а именно – метафоры антропоморфной (человек), зооморфной и фитоморфной (наименования животных и растений), метафоры природных стихий (вода, земля, воздух и огонь), а также метафоры механистической (механизмы и строения) (см. [Беляевская 2011]). При этом сами метафорические переносы в текстах сказок еще не отмечаются.

К пятой группе персонажей относятся разнообразные собственно сказочные персонажи, которые можно разделить на несколько подгрупп. Это, во-первых, сказочные персонажи, подобные людям (*Мэри Поппинс*, *Карлсон*). Во-вторых, роботы или разного рода андройды (трансформеры, биониклы и др.). Эти действующие лица присутствуют в 12 % текстов. Около 30 % составленных детьми сказок в качестве персонажей выступают феи, ведьмы, тролли и др., т. е. в основном персонажи, пришедшие из зарубежных сказок.

Смысловое содержание сказки можно (очень схематично) представить следующей формулой: {агенса → совершаемое агенсом действие ↔ объект, на который направлено действие → результат}. Ниже мы рассмотрим концептуальные блоки, составляющие смысловое «ядро» сказки и фиксирующие действия, выполняемые персонажами. Концептуальные составляющие {совершаемое агенсом действие ↔ объект, на который направлено действие}, по-видимому, следует рассматривать не просто как совокупность двух концептуальных блоков, но как более сложную концептуальную схему. Прежде всего, должны быть обозначены условия, которые побуждают персонажей сказки к действию. Кроме того, необходимо установить те объекты, которые персонажи сказки должны добыть, и/или те проблемы, которые следует решить (например, освободить кого-то из-под власти злых волшебников). Получение этих объектов или решение поставленных проблем требует от персонажей некоторых действий, в частности, перемещения в сказочном пространстве. Сказанное означает, что рассматриваемая часть концептуальной структуры сказки непосредственно связана с пространственно-временным континуумом воображаемого мира и, соответственно, с пространственно-временным континуумом текста сказки.

Проведенный анализ полученного экспериментальным путем текстового материала показывает, что эта часть конструирования сказки оказалась для детей наиболее сложной. В целом ряде случаев последовательность действий персонажей исследователям, проводившим психолингвистический эксперимент, приходилось восстанавливать с помощью вопросов:

Называется «Базз Лайтер»

Жил-был Базз Лайтер. Он носил специальный костюм, в котором можно было летать в космос на другие планеты. Давно-давно Базз Лайтер участвовал в космических битвах за мир на Земле. Но после того, как погиб его друг Вилли, он поклялся больше не сражаться и закончить свои дела. Теперь он работал в детском саду и он воспитывал маленьких детей. Он рассказывал о своих приключениях, но однажды эта мирная жизнь была нарушена: злой император Зург решил, что... захватить планету.

– Какую планету?

– Земля.

– И сделать из людей?

– И сделать из людей роботов.

– И что Базз Лайтер сказал?

– «Мы полетим на планету Зурга. План такой: мы построим космический корабль и полетим на планету к Зургу» <...> (Печенкин Федя; 5,5 лет).

Приведенная выше сказка является одной из наиболее удачных в имеющемся материале в том смысле, что она достаточно связная и понятная, без существенных логических разрывов, несмотря на то, что автору всего пять с половиной лет. В большинстве случаев в составленных детьми сказках отсутствуют причинно-следственные связи: в логической цепочке {причины, побуждающие персонажей к действию → действия → перемещение персонажа (персонажей) в пространстве → достижение требуемого результата → возвращение персонажей в исходную точку} сохраняется только одно или два звена. Остальные звенья просто опускаются.⁹

Подобное конструирование сказок показывает, что формируемая в языковом сознании ребенка концептосфера слабо структурирована: элементы концептосферы существуют как бы сами по себе, связи между ними еще не выстроились, и дети составляют рассказ, используя элементы какого-либо одного участка концептосферы (редко двух), испытывая трудности при переходе от одного участка к другому.¹⁰ Этот вывод в целом подтверждается, если проанализировать более подробно фабулу сказок. Рассмотрим сюжеты, наиболее часто встречающиеся в сформированных детьми в ходе эксперимента сказках.

В качестве задач, которые решают персонажи сказок, выступает победа в военном конфликте (как в приведенном выше примере). В исследовательском материале отмечено 16 текстов (20 %), где в центре внимания автора находится описание военных действий. При этом причины начала войны описываются крайне туманно (*вдруг свалился с крыши Автобот и вражеский самолет прилетел прямо в Автобота; и волк сказал с медведем (рыцарю): Давай сразимся в рукопашном бою!; А однажды пришли злые маги...* и т. д.). В отдельных случаях герои сказки борются со злом, но какое это «зло» и почему это «зло» никак не уточняется.

Еще одной разновидностью частотных сюжетов является путешествие, которое предпринимают персонажи сказок (10 сказок – 12,5 %). Можно было бы подумать, что подобное путешествие является частью поиска волшебного предмета или частью выполняемого персонажем задания (quest), однако в большинстве случаев дети имеют в виду конкретное путешествие:

Мэри... Путешествие Мэри Поппинс

Однажды в одном английском городке, в одной семье жила одна женщина по имени Мэри Поппинс. И ей... и однажды ей захотелось попутешествовать по странам. И первую страну, в которую она попала, это была Россия. У нее там столько новых друзей появилось, что она даже не хотела уезжать. Но пришлось. Она уехала, и когда летела, напевая свою новую песню, птички ей подпевали. Так хорошо, что она не заметила, что начало смеркаться. Она спустила газ и потихонечку спустилась. И когда она огляделась, то она поняла, что она в Афри. ... прилетела в Африку, там, где много ребятишек,

⁹ В процитированной сказке «Базз Лайтер» видно, что исследователь, проводящий эксперимент, своими вопросами пытается направить автора-рассказчика уточнить причины, побудившие главного персонажа к действию, и детализировать последовательность его действий для получения требуемого результата.

¹⁰ Интересно отметить, что данная закономерность не зависит от возраста автора сказки: авторы в возрасте 6,5–7 лет часто составляли менее связные в логическом плане сюжеты, чем дети меньшего возраста.

которые не знали сказок Мэри Поппинс. Ей стало жалко их, и она начала им рассказывать. И взрослые заслушивались. Целую неделю она у них гостила. Но пришло время прощаться. Она... И она им пообещала, что придет еще со своими сказками новыми (Клочкова Саша; 6 лет).

Другие путешествия представляют собой поход в лес (значительное число случаев), путешествие на другую планету, в замок родителей принцессы и т. д. Поскольку путешествие максимально конкретизировано, его цель тоже конкретизируется. Это может быть необходимость познакомить африканских детей с новыми сказками (см. пример выше), сбор грибов и ягод при походе в лес и т. д. Напротив, если путешествие приобретает отвлеченный характер и начинает напоминать quest, то в имеющихся сказках его цель не определяется, а результат никак не связан с выполняемым заданием (2 сказки). Попытка конкретизировать цель путешествия приводит к выбору в качестве такой цели наиболее хорошо знакомого ребенку предмета. Так, в одной из сказок девочка пускается в опасное путешествие в лес... для сбора фантиков у встречающихся ей по дороге зверей и волшебников.

Что касается предметов или объектов, на которые направлена деятельность персонажей сказок, то их изучение также указывает на заполнение основных «клеток» общей матрицы концептосферы в ходе формирования языкового сознания русскоязычного ребенка. Персонажи сказок стремятся найти *сокровище* (абстрактное), вернуть украденное *животное* или *кристалл, кольцо*, идут в лес за *грибами* (очень частотный сюжет) или *ягодами*, идут ловить *рыбу* и т. д. Однако во многих сказках (более 65 %) объект и цель действий персонажей не конкретизированы. К своеобразным способам восстановления «ускользающей» от ребенка логики повествования принадлежит выдвижение в качестве основной цели сказочного действия некоторой дидактической задачи. В частности, в ряде сказок автор рассказывает, *как вырасти* (попасть под волшебный дождь), *как перестать бояться* (приобрести волшебные очки), *как стать космонавтом* (заниматься спортом), *как вырастить жемчужину* (дать моллюску песчинку), *как научить лягушку плавать* (бросить в воду).

Отмеченная нами фрагментарность концептосферы языкового сознания ребенка интуитивно ощущается самими детьми. На основании имеющегося материала можно назвать два способа, к которым дети прибегают, чтобы преодолеть этот недостаток и, в определенном смысле, добиться большей связности продуцируемого ими текста.

Первый способ заключается в конкретизации отдельных деталей описываемого (*Жила-была на свете девочка Блум. У нее были большие голубые глаза и рыжие волосы*). Детализация как способ усиления достоверности продуцируемого текста характерна для большого числа проанализированных сказок независимо от избранного сюжета. Так, если действующими в пределах одной сказки персонажами становятся животные, то часто перечисляется их названия, например, не только *Волк, Заяц и Медведь*, но и *Сова, Ёжик, Ворона*, хотя какого-либо участия в действии они не принимают.

Второй способ конкретизации происходящих в сказке событий для восстановления логического развития изложения заключается в переносе действия в знакомую ребенку обстановку. Показательно, что около 30-ти текстов (35 % материала) содержат бытовые подробности, не всегда уместные в сказке:

Однажды девочка с мамой пошли в лес. У девочки был рюкзачок. В рюкзачке лежали ее любимые игрушки. Потом начался сильный ветер и пошел дождь.

Девочка забыла свой рюк... рюкзачок на полянке. ... Потом поднялся сильный ветер, и прилетела злая ведьма Сторн...

Более того, около четверти всех текстов можно отнести к сказкам с большой долей условности, так как они описывают отдых на даче, поход в лес за грибами, из которых потом варят суп, и т. д. Иногда подобным образом модифицируются и волшебные сказки. Например, в сказке о Красной Шапочке из повествования вообще исчезает Волк, и главная героиня просто навещает бабушку, которая кормит девочку пирожками и кашей.

Возникающие у ребенка сложности в концептуализации действительности и в установлении связей между формируемыми в языковом сознании категориями отражаются, прежде всего, в нарушении временных связей в продуцируемом ребенком тексте.

Время – это одна из тех сложных категорий, которые могут отражаться в концептосфере индивида не в виде конкретизированных концептов – наименований (отрезков) времени, – но в виде структур событий, установления последовательности событий, их взаимосвязи и т. д. (см. [Беляевская, Маляр 2011]). Время – сугубо абстрактная категория и ее освоение представляет большую сложность для детского языкового сознания. Не случайно поэтому, что, формируя текст сказки с ее сложной временной и пространственной организацией (о пространственно-временной структуре сказки см. [Ноздрина 2004: 162–175]), дети более чем в 90 % случаев нарушают последовательность течения времени при изложении происходящих событий, в результате чего нарушается не только логика развития действий, но и их пространственная локализация, например:

Сказка о карандашах

Жили-были одиннадцать карандашей. И они жили в портрете. Звали мальчика Максима. А мама ему сказала: «Максим»... а мама ему сказала лечь спать. Максим ляг спать. *Потом* начал морской бой. *Потом* русские переплелись на другой корабль. Другой корабль. *Потом* захватили корабль вражеский. *Потом* Максим... утро встало. Он встал. И капитан помахал ручкой... рукой. А *потом* корабль уплыл. А волшебные карандаши были волшебные (Атулин Костя; 6,5 лет).

В данном тексте временная последовательность происходящих действий фиксируется при помощи слова «потом». Казалось бы, при этом получается логичная цепочка, которая воспроизводит последовательность зрительных картинок, сменяющих друг друга в мультфильме. Однако в пересказе мультфильма отсутствует указание на два пространства, каждое из которых имеет свое время. В первом, квазиреальном пространстве живет мальчик и его мама; далее мальчик засыпает и попадает в сказочное пространство сна, где волшебные карандаши рисуют мальчику морской бой, в котором корабли и люди оживают. Проснувшись, мальчик снова возвращается в свой мир. Иными словами, в тексте, составленном маленьким участником эксперимента, время, пространство и участники событий существуют как бы сами по себе, в отрыве друг от друга.

Количество временных «разрывов» в повествовании может варьироваться, но в большинстве случаев оно настолько значительно, что исследователю, проводившему эксперимент, приходилось задавать наводящие вопросы для того, чтобы выстроить хоть какую-то логику изложения.

Анализ экспериментального материала показывает, что фрагментарность изложения практически не зависит от возраста детей или от гендерного фактора. Основной фактор, который, как нам представляется, оказывает здесь определяющее

влияние, это – источник сказочного материала, т. е. той текстовой или зрительной основы, которую дети выбирали в качестве сюжетной опоры в продуцируемых ими сказках. Пересказ прочитанных детям сказок оказывался более удачным по общей логике изложения и по последовательности развертывания сюжета. В свою очередь, мультфильмы обычно пересказывались «по кадрам» или сценам без учета всего контекста сказки.

Суммируем полученные результаты.

Язык является основным средством получения, закрепления, переработки и передачи информации и – далее – знаний о мире. Таким образом, можно считать, что фонд знаний человека (в том числе и ребенка) формируется из двух основных источников: во-первых, из собственного опыта и, во-вторых, из фонда знаний окружающих, передаваемого через язык. Можно, следовательно, считать, что детские сказки являются одной из традиционных языковых форм познания ребенком окружающего мира. Соответственно, они оказывают существенное влияние на формирование концептосферы ребенка.

В ходе эксперимента создаваемые детьми сказки могли быть придуманы ими или же сконструированы по моделям известных образцов. Прототипы сказочных сюжетов поступали по двум каналам – это могли быть прочитанные детям дома или в детском саду сказки (языковой канал поступления информации), а также мультфильмы или компьютерные игры (зрительный канал поступления информации).

В полученном в ходе психолингвистического эксперимента языковом материале из 80-ти составленных детьми текстов только 4 сказки могут интерпретироваться как результат самостоятельного творчества. Приблизительно такое же число сказок вообще не имело какого-либо сюжета.

Формирование концептосферы детского языкового сознания в основном осуществляется в соответствии с концептуальной матрицей, выделенной для русского обыденного языкового сознания. Наиболее активными участками формируемой концептосферы являются представления о СЕМЬЕ и об ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДЕ, включая знание о домашних и диких животных, о пространственных объектах, таких как лес, море и т. д. Основой концептуализации является представление о повседневных бытовых действиях (например, о походах в магазин и на прогулку).

Указанные участки концептосферы детского языкового сознания продуцируют по инференции представления о добрых отношениях в семье (в создаваемых детьми сказках часто элиминируются злые герои) и об отсутствии врагов (злые персонажи могут превращаться в защитников и помощников).

Для обеспечения речевой деятельности концептосфера ребенка не только должна быть представлена определенным набором рубрик, но и – структурирована. Это означает, что закрепленное в языке знание о мире должно быть подвергнуто первичной категоризации, объединению отдельных концептов в обладающие общими свойствами классы. Кроме того, первичная классификация основных концептов должна быть помещена в концептуальную сеть пространственно-временных отношений.

Результаты проведенного эксперимента свидетельствуют о том, что дети 3–7 лет обладают достаточно развитой концептосферой, в основном покрывающей ядро русского обыденного языкового сознания. Вместе с тем, концептосфера на данном этапе ее становления остается слабо структурированной, и установление последовательности действий и событий вызывает у детей существенные трудности.

Больше проблем при этом возникает у детей, избирающих в качестве образцов западные мультфильмы, которые закладывают в языковое сознание множество разрозненных и логически мало связанных между собой образов. Таким образом, если родители хотят, чтобы их дети успешнее и быстрее сформировали адекватный «образ мира» в своем языковом сознании, они должны больше читать своим детям книги и больше беседовать с ними, не отдавая общение со своим ребенком на откуп телевизору или компьютеру.

Литература

Беляевская Е.Г. Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: Сб. науч. трудов к 100-летию проф. И.И. Чернышевой / Отв. ред. Г.М. Фадеева. – М.: ИПЛ МГЛУ «Рема», 2011. – С. 13–30.

Беляевская Е.Г., Маляр Т.Н. Принципы минимизации интерференции родного языка при обучении иностранному языку (концептуальные структуры пространства и времени в английском и русском языках). – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – 180 с.

Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурных знаков: дис. ... доктора филол. наук. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2014. – 510 с.

Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. – М.: Азбуковник, 2009. – 336 с.

Ноздрина Л.А. Поэтика грамматических категорий. – М.: Тезаурус, 2004. – 212 с.

Новикова (Ноздрина) Л.А. Грамматические категории и прагматика в типе текста «сказка» // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. Мориса Тореза «Грамматические единицы в акте коммуникации (на материале современного немецкого и английского языков)». – 1986. – № 268. – С. 77–87.

Краткий словарь литературоведческих терминов / Л. Тимофеев и Н. Венгеров. – М.: Гос. уч.-педагог. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. – 188 с.

Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 1600 с.

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford: Macmillan, 2002. – 911 с. (MED)

Н.Д. Голев, Н.Н. Шпильная

УДК 81'11

ЛИНГВОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ТИПОВЫЕ ВАРИАНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В исследовании развивается идея Ю.Н. Караулова о наличии в структуре языковой личности лингвогносеологического уровня, единицами которого являются суперпропозиции, определяющие индивидуально- типовые схемы текстообразования. Цель статьи – описать типовые варианты реализации лингвогносеологического уровня в структуре языковой личности. Материалом послужили тексты сочинений по картине В.А. Серова «Девочка с персиками». Результатом исследования является типология языковых личностей как носителей индивидуально- типовых схем текстообразования. Описываются три типа языковой личности: логический тип языковой личности, генерирующий тип языковой личности и регистрирующий тип языковой личности. Обосновывается возможность лингвотеоретической и лингводидактической интерпретации полученных результатов.

Ключевые слова: текстовая личность, тип языковой личности, лингвогносеологический уровень в структуре языковой личности, логический тип языковой личности, генерирующий тип языковой личности, регистрирующий тип языковой личности, схемы текстообразования.

Nikolay D. Golev, Nadezhda N. Shpilnaya

LINGUISTIC AND GNOSEOLOGICAL LEVEL OF LINGUISTIC IDENTITY: TYPICAL OPTIONS OF REALIZATION

The idea of Yu.N. Karaulov, which claims that the structure of a linguistic identity contains linguistic and gnoseological level with superpropositions as its main units defining typical individual schemes of text production, gets further development in this research. The article aims at typical options of realization of linguistic and gnoseological level in the structure of linguistic identity description. The study is based on the analysis of essays on the painting «The girl with peaches» by V.A. Serov. The study results in typology of linguistic identities as bearers of typical individual schemes of text production. Three types of linguistic identity are being described: a logical type of linguistic identity, a generating type of linguistic identity and a recording type of linguistic identity. Possibility of theoretical and didactic linguistic interpretation of received results.

Keywords: text identity, personotext, type of linguistic identity, linguistic and gnoseological level in the structure of linguistic identity, logical type of linguistic identity, generating type of linguistic identity, recording type of linguistic identity, schemes of text production.

1. Исходные положения

С выходом в свет в 1987 году монографии Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность», являющейся манифестом российской лингвоперсонологии, одной из наиболее актуальных идей лингвистической науки, переживавшей кризис структурализма, стало изучение языковой личности, порождающей тексты и другие языковые продукты и реализующей в них свои цели и мотивы, а также специфические способы и средства их воплощения. В настоящее время языковая личность изучается в различных аспектах и прежде всего – в лингвокультурологическом (см. [Аксиологическая лингвистика 2005; Карасик, Ярмахова 2006; Карасик 2008]), ментально-психологическом (см. [Валиулина 2009; Замилова 2013, 2014; Ерофеева 1991; Ляпон 2000; Пентегова 1999]) и социолингвистическом (см. [Бойко 2008; Кочеткова 1999 и др.]).

В фокусе нашего внимания – ментально-психологический аспект представления языковой личности. Основной объект исследования – тип языковой личности, которая выступает в нем не как представитель определенной языковой общности, а как связующее звено между индивидуальной и национальной языковой личностью, как носитель языковой способности определенного типового качества (см. [Языковая личность 2014]).

Развивая идеи Ю.Н. Караулова, согласно которым языковая личность есть совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), различающихся вербально-семантическими, лингво-когнитивными и мотивационно-прагматическими свойствами, мы полагаем, что типовой вариант языковой способности носителя языка детерминирует лингвоперсонологическое варьирование «базовых» уровней языковой личности. Отметим, что в фокусе внимания лингвистов обычно находится варьирование вербально-семантического (см. [Гафурова 2012; Котюрова 2000; Лингвоперсонология 2006; 2009; Ощепкова 2003; Языковая личность 2014]), лингво-когнитивного (см. [Лукиянова 2000; Прокудина 2009; Шпильная 2010; 2014]) и мотивационно-прагматического (см. [Ким 2013; Прокудина 2002; Седов 1996]) уровней языковой личности. Так, лингвоперсонологическое варьирование вербально-семантического уровня обнаруживается в предрасположенности носителя языка к использованию тех или иных лексико-грамматических ресурсов языка, варьирование лингво-когнитивного уровня – в установлении различных смысловых связей между фрагментами мира, формирующих индивидуальный тезаурус языковой личности, варьирование прагматического уровня проявляется в вариативности мотивов и целей, управляющих текстопроизводством языковой личности.

На фоне значительного интереса исследователей к описанию базовых уровней языковой личности в тени исследовательского внимания остается еще один уровень структурной организации языковой личности – *лингвогносеологический*. Этот уровень был выделен и описан Ю.Н. Карауловым в «предварительной» работе «На уровне языковой личности», изданной в 1985 году. По мнению автора, лингвогносеологический уровень обеспечивает дотекстовую организацию речевого произведения, то есть схемы развертки текста, способы его разворачивания. Если единицами вербально-семантического уровня языковой личности являются отдельные слова, их грамматико-парадигматические, семантико-синтаксические и ассоциативные связи,

идиомы, единицами лингво-когнитивного (тезаурусного) – понятия, концепты, идеи, отражающие картину миру и выражаемые словами, получающими статус дескрипторов, а единицами мотивационного уровня – коммуникативно-деятельностные потребности личности (см. [Караулов 1987: 52–53]), то единицами лингвогносеологического уровня языковой личности являются «своего рода суперпропозиции с замещением каждого места целой цепочкой суждений, развернутой аргументацией, системой доказательств и умозаключений» [Караулов 1985: 36]. Специфика реализации данного уровня языковой личности малоизучена, как правило, дотекстовый план организации речемыслительной деятельности носителя языка связывается исследователями с варьированием лингво-когнитивных структур, служащих детерминантами текстопорождения (см. [Голев, Шпильная 2009а; 2009б; 2009в; Носкова 2013; Шпильная 2010; 2014]) и/или текстовосприятия (см. [Голев, Ким 2014; Ким 2013; Прокудина 2009]). Речь идет о таких структурах, как языковая картина мира, лингвокогнитивный стиль, интерпретационные стратегии и т. п. К примеру, в работе, написанной одним из авторов настоящей статьи совместно Л. Г. Ким, дотекстовый план речемыслительной деятельности носителя языка связывается с имплицитными компонентами интенционального плана субъекта-интерпретатора, отражающими его «определенную политическую позицию (пресуппозицию) и коммуникативные интенции» [Голев, Ким 2014: 49]. Как следствие, дотекстовые детерминанты определяют выбор элементов интерпретации, интерпретационное содержание, модальность и т. п., формируя разные трактовки одного и того же политического феномена. Индивидуально-типовое варьирование дотекстовых установок в конечном счете определяет вариативность текстообразующего процесса и его продукта – текста. Именно наличием дотекстовых детерминант можно объяснить, почему по одной картине дети пишут разные сочинения, а по одному тексту – разные изложения.

Нам представляется, что обращение к изучению лингвогносеологического уровня языковой личности позволяет реконструировать текстотипы языковых личностей, или варианты реализации *текстовой личности*. Описание типовых вариантов реализации последней позволяет разработать методики обучения текстовой деятельности обучаемых, ориентированные на формирование речемыслительных навыков и учитывающие присущий носителю языка тип речемыслительного поведения.

Предмет настоящей статьи – лингвоперсонологическое варьирование лингвогносеологических свойств языковой личности, устанавливающих способы ее речемыслительного поведения – способы формирования и формулирования мыслей. Попыты их выявления осуществляются на самом разнообразном материале – на материале рефератов (см. [Прокудина 2009]), сочинений по картине (см. [Шпильная 2010; 2014]), изложений (см. [Киркинская 2004; Мельник 2010]), сочинений ЕГЭ (см. [Орлова 2009]) и пр.

2. Организация и проведение эксперимента

С целью выявления лингвоперсонологического варьирования лингвогносеологических свойств языковой личности мы провели лингвистический эксперимент. Испытуемым – студентам и слушателям подготовительных курсов педагогического института – было предложено написать сочинение по картине «Девочка с персиками» В.А. Серова. Инструкция, предлагаемая испытуемым, имела следующий вид: «Перед Вами картина. Напишите сочинение по картине в произвольной форме». Наш взгляд, ситуация «вижу и пишу» не оставляет практически никакого времени на

обдумывание и провоцирует носителей языка на автоматическое воспроизведение речевых схем.

При организации и проведении эксперимента мы опирались на следующие положения. Во-первых, мы исходили из положения, согласно которому выявление лингвоперсонологической вариативности сочинений по картине возможно лишь при сопоставлении текстов разных носителей языка, осуществленном при максимально тождественных условиях. Ранее мы отмечали, что обнаруженные различия при их типичности и устойчивости исследователь вправе толковать как лингвоперсонологические различия. А во-вторых, мы учитывали отмечаемое многими исследователями положение, в соответствии с которым лингвоперсонологические различия текстов, в том числе и текстов-сочинений по картине, наиболее ярко проявляются в ситуации спонтанного, естественного текстопорождения, провоцирующей носителя языка на актуализацию интенции на самовыражение. В частности, этому способствует, с одной стороны, скрытая установка педагога-диагноста, а с другой стороны – установка на «освобождение» от представлений о сочинении как одном из жанров письменно-речевой деятельности, предназначенном для оценивания уровня сформированности их (испытуемых) речемыслительных навыков – прежде всего орфографических и пунктуационных.

В результате эксперимента было получено 159 текстов-сочинений.

3. Типовые варианты реализации лингвогносеологического уровня в структуре языковой личности

Как уже было отмечено, в качестве параметра типологизации языковой личности мы предлагаем рассматривать присущие, а в определенном смысле и изначально заданные, языковой личности способы формирования и выражения речемысли. Анализ текстов-сочинений позволяет выделить три типа языковых личностей: языковую личность логического типа, языковую личность генерирующего типа и языковую личность регистрирующего типа.

Языковая личность логического типа при построении текста ориентирована на раскрытие связи между явлениями внеязыковой ситуации, в результате при разворачивании текста актуализируются скрепы, которые связывают между собой, во-первых, внеязыковую ситуацию, а во-вторых – метареференты-умозаключения. В тексте, созданном языковой личностью логического типа, выделяются два плана: идентифицирующий, обозначающий фрагмент внеязыковой ситуации, и собственно актуализирующий, обозначающий метареферент-умозаключение. Такие умозаключения представляют собой как бы «текст в тексте», или «текст о тексте». В статусе скреп-связок выступают вводные слова, фразеосхемы типа «судя по – следует, что», оценка, обобщающие сравнения и т. п., они вытягивают появление метареферента-умозаключения. Доля текстов, созданных языковой личностью логического типа, составляет 66 % от всего корпуса текстов.

Выделяется как минимум три вида языковых личностей логического типа в зависимости от характера раскрытия связи между явлениями внеязыковой ситуации: персуазивная языковая личность, метатекстовая языковая личность и комментирующая языковая личность.

Персуазивная языковая личность актуализирует предположения относительно тех или иных аспектов внеязыковой ситуации или всей ситуации в целом. При построении текста данная языковая личность использует скрепы-связки, объективирующие метареференты-умозаключения, в их числе вводные слова с семантикой

предположительности, уточнения, которые указывают на стремление языковой личности увязать между собой явления внеязыковой ситуации. Доля текстов, созданных персуазивной языковой личностью, составляет 3 % от всего корпуса текстов.

Приведем пример (здесь и далее в качестве примеров приводятся фрагменты текстов-сочинений, созданные тем или иным типом языковой личности, тексты приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации):

Картина В.А. Серова «Девочка с персиками»

Девочка, изображенная на картине, выглядит грустно. У нее отрешенный взгляд. **Возможно** она даже не о чем не думает. Персик, который она держит в руке, это то, что ее сейчас интересует.

За окном прекрасная солнечная погода. **Возможно**, девочка пришла с улицы отдохнуть и покушать персики. Комната, в которой она находится очень уютная, она наполнена солнечным светом из-за больших окон. Девочка очень спокойна, безмятежна. Ведь она еще мала и ей нравится такая безмятежность.

Возможно на улице осень, и яркое солнышко и теплая погода, скоро сменится ненастьем. Она наслаждается этим солнцем. Ей очень хорошо.

В данном тексте языковая личность стремится увязать между собой явления внеязыковой ситуации. Например, в идентифицирующей части содержится указание на явление внеязыковой ситуации (девочка, ее внутренний мир), а в актуализирующей части носитель языка дает свой комментарий (*она даже не о чем не думает, девочка пришла с улицы отдохнуть и покушать персики на улице осень, и яркое солнышко и теплая погода, скоро сменится ненастьем. Она наслаждается этим солнцем. Ей очень хорошо*). В качестве связки используются вводные слова с семантикой предположительности: *возможно*.

Метатекстовая языковая личность актуализирует объяснения, пояснения, обоснование мнения относительно тех или иных аспектов внеязыковой ситуации или всей ситуации в целом. При разворачивании текста используются фразеосхемы с обоснованием мнения, которые эксплицируют намерение языковой личности раскрыть связь между явлениями внеязыковой ситуации. В их числе фразеосхемы типа *если – то, судя по – то, по – можно предположить* и под., которые объективируются средствами союзного подчинения с придаточными условными, целевыми, а также обстоятельными со значением обоснования мнения, вопросительными конструкциями.

Например:

Картина В.А. Серова «Девочка с персиками» изображена в светлых постельных тонах. В центре картины изображена девочка лет 13–14, ее лицо отображает задумчивость, мы можем только догадываться о чем она думает: может она задумалась о персеке, который находится в ее руках, а может о том, какая чудесная погода за окном.

Девочка сидит за столом и судя по ее розовой кофточке можно предположить, что она не гостя в этом доме, если взглянуть на ее растрепанную прическу можно предположить, что она только встала, значит на картине изображено утро. Судя по большому окну выходящему в сад и широкому, большому столу, следует то что эта комната – столовая. На стене висит тарелка с узорами.

За окном изображены желтые тона, что отражает время года – осень, так как на столе лежат персики значит они живут в теплой стране.

Персика 4 и нож, значит остальные 3 персика предназначены для осталь-

ных членов семьи, можно предположить, что семья состоит из 4 человек.

В данном примере актуализируются скрепы «судя по – следует то», «если взглянуть – то можно предположить, что». Первая часть скрепы соотносится с идентифицирующим планом текста, указывающим на признак внеязыковой ситуации (*большие окна и широкий стол*), а вторая часть – с актуализирующим планом, в котором представлен метареферент-умозаключение (*эта комната – столовая*).

Или:

...На столе мы видим персики, листья. Что это? Символы? Что они означают?

По моему мнению, персики и листья означают начало осени и теплоту этого времени года. Ведь не просто они лежат рядом...

Тогда возникает вопрос. Почему девочка в таком чистом доме, выглядит неопрятно?

На этот вопрос можно дать много ответов. Поэтому его можно считать еще одной загадкой.

В данном фрагменте идентифицирующая часть представлена признаками внеязыковой ситуации (*персики, листья*), а актуализирующая часть – метареферентами-умозаключениями (*начало осени и теплоту этого времени года*). В качестве связки выступают вопросительные конструкции с семантикой причины, цели. Они вытягивают появление метареферентов-умозаключений.

Доля текстов, созданных метатекстовой языковой личностью, составляет 27 % от всего корпуса текстов.

Комментирующая языковая личность ориентирована на актуализацию комментирующих рассуждений относительно воспринимаемого фрагмента внеязыковой ситуации. Такие связывающие комментирующие рассуждения предстают в виде оценочных комментариев и обобщающих сравнений. Они объективируются посредством сверхфразовых единств. Доля текстов, созданных данным видом языковой личности, составляет 36 % от всего корпуса текстов.

Например:

Перед нами картина Валентина Александровича Серова «Девочка с персиками».

*На картине изображена девочка лет 12–13, сидящая за столом, который расположен в центре комнаты. Одета она в розовую кофточку с черным бантом и красным цветком, **которая ей очень к лицу**. Глаза, брови и волосы у девочки черного цвета, **что придает ей некую выразительность** <...>*

Смотря на эту картину, можно сказать, что она написана для людей, не принадлежащих к сфере искусства. Описав простую девочку с персиками, художник создал величайшее произведение, которое очень знаменито и в настоящее время.

В приведенном примере носитель языка дает оценку воспринимаемым явлениям внеязыковой ситуации. Так, например, в первом высказывании в идентифицирующей части – *одета она в розовую кофточку с черным бантом и красным цветком* – содержится указание на объект оценки, в собственно актуализирующей части – *которая ей очень к лицу* – оценка-умозаключение.

Или:

*На картине В.А. Серова «Девочка с персиками» представлен весьма незамысловатый сюжет. Девочка сидит за столом и перед ней лежат персики. Художник **акцентирует** наше внимание именно на персиках, **поскольку** они представлены*

на первом плане. Рисуя их, автор использует довольно яркие краски, так как он передает их спелость и сочность. Они явились символом довольствия, и в то же время могли олицетворять ту нежную юность, красоту маленькой «героини» картины.

Освещение комнаты играет важную роль, очень много использовано белых красок, оттенков светлых, и это указывает на нежность, художник очарован маленькой девочкой, даже одежда ее представлена в розовом цвете. Нож имеет символическое значение, этот предмет может олицетворять те преграды, ту опасность, которую может встретить на своем пути безмятежная молодость – девочка.

Не случайно она сидит на таком стуле, который значительно отличается от остальных – он более узорчатый, более смотрится, это указывает на «возвеличивание». Очень большой стол и белая скатерть – символ богатства, и в то же время белая скатерть символизирует – девственную чистоту, спокойствие и одухотворенность. Большой стол и много стульев указывает на то что, возможно, у девочки довольно большая семья и она очень счастлива в ней.

Актуализируемые в данном тексте обобщающие сравнения объективируют комментирующие рассуждения, умозаключения языковой личности. Так, участники внеязыковой ситуации, фиксируемые в идентифицирующей части текста, становятся импульсом для появления обобщающих сравнений в собственно актуализирующей части: очень большой стол и белая скатерть – символ богатства, нож имеет символическое значение, олицетворяет те преграды, ту опасность, которую может встретить на своем пути безмятежная молодость – девочка и пр.

Языковая личность генерирующего типа направлена на актуализацию обобщенного комментария по поводу внеязыковой ситуации. При разворачивании текста фиксируется не выводное знание, не процесс рассуждения, а его результат, который предстает в виде метареферента-суждения. В соответствии с этим в тексте присутствует актуализирующая часть, в статусе которой выступает метареферент-суждение, идентифицирующая часть в этом случае как бы встраивается в актуализирующую. Иными словами, носитель языка полностью «включает» внеязыковую ситуацию в свой фокус видения. Метареференты-суждения, актуализируемые в процессе текстовой деятельности, объективируют обобщающую оценку внеязыковой ситуации. Они представляют собой обобщающие сравнения. Текстовая актуализация метареферентов-суждений базируется на экспликации языковых единиц с семантикой «результативности» и «обобщения».

Доля текстов, созданных языковой личностью генерирующего типа, составляет 3 % от всего корпуса текстов.

Приведем пример:

«Девочка с персиками»

Известная картина В.А. Серова, одного из величайших русских художников конца 19 в., «Девочка с персиками» написана в духе русского реалистического портрета с легким, почти неуловимым налетом экспрессионизма. На картине изображена дочь одного из богатых русских заводчиков XIX – начала XX века Мамантова. Первое, что бросается в глаза при взгляде на картину, – это лицо девочки (точнее его выражение). Она будто бы смотрит в объектив фотоаппарата, а не на тщательно прорисовывающего ее черты художника. Ее взгляд, легкая растерянность, слегка выдающаяся себя стеснительность – всё это мимолетно, буквально невесомо. Так смотрят

люди с фотоснимков, сделанных профессиональными фотографами, но не люди с живописных портретов. Если бы не знать с детства этого полотна, его истории и талантливейшего создателя, то при первом знакомстве с этим портретом можно было бы предположить, что это цифровой фотоснимок, обработанный в FotoStudio 5,5 или другой подобной компьютерной программы, позволяющей накладывать эффекты живописи на фотографические снимки.

Но не одна компьютерная программа не сделает того, что сделал художник. Ему удалось естественно и просто запечатлеть мгновение из жизни простой девочки (пусть и дочери богатого промышленника).

Да, именно мгновение! Что может быть, казалось бы проще. Но ведь портрет пишется часами, а может быть (так чаще и бывает) в несколько заходов в разные дни. При этом необходимо уловить то самое первое впечатление, к-рое возникло у художника, тот оттенок настроения, мелькнувший в его душе в момент, когда он увидел девочку, еще не подозревавшую, что скоро ее образ будто навсегда увековечан в бессмертном провидении мировой живописи. И Серову, бесспорно, удалось не просто проникнуться этим настроением, но и сохранить его на всем протяжении создания картины.

Благодаря этому девочка смотрит на нас здесь сейчас, в наше время и в нашем пространстве. Мы практически не ощущаем того, что портрет написан более века назад.

Ее растрепанные волосы, недоверчивый взгляд, смущенная посадка на стуле (именно смущенная, а не скованная), всё это символизирует ее характер, ее преданность к своему дому и опасливое отношение к незнакомцу – художнику.

Поражает в картине не только потрясающе реалистичный образ девочки, но и то, с каким мастерством художник изобразил всё окружающее ее пространство. Простота убранства комнаты гармонирует с простотой, почти наивностью самой главной героини. Здесь нет ничего лишнего: всё просто, функционально и... необходимо. Необходимы стол, стулья, тарелки на стене (без нее комната смотрелась бы безжизненно), окно на заднем плане, через которое в комнату буквально врывается солнечный свет, продираясь сквозь осеннюю, но всё еще густую листву деревьев.

При этом солнечный свет, падая на спину девочки, оттеняет ее розовую блузку и в результате получившегося контраста лицо девочки кажется еще более смуглым.

Конечно же не случайно здесь появились и персики. Неспроста так и называется и картина «Девочка с персиками». Персики – символ всего молодого и нежного. Они как нельзя лучше подходят к образу девушки. Представьте себе картину «Девушка с картошкой», – какая-то уже чисто советская тематика периода коллективизации. Да и девушка была бы совсем иной. А персики как раз то, что нужно, чтобы выразить суть не только картины в целом, но и передать ту гармонию, в которой пребывает девочка у себя дома.

Обратите внимание на нож, лежащий на столе, девушка не воспользовалась им, она не разрежала его. Это говорит о том, что она не знает соблазнов. Она чиста и невинна.

Ее больше занимают осенние листья, лежащие на столе. Появление их на картине тоже не случайно. Спелые, сочные персики и пожелтевшие осенние листья, как вечные антонимы юности и старости.

И нож между ними, – как символ стального лезвия жизни, по которому пред-

стоит пройти девочке, прежде чем она превратится из спелого персика в готовый рассыпаться в пыль осенний лист.

Эта девочка, что смотрит на нас с картины Серова уже давно прошла свой путь, давно превратилась в осенний лист и умерла. Но умерла девочка, девушка, женщина, старушка, наконец, как обычный человек, которому дарован недостойный век. Другая же девочка, та самая девочка с персиками, ее образ живет и будет жить в гениальной картине В.А. Серова «Девочка с персиками».

В данном тексте носитель языка полностью «включает» внеязыковую ситуацию в свой фокус видения. Идентифицирующая часть текста, представляющая собой содержание фрагмента внеязыковой ситуации, органично встраивается в актуализирующую часть, которая предстает как обобщенный комментарий всей внеязыковой ситуации. Связывая между собой явления внеязыковой ситуации, носитель языка подчиняет метареференты-умозаключения метареферентам-суждениям. Это обнаруживается в использовании языковых единиц с семантикой:

– «результативности»: *При этом солнечный свет, падая на спину девочки, оттеняет ее розовую блузку и в результате получившегося контраста лицо девочки кажется еще более смуглым.*

– «уверенности»: **Конечно же не случайно здесь появились и персики. Неспроста так и называется и картина «Девочка с персиками». А персики как раз то, что нужно, чтобы выразить суть не только картины в целом, но и передать ту гармонию, в которой пребывает девочка у себя дома. Это говорит о том, что она не знает соблазнов. Она чиста и невинна.**

– «обобщения»: *Здесь нет ничего лишнего: всё просто, функционально и... необходимо. Но не одна компьютерная программа не сделает того, что сделал художник.*

В основе метареферентов-суждений лежат обобщающие сравнения типа *Спелые, сочные персики и пожелтевшие осенние листья, как вечные антонимы юности и старости. И нож между ними, – как символ стального лезвия жизни, по которому предстоит пройти девочке, прежде чем она превратится из спелого персика в готовый рассыпаться в пыль осенний лист.* Этим обстоятельством обусловлено выделение языковой личности генерирующего типа в качестве самостоятельного типа текстовой личности, а не в качестве разновидности логического типа языковой личности – комментирующей языковой личности. Последняя «отталкивается» от внеязыковой ситуации, но не «охватывает» внеязыковую ситуацию. Ср. с фрагментом текста, созданным комментирующей языковой личностью:

...Освещение комнаты играет важную роль, очень много использовано белых красок, оттенков светлых, и это указывает на нежность, художник очарован маленькой девочкой, даже одежда ее представлена в розовом цвете. Нож имеет символическое значение, этот предмет может олицетворять те преграды, ту опасность, которую может встретить на своем пути безмятежная молодость – девочка...

В приведенном фрагменте идентифицирующий план текста наделяется самостоятельным статусом наряду с актуализирующим, вследствие чего комментарии представляют собой метареференты-умозаключения; в текстах же, созданных генерирующей языковой личностью, идентифицирующий план «упакован» в актуализирующей части, отсюда комментарий – метареферент-суждение. Таким образом, языковая личность генерирующего типа в отличие от логической языковой лично-

сти, фиксирующей связь между явлениями внеязыковой ситуации, актуализирует обобщающий комментарий относительно воспринимаемого фрагмента внеязыковой ситуации.

Языковая личность регистрирующего типа актуализирует констатирующие комментарии относительно воспринимаемой внеязыковой ситуации. В отличие от языковых личностей логического и генерирующего типов, фиксирующих так или иначе связь между явлениями внеязыковой ситуации, языковая личность регистрирующего типа направлена на актуализацию восприятия внеязыковой ситуации. При этом авторские комментарии носят не связывающий, не обобщающий, но регистрирующий характер. Для языковой личности регистрирующего типа характерен «аксиоматичный» способ разворачивания речемысли. В результате в тексте идентифицирующий план, указывающий на внеязыковую ситуацию, и актуализирующий план, обозначающий регистрирующий метареферент, совпадают. Актуализирующий план представляется как идентифицирующий, и наоборот – идентифицирующий предстает как актуализирующий. Принцип разворачивания текста опирается на фразеосхемы типа *это есть, это какое* и т. п. Регистрирующие метареференты, актуализируемые в текстовой деятельности, объективируют процесс существования внеязыковой ситуации. Они получают формальное завершение за счет языковых единиц с семантикой «восприятия» типа *я вижу, видно*, с констатирующей семантикой, с категоризирующей семантикой типа *на переднем плане, на заднем плане*, с семантикой отрицания (*нет, не видно* и пр.) и др.

Например:

На картине изображена девочка, сидящая в комнате за столом. В руках она держит персик. Одета она в розовую блузку с черным в горошек бантом. Глаза у девочки карие, волосы темные. Стол покрыт белой скатертью, и на нем лежит нож, три персика и кленовые листья. На стене висит тарелка, с каким-то рисунком. За стеной у девочки стоит темный полированный стол, рядом с ним два стула. Этот стол стоит рядом с окном. Глядя на окно, можно увидеть, что за ним изображена осень. В комнате нету света, только свет, падающий на девочку и на предметы, находящиеся в комнате, из окна.

В данном тексте носитель языка регистрирует все те явления внеязыковой ситуации, которые попадают в фокус его видения. Он констатирует существование участников внеязыковой ситуации, например, *стол, девочка, стул* и пр.; атрибутирует их свойства и качества, местоположение: *стол покрыт белой скатертью, девочка, сидящая за столом, в руках она держит персик, в комнате нету света* и т. д.; констатирует собственное восприятие внеязыковой ситуации: *глядя на окно, можно увидеть, что за ним изображена осень*. В данном случае языковая личность не устанавливает связь между двумя явлениями внеязыковой ситуации, ее цель – актуализировать не выводное знание, а факт присутствия, наличия еще одного участника внеязыковой ситуации. Ср. с выбором формы глагола – *изображена осень*.

Или:

Передо мной картина В.А. Серова «Девочка с персиками».

На первом плане красиво одета в розовую блузку с бантом, грузинская девочка. С неаккуратно положенными волнистыми волосами. Она сидит за столом, накрытым белой скатертью, на нем лежат четыре персика, нож и два осенних листа.

На втором плане я вижу окно, выходящее в сад, тарелка, висящая на стене.

Судя по всему, девочка недавно проснулась. И пошла в сад, там она поспешно собрала персики и нечаянно взяла листья.

Взгляд у девочки грустный.

Такое ощущение, что ее карие глаза что-то или кого-то ищут. Что вполне похоже на Серова.

В приведенном тексте носитель языка «категоризирует» внеязыковую ситуацию, что выражается за счет использования фраз типа *на первом плане, на втором плане*. Он дает комментарий внеязыковой ситуации, причем этот комментарий непосредственно не увязывается с внеязыковой действительностью и не «обволакивает» ее. Комментарий в данном тексте носит регистрирующий характер: *Судя по всему, девочка недавно проснулась. И пошла в сад, там она поспешно собрала персики и нечаянно взяла листья. Взгляд у девочки грустный. Такое ощущение, что ее карие глаза что-то или кого-то ищут. Что вполне похоже на Серова*. Здесь носитель языка не эксплицирует процесс рассуждения, в результате которого появляется этот комментарий.

Доля текстов, созданных языковой личностью регистрирующего типа, составляет 31 % от всего корпуса текстов.

Представим результаты эксперимента в таблице 1.

Таблица 1. Типовые варианты реализации лингвогносеологического уровня языковой личности

Типы языковых личностей	Абсолютные единицы	Относительные единицы (%)
Языковая личность логического типа	105	66
– Персуазивная языковая личность	5	3
– Метатекстовая языковая личность	43	27
– Комментирующая языковая личность	57	36
Языковая личность генерирующего типа	5	3
Языковая личность регистрирующего типа	49	31
Всего	159	100

Как видим, данные таблицы свидетельствуют о преобладании в русском персонологическом пространстве языковых личностей логического типа, что, на наш взгляд, подтверждает мысль о том, что русский тип языкового мышления стремится к объяснению, к осознанию причин и смысла бытия, которое осуществляется сквозь призму интуиции (см. [Колесов 2006: 79]).

4. Лингводидактическая и лингвотеоретическая интерпретация результатов эксперимента

Нетрудно заметить, что выделенные типы языковых личностей коррелируют с тремя функционально-смысловыми типами речи – описанием, повествованием и рассуждением, что в целом подтверждает лингвоперсонологическую гипотезу языка, сформулированную нами в [Языковая личность 2014]. В соответствии с этой ги-

потезой в языке как системно-структурном образовании происходит своеобразная языковая онтологизация различий психо-, социо-коммуникативных типов личности, и, как следствие, многие языковые оппозиции и антиномии, определяющие устройство языка, имеют среди прочих и лингвоперсонологическое объяснение. Так, языковая личность регистрирующего типа онтологизируется в таких типах речи, как описание и повествование, а языковые личности логического и генерирующего типа онтологизируются в таком типе речи, как рассуждение.

Уместно заметить, что языковая оппозиция функционально-смысловых типов речи в лингвистике строится на разных основаниях: описание и повествование выделяются, скорее, по принципу – *что* воспроизводит носитель языка из фрагмента действительности, тогда как рассуждение выделяется по следующему принципу – *как* воспроизводит носитель языка вербализуемый фрагмент внеязыкового мира. В таком случае становится понятно, почему описание и повествование соотносятся с регистрирующим типом языковой личности. Выявленные корреляции между типом лингвогносеологического поведения языковой личности и функционально-смысловыми типами речи не только позволяют разработать методики обучения текстовой деятельности, ориентированные на формирование речемыслительных навыков, но и по-иному – сквозь призму «лингвоперсонологического микроскопа» – посмотреть на сложившуюся в лингвистике классификацию типов речи и тем самым внести в нее определенные коррективы.

5. Заключительные положения

Подводя общий итог, подчеркнем, что в уровневой модели языковой личности может быть выделен лингвогносеологический уровень, реализация которого характеризуется индивидуально-типовыми особенностями. Анализ типовых вариантов реализации лингвогносеологического уровня в структуре языковой личности позволил выделить три типа языковой личности по способу дотекстовой организации речевого произведения: логический, генерирующий и регистрирующий. Описание лингвоперсонологического варьирования данного уровня выявило корреляционную связь между типами языковой личности и функционально-смысловыми типами речи.

Литература

Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: Сб. науч. тр. / Волгоград гос. соц.-пед. ун-т [под ред. В.И. Карасика]. Волгоград: Парадигма, 2005. – 310 с.

Бойко Б.Л. Социально-речевой портрет человека на войне (на материале дневниковых записей) // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2008. – Т. 7. Вып. 2: Филология. – С. 49-52.

Валиулина В.Р. Характеристики лингвистического аспекта речевой деятельности испытуемых с разными типами характера // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. – 2009. – № 3. – С. 45-47.

Гафурова М.Н. Номинативная личность как реализация языковой личности (опыт экспериментального исследования): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2012. – 24 с.

Голев Н.Д., Ким Л.Г. Обыденные политические интернет-комментарии как проявление вариативности интерпретации (оппозиции «эксплицитное – имплицитное», «проявленное – ожидаемое») // Имлицитные и экссплицитные стратегии в

восточноевропейском политическом дискурсе: материалы российской секции международной конференции «Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Цюрихский университет [под ред. А.П. Чудинова, Э.В. Будаева]. – Екатеринбург, 2014. – С. 47-70.

Голев Н.Д., Шпильная Н.Н. Языковая картина мира как ментальный компонент речемыслительной деятельности // Ментальность и изменяющийся мир: коллективная монография: к 75-летию В.В. Колесова [отв. ред. М.В. Пименова]. – Севастополь: Рибэст, 2009а. – С. 424-433.

Голев Н.Д., Шпильная Н.Н. Языковая картина мира как текстопорождающая категория (на материале сочинений по картине «Девочка с персиками» В.А. Серова) // Вестник Томского государственного университета. – 2009б. – № 322. – С. 11-16.

Голев Н.Д., Шпильная Н.Н. Картина мира, языковая картина мира и модусные сценарии оязыковлени фрагмента внеязыковой действительности // Современная речевая коммуникация: стратегия и жанры: Сб. науч. ст. / Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского [под ред. О.С. Иссерс]. – Омск: Изд-во Ом.гос. ун-та, 2009. – Вып. 1. – С. 7-16.

Ерофеева Т.И. Опыт исследования речи горожан (территориальный, социальный и психологический аспекты). – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. – 136 с.

Карасик В.И. Социокультурный типаж «шпана» в русском языковом сознании // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 101-108.

Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «английский чудак»: Монография / В.И. Карасик, Е.А. Ярмахова. – М.: Гнозис, 2006. – 240 с.

Караулов Ю.Н. На уровне языковой личности // Между семантикой и гносеологией: Предварительные публикации / Ю.Н. Караулов, А.Л. Федотов, Н.Л. Чулкина / Ин-т рус.яз. АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. – Вып. 164. – М., 1985. – С. 4-23.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Ленанд, 2013. – 280 с.

Киркинская Т.И. Вариативность русских репродуктивных текстов (системно-функциональный и лингвоперсоналогический аспекты): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 20 с.

Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.

Котюрова М.П. Некоторые принципы формирования индивидуального стиля речи ученого // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т [под ред. М.П. Котюровой]. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. – С. 113–133.

Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: Автореф. дис... д-ра филол. наук. – Саратов, 1999. – 53 с.

Крысин Л.П. Речевой портрет интеллигента // Журналистика и культура русской речи. – М., 2002. – № 4. – С. 26-31.

Лингвоперсоналогия: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / Н.Д. Голев, Е.Н. Татаринцева, Е.А. Аввакумова и др. / Барнаулский гос. пед. ун-т [отв. ред. Н.В. Сайкова]. – Барнаул; Кемерово: БГПУ,

2006. – 435 с.

Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: Учебное пособие / Кемеровский государственный университет [под ред. Н.В. Мельник]. – Кемерово: КемГУ, 2009. – 384 с.

Лукьянова Н.Н. Лингвистическая интерпретация текста как способ моделирования фрагмента языковой картины мира (на материале произведений Д. Хармса «Месть», «Искушение»): дис... канд. филол. наук. – Барнаул, 2000. – 304 с.

Ляпон М.В. Картина мира: языковое видение интроверта // Русский язык сегодня [отв. ред. Л.П. Крысин]. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 199-207.

Мельник Н.В. Деривационное функционирование текста: лингвоцентрический и персонцентрический аспекты: монография [науч. ред. Н.Д. Голев]. – Кемерово: ООО «ИНТ», 2010. – 212 с.

Носкова О.А. Лингвокогнитивный стиль журналиста (на материале радиопрограммы «Особое мнение»): Автореф. канд. филол. наук. – Кемерово, 2013. – 23 с.

Орлова Н.В. Метаязыковое сознание выпускника школы (по данным сочинений ЕГЭ) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. II [под ред. Н.Д. Голева]. – Томск: Изд-во Томского госуд. пед. ун-та, 2009. – С. 410-427.

Ощепкова Е.С. Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект): дис... канд. филол. наук. – М., 2003. – 140 с.

Пентегова О.Ю. Влияние темперамента человека на его речь // Вопросы стилистики: Межвузовский сб. науч. тр. / Саратовский гос. ун-т [отв. ред. О.Б. Сиротинина]. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – Вып. 28: Антропоцентрические исследования. – С. 108-114.

Прокудина И.С. Русская языковая личность в аспекте лингвокогнитивных стилей репродукции научного текста (на материале студенческих рефератов): дис... канд. филол. наук. – Кемерово, 2009. – 202 с.

Прокудина О.Н. Гендерный дискурс-анализ речевых стратегий женской языковой личности (на материале русской и английской диалогической речи): дис... канд. филол. наук. – Кемерово, 2002. – 209 с.

Сайкова Н.В. Взаимодействие слова и текста в деривационном аспекте (на материале вторичных текстов разных типов): дис... канд. филол. наук. – Барнаул, 2002. – 163 с.

Седов К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики [отв. ред. О.Б. Сиротинина]. – Саратов, 1996. – Вып. 26. – С. 8-14.

Шпильная Н.Н. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности русской языковой личности (на материале сочинений по картине В.А. Серова «Девочка с персиками»): дис... канд. филол. наук. – Кемерово, 2010. – 153 с.

Шпильная Н.Н. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности языковой личности [науч. ред. Н.Д. Голев]. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 152 с.

Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 [под ред. Н.Д. Голева и Н.Н. Шпильной]. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 640 с.

Т.А. Гридина

УДК 81'233

АССОЦИАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА КАК ОСНОВА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

В статье рассматриваются лингвокреативные механизмы языковой игры в свете обуславливающего их ассоциативного потенциала слова. Создание игровой трансформы предполагает преднамеренное нарушение речевого автоматизма путем введения слова в новый (нестандартный) ассоциативный контекст. Основной стратегией моделирования игры выступает принцип одновременной актуализации и ломки, переключения ассоциативных стереотипов восприятия, порождения и употребления вербальных знаков. Для диагностики и стимуляции вербальной креативности представляется продуктивным использование игровых технологий, основанных на специально адаптированных к задачам тренинга методиках прямого и направленного ассоциативного эксперимента. Предлагаются две технологии игрового конструирования: первая представляет собой создание окказионального словообразовательного гнезда от квазислова, вторая – создание поля креативных номинаций по заданным тематическим векторам. Тренинговая составляющая представленных технологий соединяет в себе принцип пошагового игрового конструирования и прямого толкования полученных дериватов. В ходе толкования проявляются ассоциативные проекции игрового слова. В статье представлены результаты экспериментальной апробации и содержательная интерпретация разработанных игровых технологий (с использованием в качестве стимулов квазислова *луфть* как вершины окказионального словообразовательного гнезда, а также слов *да* и *нет* – для образования тематически ранжированного «поля» креативных номинаций).

Ключевые слова: ассоциативный потенциал слова, языковая игра, экспериментальные тренинговые технологии.

Tatyana A. Gridina

THE WORD ASSOCIATIVE POTENTIAL AS LINGUISTIC CREATIVITY BASIS: EXPERIMENTAL DATA

The article discusses the play of words linguacreative mechanisms from the point of view of their word associative potential which determines them. Playing transforming means the purposive speech automatism violation by introducing the new words into the new (non-standard) associative context. As the main strategy «igrema» simulation is the principle of simultaneous updating and breaking, switching associative stereotypes of perception, production and consumption of verbal signs. For the verbal creativity diagnosis and stimulation it seems productive to use the gaming technologies based on the techniques for direct and directional associative experiment specially adapted to the training tasks. There are two game constructing technologies suggested: the first is the creation from quasiword the occasional word-formation nest, the second – the building of creative nominations field on a given thematic vectors. The training component of the presented technologies combines the step-by-step playing constructing principle and the

direct definition of the obtained derivatives. The playing word associative projections become apparent during the definition. The experimental approbation results and the substantial interpretation of the developed playing technologies (using as stimulus the quasiword «luft»), the top of the occasional word-formation nest, and also the words «yes» and «no» for thematically ranged of creative nominations making) are represented in the article.

Keywords: word associative potential, play of words, pilot training technologies.

Понятие ассоциативного потенциала слова (далее – АПС) является базовым для исследования психологической реальности значений в свете актуальной для говорящих информации, включая как социально отфильтрованные, так и личностные смыслы. Ср. определение АПС как всей совокупности формально-семантических реакций, которые может вызывать слово в сознании носителей языка – с учетом динамики их актуализации в дискурсивных практиках социума и конкретных индивидуумов (см. [Гридина 1996, 2009]). В такой трактовке структура АПС конгруэнтна структуре ассоциативного поля, в котором ядро и периферия не являются жестко заданными, отражая не только относительно константные ассоциативные стереотипы восприятия вербального знака, но и его многомерные вариативные проекции.

Рассмотрение психологической реальности значений сквозь призму ассоциативных проекций (динамических стереотипов восприятия вербальных знаков) является «принципиально новым источником изучения языка и феномена владения языком» [РАС 1994: 5-8]. Ассоциативное поле характеризуется «не только как фрагмент вербальной памяти (знаний) человека <...> но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок» [там же].

Различные векторы АПС выступают апперцепционной основой лингвокреативного мышления, позволяющего создавать нечто новое на базе уже созданного (см. [Серебренников 1988]). В этом процессе задействованы как системно обусловленные (иерархические, парадигматические и синтагматические) связи вербальных единиц, так и контекстуальные аспекты актуализации АПС (например, обыгрывание внутренней формы слова, коннотативные приращения смысла, окказиональное словотворчество и т. п.). Преднамеренное нарушение речевого автоматизма происходит путем «актуализации и одновременного переключения ассоциативных стереотипов восприятия, порождения употребления вербальных знаков создает эффект языковой игры» [Гридина 1996: 22]. Этот эффект достигается моделированием такого ассоциативного контекста, в котором игрема (продукт языковой игры)¹ прочитывается на фоне опознаваемого прототипа по принципу отождествления и контраста². Подчер-

¹ Термин введен нами для обозначения результата языковой игры (ее «продукта»). Ср. также параллельный термин «игровая трансформа» для указания на отличие игремы от прототипа. При этом прототип понимается широко: обыгрываться может конкретный языковой знак (слово, словоформа), прецедентный текст, любой языковой алгоритм образования и употребления вербальных знаков, узуальное значение слова, стилистический регистр, авторский художественный идиостиль и т. п. (см. [Гридина 1996]).

² Ср. частные конструктивные принципы языковой игры: ассоциативная интеграция, ассоциативное наложение, ассоциативная идентификация, ассоциативная выводимость, ассоциативная провокация, имитация (см. [Гридина 1996]).

кнем, что языковая игра как особая форма лингвокреативного мышления обнажает эвристическую сущность аномалии, сквозь которую просвечивает закономерность (см. [Арутюнова 1999: 74–90]).

Природа языковой игры (как проявления лингвистической креативности) в свете ее обусловленности ассоциативными потенциями языкового знака может быть исследована экспериментально. В этом отношении продуктивной представляется адаптация психолингвистических методов (в частности свободного и направленного ассоциирования) к задачам диагностики и тренинга черт креативности языковой личности. К таким параметрам относятся, в частности, *беглость* (количество предлагаемых решений нестандартной, в том числе лингвистической задачи за единицу отведенного времени); *гибкость* (разнообразии ассоциативной актуализации и интерпретации одного и того же стимула); *оригинальность* – способность устанавливать «отдаленные ассоциации» (см. [Трик 1981]).

Тренинговые игровые технологии предполагают самонаучение в процессе выполнения предлагаемого нестандартного задания, которое в то же время имплицитно содержит в себе опору на пресуппозиции, сформированные на основе имеющегося у респондента опыта.

В свете механизмов актуализации АПС рассмотрим технологии игрового конструирования креативных номинаций и порождения текстов на их основе (см. [Гридина 2013]). В качестве респондентов выступили студенты-филологи Уральского госпедуниверситета и учителя русского языка и литературы средних образовательных учреждений г. Екатеринбурга (всего – 116 человек).

Первая игровая технология предполагала создание дериватов разных частей речи (существительных, прилагательных, глаголов, наречий) от заданного стимула-квасислова. В качестве стимула использовалось слово ЛУФТЬ, смоделированное нами с учетом законов фоносемантического остранения (необычности фонетической оболочки и звуковой комбинаторики), а также неоднозначности грамматического статуса стимула (ср. возможность идентификации данной лексемы с сущ. мужского или женского рода, словоформой императива, несклоняемым прилагательным и т. п.). Так, мнения респондентов относительно родовой принадлежности стимула ЛУФТЬ распределились неравномерно: большая часть участников высказалась в пользу *ж. р.* (приблизительно 80 %), остальные отнесли слово к *м. р.*

Среди реакций, полученных от респондентов при проведении свободного ассоциативного эксперимента с предъявленным квазисловом ЛУФТЬ, преобладают лексемы, содержащие звукокомплекс [фт] в разной комбинаторной конфигурации с гласными и согласными: *лифт, муфта, туфта; лафа*; часть ассоциатов имеет явно звукосимволическую (кинестетическую и аудиальную) модальность: *кулак, ветер, лиса, мягкая, пушистая; дует, шипит, фырчит, воет*. Этот перечень показывает, что ассоциативный потенциал семантизации квазислова задан фонетическими векторами звукосимволики и паронимической аттракции (поиском ассоциатов из числа созвучных слов). Структурные аналогии здесь не срабатывают ввиду непроецируемости заданного слова и уникальности звукового комплекса финали *-фть* (единичными реакциями такого типа, возможно, являются *суть, круть, пуфть* – окказиональное слово, созданное по принципу рифмовки-отзвучия).

Создание дериватов от ЛУФТЬ должно было, согласно нашей гипотезе, не только проявить способность участников тренинга к игровому конструированию, но

и наметить основные аспекты семантизации заданного стимула на базе актуализированных словообразовательных аналогий.

Приведем лишь некоторые наиболее показательные единицы полученного окказионального словообразовательного гнезда.

Глагольные дериваты, составившие словообразовательные цепочки: *луфть* – *луфтИть*, *луфтитЬСЯ* – *НАлуфтиться*; *луфтиться* – *НЕДОлуфтиться*; *луфтиться* – *ПРОлуфтиться*; *луфтиться* – *ЗАлуфтиться*; *луфть* – *луфтЕВАть*; *луфть* – *ПРИлуфтИтьСЯ*; *луфть* – *ОблуфтИтьСЯ*. Ср. деепричастия и причастия, образованные респондентами в дополнение к приведенному ряду дериватов: *луфтясь*, *луфтящийся*.

Прилагательные от стимульного слова: *луфтОВый*, *луфтИСТый*, *луфтСКий*, *луфтЯСТый*, *луфтОВАТый*, *луфтЯНой*, *луфтЕВИтый*, *луфтЯШ/Ный*, *луфтЯШ/ЕЧНый*, *луфтоВИДНый*, *луфтеОБРАЗНый*, *луфтеПОДОБНый*; *БЕЗлуфтый* (с нулевым суффиксом).

Наречия с корнем стимульного слова: *луфть* – *луфтский* – *ПО-луфтский*; *луфть* – *луфтявый* – *луфтяво*; *луфтовый* – *луфтово* (не исключено, что все эти дериваты демонстрируют технику чересступенчатого словообразования).

Существительные от ЛУФТЬ (включая сложные слова со стимульным словом): *луфтЕР*, *луфтИСТ*, *луфт/истКа*, *луфтев/А/ТЕЛЬ*, *луфтСТВО*, *луфт/ов/СТВО*, *луфт/евОСТЬ*, *луфт/яшНОСТЬ*, *луфтИЗМ*, *луфтЕНОК*, *луфтИ/ЛЬЩИК*, *НЕДОлуфтОК*; *луфт/е/БАЗА*, *луфт/е/ПАРК*, *луфт/е/ХОД*. К этой группе словообразовательных дериватов примыкают мотивационные окказионализмы (игремы, образованные введением нового корня в модельную сетку готового слова): *ЛУФТематика*, *ЛУФТература*, *ЛУФТевизор*, *ЛУФТЕзавр*, *ЛУФТочка* (ср.: *муфточка*), *ЛУФТография* (ср.: *фотография*, *флюорография*); *обЛУФТчение* (облучение).

Словообразовательная структура и словообразовательное значение приведенных дериватов проявляет потенциальную направленность их осмысления, отражая возникающие мотивационные отношения между единицами гнезда однокоренных игрем. Каждая из игрем содержит потенциал семантизации в проекции на считанную, актуальную для респондента ассоциативную аналогию.

На заключительном этапе респондентам (участникам тренинга) предлагалось дать толкование слова ЛУФТЬ и/или любого производного от него слова любым удобным для них способом. Такая процедура соответствует психолингвистической методике прямого толкования, в ходе которой выявляются актуальные для конкретной личности аспекты содержания объясняемого слова.

Приведем некоторые толкования:

НАЛУФТИТЬСЯ – *напудриться* (толкование через подбор узуального синонима, т. е. *луфть* – что-то вроде пудры);

ПРОЛУФТИТЬСЯ – 1) *провиниться*, получить наказание за плохое поведение (т. е. *луфть* – нечто вроде шалости); 2) *проиграть* или *потерять* все деньги (т. е. *луфть* – денежная единица, ср.: *рубль*, *фунт* и т. п.);

ЛУФТОВАТый – о том, кто *обманывает* (ср. *плутоватый*). Соответственно *луфть* – *лгун*, *обманщик* (или *обманщица*);

НЕДОЛУФТИТЬСЯ – *недоучиться*: о том, кого *отчислили* за *неуспеваемость* (*луфть* – процесс *учения*, некое *знание*).

Интерес для выявления ассоциативного контекста слова ЛУФТЬ представляет толкование игровых трансформ, которые оставляют простор для фантазии относительно

но нового наполнения конкретного слова-прототипа:

ЛУФТЕМАТИКА – наука, изучающая особую систему *луфтесложения и луфтевычитания* (*луфт* – некая математическая величина);

ЛУФТЯШКА – новая мультяшка, подружка Лунтика (персонаж известного мультфильма).

Ассоциативные проекции игрового слова не менее ярко проявляются и при создании на его основе текста. Приведем в качестве примера стихотворение (автор Ю. Санина, филолог, магистрант), в котором дериваты от слова ЛУФТЬ выступают основой развиваемого шуточного «сюжета» о необходимости учиться, чтобы познать суть мироздания:

Луфтить не каждый парень может, (= постигать науку)

Но если луфти накопил, (= определенный запас знаний)

Не будь луфтяем, будь луфтистом, (ср. антонимию этих слов, синонимичных лентяй и специалист, знаток в своем деле)

Луфтийствуй до потери сил. (императив от луфтийствовать, ср. аналогию с витийствовать, усердствовать)

Теперь не редкость недолуфтки, (ср.: недоучки, недоумки)

Не знают меры в луфтовстве, (ср.: плутовство, баловство «праздное времяпровождение»)

Им не постичь луфтерознания, (ср.: мирозданье)

Луфтись! Нет смысла в баловстве (ср.: учись, трудись).

Таким образом, ассоциативная наполняемость квазислова ЛУФТЬ проявляется в совокупном словообразовательном гнезде на фоне актуализированных аналогий и деривационной семантики игровых дериватов. В текстовой проекции ассоциативный потенциал стимула реализуется в еще более широком игровом диапазоне, получая сюжетную конкретику.

Диагностическая сущность лингвокреативного рейтинга языковой личности проявляется в совокупном количестве дериватов от стимульного слова (этот показатель у разных респондентов колеблется от 5 до 30 слов), в использовании одним респондентом вариативных моделей (ср., например, синонимичные дериваты с вариативными суффиксами *-ист, -ер, -тель, -ец*) и разных способов словообразования (так, например, креативным шагом является самостоятельный переход респондента от наиболее предсказуемого способа суффиксации с префиксальному, конфиксальному словообразованию, способу сложения и, наконец, к использованию техники игровой реноминации при опоре на конкретный образец). Оригинальность проявляется как в нестандартном обыгрывании структуры прототипа, так и в семантическом наполнении созданной инновации при ее объяснении. Ср., например, НЕДОЛУФТОК, созданное по аналогии с *недоумок*, которое дает импульс к наполнению слова-модификата смыслом ‘не знает меры в луфтовстве’, ‘проводит время в праздном баловстве, не желая учиться’).

Однако ассоциативный потенциал слова наиболее явственно проявляется в специально смоделированных условиях создания поля креативных номинаций по заданным тематическим векторам от узуального слова. Данная тренинговая технология³,

³ Предложенная технология разработана и апробирована нами (см. [Гридина 2014]). Она представляет собой комплексную модель, соединяющую в себе принцип пошагового игрового конструирования и прямого толкования (произвольной семантизации) полученных дериватов. В ходе толкования проявляются ассоциативные проекции игрового слова.

во-первых, имеет комплексный характер, предполагая пошаговое приращение дериватов соответствующей денотативной сферы, во-вторых, позволяет участникам тренинга самостоятельно перейти к созданию новообразований от ассоциативных *симиляров* и *оппозитов* (термины А.А. Залевской) предъявленной стимульной единицы. Кроме того, как само образование дериватов, так и уже описанная выше процедура толкования полученных игрем и создание текста на основе их совокупного использования диагностируют приоритетные стратегии языковой игры, формирующие индивидуальный тип личности *homo ludens*. Так, согласно предложенной нами классификации существуют игроки-трансляторы (использующие «готовую» игрему), имитаторы (игровой стратегией которых является подражание образцу), стилизаторы (эксплуатирующие игровые возможности стилистической коннотации языковых единиц), интерпретаторы (склонные к новой трактовке семантики и модификации формы готового слова, фраземы), генераторы (обнаруживающие склонность и способность к обновлению арсенала языковых средств в индивидуально-авторском режиме) (подробнее см. [Гридина 2013]).

Приведем в качестве иллюстрации некоторые результаты тренинга по созданию поля креативных номинаций от стимульных слов ДА и НЕТ.

Эти антонимичные слова-стимулы предъявлялись двум группам испытуемых (по одному стимульному слову для каждой). Различие между респондентами (учителями и студентами) заключалось только в составе конкретных участников каждой группы, все остальные параметры (количество респондентов – по 20 человек в каждой группе, их профессиональная специализация – филологическое образование, возраст) совпадали. Сопоставление экспериментальных результатов должно было выявить общие и индивидуальные для каждого стимульного слова ассоциативные словотворческие и текстовые проекции (см. Таблицу полученных реакций на заданные стимулы).

ДА	НЕТ
Вектор 1: название места локализации ДА или НЕТ (страна, город, село, улица, дом, горы, реки и т. п.)	
Страны: Датляндия, Дания, Датское королевство, Тридешатое ДАРство (ср.: царство); республика ДАтарстан (ср. Татарстан); горы: ДАНды, ДАльпы (ср.: Анды, Альпы), река ДАлга (ср.: Волга); города: ОтДАчинск; г.Согласбург, Дадаград, села, деревни: ДАРеево, ПодДАвки, УДАчино; Соглашайкино, Данетово (от <i>да</i> и <i>нет</i>); ул. ДАнайская, ул. Приятя, баня «ПодДАЙ жару!», газета «ПравДА», клуб «Удача», магазин распроДАж.	Страны: Нетя, Запретя, Недоступя, Нетландия; города Ветоград, НЕТбург, Нетленск, Несогласинск, Отлупов (ср. выражение <i>дать отлуп</i> и созвучие с щедринским город <i>Глутов</i>); села Отказово, Упрямово, Нетребково, деревни <i>Неелово</i> , <i>Неурожайка тож</i> (реминисценция из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»), интреНЕТ, руНЕТ.

Вектор 2: названия (в том числе имена, фамилии) жителей этих мест	
Датчане, данайцы (ср.: «Бойся данайцев даже дары приносящих»), даты, датцы, дадагородцы, ести ⁴ , доброделы, уДАчники, соглашатели, соглашайцы, данетовцы, по(д)ДАвалы, завсегДАтаи, преДАтели, разДАтчики, подДАнные, даричи, дареевцы.	Неты, нетовцы, нетичи, нетовчане, нет(о)городцы, нетляндцы, певица Анна НЕТребко, НЕЗнайка; НЕТочка Незванова (Ф. Достоевский), нетребовцы, нееловцы, несогласинцы, отлуповцы, ветоградцы, интерНЕТовцы, отказники, упрямыцы, <i>сплечарубы</i> (ср.: рубить с плеча), <i>отрицанты</i> , <i>ненавистники</i> .
Вектор 3: единицы измерения «ДА» и «НЕТ»	
Денежные единицы: один дат, дан, ДАгрики (ср.: тугрики), ДАллар, ДАбль (ср. рубль), дарейка (ср.: копейка); единицы измерения веса», количества: дарограмм, придача, недосДАча.	Нет (единица, равная нулю), НЕТейка (копейка), НЕвро (ср.: евро), откат, отлуп, отрицант, вето, несоглас, запрет, агрессивин, антиДАт, нельзашка.
Вектор 4: профессии жителей, науки	
Дантисты, психоДАрапевты, проДАвцы, препоДАватели; науки: добрология, согласофия; Дарифметика; искусства: датская поэзия	ПсихоНЕТологи; науки: Нетология, НЕТогогика, диаНЕТика, киберНЕТика, ветография, твердолобоводство; сплечарубоведение.
Вектор 5. Язык, жаргон	
ДАйский (ср.: тайский), ДАтский, соглашайский, ДАкающий (ср.: <i>акающие</i> говоры и <i>дакать</i>), молодежное ДАрго (ср. арго), солДАтский жаргон	Нетский, нетовский, отрицанто (ср.: эсперанто), НЕтальянский, неНЕТцкий; нетландский, антиславянский.
Вектор 6. Болезни и лекарства от них	
Болезни: подДАгра, синдром подДАкивания, НЕТомагия, НЕТоверие; лекарства: ДАнальгин, стоп-нетин, ДАЗин, капли датского короля.	Болезни: НЕТофобия, слабоНЕТие, НЕТофрения. Лекарства: НЕактивированный уголь, антиДАнт (ср.: оксидант), гриппу – НЕТ!

Как видно из таблицы, полученные дериваты от стимульных слов ДА и НЕТ обнаруживают некоторые общие тенденции их ассоциативной актуализации и интерпретации на основе техники языковой игры. Большинство полученных игрем имеет имитационный характер, реализуя общую конструктивную стратегию ассоциативного отождествления и контраста с прототипом. В качестве способов моделирования игровой трансформы используются:

1) реноминация (модификация фонетического облика готовой лексемы путем уподобления мотиваторам *да* и *нет*: последние вводятся в качестве нового «корня» в модельную сетку узнаваемого языкового «образца»). Например, ДАтарстан; НЕтландия, ДАтляндия (ср.: Шотландия, Финляндия как топонимы-прототипы). С помощью описанного способа игровой «мимикрии» актуализированы ассоциативные стереотипы не только топонимических и эргонимических прецедентов, но и названия денежных единиц (ср.: ДАллар, ДАгрики, НЕвро, НЕТейка и др.); профессий, наук (ср.: психоДАрапевт, психоНЕТолог, ДАНтисты, ДАрифметика, НЕТогогика и

⁴ Ср. рассказ С. Кржижановского «Страна нетов», в котором действующими лицами выступают ести и неты. Однако совпадение полученных в эксперименте реакций с этими литературными прецедентами может быть и непреднамеренным.

др.); названия болезней и лекарств (НЕТомания, НЕТофобия, слабоНЕТие, НЕТофрения, ДАнальгин и др.); названия языка, жаргона (ср.: НЕТальянский, неНЕТский, ДАйский и *итальянский, ненецкий, тайский*; молодежное ДАрго);

2) игровая ложноэтимологическая мотивация (вычленение звукокомплекса *да* и *нет* в структуре неродственных слов – без изменения их внешнего облика). Среди таких игр названия стран (*Дания* и его прецедентный синоним *Датское королевство*), названия газет («ПравДА»); болезней (поДАГра); названия сетей общения и их пользователей (интерНЕТ, руНЕТ, интерНЕТовцы). К этому ряду можно отнести и игровые ассоциативные сближения этимологически родственных слов (ср.: баня «ПодДАй жару!», магазин распроДАж, подДАвалы, завсегДАтаи, преДАтели, разДАтчики, подДАнные), а также актуализацию отношений синхронной мотивации (ср.: «да» и синдром подДАкивания, подДАвалы);

3) использование тематически специализированных моделей номинации в качестве образцов для создания словотворческих игр от стимульного слова и его синонимов; ср., например, обыгрывание вариативных топоформантов в качестве суффиксального оформления дериватов: *Нетия* (страна) и ситуативные игровые симилары *Запретия*; топоигры с финалями -бург, -град, -ов/ово, -инск: *НЕТбург* и *Согласбург*, *Ветоград* и *Дадаград*, г. *Отдачинск*, села *Отказово*, *Упрямово* и д. *Соглашайкино*, ул. *Приятия*. Отдельно в плане креативности отметим контаминационный дериват с. *Данетово* (от «да» и «нет») и с. *Поддавки* (ассоциативно отсылающее к ситуации игры в шашки), г. *Отлунов* (искусственный топоним, отсылающий к прецедентному прототипу г. *Глунов* и выражению *дать полный отлуп* – реплике шолоховского деда Щукаря)⁵.

Стратегия синонимизации включает и отождествление НЕТ с приставками НЕ-, НЕДО- по функции отрицания (страна НЕДОступия; г. НЕсогласинск, НЕтленск, с. НЕтребово, прецедентные НЕелово, НЕурожайка тож), ДА с ДАР и ДАРОМ (нареч.): с. *ДАреево*, *Тридешатое ДАРство* (обыгрывание сказочного прецедента). Ср.: *дарейка* (копейка), *дарограмм*.

Тематические группы креативных номинаций развивают заданную перспективу ассоциативной актуализации стимулов ДА и НЕТ.

Названия «жителей», транслируя широкий репертуар узуальных словообразовательных моделей, наполняются оценочными коннотациями (по принципу ассоциативной выводимости – формально-смысловой связи с прототипом, в том числе прецедентным): *неты*, *нетовцы*, *нетичи*, *нетовчане*, *нет(о)городцы* (ср.: кривичи, вятичи, новгородцы и т. п.) и соотносительные с «да» (получающие новую мотивацию) *датчане*, *даты*, *датцы*, *дадагородцы* (ср.: прототип архангелогородцы), *данайцы* (ср.: «Бойся данайцев, даже дары приносящих»).

Ассоциативная (оценочно ориентированная) наполняемость стимулов «да» и «нет» явственно проступает на фоне производных от них ситуативных коррелятов:

ДА – одобрение, согласие и соглашательство (эти оценочные аспекты отражены, например, в игровых номинациях жителей: *соглашайцы* и *соглашатели*, *преДАтели*, *синдром подДАкивания*), удача (*удачники*, *Удачино*), приятие (ул. *Приятия*, *завсегДАтаи*), добро (*добрдоелы*, *добрология*), дарить (*даричи*, с. *Дареево*, *дареевцы*), щедрость (*разДАтчики*), подчинение (*подДАнные*, *подДАвалы*, ср.: подпевалы); экспрессия одобрения (баня «Поддай жару!»).

⁵ Данные комментарии даны самим респондентом, создателем этой игры (учителем русского языка и литературы).

НЕТ – отрицание (искусственный язык *отрицанто*, *отрицанты*), запрет (*Ветоград*, с. *Запретия*, *ветография*), отказ (с. *Отказово*, г. *Отлупов*, *несогласинцы*, *отлуповцы*, *ветоградцы*, *отказники*, *нельзялика* – единица измерения НЕТ, *отицанто* – искусственный язык), ненависть (*ненавистники*, *агрессин* – единица измерения НЕТ), упрямство (с. *Упрямово*, *упрямцы*, *твердолобоводство*), невестребованность (с. *Нетребково*), *категоричность* (*сплечарубы*), отсутствие доверия и веры (*НЕТо-верие*), бедность (*Неелово*).

Особо отметим игровой «антагонизм» в названиях болезней и лекарств от них, где оценочные векторы ДА и НЕТ меняются местами в зависимости от точки отсчета (позиции приятия-неприятия): НЕТомания – болезнь, заключающаяся в желании говорить «нет», НЕТОВЕРИЕ – болезнь недоверия, губительная для доброделов, удачников, дареецев; *стоп-нетин* – таблетки от вялотекущей *нетофрении*. Ср.: антиДАнт – противоаллергенное средство: показано для употребления взятодателям.

В креативном ключе обыгрываются ономастические прецеденты (*Анна Нетребко*, *Неточка Незванова*, *Незнайка*); название жителей *данайцы* (ложноэтимологически ассоциированного с «да») содержит импликацию 'неискренности, обмана' (согласно известному мифу, дарение троянцам деревянного коня, внутри которого находились ахейские воины, – хитрость, ставшая фатальным эпизодом в войне троянцев и данайцев).

Ассоциативная игра углубляется при обращении к прецедентным феноменам. Так, прецедентный оним *Неточка Незванова* (из одноименного романа Ф.М. Достоевского) актуализирует в произведении семантику 'отверженности и самоотверженности', в игровом же поле креативных номинаций от *нет* означает 'девочку, до которой никому нет дела и у которой нет настоящего имени' (из объяснения респондента). Ср.: ложноэтимологическое звуковое соответствие *Неточка* (уменьш. от Анна) с НЕТ.

Пошаговое (тематически заданное) продуцирование дериватов от стимульных слов и их ассоциатов (симиларов) обнаруживает тенденцию выбора мотиватора из числа уже созданных окказионализмов.

Ср., например, *сплечарубы* как словотворческую компрессию устойчивого выражения *рубить с плеча* и *сплечарубоведение*, *твердолобоведение* как проекцию метафорического смысла прилагательного *твердолобый* при характеристике науки упрямого «всеотрицания». Приведем толкование этого слова одним из респондентов: «Эту науку – *твердолобоведение* – придумали тупоголовые *твердолобы*, жители страны Нетия, которые отрицают всё, чего не могут понять». (Заметим, что окказионализм *твердолобы* появляется как «приращение» к полученной совокупной выборке номинаций в процессе толкования уже созданного слова, и это основная тенденция в процессе порождения респондентами игрового текста); *соглашайцы* – *соглашайский* язык и др. (см. примеры выше).

Смысловой контекст полученных игрем создается на основе принципов ассоциативной выводимости (ср., например, названия болезней *нетофобия* – нежелание и неумение говорить «нет», *слабонетие* – нерешительность, неспособность сказать «нет», *нетофрения* – шизофрения, «никому неверие»; *добрология* – наука о добре, *согласофия* – философия согласия и гармонии; *дарифметика* – арифметика без обмана⁶; *придача*, *недосдача* – единицы измерения «да»), ассоциативной интеграции

(*дакающий говор*, ср. *дакать* и *акающие* говоры), ассоциативного наложения (*поддавалы* – жители страны Дакляндия, которые легко поддаются на уговоры); ассоциативной провокации (*антидант*), ассоциативной идентификации (все синонимические ассоциаты, ср., например, *нелзяшка*, *откат*, *отлуп*, *отрицант*, *вето*, *несоглас*, *запрет*, *агрессин* – единицы измерения «нет»), имитации (лекарство «*Гриппу – нет!*») и все игровые трансформы со считываемым конкретным прототипом).

В заключение приведем один из вариантов текстовой актуализации совокупного игрового поля креативных номинаций, представленный респондентом (выпускницей филологического факультета М. Бельской) в жанре частушки (на заключительном этапе тренинга):

Мы давно уже привыкли
Говорить то «да», то «нет».
Но сегодня мы узнали –
Существует *нетометр*.
Нетоверстами бежали,
Чтоб узнать простой ответ:
Нетология – наука.
Жаль, ее на свете нет!!!

Безусловно, приведенный анализ не исчерпывает всех возможностей диагностики и стимуляции творческой активности с помощью описанных тренинговых технологий, но ярко проявляет механизмы лингвокреативной техники языковой игры, степень языкового «принуждения» и языковой «свободы» личности в реализации ассоциативного потенциала слова.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Гридина Т.А. Ассоциативные проекции детских словотворческих инноваций и тренинги вербальной креативности // Лингвистика креатива–3: Коллективная монография / Под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2014. – С. 14–75.

Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи: явление языковой игры: Автореф. дис. д-ра филол. наук. – М., 1996. – 37 с.

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива–1: Коллективная монография / Под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – С. 5–59.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.

РАС: Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Часть 1. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 224 с.

Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

Трик Х.Е. Основные направления экспериментального изучения творчества // Гиппенрейтер Ю.Б., Петухов В.В. Хрестоматия по общей психологии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 298–304.

⁶ Приведенные в скобках толкования даны респондентами.

Д.Б. Гудков

УДК 81'244

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНСПАРАНТА

В статье рассматривается реализация языковой личности в высказывании такого типа, как «самодельный» уличный транспарант, которое имеет двойной адресат – «власть» и «единомышленники». Гипотетичность первого и реальное существование второго создает своеобразную коммуникативную ситуацию. Особое внимание обращено на ритуальную составляющую данных высказываний. Вербально-семантическая организация транспарантов квалифицируется как речевой акт, предлагается классификация речевых актов подобного типа. Указывается на различие в стилистике транспарантов, относящихся к разным политическим движениям. Материалом для исследования послужили тексты транспарантов митингов оппозиции 2011–2012 гг., а также на так называемом «Марше мира» и на митингах в поддержку Донбасса.

Ключевые слова: языковая личность, политический дискурс, политический транспарант, речевой акт, языковая игра, карнавал.

Dmitry B. Gudkov

LANGUAGE PERSONALITY IN THE MIRROR OF POLITICAL BANNER

The article discusses the linguistic personality realization in the statements of “self-made” street banner type which have double recipient – “power” and “supporters”. The hypotheticality of the first and the real existence of the second create a type of communicative situation. The special attention is drawn to the ritual component of these statements. The verbal-semantic organization of the banners is defined as a speech act, the speech acts classification of this type is suggested. The difference in the style of the banners belonging to the different political movements is shown. The material for the research consists of the banners texts of the opposition demonstrations 2011–2012, as well as on the so-called “March of peace” and at demonstrations in support of Donbass.

Keywords: language personality, political discourse, political banner, speech act, play of words, carnival.

Политический транспарант – один из достаточно распространенных жанров политического дискурса, принадлежащий ее «низовому» сегменту и имеющий определенную жанровую структуру, но при этом до настоящего времени не получивший должного лингвистического описания. В данной статье мы хотим остановиться на том, как реализует себя языковая личность в таком высказывании, как «самодельный» уличный транспарант. Подчеркнем, что нами анализировались именно такие транспаранты, «официальные», изготовленные профессионалами и «промышленным» способом, мы не рассматриваем.

Материалом послужили тексты транспарантов, которые были представлены, с одной стороны, на митингах оппозиции 2011–2012 гг., а с другой, – развернутые на так называемом «Марше мира» и на митингах в поддержку Донбасса. Подавляющее большинство транспарантов имели только вербальную составляющую, некоторые содержали те или иные изображения, т. е. представляли собой поликодовые тексты, но нами эти рисунки не анализировались, указанные высказывания рассматривались как монокодовые. Прежде чем перейти к дальнейшим рассуждениям, кратко остановимся на значимых для настоящей работы терминах, которые до настоящего времени не получили однозначного толкования.

Под дискурсом будем понимать условия производства и восприятия высказываний, существующие в обществе устойчивые практики речевого взаимодействия (см. [Фуко 1996]), соответственно, политическим дискурсом мы называем массив текстов «о политике» в их функционировании в социальном пространстве, т. е. условия порождения и понимания-интерпретации данных текстов.

Политика, по определению В.И. Ленина (а его мнение в данном вопросе можно считать вполне авторитетным) – это «устройство государственной власти <...> участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства» [Ленин 1967: 339–340]. Таким образом, ключевой проблемой политики, по мнению не только процитированного выше автора, но всех, кто касался этого вопроса (от Платона, Макиавелли, до современных политологов), является проблема власти, при этом совершенно очевидно, что если есть власть, то есть и те, кто подчиняются этой власти. Мы согласны с тем, что «семиотическая методология позволяет представить политическую власть как коммуникативный процесс, при котором государство и его институты осуществляют постоянное регулятивное воздействие с помощью неких символов и знаков, призванных вызвать соответствующую им ответную реакцию адресата – населения данной страны в целом, его отдельных групп и граждан. Это «субъект-объектное» взаимодействие, осуществляемое посредством определенных знаковых систем, совокупностей символов и смыслов, представляющих собою язык данного общения» [Рахимов, Хабибулин 2000: 52].

Если рассматривать политический процесс как коммуникацию, то могут быть выделены следующие типы коммуникативных отношений: «власть – власть» (встречи глав государств, договоры лидеров партий и т. п.; субъект – субъектные отношения), «власть – подчиненные» (указы, постановления, обращения к народу и др.; власть при этом выступает как субъект, а подчиненные – как объект); «подчиненные – подчиненные» (выступления и отклики на них в различных сегментах интернета, дискуссии в тех или иных политических клубах, бытовые споры о политике и т. д.; субъект – субъектные отношения). Теоретически возможен и еще один вариант: «подчиненные – власть», при котором инициатором коммуникативного взаимодействия, адресантом сообщения выступают именно подчиненные, а власть вынуждена играть роль адресата. Для России такой тип коммуникации традиционно реализуется почти исключительно в виде бунта. Другие формы последнего типа коммуникации в русском политическом дискурсе могут считаться маргинальными. Именно последние два типа коммуникативного взаимодействия мы называем «низовой» составляющей политического дискурса.

У «самодельного» транспаранта двойной адресат: «власть» и «единомышленники», причем, если первый адресат является гипотетическим (сам автор

транспаранта вряд ли предполагает, что «власть» воспримет отправленное сообщение), то второй вполне реален и оказывается главным. Это создает весьма своеобразную коммуникативную ситуацию.

«Структура языковой личности представляется состоящей из трех уровней: 1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя — традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную “картину мира”, отражающую иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания — к знанию, сознанию, процессам познания человека; 3) прагматического, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире» [Караулов 1989: 4].

Если говорить о прагматическом уровне языковой личности отправляющей свое сообщение с помощью политического транспаранта, то здесь могут быть выделены несколько интенций.

Очевидно, что доминируют эмотивная или экспрессивная и апеллятивная коммуникативные функции (см. [Яacobсон 1975]). Иными словами, говорящий стремится, с одной стороны, выразить свои чувства, свое отношение, дать оценку тому или иному лицу, событию, действию и т. д., а с другой, — пытается тем или иным образом воздействовать на адресата: побудить к определенному действию, изменить свой взгляд на тот или иной фрагмент окружающей действительности, сформировать определенное отношение к тому или иному объекту или явлению и др. При этом, как уже говорилось выше, реальный адресат может не совпадать с формальным, т. е. с тем, который заявлен в эксплицитном обращении, например: *Фюрер Обама, прочь кровавые руки от Новороссии! Путин, вон из Украины!* Но, пожалуй, наиболее значимой оказывается ритуальная функция рассматриваемых высказываний. Остановимся на этом подробнее.

А.Н. Баранов справедливо указывает, что ритуальная функция коммуникации «в точности соответствует функции заклинания в первобытных обществах; принятие участия в ритуале есть не что иное, как периодическая “клятва на верность” социуму» [Баранов 1997: 109]. Лицо, несущее транспарант, заявляет о своей принадлежности к социальной группе (в нашем случае — сообществу, разделяющему определенные политические взгляды), при этом пытается с помощью слова изменить окружающую действительность, что характерно для магических обрядов.

Все названные функции не отделены одна от другой, они реализуются одновременно, а в случае присутствия в вербальной составляющей транспаранта языковой игры могут осложняться еще и поэтической функцией. Вероятно, следует сказать и о еще одной функции, носящей экстралингвистический характер. С помощью транспаранта его создатель стремится выйти из роли объекта в своей коммуникации с властью, обрести субъектность, из потребителя политического дискурса превратиться в одного из его творцов.

На когнитивном уровне языковой личности транспарант экстерииоризирует ее политическую «картину мира», вернее, определенные ее фрагменты. Эта «картина»

характеризуется высокой степенью агональности (что свойственно политическому дискурсу вообще), направленностью на противостояние, борьбу. Все оппозиции носят исключительно бинарный характер, какая-либо градуальность отсутствует: *Руки прочь от Украины! Фашисты вон из Украины! Нет путинскому фашизму. Да здравствует Новороссия!*

Если же анализировать вербально-семантическую организацию транспаранта, то имеет смысл рассматривать последний как речевой акт. Соответственно, по своей иллокутивной силе сообщения, представленные в транспарантах, могут быть разделены на перформативы и констативы. Первые подразделяются на несколько групп:

1) имеющие конкретного адресата, в роли которого может выступать а) конкретное лицо: *Путин, не дрейфь, пора уничтожить фашистов Украины! Путин, вводи войска! Путин, останови геноцид населения Донбасса! Путин, останови киевскую фашистскую хунту! Путин, вон из Украины! Путин, введи войска в Россию, нас всех здесь тоже очень угнетают! Украинские фашисты убивают детей. Путин, пора! Фюрер Обама, прочь кровавые руки от Новороссии! Обама и Ангела Смерти, уберите кровавые руки от русского мира! Потрошенко! Помни: Нюрнбергский процесс не за горами.*

б) определенная территория (характерный пример метонимии – имеются в виду люди, с этой территорией связанные): *Держись, Донбасс роденький! Фашингтон, подписывай акт о капитуляции – русские идут. Россия, вставай за Новороссию! Прости нас, Украина!*

2) не имеющие конкретного адресата, в этой роли выступает неопределенное множество лиц: *Задумайтесь, плацдарм разогревая, на горизонте III мировая. Крымчане, не играйте с кремлевскими наперсточниками! Зачем в Украине воевать, убивать, умирать, давай в России созидать! Верните домой российские войска! Руки прочь от Украины! Фашисты вон из Украины! Мы требуем признать Донецкую и Луганскую народные республики.*

Подавляющее большинство приведенных речевых актов представляют из себя директивы (см. [Серль 1986]), т. е. побуждения к совершению (отказу от совершения) тех или иных действий. При этом присутствуют и экспрессивы, выражающие определенное эмоционально-психологическое состояние адресанта: *Прости нас, Украина! За Россию и Украину без Путина! Долой возврат в СССР! За дружбу с Украиной и евроинтеграцию России. За Донецк! Война до победы! Нет путинскому фашизму. Нет фашизму! Да здравствует Новороссия!*

Констативы условно могут быть разделены следующим образом:

1) обращенные к прошлому: *В 90-е предали Сербию, сейчас предаем русских Донбасса! 1956 Венгрия, 1968 Чехословакия, 2014 Украина. Доколе?*

2) обращенные к настоящему: *НАТО идет на Восток по трупам. Донбасс, Россия с тобой. Путину нужны рабы и враги. Путин – враг народов. Моя страна – агрессор и достойна позора. Путин боится народа. Фашизм не на Украине, он ближе. Война с Украиной – безумие. В Киеве братья, фашисты в Кремле. Оккупация Крыма – позор России. Я не хочу войны, я хочу мр-мр-мр!*

3) обращенные к будущему: *Не защитим Новороссию сегодня, потеряем Россию завтра. Трупчинов и Яйценюх, вас ждет небесная сотня. Фюреры Рады, помните! Нюрнбергский процесс уже скоро.*

4) вневременные: *Лживой войной воровства не замазать. Кремлевский путь – позор России. Предательство хуже санкций. Русские своих не бросают. Юго-Восток – сила!*

Классификация, предложенная выше, видится достаточно формальной. Фактически все приведенные речевые акты содержательно являются директивами по своей иллокутивной силе. Например, такое высказывание, как *Русские своих не бросают*, предполагает, что адресаты (одним из которых является власть) с помощью несложных когнитивных процедур сделают соответствующий вывод и начнут действовать определенным образом. Призыв к действию здесь выражен не прямо, а косвенно, но от этого не перестает быть призывом.

Бросается в глаза очевидное различие в стилистике транспарантов, представленных на Болотной площади и проспекте Сахарова, с одной стороны, и на так называемом «Марше мира» и митингах в поддержку Новороссии, – с другой. В первом случае доминирует карнавальная стихия, авторы большинства транспарантов так или иначе обращаются к языковой игре, в самих высказываниях представлены, пожалуй, все типы комического пафоса – от юмора до сарказма. Во втором же языковая игра сведена к минимуму. Нам удалось обнаружить лишь несколько подобных транспарантов: *Трупчинов и Яйценов, вас ждет небесная сотня. Яценюку – НАТО, маме – гроб из военкомата. Make salo not war. За мир и чурчхелу! Фашингтон, подписывай акт о капитуляции – русские идут. Ангела Смерти, уберите кровавые руки от русского мира! Потрошенко! Помни: Нюрнбергский процесс не за горами.* Легко заметить, что комизм в данном случае сведен к минимуму, а доминирующим приемом является каламбурное обыгрывание имен собственных.

Сказанное позволяет прийти к выводу (не слишком, правда, оригинальному), что в ситуации экзистенциального напряжения, когда речь идет о жизни и смерти, говорящий не склонен прибегать к языковой игре, комический пафос уступает место трагическому и героическому.

Литература

Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // *Человек.* – 1997. – № 6. – С. 108-118.

Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // *Язык и личность.* – М.: Наука, 1989. – С. 3-8.

Ленин В.И. План статьи «К вопросу о роли государства» // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. пятое. Т. 33. – М.: Изд-во политической лит-ры, 1967. – 434 с.

Рахимов Р.А. Хабибулин А.Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа // *Правоведение.* – 2000. – № 2. – С. 52.

Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170-194.

Фуко М. Археология знания / *Общ. ред. Бр. Левченко.* – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против».* – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.

В.С. Елистратов

УДК 81'11

О «КРЕОЛИЗАЦИИ» РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена актуальным процессам, происходящим в современном русском языке. Переводы с английского языка в массовой культуре (фильмы, мультфильмы, реклама и т. д.) можно образно охарактеризовать как «креольские». Они приводят к явной примитивизации данных «зон» лингвокультуры.

Ключевые слова: языковая личность, лингвокультура, примитивизация, креолизация, симулякр.

Vladimir S. Yelistratov

ABOUT THE LINGUISTIC IDENTITY «CREOLIZATION»

The article is devoted to the processes in the modern Russian language. Translations from the English language in popular culture (movies, cartoons, advertising, etc.) can be figuratively described as «creole». They lead to the explicit primitivization of these «zones» of linguaculture.

Keywords: linguistic identity, linguaculture, primitivization, creolization, simulacrum.

Слово «креолизация», вынесенное в заглавие данной статьи, стоит в кавычках. Это значит, что оно употребляется как метафора. Строго терминологического аналога этой метафоры, по всей видимости, не существует, поэтому в рабочем порядке мы позволим себе прибегнуть к метафоре-«терминоиду».

Можно было бы говорить о «примитивизации» русской языковой личности, но значение слова «притивизация», на наш взгляд, не вполне точно передает тот феномен, который мы тут рассматриваем.

В лингвистике хорошо известны и достаточно полно описаны так называемые креольские языки (иначе говоря – «креолы», «криолу», «креоли» и т. п.), формирующиеся на основе пиджинов, которые (пиджины) часто называют также портовыми языками или языками плантаций. Подробнее об этом можно прочитать, например, в книге В.И. Беликова «Пиджины и креольские языки. Социолингвистический очерк» (см. [Беликов 1998]). Речь идет о языках, которые образуются на основе ограниченных контактов носителей какого-либо автохтонного языка-основы и другого, не родственного ему языка. Таких пиджинов и креолов много в Африке, Океании, Америке, Азии.

При всем разнообразии креольских языков можно говорить об их отчетливой «колониальной доминанте». Большинство из них возникло на базе длительных колониальных контактов местного, автохтонного населения и – соответственно – португальских, испанских, голландских, французских или английских «пришельцев».

Пиджины и креольские языки – продукт ограниченной, «деловой» (если можно расценивать общение белых плантаторов и работающих на их плантации негров «деловым») и, если называть всё своими именами, крайне примитивной коммуникации.

Коммуникация эта может отчасти усложняться, например, при заключении смешанных браков. Тут как раз пиджин, как правило, и «креолизуется», но остается всё же весьма и весьма примитивным языком. Все креольские языки в целом имеют одни и те же признаки. Это – крайний аналитизм, редупликация как ключевой прием выражения интенсивности чего бы то ни было («look» – смотреть, «look-look» – внимательно смотреть и т. п.), вообще упрощенность на всех ярусах языка.

Теперь непосредственно о «креолизации» русского языка.

Как известно, заимствования из иностранных языков могут быть мотивированными или немотивированными. Мы привыкли рассматривать проблему заимствований именно (и преимущественно) в этой плоскости.

Если заимствование заполняет некую актуальную в данный момент «лауну» – это «хорошее», полезное заимствование. Если же оно избыточно – это «плохое» заимствование, оно «засоряет русский язык» и «с ним надо бороться».

Всё это в общем и целом именно так.

Однако значительно реже обращается внимание на тот факт, что весьма и весьма часто заимствование, казалось бы, и не очень-то серьезное, выступает в роли своего рода «черной дыры» или, как ее еще метафорически именуют, «гравитационной могилы».

То есть ситуация такова: русский язык обладает на том или ином участке в той или иной зоне, на том или ином ярусе (грамматическом, лексическом, интонационном, соматическом и т. д.) богатым спектром средств. Этот спектр – синонимический, метафорический, иносказательный и т. д. тезаурус. Здесь под словом тезаурус мы подразумеваем его исконный смысл – ‘сокровищница’. Что происходит в результате заимствования?

Заимствование, «окупирав» данную зону, как бы гасит всё это разнообразие, всю эту «цветущую сложность» (К. Леонтьев), заменив его исключительно собой.

Это уже не просто избыточность и засорение, а упрощение и агрессивная примитивизация. Именно по этой причине мы, опять же в рабочем порядке, в «режиме метафоры» называем все это «креолизацией». Нам уже приходилось затрагивать эту тему в статье «Русский как креольский» (см. [Елистратов 2015]). Тут мы имеем дело даже не с заимствованием как таковым, а с неким навязываемым скрещиванием, в результате которого язык-реципиент (в данном случае – русский) постепенно утрачивает свой богатый автохтонно-органический арсенал средств языкового выражения и приобретает взамен то, что можно обозначить распространенным термином Ж. Батая (заимствованного им у Платона) «симулякр» – то есть копию-означающее, по сути утратившую свое означаемое. В этом смысле «креолизация» может быть сравнима с симуляцией, т. е. превращением языковых единиц в симулякры. Можно также говорить о том, что в данном случае мы вступаем в область «квазисемантики», или «транссемантики».

Сейчас очень модны термины с элементом «транс». От латинского *trans* – ‘сквозь, через’: «транснациональный», «трансгендерный», «трансгуманистический» и т. п. В настоящее время в русском языке существует огромное количество таких вот «трансрусских» заимствований.

Конечно, такими «транснациональными» единицами можно считать, например, бизнес-жаргонизмы (все эти бесконечные образцы так называемого ранглиша: *заапгрейдить*, *траблмейкер*, *преза*, *апрувить* и т. п.) (см. [Елистратов 2013]) или лексику «айтишников». Но в этих сферах эффекта «черной дыры», на наш взгляд, не возникает. В сущности, всё это – «старый добрый» макаронизм, типологически схожий, к примеру, с русско-французским макаронизмом двухсотлетней давности.

Самая уязвимая зона современной русской лингвокультуры – это переводы с английского языка в области массовой культуры: кино, реклама, мультфильмы и т. д.

Мы не будем рассматривать качество, так сказать, оригинальных артефактов всей этой «симулякросферы». Речь идет именно о переводах. Данный переводной поток огромен, и, разумеется, там сразу же сформировались свои шаблоны, клише: «Мы сделали это»; «У нас получилось»; «Детка»; «Крошка»; «Нет проблем»; «О нет!»; «Ты в порядке?»; «Правильный выбор»; «У меня идея!»; «Отличная идея!»; «Хорошая работа!» и т. д. Клишируются и примитивизируются обращения, вводные слова, «рамочные высказывания». Но, пожалуй, самая мощная «креолизация-симуляция» наблюдается в области междометной лексики (отчасти также модальных частиц) и интонации.

Приведем один, казалось бы, локальный, но, как нам кажется, очень показательный пример. По нашим наблюдениям, самое частотное (а иногда почти единственное!) переводное междометие в фильмах и мультфильмах – «О нет!» (иногда с продолжением «Только не это!») в значительной степени вытеснило даже так раздражавшее когда-то (и, наверное, по инерции раздражающее до сих пор) защитников чистоты русского языка «Уау!» и «Йохоу» или «Упс!» – прямые английские заимствования. Но «О нет!» – это все-таки калька, причем весьма и весьма «похожая» на русское междометие. Это вообще очень интересная и характерная тенденция: в области выражения эмоций (условно говоря, «интонационно-междометная» сфера) – креолизация идет преимущественно через мимикрию-калькирование.

Действительно, «О нет!» – чем это не русское междометие? Оно существовало и как исконно русское, но занимало очень скромное место среди тысяч русских междометий самых разных стилистических регистров. Не будем подробно останавливаться на том известном факте, что русская междометная сфера фантастически богата. Так или иначе, «О нет!» вытеснило в переводных текстах практически все русские (и не только) междометия и стала «черной междометной дырой».

Характерно и его интонационное оформление. Если пользоваться интонационной системой ИК, разработанной Е.А. Брызгуновой, то оно произносится как ИК-4 или ИК-4³/ИК-4⁶ (подробнее об этом можно прочитать в ее труде «Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи» – [Брызгунова 1984]), то есть нисходяще-восходящим тоном, точно так, как это произносится в

английском оригинале («Oh no!»). И именно этой интонации подражают дети и подростки.

Школьники и студенты по любому поводу массово произносят «О нет!» (с той же интонацией, с которой уголовник Федя, подопечный Шурика на стройке, из известного фильма Л. Гайдая спрашивает: «А компот?!») Это «О нет!» в принципе обозначает любую эмоцию, чаще негативного спектра (у нас есть свидетельство одного акушера, что молодая роженица кричала «О нет!» во время родов), но далеко не только негативного. То есть сотни русских междометий в языковом сознании многих детей и подростков в лучшем случае находятся в «глубоком пассиве» и постепенно вытесняются вовсе.

Степень дифференциации эмоций здесь очень низка. Она практически отсутствует. В лучшем случае дифференцируются «зона плюса» и «зона минуса» (примерно как «зеленая» и «красная» зоны на бирже).

Заметим, что резко падает, «креолизуется» и «симулируется» и культура интонирования. Ключевая, базовая интонация (своего рода «гринвич» русской интонации) – это интонация завершенности (ИК-1), с понижением тона. Повышение (понижение-повышение, повышение-понижение) тона должно быть строго мотивировано. Как хорошо известно, в русском языке огромна смысловоразличительная роль интонации, прежде всего из-за свободного порядка слов, обусловленного, в свою очередь, сильным синтетизмом языка. Но поскольку англоязычному дискурсу свойствен в большей степени восходящий тон, то и в озвученных переводах мы слышим доминирование ничем не мотивированного восходящего тона (по типу ИК-3 и ИК-6). Иначе говоря, интонация словно бы теряет связь с лексикой и синтаксисом. Она становится выразителем некой абстрактной «взвинченной» эмоции-симулякра (некоего креольского «look-look»), подменяющей собой все реальные, «органические» оттенки эмоций. Этим интонациям подражают, они переходят в отечественные СМИ, в реальную, бытовую жизнь. И, как говорится всё в тех же переводных текстах: «Это проблема!»

Если пользоваться известной системой Ю.Н. Караулова, то можно сформулировать «эту проблему» следующим образом.

«Креолизирующие» («симулирующие») переводные тексты массовой культуры, о которых мы говорили выше, особенно это касается текстов для детей и подростков, – это тексты, апеллирующие, с эмоциональной точки зрения, исключительно к так называемому нулевому уровню языковой личности. Мало того: механизмы «креолизации» принципиально препятствуют переходу на уровень лингво-когнитивный, который, согласно концепции Ю.Н. Караулова, предполагает, что у языковой личности есть выбор, сознательно, в результате некой внутренней культурно-языковой рефлексии осуществив который, она, эта языковая личность, собственно говоря, ею, в полном смысле этого термина, и становится.

Однако «креольская парадигма» принудительно отрицает такой сознательный выбор. Она тестово предлагает однозначный «правильный выбор» и безоговорочно «отличную идею». И «детка» (он же «приятель»), «сделав это», беззаботно заключает, что «у него получилось это».

Удивительно, но факт: сознательная или бессознательная «онтология колонизации» остается неизменной. «Плантаторская» креолизация XV–XX веков

онтологически полностью соответствует информационной XXI века. Механизм тот же: «примитивизирующее скрещивание» с лингвокультурой-реципиентом.

Заимствования могут обогащать и усложнять (в хорошем смысле этого слова) тезаурус русского языка, что, кстати сказать, нисколько не исключает его (языка) здоровую санацию, освобождение от «лишнего», от «архаического балласта», что было осуществлено, например, пушкинско-карамзинской реформой. Но заимствования могут и однозначно упрощать и примитивизировать языковое сознание. Такие «креольские симулякры» невероятно агрессивны, «прожорливы», в них есть что-то безнадежно «онкологическое». К тому же они особенно опасны для детей и подростков, для еще не сформированных, а только формирующихся языковых личностей.

Да, русская лингвокультура имеет колоссальную многовековую «антикреольскую» прививку.

Но задуматься, как нам кажется, всё же стоит.

Литература

Беликов В.И. «Пиджины и креольские языки. Социолингвистический очерк». – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 198 с.

Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 116 с.

Елистратов В.С. Словарь русского капиталистического жаргона начала XXI века / Под ред. Ю.Н. Караулова, И.В. Ружицкого. – М.: МАКС Пресс, 2013.

Елистратов В.С. Русский как креольский // Знамя. – 2015. – № 5. – С. 201-204.

В.В. Красных, И. А. Бубнова

УДК 81'11

НЕКОТОРЫЕ БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ И ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ПСИХОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В статье кратко представлены некоторые основные категории и базовые понятия психолингвокультурологии как нового направления исследований. Соотношение образа мира, языкового сознания, культуры, языка, лингвокультуры рассматривается сквозь призму человека говорящего.

Ключевые слова: психолингвокультурология, человек говорящий, образ мира, языковое сознание, культура, лингвокультура.

Viktoria V. Krasnykh, Irina A. Bubnova

SOME BASIC NOTIONS AND FUNDAMENTAL CATEGORIES OF PSYCHO-LINGUO-CULTURAL STUDIES

Some basic categories and notions of a new discipline – psycho-lingua-cultural studies – are concisely propounded in the given article. Correlation between world image, language mind, culture, language, lingua-culture are analyzed through the prism of Homo Loquens.

Keywords: psycho-lingua-cultural studies, Homo Loquens, world image, language mind, culture, lingua-culture.

Проходится исходить из того, что «сознание», имеющее на сегодняшний день десятки определений, не обладает ни одним более или менее общеприемлемым для разных наук, им занимающихся. Такое положение связано не только с великим разнообразием форм проявления сознания <...> но также и с тем, что сознание имеет как индивидуальное, так и непersonальное – коллективное, национальное, общепланетное воплощение.

Ю.Н. Караулов, Ю.Н. Филиппович. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. – М.: Азбуковник, 2009. – С. 7.

... человек как вид (*Homo sapiens*) и как человечество (общество в его историческом существовании) составляет основание для любого определения состояний каждого отдельного, единичного человека, являющегося индивидом, личностью и индивидуальностью.

Б.Г. Ананьев. Человек как процесс познания. – СПб: Питер, 2001. – С. 285.

Сегодня уже стало триумфом говорить о том, что многомерный и многокомпонентный объект современных исследований необходимо требует интегративного подхода, что обуславливает появление не только новых методов, но и новых направлений научных изысканий. К числу таковых, безусловно, принадлежат **неопсихолингвистика** [Бубнова, 2004; Бубнова, Красных 2013, 2014] и **психолингвокультурология** [Красных 2013; Красных, Бубнова 2013].

Первое направление позволит, как нам представляется, при изучении человека-личности как носителя сознания, с одной стороны, учитывать диахронический аспект, а с другой – фокусировать внимание на индивидуальности, понимаемой вслед за С.Л. Рубинштейном и Б.Г. Ананьевым как «психологическая неповторимость отдельного, единичного человека, взятого в целом, во всех его свойствах и отношениях» и – в то же время – как «индивид с комплексом определенных природных свойств» [Ананьев 2001: 281]. При этом «единичный человек как индивидуальность может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида» [Ананьев 2001: 285], и «если личность – “вершина” всей структуры человеческих свойств, то индивидуальность – это “глубина” личности и субъекта деятельности» [Ананьев 2001: 280] (курсив оригинала. – В.К., И.Б.).

Второе направление формируется на поле, общем для психолингвистики (точнее – этнопсихолингвистики) и лингвокультурологии. Это направление призвано изучать ряд новых объектов, среди которых следует назвать лингвокультуру и человека говорящего (Homo Loquens) во всей совокупности его проявлений и с учетом основных факторов, которые влияют на его становление и коммуникативные проявления и которые находятся в фокусе внимания многих современных наук.

В настоящей статье мы подробнее представим именно второе направление, а именно психолингвокультурологию (впервые о возможности и необходимости такого подхода мы писали в [Красных 2002], справедливости ради отметим, что тогда назвав его «этнопсихолингвокультурологией»).

Как уже неоднократно говорилось (см., напр., [Красных 2012, 2013]), современная гуманитарная парадигма имеет дело со сложным объектом, представляющим как неразрывное и неслиянное единство «человек – сознание – культура – лингвокультура – язык – коммуникация – сообщество». Данное единство может изучаться либо комплексно («целостно», как совокупность всех звеньев), либо фрагментарно («точно», выборочно). Но в любом случае все его составляющие должны рассматриваться сквозь призму их взаимосвязи, взаимозависимости и взаимобусловленности.

Для предлагаемого, психолингвокультурологического, подхода признание и учет данного сложного, многокомпонентного, многомерного единства является методологическим основанием и в силу этого необходимо обязательным условием. При этом в качестве основного / центрального звена и, следовательно, в качестве базовой категории данный подход рассматривает человека говорящего. Особо подчеркнем, что данное положение выросло, по сути, из идеи В.Н. Телия, считавшей и неоднократно говорившей, что базовой категорией культуры является человек, а базовой оппозицией – достойно / недостойно личности.

Человек говорящий / Homo Loquens может быть определен как носитель сознания, полноправный член сообщества, как личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (в самом широком смысле – как деятельность, необходимо требующая использования языка и опоры на язык). Концепция *Homo Loquens* со всей очевидностью опирается, с одной стороны, на учение Ю.Н. Караулова о языковой личности [Караулов 1987, 1989], с другой – на достижения отечественной психологии и психолингвистики (в первую очередь на работы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, А.Р. Лурия, Н.И. Жинкина, А.А. Леонтьева, И.Н. Горелова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, А.А. Залевской и др.).

С одной стороны, человек говорящий *формируется как личность, как носитель сознания, как полноправный член некоторого сообщества* (некоторых сообществ) *именно в коммуникации, впитывая в себя культуру* данного сообщества *с помощью* (в том числе) *языка и лингвокультуры с помощью* (именно) *языка* данного сообщества. Следовательно, можно утверждать, что человек говорящий есть *объект* (творение) языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации. При этом крайне важно всегда иметь в виду следующее: во-первых, социализованная личность – это отнюдь не окаменевшее образование, напротив, человек говорящий постоянно претерпевает определенные изменения в процессе бесконечного накопления прижизненного опыта; во-вторых, человек говорящий, будучи всегда представителем своей культуры и лингвокультуры, носителем своего языка и т. д., не перестает быть ни представителем рода человеческого, ни отдельной личностью.

С другой стороны, человек-личность – это всегда активное начало. Он (воспользуемся словами В. фон Гумбольдта – [Гумбольдт 2000]) «сплетает (herauspinnt) изнутри себя» язык, культуру и лингвокультуру и «посредством того же акта, он вплетает (einspinnt) себя» в них (конечно, сам Гумбольдт говорил только о языке, но, думается, что подобная экстраполяция в данном случае вполне допустима). Следовательно, человек говорящий, будучи *носителем сознания* и находящийся *в непрерывном процессе коммуникации в рамках некоторого сообщества, «сплетающий внутри себя» язык, культуру и лингвокультуру и «вплетающий себя» в язык, культуру и лингвокультуру*, оказывается не только объектом, но и *субъектом* (творцом) языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации (ср. с идеей Б.Г. Ананьева: «Личность – общественный индивид, объект и субъект исторического процесса» [Ананьев 2001: 235]).

Соответственно, одним из главных признаков предлагаемого, психолингвокультурологического, подхода является его интегративный характер, ибо исследователь-филолог работает со сложным, комплексным объектом, в котором **язык выполняет функцию означающего, а в роли означаемого выступают феномены иной природы** (образ мира, образы сознания, культурноносные смыслы и проч.). Иначе говоря, внимание сосредоточивается на культурно-маркированных феноменах *лингвокогнитивной природы*, в которых *неразрывно спаяны слово* (в самом широком смысле) и *воплощенное в нем знание* (в философском, историкокультурологическом понимании – см., напр., [Ассман 2004], соотносимом с пониманием культуры и культурной памяти по Ю.М. Лотману [Лотман 1992, 1994]).

Другими **важнейшими категориями** в рамках психолингвокультурологического подхода являются также **культура и лингвокультура**.

Следуя В.Н. Телия [Телия 1996: 222], мы рассматриваем **культуру** как мировидение, мироощущение и миропонимание некоторого сообщества, т. е. как обладающую семиотической природой совокупность представлений (в широком смысле), в которых так или иначе отражается и закрепляется то, как представители данного сообщества видят, ощущают, понимают, интерпретируют, оценивают и – по возможности – объясняют (в первую очередь для себя) окружающий их мир. Понимаемая таким образом культура носит скорее иррациональный характер и зачастую неосознаваема, но в то же время она поддается рефлексии при необходимости и может стать «видимой» и «значимо ощутимой» для самого носителя (особенно в случае столкновения с «иным – другим – чужим» и – особенно – «чуждым»). Формируясь в нас в процессе социализации, это «ввидение» формирует нас как личность и лежит в основе культурной самоидентификации и идентификации личности.

Такое понимание культуры некоторым образом соотносится, с одной стороны, с концепцией культуры как *пространства некоторой общей памяти* [Лотман 1992], с другой – с понятием **образа мира**, предложенным и разработанным А.Н. Леонтьевым (см., напр., [Леонтьев 1983]) и получившим дальнейшее осмысление не только в сфере психологии и психолингвистики, но и в трудах специалистов, работающих в других областях знания (см., напр., работу Ю.Н. Караулова и Ю.Н. Филипповича, в которой, в частности, представлена многоуровневая модель образа мира [Караулов, Филиппович 2009: 223–240]).

На соотношении указанных феноменов мы остановимся подробнее ниже, поскольку это требует, на наш взгляд, отдельного разговора, сейчас же особо подчеркнем следующее: *в основе образа мира* как такового (т. е. и индивидуального, и этнического) и *в основе культуры* всегда лежит **праобраз мира**, претендующий, вероятно, на *универсальность* и имеющий *архетипическую природу* (подробнее см.: [Бубнова, Красных 2013, 2014]). «Архетипическую» по В.Н. Телия: надличностную, коллективно-родовую, лежащую в основе окультуривания человеком мира, т. е. моделирования человеком космоса из хаоса.

Предлагаемый подход утверждает (и здесь мы не одиноки), что культура обладает способностью, с одной стороны, *трансформироваться* и *изменяться*, с другой – *воспроизводиться* и *сохраняться*. Воспроизведению и сохранению (до точки взрыва) культуры способствуют, как представляется, именно **праобраз мира**, лежащий в ее основе, и доминирование коллективного начала (социального, принадлежащего члену сообщества достояния).

Лингвокультура есть воплощенная и закреплённая в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых / речевых процессах культура, явленная нам в языке и через язык; это феномен *лингвокогнитивной* природы, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь *образами сознания в их вербальных одеждах*, что требует особых методов анализа, ибо в фокусе рассмотрения в данном случае находятся не знаки языка, овнешняющие образы, но *образы, овнешняемые в знаках языка*. Таким образом, «*семантика*» лингвокультуры – это культуроносные смыслы, овнешненные в знаках языка.

Итак, есть некое «пространство общей памяти», закреплённой именно в знаках языка и опосредованной языковыми значениями, где культурные смыслы явлены нам только в знаках языка, а знаки языка выступают только как тела для знаков языка культуры (напр., [Телия 1996, 2006]). Это «пространство» и есть **лингвокультура**, претендующая, как представляется, на статус *третьей самостоятельной системы*

(наряду с языком и культурой), обладающей своим *словарем* и своей *грамматикой* (подробнее см., напр., [Красных 2005, 2012, 2013]).

И вот теперь мы подходим к вопросу о том, как в рамках психолингвокультурологии соотносятся такие базовые понятия: образ мира (**ОМ**), языковое сознание (**ЯС**), культура (**К**), лингвокультура (**ЛК**), сознание (**С**), язык (**Я**) и человек говорящий (**ЧГ**)?

Как известно, **ОМ** предстает в двух ипостасях: **ОМ этнический** (на национальном уровне – *национально-культурный*) – **ОМ_{этно}**, и **ОМ индивидуальный** – **ОМ_{инд}**. Последний в данном случае нами не рассматривается. Что касается **ОМ_{этно}**, то он *реконструируется на основе общих компонентов индивидуальных образов мира* (обеспечивающих, по А.Н. Леонтьеву, такое неотъемлемое свойство образа мира, как его объективность – см. [Леонтьев 1983]). Но если это так, то не получается ли, что этнический / национально-культурный **ОМ** по сути и есть культура (**ОМ_{этно}** = **К**)? Думается, что подобное допущение не совсем корректно. Дабы объяснить нашу позицию, прибегнем к некоторой аллюзии. Как Солнце «держит» нашу солнечную систему, так есть и некое образование, которое держит и организует любую культуру: это *иерархия ценностей*, т. е. *базовых этических и эстетических категорий культуры*. По сути своей это определенная «система координат» культуры, или – в другой терминологии – *культурное ядро*, т. е. *совокупность представлений о добре и зле, о прекрасном и безобразном, о человеке и окружающем его мире*. (Вспомним в связи с этим «Тюремные тетради» А. Грамши: пока это ядро стабильно и устойчиво, в обществе есть «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. Разрушение этой воли и культурного ядра есть условие революции, которое создается путем вторжения именно в культурное ядро (см. [Грамши URL]). Есть ли подобное средоточие этических и эстетических категорий в **ОМ**? Думается, что ответ не столь однозначен: данные категории, безусловно, наличествуют в **ОМ**, но они вторичны по отношению к культуре и лингвокультуре, ибо, по А.Н. Леонтьеву, **ОМ** есть «отображение в психике человека предметного мира, опосредствованного предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и подающегося сознательной рефлексии» [Леонтьев 1983]. Можно ли разрушить **ОМ**? Да, конечно, но только если уничтожить или человека – носителя **ОМ_{инд}**, или сообщество – носитель **ОМ_{этно}**.

И в завершение разговора приведем предлагаемые нами с позиций психолингвокультурологии трактовки указанных выше основных понятий. Данные дефиниции никоим образом не претендуют на окончательную завершенность, ибо, во-первых, сама дисциплина находится еще только в начале пути, а во-вторых, сами формулировки фокусируют внимание исключительно и именно на психолингвокультурологической специфике рассматриваемых феноменов. Они призваны в первую очередь дать более ясное представление о некоторых основополагающих понятиях разрабатываемого направления, что, думается, крайне важно, поскольку многие из них «унаследованы» психолингвокультурологией от предшествующих и смежных наук. Это с одной стороны. С другой – приводимые далее определения могут, на наш взгляд, способствовать более четкому разграничению наиболее значимых для психолингвокультурологии понятий внутри самой дисциплины.

Этнический / национально-культурный образ мира (ОМ_{этно}) есть *реконструкция* (на этническом / национально-культурном уровне) *общих компонентов индивидуальных образов мира* (понимаемых по А.Н. Леонтьеву).

Языковое сознание (ЯС), будучи по сути своей «совокупностью образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств» (см., напр., [Тарасов 1993, 2004: 41]), включает в себя *опосредованный значениями (индивидуальный) образ мира (ОМ) во всем его объеме.*

Культура (К) – это *общие компоненты образа мира, притянутые друг к другу как магнитом единым центром – культурным ядром, системой ценностей, базовыми этическими и эстетическими категориями.*

Лингвокультура (ЛК) – это *только спаянные культурой общие компоненты языкового сознания (ЯС), т. е. опосредованные значениями и скрепленные культурным ядром общие компоненты образа мира.*

В основе «куста» данных феноменов лежит (и с точки зрения диахронии – в плане филогенеза, и с точки зрения синхронии), являясь его своеобразным «корневищем», *праобраз мира.*

Язык (Я) – это: 1) означающее **С** и **ЯС**, **К** и **ЛК**, **ОМ** в целом; 2) (основной, но не единственный) инструмент: а) социализации личности и формирования **ЧГ**, б) формирования **С**, **ЯС**, **ОМ**; 3) (основной, но не единственный) инструмент и канал трансляции **К** (как «вертикальной», межпоколенной, так и «горизонтальной», между современниками – представителями разных культур); 4) основной инструмент формирования и основной канал (в первую очередь «вертикальной») трансляции **ЛК**.

Человек говорящий (ЧГ) – это: 1) *личность* – носитель **ОМ_{инд}**, и *член сообщества* – носитель **ОМ_{этн}**; 2) носитель **С**, **ЯС** и **Я**, 3) представитель **К** и **ЛК**, 4) субъект *праобраза мира.*

В заключение еще раз подчеркнем, что сегодня мы можем только в самых общих чертах представить контуры новой, формирующейся дисциплины – **психолингвокультурологии**, о вероятном и ожидаемом рождении которой мы говорили еще в 2002 году. Будет ли у этого интересного, многообещающего, интегративного по своему характеру направления серьезное научное будущее, покажет время. Нам думается, что все предпосылки для этого есть.

Литература

Ананьев Б.Г. Человек как процесс познания. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с. (Серия «Мастера психологии»)

Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. (Studia historica)

Бубнова И.А. Абстрактное имя и интеллект: когнитивная модель как отражение индивидуального ментального опыта. – Минск: МГЛУ, 2004. – 239 с.

Бубнова И.А., Красных В.В. Личность постиндустриального общества как объект неопсихолингвистики // 10th International Congress Of the International Society of Applied Psycholinguistics. June 26-29 2013 Moscow Russia. Proceedings. – М.: РУДН, МИЛ, ИЯз РАН, 2013. С. 53–54.

Бубнова И.А., Красных В.В. Человек и его образ мира как объект и предмет современных интегративных исследований: традиции и новации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Филология. Теория языка, языковое образование. – 2014. – № 4(16). – С. 80–88.

Грамиши А. Тюремные тетради. URL: http://modernlib.ru/books/gramshi_antonio/tyuremnie_tetrad_i_zbrannoe/read/ Дата последнего обращения: 03.05.2015.

Гумбольдт В. фон. Природа и свойства языка вообще // Избранные труды по языкознанию. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гульги и В.А. Звезгинцева. М., 2000. URL: <http://lib.rus.ec/b/325096/read>. Дата последнего обращения: 28.03.2015.

Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 3–8. URL (напр.): http://destruction.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm. Дата последнего обращения: 03.05.2015.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. – М.: Азбуковник, 2009. – 336 с.

Красных В.В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник ЦМО. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2012. – № 3. – С. 67–73.

Красных В.В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. – 2005. – № 7(12). – С. 10–24.

Красных В.В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2013. – № 2. – С. 7–18.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология как конститuentы новой научной парадигмы // Сфера языка и прагматика речевого общения. Междунaрод. сб. науч. трудов. К 65-летию фак-та РГФ Кубанского гос. университета. Книга 1. – Краснодар: Изд-во Куб. ун-та, 2002. – С. 204–14.

Красных В.В., Бубнова И.А. Человек говорящий в свете психолингвокультурологического подхода // 10th International Congress Of the International Society of Applied Psycholinguistics. June 26–29, 2013 Moscow Russia. Proceedings. – М.: РУДН, МИЛ, ИЯз РАН, 2013. – С. 55–56.

Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. – М.: Педагогика, 1983. – С. 251–261. URL (напр.): <http://www.infoliolib.info/psih/leontyev/obrazmira.html>. Дата последнего обращения: 28.03.2015.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVII – начало XIX века). – СПб., 1994. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lotman/index.php. Дата последнего обращения: 28.03.2015.

Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. URL (напр.): <http://www.philology.ru/literature/lotman-92f.htm>. Дата последнего обращения: 28.03.2015.

Тарасов Е. Ф. Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания, 1993. – С. 6–15.

Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. – 2004. – № 2. – С. 34–47.

Телия В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ ПРЕСС-Книга, 2006. – С. 776–782.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

Д.В. Маховиков
А.А. Нистратов
Л.А. Ставицкая
Е.Ф. Тарасов

УДК 81'23

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ¹

В данной работе исследуются национальные стереотипы жителей России и трех регионов Украины: восточного (г. Луганск), центрального (г. Киев) и западного (г. Львов). Для анализа использовалась проективная методика исследования восприятия национальных стереотипов в аксиологическом пространстве. Был разработан специализированный семантический дифференциал.

Ключевые слова: общечеловеческие ценности, национальные стереотипы, категоризация, семантические пространства, дендрограмма.

Denis V. Makhovikov
Aleksandr A. Nistratov
Lesya A. Stavitskaya
Evgeniy F. Tarasov

ETHNIC STEREOTYPES IN THE AXIOLOGICAL SPACE OF RUSSIANS AND UKRAINIANS

The paper analyzes ethnic stereotypes of modern Russians, Eastern Ukrainians (the town of Lugansk), Central Ukrainians (the city of Kiev) and Western Ukrainians (the city of Lviv). The analysis is based on the projective technique for studying the perception of ethnic stereotypes in the axiological space. A specialized semantic differential was elaborated.

Keywords: universal values, ethnic stereotypes, categorization, semantic space, dendrogram.

В данной работе исследуются национальные стереотипы жителей России и трех регионов Украины: восточного (г. Луганск), центрального (г. Киев) и западного (г. Львов). Предполагается, что стереотипы обыденного сознания, связанные с образом представителей различных национальностей, могут быть зафиксированы в семантическом эксперименте. Эксперименты были проведены в 2009 г.

Стереотипы – неотъемлемый элемент обыденного сознания. Ни один человек не в состоянии самостоятельно, творчески реагировать на все встречающиеся ему в жизни ситуации. Стереотип, аккумулирующий некий коллективный опыт и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Информационно-исследовательская база современного русского языка по материалам словаря-справочника “Общечеловеческие ценности в русском языковом сознании”», проект № 14-04-12021 в.

внушенный индивиду в процессе обучения и общения с другими членами социума, помогает ему ориентироваться в жизни и определенным образом направляет его поведение. Стереотип может быть истинным и ложным. Он может вызывать положительные и отрицательные эмоции. Его суть в том, что он выражает отношение, установку данной группы к определенному явлению.

В национальной психологии существуют такого рода стереотипы. Каждая этническая группа обладает своим групповым самосознанием, которое фиксирует ее действительные и воображаемые специфические черты. Любая нация интуитивно ассоциируется с тем или иным образом. Уже в этом соотношении ценностей и национальных стереотипов виден определенный эмоциональный тон, проступает отношение к оцениваемым образам. В данном исследовании предпринята попытка увидеть национальные образы в аксиологическом семантическом пространстве отношения к различным ценностям представителей различных национальностей.

В основе формирования этнических стереотипов лежат системы этнических представлений. Как наиболее устойчивые, обобщенные и эмоционально насыщенные образы-представления этнических групп, этнические стереотипы складываются в исторической практике межэтнических отношений, выступая одним из регуляторов межэтнического восприятия и поведения. Стереотипы могут приобретать разное значение: стандарт восприятия и поведения, образ человека, символ.

Можно сказать, что семантические оценки суть оценки эмоций, возникших в процессе контактов с объектом или оценки тех же эмоций при освоении общественного опыта. Иначе говоря, природа семантического оценивания лежит в идентификации воспринимаемого объекта или ситуации со следом эмоционального состояния.

Таким образом, психосемантические методы исследования дают материал для анализа обыденного сознания, т.е. выявляют глубинные критерии оценки исследуемых объектов. Метод семантического дифференциала представляет собой комбинацию процедур шкалирования и метода контролируемых ассоциаций. Использование психосемантического метода исследования позволяет выявить устойчивые представления респондентов об исследуемых объектах. Речь идет о таких представлениях, которые нелегко поддаются быстрому изменению, поскольку сформировались главным образом на основе устоявшихся стереотипов, мифов.

Одним из методов решения задачи нашего исследования может быть построение семантического пространства, структура которого в состоянии служить для исследователя объяснительной моделью того, как индивид воспринимает, классифицирует, сравнивает, оценивает заданные объекты или их характеристики. Построение семантического пространства является переходом от большей размерности (признаков, заданных шкалами) к базису меньшей размерности (категориям-факторам). При геометрическом представлении семантического пространства категории-факторы выступают координатными осями некоего пространства, а значения объектов задаются как координатные точки внутри этого пространства.

Процедура психосемантического исследования заключается в следующем. Респондентам предлагается оценить определенный набор объектов по заданным качествам при помощи градуированной шкалы. Полученные таким образом протоколы собираются в общегрупповую матрицу данных, которая затем обрабатывается методом факторного анализа.

Для исследования восприятия национальных стереотипов в аксиологическом пространстве был разработан специализированный семантический дифференциал. В качестве шкал-дескрипторов использовались наименования основных человеческих ценностей. Список ценностей определялся в результате предварительного эксперимента. На втором этапе респондентам предъявляются шкалы и объекты для их оценки. Каждый объект должен быть оценен по всем шкалам.

Процедура основного семантического эксперимента состояла в соотнесении респондентами национальных стереотипов с ценностями (в качестве шкал-дескрипторов), которые наиболее характерны для данных представителей различных национальностей.

В эксперименте в Луганске приняли участие 106 респондентов в возрасте 17-28 лет примерно в равном соотношении мужчин и женщин. Полученная суммарная матрица обрабатывалась методом факторного анализа с последующим вращением факторов до простой структуры. В результате обработки данных было выделено шесть факторов-категорий и построены аксиологические семантические пространства восприятия национальных стереотипов (представлены на графиках). Факторы приводятся в порядке убывания вклада в общую дисперсию:

1. материальное процветание;
2. основные человеческие ценности;
3. демократия, конформизм;
4. гражданские ценности;
5. свобода, справедливость;
6. традиционность.

Материальное процветание. Этот критерий связан с такими ценностями, как *наука, процветание, богатство, достаток, прогресс, безопасность*. Данная группа ценностей состоит из качеств и явлений, которые способствуют процветанию или являются результатом процветания: наука, без развития которой и внедрения научных достижений в практическую жизнь трудно представить материальное процветание; прогресс – направление развития, характеризующееся переходом от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному; богатство – обилие материальных ценностей; безопасность – возможность свободно создавать материальные ценности и пользоваться ими.

Основные человеческие ценности. В данный фактор вошли такие ценности, как *семья, любовь, образование, независимость, здоровье*. По мнению луганских респондентов, в этой категории объединились ценности, которые всегда считались необходимым условием и благом для человеческого существования.

Демократия, конформизм – *демократия, удовольствие, конформизм, успех*. В данной категории объединились ценности: демократия – признание равенства и свободы граждан; конформизм – принятие существующего порядка вещей (здесь, видимо, предполагает возможность избежать неприятного противостояния обстоятельствам жизни).

Гражданские ценности – *творчество, труд, национальный патриотизм, практичность, родина*.

Свобода, справедливость. Этот фактор составляют *свобода, свобода личности, комфорт, эффективность, правосудие, справедливость*. Свобода – способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями; комфорт – бытовые удобства; эффективность – иначе действительность.

Традиционность. Эта категория состоит из таких ценностей, как *долг, религиозность, равенство, власть*. Можно сказать, что эти ценности являются необходимым условием жизнедеятельности общества. Религия, семья выступают носителями духовных, культурных и социальных традиций, передающихся от поколения к поколению и сохраняющихся в течение длительного времени. Национальный патриотизм в виде привязанности к родной земле (родине), языку, традициям является неотъемлемой составной частью этой категории.

Основные семантические пространства представлены на графиках.

На рис. 1 представлено расположение национальных стереотипов в пространстве «Материальное процветание» / «Основные человеческие ценности». Как видно из рисунка, луганские респонденты считают, что ценности *наука, процветание, богатство, достаток, прогресс, безопасность* больше всего ассоциируются и наиболее значимы для японцев [в скобках даны наиболее значимые ценности] (*наука, достаток, прогресс, процветание*) и канадцев (*достаток, богатство, процветание*), в меньшей степени для китайцев (для китайцев наиболее значимы такие ценности, как *прогресс, образование, семья, успех, процветание, национальный патриотизм, власть, здоровье* и относительно мало значимы *демократия, равенство*), немцев (*процветание, достаток, богатство, прогресс*), русских (*процветание, достаток*). На другом полюсе расположены этнические группы, для которых, по мнению респондентов, эти ценности наименее значимы и с которыми эти ценности меньше всего ассоциируются. Это прежде всего украинцы, представители Южной Африки, а также эфиопы, иранцы, индийцы, грузины. Меньше всего, по мнению украинских респондентов, украинцы ассоциируются с *достатком, прогрессом, богатством, процветанием, демократией, властью, долгом, справедливостью*. Рис. 1 показывает, что ценности в категории «Основные человеческие ценности» (*семья, любовь, образование, независимость, здоровье*) наиболее значимы для канадцев (*любовь, здоровье, семья*) и японцев (*семья, образование, любовь, независимость, здоровье*), несколько меньше для русских (*образование, независимость, семья*) и французов (*любовь*). На другом полюсе этой категории расположены иранцы, южноафриканцы, поляки, шведы. По мнению респондентов из Луганска, эти группы мало ассоциируются с перечисленными ценностями. Так, ценность *любовь* меньше всего ассоциируются со шведами, а *образование* – с южноафриканцами и иранцами. *Образование* и *здоровье* слабо ассоциируются с индийцами и украинцами, занимающими в целом по этой категории нейтральную позицию.

На рис. 2 представлено размещение национальных стереотипов в пространстве категорий «Демократия, конформизм» / «Гражданские ценности». Как видно на рисунке, больше всего, по мнению украинских респондентов, с такими ценностями, как *демократия, удовольствие, конформизм, успех* ассоциируются канадцы (*успех, удовольствие*), латыши и голландцы, хотя по ценностям этой категории с ними нет сильных ассоциаций. Для русских наиболее значимы *успех* и *удовольствие*. На другом полюсе этой категории – египтяне, иранцы, украинцы, греки, индийцы. Эти этнические группы меньше всего ассоциируются с *демократией, удовольствием, конформизмом, успехом*. Надо отметить, что меньше всех ассоциируются с *демократией* украинцы, иранцы, египтяне, южноафриканцы (это неудивительно), а также шведы, американцы и поляки, что является неожиданным. Граж-

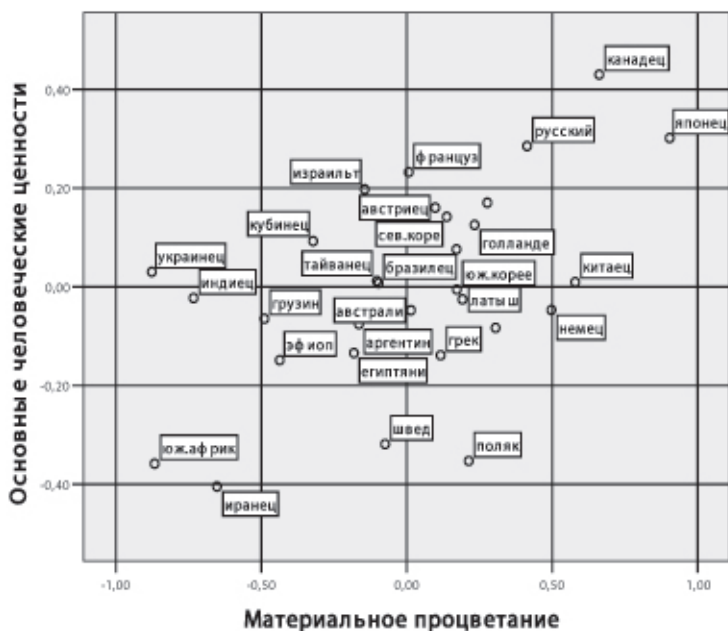

Рис. 1. Размещение национальных стереотипов по критериям:

- *материальное процветание;*
- *основные человеческие ценности.*

Рис. 2. Размещение национальных стереотипов по критериям:

- *основные гражданские ценности;*
- *демократия, конформизм.*

данские ценности (*творчество, труд, национальный патриотизм, практичность, родина*) сильнее всего ассоциируются с японцами (наибольшая сила связи), русскими (*творчество, труд*) и – несколько слабее – тайванцами (*труд, творчество*), кубинцами (*национальный патриотизм*), китайцами. На другом полюсе этой категории находятся аргентинцы, иранцы, поляки, грузины.

Рис. 3 показывает положение национальных стереотипов в категориальном пространстве «Свобода, справедливость» / «Традиционность». Как видно из рисунка, больше всего с этой категорией (*свобода личности, свобода, комфорт, эффективность, правосудие, справедливость*) ассоциируются японцы, голландцы, тайванцы (*свобода, справедливость*), северокорейцы (*свобода, справедливость*), латыши и канадцы (*свобода, справедливость, комфорт*). На другом полюсе этой категории – индийцы, иранцы, поляки и немного нейтральнее грузины, американцы, китайцы. Русские и украинцы в этой категории занимают совершенно нейтральную позицию. Такие традиционные ценности, как *долг, религиозность, равенство, власть*, согласно мнению респондентов, более всего разделяют израильтяне, японцы, южнокорейцы, а для голландцев, австрийцев, грузин, аргентинцев эти ценности не являются столь важными – эти этнические группы расположены на другом полюсе категории. *Религиозность* наиболее значима для израильтян и несколько меньше для индийцев и малозначима для голландцев, австрийцев, австралийцев, латышей; *долг* значим для японцев, несколько меньше для южнокорейцев, израиль-

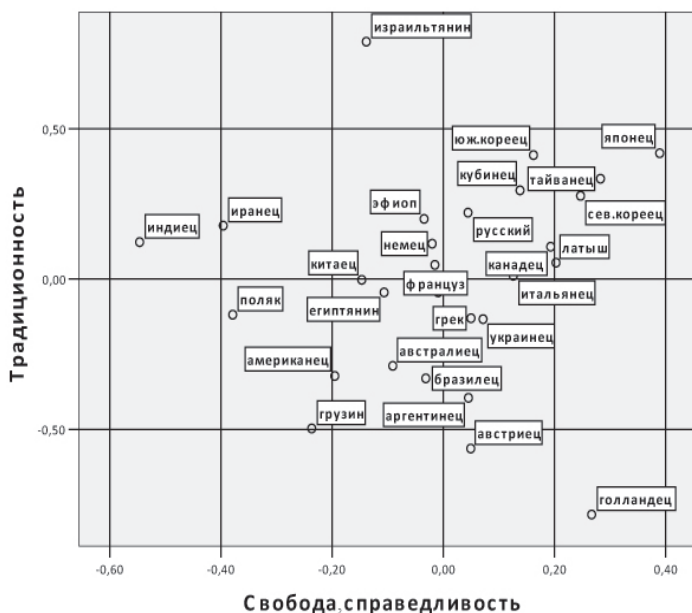

Рис. 3. Размещение национальных стереотипов по критериям:

- свобода, справедливость;
- традиционность.

тян и малозначим для украинцев, грузин, голландцев; *равенство* наиболее значимо для японцев, русских, кубинцев, французов, корейцев и малозначимо для грузин и иранцев; с *властью* больше всего ассоциируются канадцы, русские, японцы, китайцы, немцы и меньше всего южноафриканцы, грузины, эфиопы, украинцы и иранцы.

В эксперименте, проведенном во Львове, приняли участие 105 респондентов в возрасте 17-27 лет примерно в равном соотношении мужчин и женщин. Полученная суммарная матрица обрабатывалась методом факторного анализа с последующим вращением факторов до простой структуры. В результате обработки данных было выделено четыре фактора-категории и построены аксиологические семантические пространства восприятия национальных стереотипов (представлены на графиках). Факторы приводятся в порядке убывания вклада в общую дисперсию:

1. материальное процветание;
2. традиционные гражданские ценности;
3. свобода, справедливость;
4. практические ценности.

Материальное процветание. Этот критерий связан с такими ценностями, как *демократия, успех, комфорт, процветание, богатство, достаток, прогресс, удовольствие*. Данная группа ценностей состоит из качеств и явлений, которые способствуют процветанию или являются результатом процветания: демократия, успех, прогресс – направление развития, характеризующееся переходом от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному; богатство и комфорт – обилие материальных ценностей.

Традиционные гражданские ценности. В данный фактор вошли такие ценности, как *долг, правосудие, независимость, образование, родина, равенство, наука, здоровье*. По мнению львовских респондентов, в этой категории объединились ценности, которые можно считать необходимым условием для существования гражданского общества.

Свобода, справедливость – *религиозность, безопасность, свобода, семья, любовь, справедливость, власть, свобода личности*. В данной категории объединились ценности, позволяющие человеку действовать в соответствии со своими интересами и целями.

Практические ценности – *творчество, труд, эффективность, практичность, родина, национальный патриотизм, конформизм* (здесь, видимо, предполагается возможность избежать неприятного противостояния обстоятельствам жизни).

Основные семантические пространства представлены на рисунках 4 и 5.

В эксперименте в Киеве приняли участие 110 респондентов в возрасте 17-28 лет в равном соотношении мужчин и женщин. Полученная суммарная матрица обрабатывалась методом факторного анализа с последующим вращением факторов до простой структуры. В результате обработки данных было выделено три фактора-категории и построены аксиологические семантические пространства восприятия национальных стереотипов (представлены на графиках). Факторы приводятся в порядке убывания вклада в общую дисперсию:

1. западные ценности;
2. традиционные ценности;
3. материальное процветание.

Рис. 4. Размещение национальных стереотипов по критериям:

- *материальное процветание;*
- *традиционные гражданские ценности.*

Рис. 5 Размещение национальных стереотипов по критериям:

- *свобода, справедливость;*
- *практические ценности.*

Западные ценности – свобода личности, комфорт, успех, демократия, свобода, независимость, правосудие, достаток, образование. В данной категории объединились ценности, которые обычно считаются присущими западному обществу в наибольшей степени.

Традиционные ценности. В данный фактор вошли такие ценности, как религиозность, родина, власть, семья, безопасность, равенство, долг, здоровье, справедливость. По мнению киевских респондентов, в этой категории объединились ценности, которые можно считать необходимым условием для существования гражданского общества.

Материальное процветание. Этот критерий связан с такими ценностями, как конформизм, практичность, эффективность, богатство, любовь, прогресс, процветание, наука, удовольствие, труд, творчество. Данная группа ценностей состоит из качеств и явлений, которые способствуют процветанию, являются его основой (практичность, эффективность, наука, труд, творчество), и тех, что являются результатом процветания (богатство, удовольствие, прогресс). Надо заметить, что эта категория у киевлян отличается от аналогичной категории у жителей Львова и Луганска. У жителей Львова эта категория имеет наиболее потребительский и гедонистический акцент. Наибольшее сходство эта категория имеет с такой же категорией у жителей России, но ассоциации с национальными стереотипами другие, так же как и у жителей Львова и Луганска.

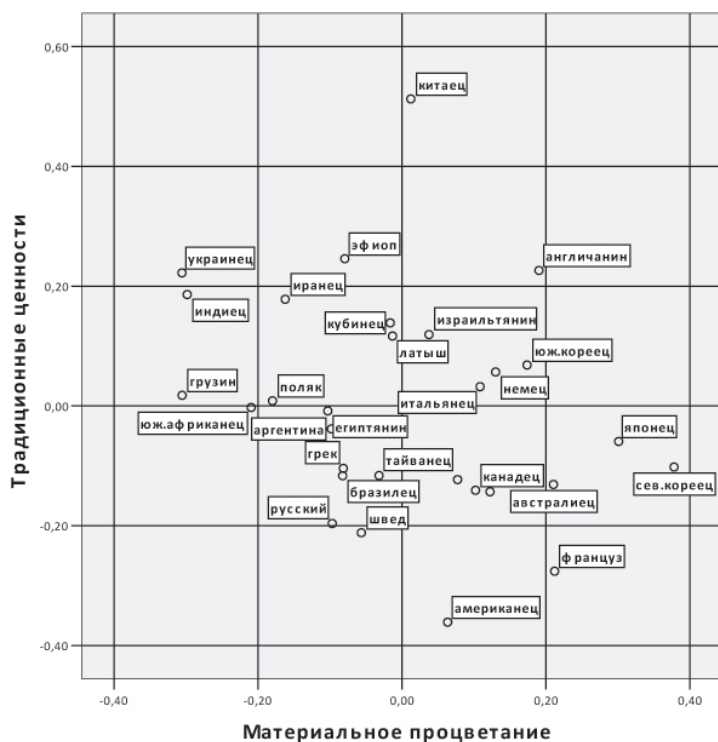

Рис. 6. Размещение национальных стереотипов по критериям:

- материальное процветание;
- традиционные ценности.

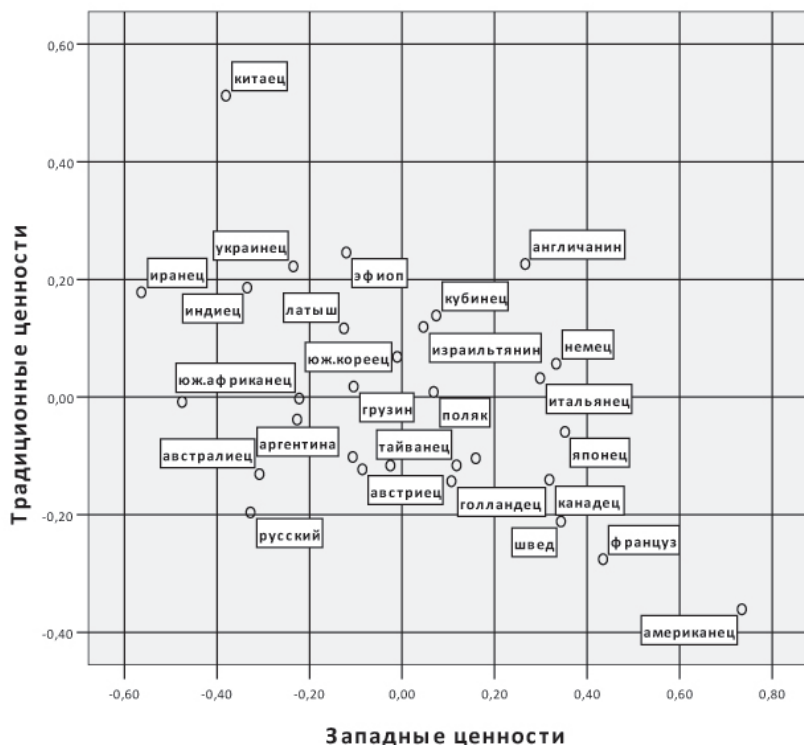

Рис. 7. Размещение национальных стереотипов по критериям:

- западные ценности;
- традиционные ценности.

Анализируя рис. 6 по категории «Материальное процветание», видим, что в меньшей степени с этой категорией соотносятся украинцы, грузины, индийцы, южноафриканцы. С материальным процветанием ассоциируются австралийцы, японцы, англичане, южнокорейцы, немцы, канадцы и – парадоксальным образом – северокорейцы.

Рис. 7 наглядно демонстрирует, что традиционные ценности наиболее сильно ассоциируются с китайцами, а меньше всего – с американцами и представителями Западной Европы, за исключением англичан. Напротив, типично западные ценности в наибольшей степени ассоциируются с американцами и представителями Западной Европы: французами, немцами, англичанами, шведами, голландцами, а также австралийцами, канадцами и японцами.

На рис. 8 представлены результаты кластер-анализа данных по городу Луганску, т.е. интегрального сходства национальных стереотипов в пространстве ценностей, или, иначе, семантической близости стереотипов в аксиологическом сознании респондентов. Весь набор национальных стереотипов разбивается на группы, наиболее тесно семантически связанные между собой. Дерево кластеризации показывает, что некоторые группы стереотипов выглядят вполне логично и даже банально, например «француз, англичанин, немец, итальянец». Эта группа европейцев объединяется, правда, на некотором расстоянии, с китайцем. Голландец стоит несколько особняком, вероятно, из-за репутации, которую он приобрел

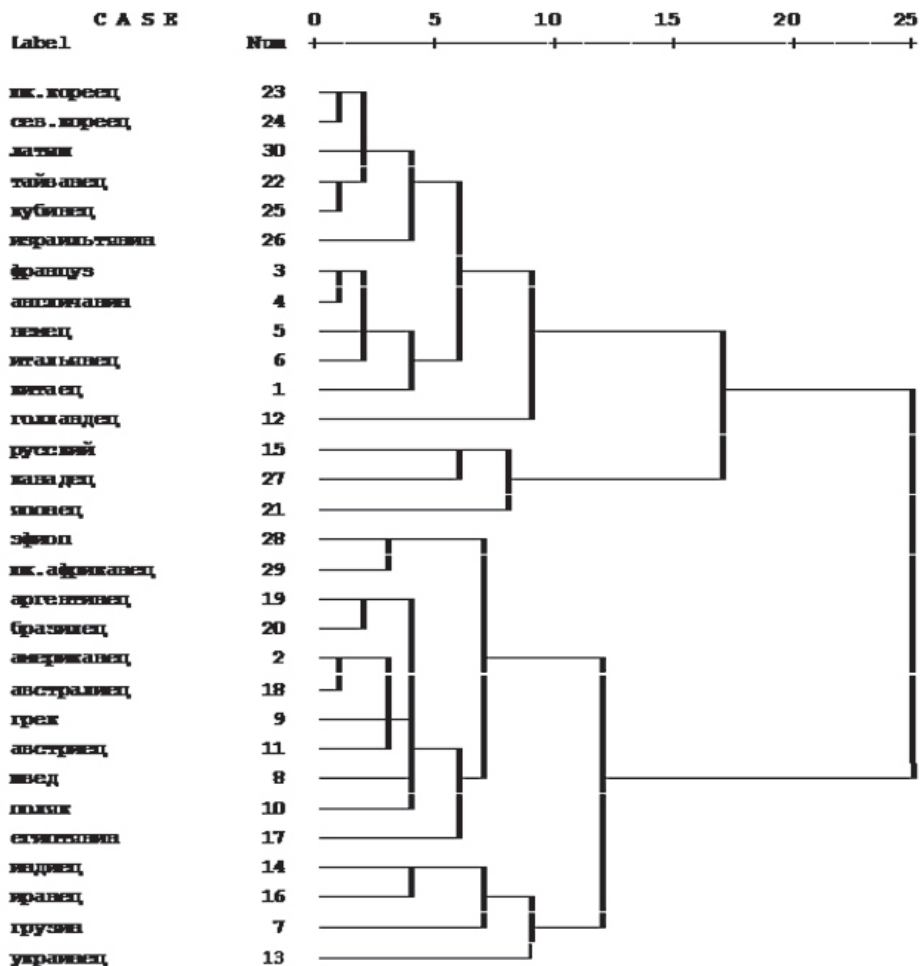

Рис. 8. Дерево кластеризации национальных стереотипов (г. Луганск)

в последние десятилетия. Объединяются русский, канадец, японец, хотя и на достаточно большом расстоянии друг от друга. На каком основании были объединены кореец, латыш, тайванец, кубинец и несколько отстоящий от них израиль.ташви понять трудно. Возможно, это принадлежность к небольшой стране с противоречивой и сложной историей.

Следующую большую группу стереотипов составляют близко связанные пары, которые затем объединяются в более крупные группы. Так, пара «эфиоп, южноафриканец» объединяется с группой, состоящей из пар «аргентинец, бразилец», «американец, австралиец», «грек, австриец», «швед, поляк». Некоторые пары представляются вполне закономерными, а некоторые (швед, поляк), видимо, отражают историю и ментальность украинцев. Последняя группа «индиец, иранец, грузин, украинец» связана отчасти с близостью культур и территорий (индиец, иранец), а отчасти – с некоторой неопределенностью настоящей и будущей судьбы. Весь этот

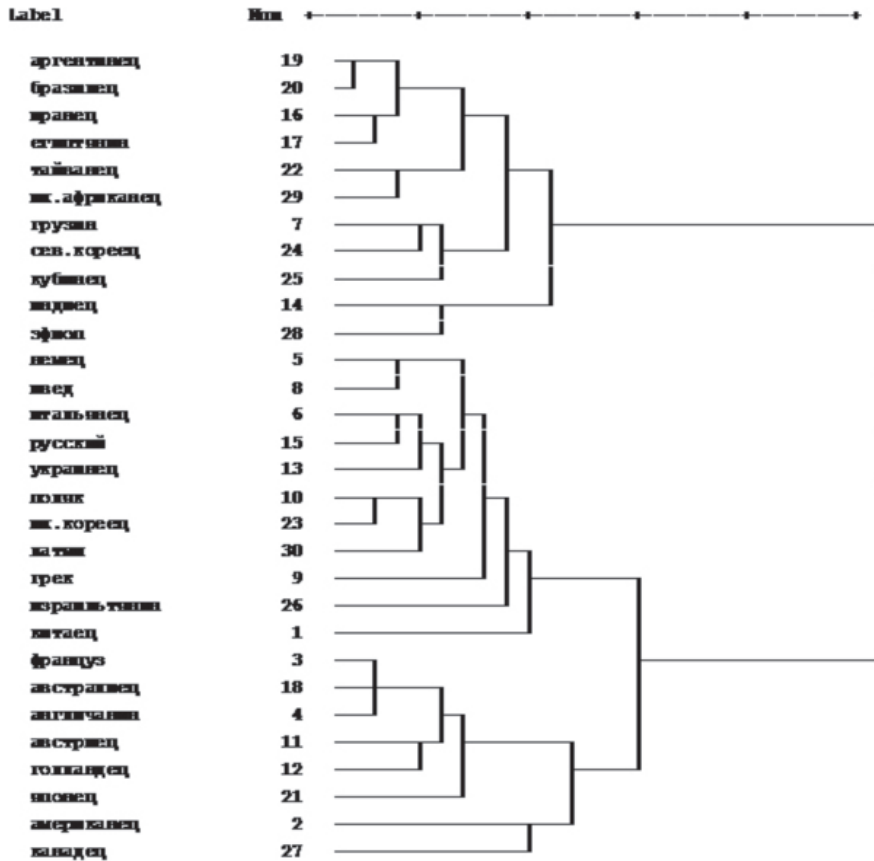

Рис. 9. Дерево кластеризации национальных стереотипов (г. Львов)

процесс объединения определяется отношением данных национальных стереотипов к предложенным ценностям с точки зрения луганских респондентов.

На рис. 9 представлено дерево кластеризации, построенное по результатам кластер-анализа данных эксперимента в городе Львове. Сравнивая две дендрограммы (Луганск и Львов), видим, что имеется как полное совпадение отдельных групп (аргентинец, бразилец), так и некоторые отличия в группах. Так, у жителей Львова четко выделилась группа представителей развитых западных стран (француз, австралиец, англичанин, австриец, голландец), к ней был отнесен и японец, который, видимо, ассоциируется с представителями Запада, а также отдельная группа «американец, канадец». Вполне логичными можно считать группы «немец, швед» или «иранец, египтянин». Неожиданными стали объединения «итальянец, русский, украинец» и «поляк, южнокореец, латыш». Израильтянин и китаец стоят особняком. В дендрограмме можно выделить три основные большие группы: представители развитого Запада, представители Южной Америки и Азии и группа, куда вошли представители Восточной Европы.

Рассматривая дерево кластеризации, построенное по данным эксперимента в Киеве (рис. 10), можно выделить две основные большие группы, в которые

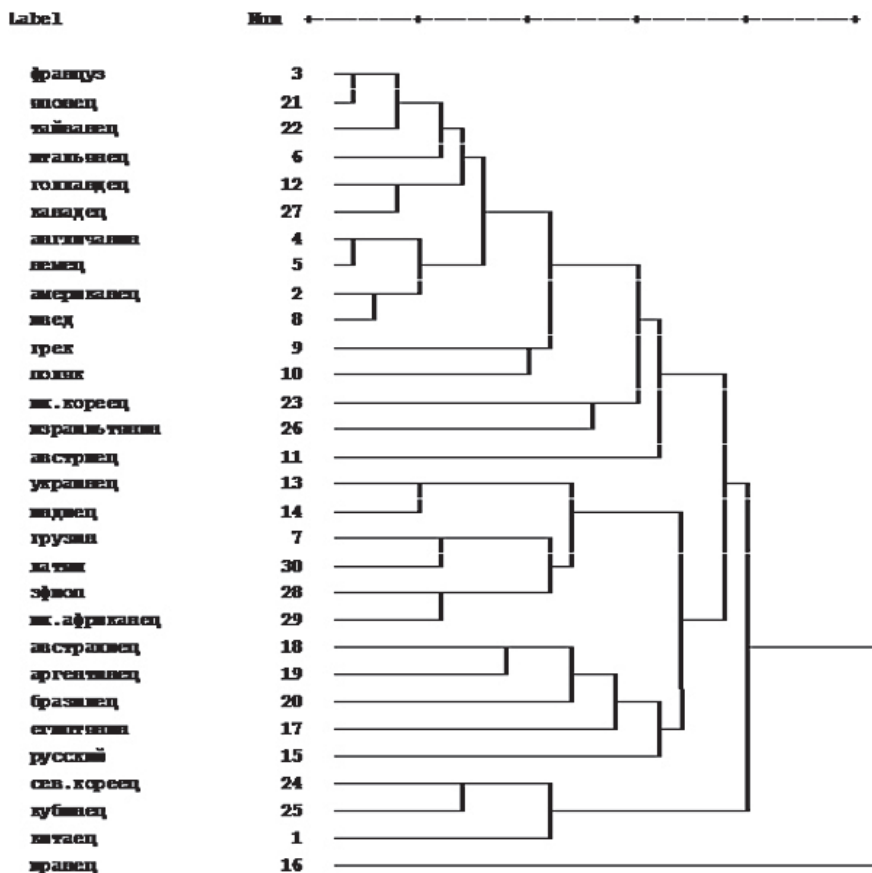

Рис. 10. Дерево кластеризации национальных стереотипов (г. Киев)

объединены национальные стереотипы. В первую вошли представители развитых стран Запада, а также японец, тайванец и южнокореянец. Во вторую – представители Южной Америки, Азии, Африки и стран бывшего СССР, причем так же как в Луганске и Львове обнаруживаются устойчивые группы (аргентинец, бразилец). Северокореянец, кубинец, китаец объединены, надо полагать, как представители стран под руководством коммунистических партий. Внутри этих больших групп выделяются небольшие группы, такие как «англичанин, немец, американец» и «швед». Француз, итальянец, японец, тайванец – представители южной культуры. Во второй большой группе вполне логично объединены эфиоп и южноафриканец. Грузин и латыш объединены, возможно, как представители маленьких стран с антирусскими настроениями. В одну группу попали представители Южной Кореи и Израиля, видимо, на основе финансово-экономической эффективности деятельности. Ни к одной из групп не был причислен представитель Ирана. Можно предположить, что жесткая, независимая позиция этой страны с богатой древней культурой, противостоящая всем центрам силы, не позволила включить ее в какую-либо группу.

В России эксперимент проводился по той же методике, что и на Украине. Респондентами выступили студенты в возрасте 18-24 лет. В качестве шкал-

дескрипторов предъявлялся тот же список ценностей. В результате обработки данных шкалирования выделено шесть факторов-категорий и построены аксиологические семантические пространства восприятия национальных стереотипов. Список факторов-категорий приводится ниже. Факторы приведены в порядке убывания вклада в общую дисперсию:

1. свобода, гедонизм;
2. материальное процветание;
3. традиционность;
4. гражданские ценности;
5. романтические ценности;
6. успех.

Свобода, гедонизм. В эту категорию вошли такие ценности, как *свобода личности, демократия, комфорт, удовольствие, независимость, достаток, свобода*. В рамках категории ценности потребления (*комфорт, удовольствие, достаток*) объединились с ценностями свободного общества. У украинских респондентов нет такой категории, но есть категория «Свобода, справедливость», в которой ценности свободного общества объединяются с такими ценностями, как *эффективность, правосудие, справедливость*. В этом факторе обнаруживаются общие дескрипторы с луганскими респондентами – *свобода личности, свобода, комфорт*. Кроме того, эта категория у русских занимает первое место среди факторов, а у луганских пятое. Возможно, эти ценности представляются более важными российским респондентам.

Материальное процветание. Эта категория содержит такие ценности, как *практичность, эффективность, конформизм, процветание, наука, богатство, правосудие*. Интересно отметить, что в эту категорию у русских в отличие от украинцев не входят такие ценности, как *достаток, прогресс, безопасность*, но входят *конформизм, эффективность, правосудие*, которые у украинцев обнаруживаются в категориях «Свобода, справедливость» и «Демократия, конформизм». Кроме этих отличий следует отметить, что у жителей Луганска фактор «Материальное процветание» располагается на первом месте.

Традиционность. В данную категорию вошли ценности *религиозность, родина, долг, национальный патриотизм, семья, равенство*. Эта категория отличается от аналогичной у украинских респондентов: у русских в нее входят *родина, семья, национальный патриотизм*, но не включается *власть*. Видимо, это характерно для общинной русской ментальности.

Гражданские ценности. Для российских респондентов это *здоровье, безопасность, образование, труд, власть*. Эта категория у русских отличается от соответствующей у украинцев. У русских она имеет более общественный характер, украинцы в этой категории объединили такие ценности, как *родина, практичность, национальный патриотизм*.

Романтические ценности – это *любовь, творчество, справедливость*. Такой категории нет у респондентов Украины. Ценности, объединенные в этом факторе, у украинцев разошлись по разным факторам.

Успех. В этом факторе объединились *успех и прогресс*. У украинцев эти ценности включаются в категории «Материальное процветание», «Демократия, конформизм» и, видимо, предполагаются необходимыми для процветания и демо-

кратии. У русских, вероятно, эти две ценности синонимичны и не связываются с материальным процветанием.

Сравнивая категориальные структуры жителей Луганска, Львова, Киева и жителей России, мы видим, что наиболее развитая категориальная структура (шесть категорий) характерна для жителей России и Луганска. Следует отметить, что респонденты из Луганска дифференцируют гражданские ценности и традиционные ценности. Жители Львова объединяют эти ценности в одну категорию, но выделяют практические ценности, а жители Киева отдельно выделяют категорию ценностей, наиболее типичных для Запада.

Несмотря на общее сходство категоризации ценностей у российских и луганских респондентов, есть некоторые различия как в порядке следования факторов, так и в их содержании.

Так, у русских на первом месте стоит фактор «Свобода, гедонизм», а не «Материальное процветание», как у украинцев, что, вероятно, более соответствует русскому национальному характеру. Категория «Традиционность» занимает третье место у русских и шестое – у украинцев, что также, скорее всего, отражает русскую ментальность. Интересно, что у русских отсутствует категория «Демократия, конформизм», которая есть у украинцев (ценности из этой категории у русских разошлись по разным факторам), и категория «Свобода, справедливость». Кроме того, в отличие от украинцев у русских ценности *любовь, творчество, справедливость* объединились в одну категорию, которую можно интерпретировать как «Романтические ценности».

Сравнивая рис. 1 и рис. 11, видим, что картина размещения национальных стереотипов в семантическом пространстве русских и украинцев по основным фак-

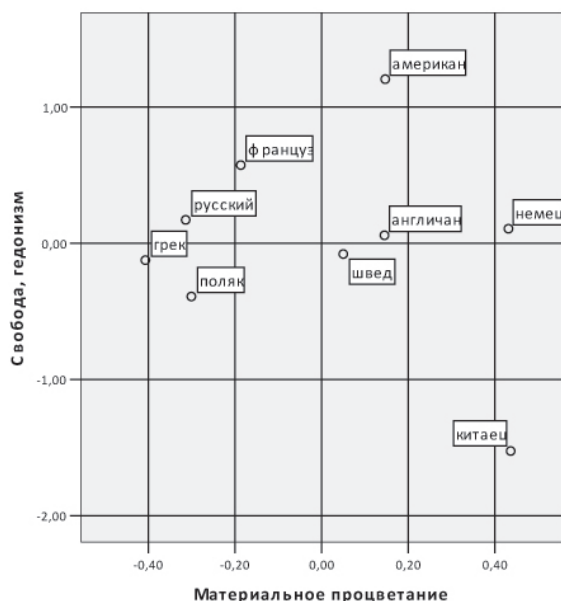

Рис. 11. Размещение национальных стереотипов по критериям:

- материальное процветание;
- свобода, гедонизм.

торам имеет определенные различия. Есть некоторое отличие в размещении в семантическом пространстве американцев и греков, что можно объяснить не полной идентичностью категорий у русских и украинцев.

Сравнивая рис. 2, 3 и рис. 12, на которых изображены близкие семантические пространства, видим некоторые различия в отношении к представителям Европы и американцам. Украинцы считают, что израильтяне, японцы, корейцы больше всех привержены традиционным ценностям, а русские респонденты считают, что традиции более всего чтут китайцы. Однако надо учитывать, что имеет место некоторое несовпадение категорий. Кроме того, у украинских респондентов заметно особое отношение к канадцам. Можно сказать, что канадцы являются некоторым образцом для украинцев – с ними ассоциируются наиболее позитивные и социально одобряемые ценности, они только иногда уступают японцам, которые, в свою очередь, вы-

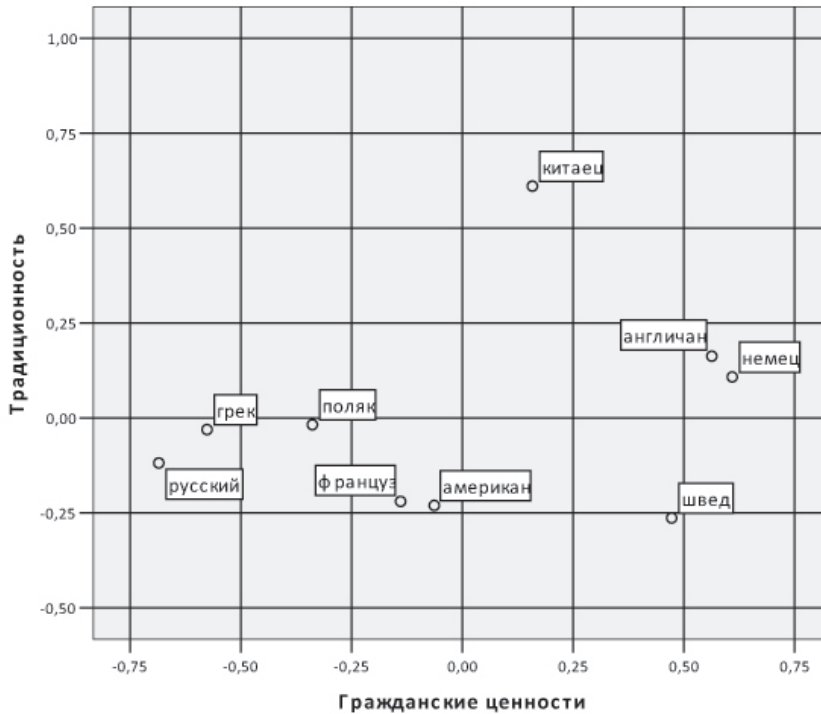

Рис. 12. Размещение национальных стереотипов по критериям:

- гражданские ценности;
- традиционность.

ступают как идеал для украинцев. Можно также отметить негативное отношение к американцам, полякам и отчасти немцам. Таким образом, национальные стереотипы луганцев заметно отличаются от национальных стереотипов русских.

Данное исследование позволяет сделать некоторые выводы.

Анализ обыденного сознания жителей трех областей Украины показывает, что украинцы запада, востока и центральной части страны имеют разные представления о внешнем по отношению к Украине мире. Кажется неслучайной заметная близость сознания жителей г. Луганска и жителей России и противопоставленность сознания жителей г. Луганска и сознания жителей России, с одной стороны, сознанию жителей запада и центра Украины, с другой.

Трудно удержаться от вывода, который напрашивается по результатам исследования стереотипизированного сознания. Дело в том, что исследователи сознания, находясь под давлением необходимости обозначить свое отношение к основному вопросу философии о первичности / вторичности материи сознания, переносят выводы первичности бытия по отношению к сознанию на социально-культурную практику членов общества, что выливается в утверждение, что практическая деятельность порождает сознание. Деятельность членов общества дает основание для вывода о том, что сознание не только порождается как отражение нашего бытия, но и порождает наше бытие, точнее, наше виртуальное бытие, т.е. сознание одного человека (или коллективное сознание группы) может порождать чужое сознание.

Процесс порождения чужого сознания – это процесс производства формы знакового сообщения адресантом и предъявления адресату для восприятия и порождения содержания этого сообщения при помощи знаний, хранящихся в памяти адресата. Построение этнических гетеростереотипов представляет собой формирование сознания о чужом этносе при скудных знаниях об этом этносе.

Е.А. Нефедова

УДК 81'28

АССОЦИАТИВНО-ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВОЙ (ДИАЛЕКТНОЙ) ЛИЧНОСТИ

В статье представлены наблюдения над речью конкретной языковой личности – Александры Ивановны Пономаревой, коренной жительницы д. Судрома Вельского района Архангельской области. Для А.И. Пономаревой характерна ярко выраженная ориентация на эмоционально-оценочное восприятие действительности в ее событийно-бытовом и морально-этическом проявлении. Она обнаруживает склонность к обсуждению жизненных коллизий, являющихся в период наблюдения основным содержанием ее жизни, а также своих эмоций, связанных с ними. Преобладание чувственно-образной и эмоциональной реакции на окружающую действительность над ее рациональным восприятием ярко проявляется в языке А.И. Пономаревой – в выборе нестандартных языковых средств, содержащих образные и эмоционально-оценочные семантические компоненты. Семантическая двуплановость сравнений основана на ассоциативном сближении предметных сфер, которые не выходят за рамки житейского, практического опыта языковой личности, что отличает их от образности, являющейся результатом осознанного творческого процесса, однако сами эти ассоциации достаточно нетривиальны и свидетельствуют о неординарности языковой личности, являющейся не только носителем народной речевой культуры, но и ее творцом.

Ключевые слова: диалектная языковая личность, ассоциативно-образный потенциал, эмоционально-оценочное отношение к действительности.

Elena A. Nefyodova

ASSOCIATIVE-SHAPED POTENTIAL OF LINGUISTIC (DIALECTAL) IDENTITY

The article presents observations on the speech of a particular linguistic identity – Alexandra Ivanovna Ponomaryova, a native inhabitant of Sudroma vlg. of Velsk district (Arkhangelsk region). A.I. Ponomaryova is characterized by a distinct orientation to the emotional and evaluative perception of the reality in its eventual and everyday life and also ethical manifestation. It evinces the tendency to discuss the life conflicts which were the main content of her life during the observation period and also the emotions associated with them. The sensual imagery and emotional reaction to the reality predominance over its rational perception is clearly seen in A.I. Ponomareva's language – in the choice of nonstandard language tools containing imaginative and emotionally-evaluative semantic components. The semantic comparisons dublinbet is based on the associative convergence of subject areas which are not beyond the everyday practical experience of the linguistic identity that sets them apart from the figurativeness which is the result of a deliberate creative process, however these associations themselves are rather non-trivial and show the linguistic identity originality – not only a national culture and language bearer but also its creator.

Keywords: linguistic (dialectal) identity, associative-shaped potential, emotional-evaluative attitude to the reality.

...нельзя познать сам по себе язык,
не выйдя за его пределы,
не обратившись к его творцу,
носителю, пользователю –
к человеку, к конкретной личности.

*Ю.Н. Караулов, Русский язык и язы-
ковая личность.*

Постановка проблемы «язык и личность» связана в отечественном языкознании с такими именами, как Б. де Куртене, В.В. Виноградов, Р.А. Будагов. Теоретическая разработка параметров языковой личности и аспектов ее изучения представлена в работах Ю.Н. Караулова, В.П. Нерознака, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика и др.

В русской диалектологии начало исследованиям этого направления было положено В.П. Тимофеевым (см. [Тимофеев 1971]). В настоящее время появился целый ряд работ, посвященных речи конкретного носителя диалекта: Е.В. Иванцовой, В.Д. Лютиковой, Л.Г. Гынгазовой, Ф.Л. Скитовой, В.А. Малышевой, Е.А. Нефедовой и др. Изданы также идиолектные словари: «Диалектный словарь личности» В.П. Тимофеева, «Словарь диалектной личности» В.Д. Лютиковой, «Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила» Е.В. Иванцовой, «Полный словарь диалектной языковой личности» под редакцией Е.В. Иванцовой, «Экспрессивный словарь диалектной личности» Е.А. Нефедовой. Таким образом, «обращение к идиолекту вырастает в самостоятельную и актуальную проблему при изучении процессов развития современной живой диалектной речи» [Коготкова 1975: 286].

Языковая личность всегда была в центре внимания диалектологов. Работа в экспедициях начинается с подбора информантов, от которых производятся записи. Учет таких характеристик информанта, как пол, возраст, уровень образования, длительность проживания в одном месте, – обязательное условие полевых исследований. Эти свойства языковой личности традиционно оцениваются прежде всего с точки зрения их соответствия некоему стандарту, эталону, позволяющему получать от разных информантов сопоставимый материал для системно-структурного описания диалектных систем.

В рамках коммуникативного направления носитель диалекта рассматривается как представитель народной речевой культуры, «для которой в ее речевой части характерны собственные прецедентные тексты, свои наборы социально-коммуникативных ролей, специфический состав речевых событий и речевых жанров, свои способы трансляции диалекта во времени, своеобразное речевое сознание, свой речевой этикет» [Гольдин 2000: 58]. В соответствии с этим центр внимания исследователей смещается в сторону индивидуальных, личностных особенностей носителя диалекта, не только биологического и социального, но и психологического, мировоззренческого характера, особенностей, связанных с картиной мира, его ценностной ориентацией, целями и установками.

Известно, что устная разговорная речь, как литературная, так и диалектная, отличается повышенным эмоциональным тонусом¹. «Повышенный эмоциональный тонус устной (разговорной) речи говорящего определяет процессы постоянного обновления экспрессивных средств в диалекте» [Коготкова 1979: 96]. Эмоционально-оценочное отношение к действительности является одной из важнейших сфер проявления индивидуальности языковой личности.

¹ «Живая речь всегда экспрессивно окрашена, поскольку в ней, наряду с отображением объективной реальности, всегда выражается переживание человеком того, что имеет место, происходит, случается в действительности» [Телия 1991: 3].

В статье представлены наблюдения над речью конкретной языковой личности (далее – ЯЛ) – *Александры Ивановны Пономаревой*, коренной жительницы д. Судрома Вельского района Архангельской области, 1925 года рождения, неграмотной. В ее речи достаточно хорошо сохраняются архаические явления местного говора и, вместе с тем, отмечаются его новые, развивающиеся черты. Для А.И. Пономаревой характерна ярко выраженная ориентация на эмоционально-оценочное восприятие действительности в ее событийно-бытовом и морально-этическом проявлении. Она обнаруживает склонность к обсуждению жизненных коллизий, являющихся в период наблюдения основным содержанием ее жизни, а также своих эмоций, с ними связанных. Преобладание чувственно-образной и эмоциональной реакции на окружающую действительность над ее рациональным восприятием ярко проявляется в языке изучаемой ЯЛ. Это отражается в выборе нестандартных языковых средств, содержащих образные и эмоционально-оценочные семантические компоненты.

Связь с фольклорной традицией говора, желание и умение использовать в речи прецедентные тексты практически не находят отражения в речи ЯЛ. Вместе с тем, ей свойственно ощущение эстетической стороны языка, склонность к языковой игре, к индивидуальному словотворчеству².

Речь ЯЛ насыщена яркими образными номинациями³. Механизм формирования метафорических номинаций, узуальный статус которых не всегда очевиден, хорошо раскрывается в сравнениях, отмеченных в речи ЯЛ. Объектом сравнения является прежде всего человек, так или иначе включенный в сферу интересов ЯЛ. Его свойства раскрываются через ассоциативное сближение со свойствами объектов, относящихся, как правило, к природе или предметному миру. В целом ряде случаев в высказываниях информанта раскрывается основания их соотносительности.

Наибольшее количество сравнений относится к физическим качествам или состояниям человека. Очень толстый, рослый человек – КАК ХОМЯК: *Мяккий, видно сильной, она и гърит: как хомяк*. У такого человека ЛЮБ, КАК У БЫКА: *Толстомордой, толстолобой, лоб, как у быка*. Эта же семантическая модель проявляется в метафорической номинации *бычүра*, основанной на скрытом сравнении: *Во какой стäl бычүра здоровый*.

Полная, крепкая женщина – КАК КАРТЕЛКА (арх. *картелка* – ‘бочка’): *Отолтели, обматерели, как картелки, мяккие. А есь бóцьки таки*; КАК КОРОБУХА: *А Тöня-та толстя тепёрь, как коробуха. Я Кóленьку родила, дак хоть перерви, а была как коробуха*; ее сравнивают с кибиткой: *А была эка кибитка, кровь с молоком*. Маленькая толстая женщина – КОРОБОЧКА: *А вино добро коробоцька пьет*. Толстая, неповоротливая женщина – КОКОРА (арх. *кокора* – ‘вывороченное с корнем дерево’): *Пусть и лежит кокора*.

Здоровая, сильная женщина сравнивается с *жеребухой*: *Она эио как жеребуха бегает*. У здоровой женщины ТИТКИ КАК ПРУЖИНЫ: *Титки как пружины, тверды*,

² В речи изучаемой ЯЛ отмечено около 300 единиц, которые с большой степенью вероятности могут быть отнесены к индивидуальным образованиям, являются продуктом словотворчества. Эта статистика опирается на достаточно объективные данные, послужившие фоном для сравнения. Индивидуальными образованиями (ИО) признаются слова и фразеологические единицы, зафиксированные в речи ЯЛ и не представленные в картотеке «Архангельского областного словаря», которая собирается в течение более чем 50 лет и содержит более 5 млн. карточек. Эти слова и ФЕ не отмечены также в говоре д. Судрома Вельского района, носителем которого является ЯЛ и который изучался автором в течение пяти сезонов полевой работы (зима и лето 1964–1965, 1990–1991 гг.). Анализ ИО представлен в [Нефедова 2002].

³ По мнению О.И. Блиновой, они составляют ядерную зону народной речевой культуры (см. [Блинова 2002]).

туго́е, нали́лся. Еетугой, сильно выпирающий вперед живот – КАРАВА́Й, КОРОВА́ШЕК: *Экой живо́т — карава́й но́сит. Я́ уж ходи́ла — корова́шек бы́л, во́стро брѳ́охо.* Крепкий, сильный человек ходит КАК ГЕНЕРА́ТОР: *Я всѳ́ скорю́чила́сь, сго́рби́лась иду́, а она́ идет, как генера́тор.* Здоровый, румяный человек – КАК Я́ГОДА: *Пере́пуга́лсе да изво́стри́лсе, а ра́ньше поидет, как я́года.*

Худой человек – КАК Вѳ́ДРА: *Е́сли цело́вѳ́к худо́й, он как вѳ́дра, как вѳ́дра худо́я. Вѳ́дра э́то како́й-то зве́рек.* Сильно похудевший человек похож на ои́цѳ́нок: *Бы́стро ве́дь скрути́ло, как ои́цѳ́нок — ко́стоцьки ко́жей потя́нуты.* Человек маленького роста похож на э́звика (арх. э́звик – ‘барсук’): *Ма́ленька ро́стом как и́эзвик, а маленький ребенок — на лапото́к: Да ве́дь ма́ленька, лапото́к тако́й ходит.*

Человек с очень хорошим аппетитом ест КАК ВОЛѳ́К или КАК Лѳ́ШАДЬ: *Как во́вк жрет. А жора́т, жрут как ло́шади.* Плохо чувствующий себя человек сидѳ́т как соло́вушка (возможна связь с *осоловѳ́ть*), он сравнивается с росомахой: *Ба́бушка ви́диси как ху́до, как росома́га, росома́ги ху́же* (основания сравнения с росомахой не вполне понятны). Потерявший силы, переставший владеть своими органами человек выглядит КАК ПОВѳ́СМО (арх. *повѳ́смо* ‘моток ниток’): *Всѳ́ осла́бну, как повѳ́смо.* Сравнение основано на ассоциации с нитками, которые могут провисать, не сохраняя форму мотка. Больной человек залежится КАК ТРУ́БКА: *Пото́м ты́ завале́еши́ся как тру́бка, и Ю́рке бу́дет нела́дно* (по ассоциации с печной трубой, тяжелой и неподвижной). Больные, узловатые вены сравниваются с *прѳ́стнем* – веретенем с намотанным на него нитками: *Там тако́й, как прѳ́стни насо́бираю́тся ве́ны-то — ак полу́ца́ется онѳ́ (уплотнение) матѳ́рие* (ср. степень от *матѳ́рой* ‘крупный, сильный’). Вспотевший человек СЫРО́Й КАК МЫШЬ: *Я́ фсе́ сыра́я, как мыш.*

Реже в речи ЯЛ встречаются сравнения, относящиеся к интеллекту, к моральным качествам человека. Например, вялый, недалекого ума человек – КАК ПЕСТѳ́РЬ ОБУ́МНОЙ (арх. *пестѳ́рь* – ‘заплечная корзина’), возможно, по коннотации обыденности этого предмета: *А э́тот, как пестѳ́рь обу́мной. Неповоро́тливой, не ше́вели́тся, во́т и говора́т — как пестѳ́рь.* Притворно ласковый человек похож на лису: *Они́, как лиса́, к ней льну́т.* Сдерживающая раздражение, но старающаяся казаться доброй женщина сравнивается с *мя́жкой ви́цей.* *Ви́ца* – ‘ветка без листьев, прут’, сравнение основано на противоречии свойств вицы – она мягкая, но бьет больно: *Прибежа́ла, как мя́жка ви́ца. А она́, как мя́жка ви́ца, отту́ль приши́ла* (о невестке). Суждение о злом человеке – *Во́т бля́ха, до чево́ зел* (злой), как *козел*. Рифмованность выражения – косвенное свидетельство устойчивости сравнения.

Ряд сравнений относится к состоянию человека в разных жизненных ситуациях. Так, человек, который долго бесцельно ходит где-нибудь, сравнивается с *круговѳ́й овцо́й:* *Ка́к кругова́я овца́, ве́сь де́нь проброди́ла. Овца́, она́ ве́сь де́нь нае́стись не мо́жет, ве́сь де́нь бродит.* Тот, кто ходит без цели взад-вперед, сравнивается с заблудившимся человеком – КАК ЗАБЛУДЕШКА: *Я́ фсе́ хожу́ ны́нѳ́це, как заблу́дешка.*

Живущий в тяжелых условиях человек чувствует себя КАК МУ́ХА В У́ХЕ: *И все она́ би́лася, как му́ха в у́хе.*

Неожиданным кажется сравнение мужчины, получившего выговор от жены, с подоенной коровой. Возможный мотив сравнения – смиренный, как корова после дойки: *Ва́ля о́пять Семена́ добро́ находи́ла* (отругала), *руга́ла, руга́ла, сидѳ́т, как подоеной.* Трезвый, вопреки обычному состоянию, человек похож на *соколка́:* *А тепѳ́рь они́ яви́лися, как соколкѳ́* (сравнение на основе положительных коннотаций сокола).

От пьяного или курящего человека запах, как от трупа животного – КАК ОТ

ПРОПАСТИ, ПРОПАСТЕЙ (арх. *пропасть* – ‘падаль’): *А винóm валяет, как от пропастии, пахнет. Как от пропастии табакóm, запаши́на. Па́хнет, как от пропастей.*

Интересны сравнения, с помощью которых информант дает характеристику какой-либо жизненной ситуации. Так, женщина, потерявшая близких – КАК ПОЛЕ БЕЗ ОГОРОДУ (арх. *огорód* ‘изгородь’): *Оста́неше одна́, как поле без огоро́ду. Я те́перь как поле без огоро́да – му́жа не́т, сы́на не́т.* Потеря самого близкого человека – это как если бы в доме САМАЯ БОЛЬШАЯ СТЕНА УПАЛА: *Э́то са́ма больша́я стена́ упала́ в дому́ (о смерти мужа).*

Женившись и перейдя в дом жены, мужчина может оказаться в хороших условиях – КАК В КРАСНЫЙ САПОГ СТУПИТЬ: *Ты́ ведь прише́л, как ф́ кра́сный сапо́г ступи́л.*

Обмануть человека бывает также легко, КАК В ЛАПТИ ОБУТЬ: *Они́ меня́ и обду́ли, как в ла́пти обу́ли.*

Привыкший громко разговаривать человек как будто прибыл С ГОРЕЛОГО ОСТРОВУ: *Мне́ худо́ нра́вится, что во́пит, во́пит как с горе́лого о́строва* (видимо, по ассоциации с криками на пожаре).

После бани с человека КАК ГОРА СКАТИЛАСЬ: *Как го́ра с меня́ скати́лась.* В жарко натопленной бане ВОЛОСЬЕ ВСПЫХИВАЕТ: *Там жа́рко – воло́сье спы́хивает* (как бы загорается).

Здоровый, сильный человек притворяется слабым и больным, а сам может ГОРУ ПЕРЕЕХАТЬ (что требует сил): *Немо́жет* (арх. *немо́гчи* – ‘болеть’), *а переси́ра́ть* (сплетничать) *да сто́ять – она́ го́ру пере́едет. Поговори́-ка – го́ру пере́едут.*

Ничего не имея при себе – С ПРОСТОЙ ГОРСТЬЮ (с пустыми руками): *Оне́ то́же не с про́стой го́рстью е́дут, все с деньга́ми.*

Делиться самым сокровенным, разговаривать по душам – ДУШУ ДЕЛИТЬ: *Подру́га подру́ге ду́шу де́лим.*

При невозможности получить назад что-нибудь, отданное ранее, – ХОТЬ ВЫЖИГАЙ: *А да́й взаи́мь, хоть выжи́гай.*

В речи ЯЛ представлены ассоциативные сравнения, относящиеся к явлениям предметного мира. Например, струйка воды из крана такая тонкая, как будто *заяц сцит*: *Ниско́лько вода́ не бежи́т – как зая́ц сцит.* Корни упавшего дерева сравниваются с вставшим на дыбы медведем: *Ва́кора-то* (с корнями вырванное из земли дерево) *росце́перилась как ме́дведь*; шляпка гриба сравнивается с самоварчиком: *Шля́почки как самова́рчик ку́бицьком.*

Отмечены номинации артефактов, сформировавшиеся на основе сравнения. Например, *Ка́рько* – кличка коня, она употреблена как номинация велосипеда: *У меня́ ведь ка́рько – лисапе́д, де́душко ката́лсе.* Очевидна ассоциация с конем как средством передвижения. Рулон туалетной бумаги – *колесо́*: *Ф́ туале́т поло́жит колесо́*; стопка порезанного хлеба – *костры́* (арх. *костер* – ‘поленница дров’): *Хле́ба че́рного вон костры́*; кусок мыла – *брус*: *Мы́ла бру́с – так вот те́м мой*; тонкий, прозрачный ломтик – *листо́чек*: *Попро́буй, возьми́ листо́чек* (сыру); тело паука – *зобе́нька* (арх. ‘корзина’), которую он носит: *А и́есть музги́ри (пауки) но́сят зобе́ньку.*

Интересны сравнения некоторых ситуаций со свойствами объектов предметного мира. Так, частое, с небольшим временным интервалом, рождение детей – КАК БОРОНА (по ассоциации с бороной, имеющей много зубьев): *Реба́т ведь подро́д, как боро́на.* С частотой зубьев бороны и промежутков между ними соотносится частый сильный дождь – КАК ПОД БОРОНОЙ: *Ну́, второ́й де́нь хлешит. Бежи́т круго́м, как под боро́ной. Што́ вы, та́к полива́ло хорошо́!*

Идти по зыбкой, колеблющейся почве – КАК НА ЗЫБКЕ качаться (арх. *зыбка* ‘колыбель’): *Заволокло́ все мо́хом, как на зы́бке иде́м.*

Очевидно, что для изучаемой ЯЛ характерно образно-ассоциативное восприятие внешнего мира. Образные выражения соотносятся с зонами особого внимания ЯЛ, приближающими к пониманию «ключевой семантики» ее сознания (см. [Гольдин, Сдобнова 2002: 27]) и позволяющими перейти с вербального уровня анализа на «когнитивный, характеризующий свойственную ей (ЯЛ) картину мира и воплощенный в ее тезаурусе», выявить «движущие ею мотивы, установки и цели» [Караулов 2003: 87].

Семантическая двуплановость сравнений и сформировавшихся на их основе метафорических номинаций основана на ассоциативном сближении предметных сфер, которые не выходят за рамки житейского, практического опыта ЯЛ, что отличает их от образности, являющейся результатом осознанного творческого процесса. Однако сами эти ассоциации достаточно нетривиальны, порой неожиданны и свидетельствуют о неординарности изучаемой ЯЛ, являющейся не только носителем народной речевой культуры, но и ее творцом.

Литература

Блинова О.И. Областной словарь как источник изучения народной речевой культуры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 1(7). – М.: Наука, 2002. – С. 232-240.

Гольдин В.Е. Внутренняя типология русской речи и строение русистики // Русский язык сегодня: Сб. ст. Вып. 1 / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 53-65.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Ключевая семантика сознания современного школьника по данным ассоциативного словаря // Проблемы семантического анализа лексики. Пятое Шмелевские чтения: Тезисы докл. межд. конф. – М., 2002. – С. 27-28.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 3-е изд. – М.: УРСС, 2003. – 264 с.

Коготкова Т.С. Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектоносителя (по материалам современных областных словарей) // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. – М.: Наука, 1975. – С. 285-301.

Нефёдова Е.А. Идиолект как источник диалектного варьирования // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 1(7). – М.: Наука, 2002. – С. 251-262.

Телия В.Н. Русская фразеология. – М.: Школа Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

Тимофеев В.П. Личность и языковая среда: Уч. пособие. – Шадринск: Шадринск. гос. пед. ин-т, 1971. – 122 с.

Словари

Иванцова Е.В. Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2005. – 162 с.

Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2000. – 187 с.

Нефёдова Е.А. Экспрессивный словарь диалектной личности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 144 с.

Полный словарь диалектной языковой личности. Т. 1–4 / Под. ред. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2006-2012.

Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности. – Шадринск: Изд-во Шадринск. гос. пед. ин-т, 1971. – 141 с.

М. Санчес Пуиг

УДК 81'23

КОНЦЕПТ *БОГ* В РУССКОЙ И ИСПАНСКОЙ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В статье описываются результаты исследования национальной специфики ассоциативных реакций на стимул *бог* в испанской и русской ассоциативно-вербальной сети. Проводится контрастивный анализ одного из основных аспектов картины мира в языковом сознании носителей русской и испанской культуры.

Ключевые слова: ассоциативная лингвистика, ассоциативно-вербальная сеть, ассоциативное поле, стимул, реакция.

Maria Sánchez Puig

THE CONCEPT OF *GOD* IN RUSSIAN AND SPANISH VERBAL ASSOCIATIVE NETWORKS

The specific national characteristics of stimulus *god* in Russian and Spanish verbal associative network are described in the article. The contrastive analysis of one of the basic world-model points, inherent to Russian and Spanish native speakers, is being investigated.

Keywords: associative linguistics, verbal associative network, associative field, stimulus, reaction.

Нельзя изучать человека вне его языка.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность.

Подход к лингвистике как к антропоцентричной, междисциплинарной науке, а также развитие новых областей в современной русистике (лингвокультурологии, теории языковой личности, ассоциативной лингвистики и др.), открывают перед исследователями широкие возможности многостороннего сопоставительного изучения языков, конкретными объектами которого становятся национальные особенности восприятия картины мира, национального менталитета и языковой личности. Выделение этих объектов из общей речемыслительной деятельности может основываться, среди прочего, на двух источниках – текстах, являющихся *результатом* речемыслительной деятельности, и ассоциативно-вербальной сети (АВС), являющейся предречевой готовностью человека, его способностью, его *текстовым потенциалом* (см. [Караулов 2001: 198]). Сама АВС представляет собой систему-сеть, состоящую из множества ассоциативных полей (АП), в которой каждое слово «проявляется во всем своем разнообразии форм, значений, семантических контактов и синтаксических связей с другими словами» [Караулов 1999: 13].

Ассоциативная лингвистика (АЛ) является эффективным способом исследования языка в его ипостаси «язык-способность» (см. [там же]). Основным корпусом АЛ являются ассоциативные словари, которые раскрывают перед исследователями внутренний, подсознательный мир носителя языка, основанный на принципе *action – reaction*, на взаимосвязях и сплетениях стимулов и реакций, и образуют, с одной стороны, его индивидуальную АВС, а с другой – АВС социумную, присущую группе носителей данного языка и культуры. Весьма интересным представляется сопо-

ставительное изучение образов языкового мышления носителей разных языков для выявления специфики национально-языковой картины мира социума, ибо «владение языком предполагает владение картиной мира, отраженной в этом языке» [там же].

В рамках научной школы «Русская языковая личность», основанной Ю.Н. Карауловым, создана серия двуязычных ассоциативных словарей и, среди прочих, – русско-испанский словарь «Ассоциативные нормы испанского и русского языков», на материалах которого реализуется настоящая работа.

Словарь составлен по опросам, проведенным одновременно в России и в Испании (108 стимулов, около 600 реакций на каждый), и предоставляет вполне достоверный материал для анализа.

Кратко скажем о структуре словаря. Словарный корпус делится на две части: прямую (от стимула к реакции) и обратную (от реакции к стимулу). Каждая словарная статья прямой части имеет в конце цифровые указатели: первая цифра указывает на общее число реакций – в данном случае на стимул **бог**, вторая – на количество ответов, разных по форме, третья – на количество отказов и последняя – количество единичных ответов. В корпусе статьи после каждого ответа приводится количество реакций. Исследуемые статьи на стимулы **бог** и **dios** выглядят следующим образом:

бог: есть 42; небо 26; вера 25; всё 17; дьявол 16; церковь 15; душа 14; Всевышний, Христос 10; вечность, любовь 9; на небе, нет, свет 8; всемогущий, жизнь, один, отец 7; войны, Иисус, солнце 6; Бог, рай, солнца, царь, человек 5; Господь, добро, дух, идол, религия, создатель 4; абсолют, великий, верить, всеильный, высший, высший разум, един, Зевс, мой, облака, разум, сатана, сила 3; везде, видит, владыка, власть, вызвышенное, всё видит, дедушка, добрый, друг, его нет, есть Бог, знает, идеал, Иисус Христос, молитва, надежда, небесный, неизведанное, нету, нечто, покровитель, с тобой, святое, святой, смерть, счастье, сын, тиран 2; God*, а есть?, ангел, атеист, бабушка, бес, Библия, Бога нет, большой, бородастый, бред, Будда, важный, вездесущий, велик, величие; вера, дух; весть, вечен, вечная жизнь, вечный, властелин, во мне, во что я верю, возвышенность, воин, воскрес, всевидящий, всегда, вселенная, всемогущ; всеобщий, могучий; всеобъемлющий, всеилен, высокое, высшее, высшее создание, высшее существо, где он?, гитара, гора, господь, да святится твое имя, дает, дал, для всех один, для каждого, для слабых, дог, его знает, единый, ерунда, есть (быть), есть или нет?, есть любовь, есть на земле и на небе; есть, всё видит; заблуждение, защитник, зла, знаю, и дьявол, и мир, и сатана, избранный, инков, истина, казнить, Коран, кот, крест, крутой, купол, лох, любить, Люцифер, мир, могучий, могущество, могущий, мой!, мужик, на небесах, наверху, надо верить, накажет, народ, не будем всеуе, не дай бог, не знаю, небеса, небесный отец, недоступное, неземное, неизвестность, непознанное людьми, ничто, обман, огонь, он, он есть; он есть, его не может не быть; опиум, отдушина, отсутствует, Пасха, плод разума, плодородия, плох, поклонение, помог, помогать, помощь, пошлет, правда, радость, рог, с вами, с нами, Саваоф; свет, любовь, чистота; светлый, свободный, свято, святость, сильный, символ, смысл жизни, совершенство, создал женщину и пожалел, спасет, спасет нас, справедливость, справедливый, там, творец, тебя знает, теория, троица, ты мой, умер, уснул, фигия, философия; царь, повелитель, справедливость; часть жизни, черт, что-то, что-то возвышенное, чудо, чушь, это бог, это всё, это свято, это серьезно 1; 592+229+30+155.

dios: amor 26; todo 24; fe 17; creencia 15; cielo, nada, Padre 14; religion 12; luz 11; ¿?, creador, Dios, grande 8; duda, Jesús, no existe, ser 7; iglesia, incógnita, mentira 6; Alá, eternidad, señor, todopoderoso 5; algo, cruz, esperanza, hombre, verdad 4; alma, crear, diablo, Él, el bien, Ente, existe, no, paz, ¿qué?, sustantivo, tranquilidad, universo, vida 3; agnóstico, amigo, apoyo, arriba, ayuda, Biblia, bondad, comprensión, ¿cuál?, ¿existe?, existencia, God*, grandeza, infinito, más allá, mente, mío, perfección, poder, poderoso, pregunta, quizás, Satanás, superior, supremo, triángulo, virgen 2; ∞, Ø, ¿?, ???, abajo, abstracción, absurdo, agnosticismo, alfa y omega, algo grande, algo superior, algo supremo, alrededor, altar, áter ego, altísimo, alto, altura, amar, ambigüedad; amor, fe; Amor, Padre, ángel, ateismo (Buñuel), ateo, atrapar, ausencia, auxilio, azul, barba, bien,

Bog*, bueno, calma, camino, casi nada, cero, complejo, consuelo, controvertido, corazón, cosa, creación, Creador Universo, creó, creyente, dedo, demonios, ¿depende cuál?, diamante, dioses, divinidad, divino, ¿dónde?, dos, ¿?(duda), el amor, el diablo, el hombre, el pilar de mi vida, el Señor, el Ser supremo, el todo, Él / yo, encontrarle, energía, enfermedad, engaño, enigma, Ente abstracto; Entelequia, ente; es, es amor, espiritual, espiritualidad, está, etéreo, explicación creación, fantasma. felicidad, frío, fuerza, Gl., gnosis; grande, puerta; hijo, ídolo, ilusión, importante, incertidumbre, inexistente, infierno, inicio, inseguridad, interrogación, interrogante, intocable, inverosímil, jefe, juego, la cumbre de la montaña, la duda, la Salvación, lejano, lejos; lejos, algo; lógica, lo más, lo máximo, Luzbel, macrocosmos, maldad, maravilloso, María, me ayuda, mi apoyo, miedo, misterio, molde, monja, moral, muchos nombres, muerte, muerto, murió, nadie, naturaleza, necedad, necesidad, necesidad moral, negar, Nietzsche, niño, no está, no hay, nombre, no sé, nosotros, nos pille confesadps, no virgen, nube, nubes, omnipotencia, omnipotente, omnipresente, oración, oscuro, ¿otra vez?, paraíso, para quien crea en él, particular, patria, peligro, placebo, por qué, ¿quién?, quiero encontrarle, refugio, respeto, risa, rollo, rubio, sabiduría, ¿salvación?, salvación, santos, Ser Eterno, Ser mayor del cual nada puede pensarse, Ser Supremo y Universal, sí, símbolo, soez, sol, supremacía, temor, ¿todo?, todos; tú, yo; una ayuda, una incógnita, unificación, unión, uno solo, utopía, utópico, vacío, vacío transparente, vida / muerte, viejo (primero), yo **1. 573+259+23+189.**

Численное различие между реакциями в обоих АП минимально:

Цифровые указатели	Русское АП (РАП)	Испанское АП (ИАП)
Общее количество ответов	592	573
Количество разных ответов	299	259
Количество отказов	30	23
Количество единичных ответов	155	189

При работе над корпусом каждого АП для большей наглядности мы отметили разным цветом близкие по смыслу реакции, образующие собственное АП: зеленым – (бог) *есть*, красным – (бога) *нет*, синим – *неизвестность*, желтым – *сила*, голубым – *небо* т. д., и сразу бросилось в глаза преобладание красного и синего цвета в ИАП по сравнению с РАП, о чем скажем ниже.

Судя по предыдущим работам, посвященным изучению АП, самыми частотными реакциями на стимул являются антонимы и/или синонимы, и именно они обычно стоят на первом месте непосредственно после слова-стимула. В данном случае ожидаемые реакции отстоят далеко от первого места. В РАП на стимул **бог** первую из реакций-антонимов – *дьявол* – мы видим лишь в пятой по частотности позиции, далее следуют *сатана*, *бес*, *дьявол*, *Люцифер*, *черт*; в ИАП антоним *diablo* появляется в двенадцатой по частотности позиции, далее – *Satanás*, *Luzbel*, *demonios*. Если в данном контексте считать синонимами стимула **бог** теонимы, не только христианские, то в РАП мы имеем: *Христос* в восьмой позиции, далее – *Иисус*, *Бог*, *Господь*, *Иисус Христос*, *Будда*, *Зевс*, *господь* и *Саваоф*; а в ИАП – *Dios* в восьмой позиции, затем – *Jesús*, *Alá*. Первое место в данном случае занимают реакции экзистенциального характера на стимул, по отношению к которому опрашиваемые могут занимать лишь одну из трех возможных позиций: *есть*, *нет*, *неизвестно*.

При анализе первых двух строк каждого АП, содержащих наиболее частотные реакции, в РАП главное место занимает категоричное утверждение (бог) *есть-42* (в ИАП оно появляется лишь в четвертой строке: *существует – existe-3*), которое консолидируется на протяжении всего корпуса АП: *есть-42*, *есть Бог-2*, *я верю* (далее все по 1), *есть, он есть, быть, есть на земле и на небе, его не может не*

быть, надо верить. Категоричное отрицание *нет-8* в РАП появляется в конце второй строки, в то время как в ИАП в первых двух строках мы находим три формы отрицания существования бога: *ничто – nada-14, не существует – no existe-7, ложь – mentira-6*. Реакции, выражающие сомнение-агностицизм, присутствуют в первых двух строках исключительно в ИАП: *¿?-8; сомнение – duda-7; существо – ser-7; неизвестность – incógnito-6*.

Сопоставление в обоих АП отрицающих реакций, как эксплицитных, так и имплицитных, дает следующую картину (со значительным перевесом в испанском блоке): в РАП: **бога нет-8, его нет-2, нету-2, Бога нет-1, отсутствует, атеист**; это – *бред, ерунда, ничто, обман, заблуждение, плод разума, опиум* и даже *фигня* и *чушь*, и сам он – *лох* и *тиран*. В ИАП **dios** это: *ничто – nada-14, не существует – no existe-7, нет – no-3, атеист – ateo-1, атеизм – ateísmo, отсутствие – ausencia, почти ничего – casi nada, ноль – cero, несуществующий – inexistente, никто – nadie, отрицать – negar, его нет – no está, нет – no hay, для того, кто верует в него – para quien crea en él*; далее **dios** предстает как *ложь – mentira-6, абсурд – absurdo-1, обман – engaño, идол – ídolo, иллюзия – ilusión, игра – juego, глупость – necedad, плацебо – placebo, утопия – utopía, utópico, пустота – vacío*, а также *смех – risa* и *байка – rollo*. Особое внимание привлекает ответ *abajo – долой!*

Интересно отметить в ИАП семантический нюанс (**dios**) ‘*es, pero no está*’, которому в РАП может соответствовать (бог) ‘*есть, но отсутствует*’. Эти ответы мы склонны причислить к позиции агностицизма, поскольку в них отрицание или признание существования бога заменено понятием его отрешенности от мирской суеты, его бездействия, безразличия по отношению к человеку, что отражается в реакциях РАП *отсутствует, умер, уснул*, а в ИАП – *его нет – no está, отсутствие – ausencia, смерть – muerte, умер – murió*, и просто *стар – viejo*.

Сомнения в существовании бога охватывают значительную часть испанских испытуемых, для которых понятие БОГ – это ‘*нечто неопределенное, туманное, иллюзорное*’ и, наконец, просто большой вопрос – *???: ¿?-9, сомнение – duda-7, неизвестное – incógnita-6, нечто – algo-4, что? – ¿qué?-3, какой? – ¿cuál?-2, существует? – ¿existe?-2, вопрос – pregunta-2, может быть – quizás-2, ???-1, абстракция – abstracción, агностицизм – agnosticismo, что-то – algo-3, неясность – ambigüedad, ¿?, смотря какой – depende cuál, сомнение – duda, найми его – encontrarlo, загадка – enigma. абстракт – abstracto, Энтелехия – Entelequia, существо – ente и Существо – Ente, загадка – misterio, вещь – cosa, привидение – fantasma, сомнительность – incertidumbre, вопрос – interrogante, вопрос – interrogación, неуверенность – inseguridad, сомнение – la duda, не знаю – no sé, тёмное – oscuro, невероятное – inverosímil, почему? – ¿por qué?, кто? – ¿quién?, неизвестное – una incógnita, прозрачная пустота – vacío transparente, что-то – algo* и др. Сюда же, вероятно, можно включить и математический знак \emptyset , означающий пустое множество. В РАП неопределенность и/или сомнения экзистенциального характера выражены слабее: *нечто-2, а есть?, где он?, неизведанное, есть или нет?, его знает, не знаю, непознанное, недоступное, неземное, неизвестность, теория, что-то*.

Привлекает внимание обилие в ИАП ответов термином *существо – ser* применительно к понятию **dios**, ибо *ser*, по определению (см. [DRAE]), – это ‘любая вещь (cosa), наделенная жизнью’. Бог в сети ИАП определяется либо просто как ‘существо’ – *ser*, либо как ‘Вечное Существо’ – *Ser Eterno*, ‘старшее Существо, о ко-

тором невозможно ничего думать' – *Ser mayor del cual nada puede pensarse*, 'Верховное и Универсальное Существо' – *Ser Supremo y Universal*, или как 'Верховное существо' – *El ser supremo*. Сам термин *Ser Supremo* уводит нас к временам французской революции, когда упраздненный католический культ был заменен культом Разума и Верховного Существа. Сюда же можно отнести и реакции терминами *ente* – 'то, что существует или может существовать' и *Entelequia* – по Аристотелю: 'осуществленность, осуществляемость, способность жить'. Эти реакции на стимул **бог** наводят на мысль о некоторой отчужденности части испанских респондентов от ортодоксальных католических канонов.

Продолжая этот порядок мыслей, отметим, что, несмотря на подавляющее преобладание ответов *vera* (+ собственное АП) и на то, что ответ *разум* появляется в обоих блоках редко (в ИАП как *разум – mente* и *гнозис – gnosis*, а в РАП – *разум, плод разума* и *высший разум*), данная тема заслуживает внимания. Понятие *gnosis* в любом из вариантов – древнехристианском или современном, эзотерическом – ставит разум-знание превыше веры, более того, провозглашает «веру в знание», что противоречит официальной доктрине церкви. В той же плоскости можно интерпретировать реакции *разум* как противопоставление вере и *плод разума* как определение веры (РАП). Возможно, что и реакция *высший разум* может быть соотнесена с абстрактным понятием *ente* в ИАП.

Помимо эксплицитных ответов *есть*, презумпция существования бога имплицитно содержится в каждом АП, в элементах, выступающих в предикативной функции, наделяя концепт-стимул БОГ определенными способностями, функциями и качествами, которые в большинстве случаев совпадают в обоих АП, ибо они присущи представителям обоих социумов как носителям общеевропейских христианских культурных и духовных ценностей.

Для представителей обоих социумов стимул **бог** соотносится с фундаментальными для христианства понятиями *любовь, добро, совершенство, справедливость, жизнь, вера, свет, душа, дух, святость, истина, помощь, вечность, небеса*.

Как для русскоязычных, так и для испаноязычных анкетируемых концепт БОГ/DIOS связан с традиционной рубрикацией в пространстве, и понятия «высь» и «небо» тут следует воспринимать в абстрактном, универсальном, «планетарно-космическом» (Уфимцева Н.В.) масштабе, что подтверждается ответами *macrocsmos* в ИАП и *вселенная* в РАП, а также имплицитно содержится в реакциях *небо, на небе, небеса, на небесах, наверху, там, небесный, облако, высокое, высшее, возвышенное, высший*, и в ИАП как *небо – cielo, наверху – arriba, высочайший – altísimo, высокий – alto, высь – altura, облака – nubes, облако – nube, вершина – la cumbre*, а также *высший – superior, верховный – supremo, верховенство – supremacía, универсальный – universal* и *вселенная – universo*. «Планетарно-космический» масштаб концепта БОГ семантически содержится также в ответах *всё-17, везде-2, это всё, всегда; всё – todo-2, бесконечность – infinito-2, начало и конец – alfa y omega, всецелостность – el todo, всё самое – lo más, всё наибольшее – lo máximo*, а также в знаке бесконечности «∞» и в морфосемантемах *все-* и *omni-*: *всеобъемлющий, всеобъемлющий, всевышний, всемогущий, всевидящий, всеильный* и, соответственно, *всемогущий – omnipotente, всемогущество – omnipotencia, вездесущий – omnipresente*.

Для русского человека понятие БОГ содержит также элементы силы: он *всемогущий, всеильный*, в нем *сила, могущество*, он *воин, он всемогущ, всеилен, могущий и могущий*; и элементы власти: он *власть, он царь и повелитель, властелин и владыка*, который *всё может, всё видит, знает, дает, помогает и спасет*, но также *карает* и

накажет. В ИАП элементы власти и силы присутствуют в меньшей степени: *власть* – *poder*, *сильный* – *poderoso*, *всесильный* – *todopoderoso*, *всемогущий* – *omnipotente*, *всегомоущество* – *omnipotencia*, *сила* – *fuerza* и отсутствуют элементы семантического ряда «царь». Термины *Господь* и *señor* равно присутствуют в обоих блоках.

Отношения ЧЕЛОВЕК – БОГ, БОГ – Я, участие бога в жизни человека выражены в реакциях обоих АП в одинаковой степени. Как в РАП, так и в ИАП, находим в реакциях выражение непосредственной близости к богу: *мой, с тобой, во мне, я (верю), и мой – tío, моя опора – mi apoyo, мне помогает – me ayuda*. В испанском блоке отметим более категоричные проявления личного «я»: *Он/я – Él/yo*, второе я – *alter ego*, *ты – tú*, и просто я – *yo*.

В обоих блоках присутствуют некоторые элементы прецедентных текстов – ссылки на имена, явления, высказывания, произведения литературы и искусства, выражения, афоризмы и пр., характерные для данного языка и данной культуры, легко узнаваемые для любого ее носителя. В ИАП реакция *nos pille confesados* – это ссылка на поговорку «Dios nos pille confesados», которую следует понимать как предупреждение о грядущей опасности. Ответ *ateísmo Buñuel* соотносится с именем известного кинорежиссера Луиса Бунюэля (1900–1893), автора скандального фильма «Виридиана» (1961), запрещенного в Испании вплоть до самой смерти Франко (1975) из-за откровенных сцен церковного разврата, святотатства и богохульства. Ответ-реакция *patria* непосредственно ассоциируется с триадой «Dios, Patria, Rey» – «Бог, Отчизна, Король». Исторически это лозунг карлистов – сторонников принца Карлоса, брата короля Фердинанда VII и претендента на престол, вследствие чего в XIX веке развязались так называемые «карлистские войны». В наше время этот лозунг воспринимается как символ современных реакционных правых традиционалистов, вошедших в состав франкистской партии Фаланга. Представляет также интерес реакция *Нищие*, философа, отрицавшего, как известно, существование бога, сторонника теории «Бог умер» – концепта, фигурирующего в ответах обоих АП, как было указано выше. В РАП к прецедентным текстам следует отнести ответ *опиум* – аллюзию на известное высказывание К. Маркса «Религия есть опиум народа». В русском АП, помимо устойчивых выражений и восклицаний *бог ты мой!*; *бог с вами*; *бог с тобой*; *бог с ними*; *бог тебя знает!*, идентифицируемых любым носителем языка, наше внимание привлекли два ответа, цитирующих главные канонические тексты христианства: «Отче наш» в ответе *да святится твое имя*, и Заповедь третью в ответе *не будем всеу* (произносить имя господя).

Схематично изобразим наиболее значимые концептуальные точки соприкосновения и различия в обоих АП в следующей таблице:

РАП	бабушка, весть, видит, владыка, воин, война, дедушка, дух, истина, казнить, кот, крутой, купол, лох, мужик, накажет, народ, огонь, опиум, плодородие, свободный, тиран.
-----	---

РАП и ИАП	ангел/ángel, атеизм/ateísmo; бородатый/barba; велик/grande; вера/fe; вечность/eternidad; власть/poder; всевышний/supremo; вселенная/macrocósmos; всемогущий/omnipotente; всё/todo; высший/altísimo; гора/montaña; господь/señor; добро/bien; друг/amigo; дух/espiritualidad; душа/alma; дьявол/diablo; есть/existe; жизнь/vida; зло/maldad; Иисус/Jesús; крест/cruz; любовь/amor; мир/paz; мой/mío; надежда/esperanza; небо/cielo; нет/no hay; ничто/nada; обман/engaño; один/uno; отец/padre; отсутствует/ausencia/no está; помощь/ayuda; разум/mente; рай/paraíso; сатана/satanás; свет/luz; святой/sagrado; сила/fuerza; символ/símbolo; смерть/muerte; смысл жизни/el pilar de mi vida; совершенство/perfección; создатель/creador; солнце/sol; спасет/salvación; существо/ser; сын/hijo; творец/creador; троица/triángulo(?); умер/murió; человек/hombre; что-то/algo; чужь/absurdo; церковь/iglesia;
ИАП	abstracción, agnosticismo, altar, atrapar, azul, calma, camino, consuelo, corazón, dedo, diamante, energía, enfermedad, ente, Entelequia, fantasma, felicidad, frío, gnosis, juego, infierno, mentira, miedo, molde, monja, moral, oscuro, patria, peligro, placebo, puerta, respeto, risa, rollo, soez, temor, utopía, vacío, viejo, unión, virgen.

При контрастивном анализе АП разносистемных языков можно руководствоваться множеством критериев для выявления их различительных особенностей. В данном случае мы ограничились лишь несколькими, хотя спектр может быть весьма широким: масштабность, определенность, эмоциональность, свет/мрак, добро/зло, эксплицитность/имплицитность, жизнь/смерть, истина/ложь, время, пространство, активность, символизм, хроматизм, гендерность и пр.

В заключение выскажем некоторые соображения общего характера. После 70 лет советского воинствующего атеизма в реакциях русскоязычных испытуемых наблюдается тенденция к возвращению к традиционной идее о существовании бога. И наоборот – в ответах испанских информантов прослеживается довольно активная тенденция к отторжению веры в бога в традиционной, канонической форме, веками насильственно насаждаемой католической церковью. Вероятно, если бы подобный опрос был реализован, например, в 50-х годах прошлого века (что не так уж и давно), результаты были бы диаметрально противоположными, как в зеркальном отражении. Но это всего лишь предположения...

Литература

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: Институт русского языка РАН, 1999. – 180 с.

Караулов Ю.Н. Образы языкового сознания испанцев и русских // *Eslavística Complutense*. – 2001. – № 1. – С. 197–214.

Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Санчес Пуиг. Ассоциативные нормы испанского и русского языков. – М.: Институт русского языка РАН, 2001. – 358 с.

DRAE: Diccionario de la Lengua Española. Т. 2. – Real Academia Española. Madrid, 2014. – 2133 с.

Т.А. Трипольская

УДК 81'371

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ К.И. ЧУКОВСКОГО: МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Обращение к эмоционально-оценочной деятельности человека позволяет реконструировать многомерную модель языковой личности, включающую основные параметры эмоциональных состояний человека, которые детерминируют его оценочную деятельность. За эмотивно-оценочным словом стоит сложный механизм интеллектуального и эмоционального освоения мира, а в иерархической системе гетерогенного лексического значения слова отражается система оценок, предпочтений и желаний говорящих. Объектом лингвистического описания в статье является К.И. Чуковский как языковая личность, воплощенная в дневниковом дискурсе. Делается вывод о том, что в лексической организации дневникового текста ярко проявляются черты языковой личности, квалифицирующей мир с определенной долей строгости и категоричности, с привлечением всего многообразия оттенков ценностной шкалы, с пониманием того, что реальный объект оценки и эмоционального отношения сложен, многогранен и представляется как сложная комбинация эмотивно-оценочных смыслов, характеризующая тезаурус автора дневника. Т. е. субъект оценки и эмоционального состояния отличается высокой степенью когнитивности, вычленяет в объекте оценки множество оснований для эмотивно-оценочного реагирования. Кроме того, автора дневника характеризует высокая степень эмоциональности, которая, регулярно вербализуясь в эмотивно-оценочном дискурсе, в существенной мере определяет аксиологическую деятельность языковой личности.

Ключевые слова: языковая личность, Корней Чуковский, эмотивно-оценочный дискурс, дневниковый жанр, тезаурус языковой личности, концепт.

Tatyana A. Tripolskaya

LANGUAGE PERSONALITY OF KORNEY CHUKOVSKY: THE EMOTIVE-EVALUATIVE WORLDVIEW MODELING

Referring to the emotional-evaluative human activity allows to reconstruct the multidimensional model of language personality which includes the basic parameters of human emotional state and determines the evaluation activity. The emotive-evaluative word is connected with a complex mechanism of intellectual and emotional exploration of the world and the rating system, preferences and desires of a speaker are reflected in the hierarchical system of heterogeneous lexical meaning of a word. The object of linguistic description in the article is K.I. Chukovsky language personality realized in the diary discourse. It is concluded that in the diary text lexical organization the features of language personality are apparent qualifying the world with a certain degree of rigor and explicitness, involving all the diverse shades of value scales, with the understanding that the real object of evaluation and emotional relationship is complex, multifaceted and is represented as a complex combination of emotive-evaluative meanings characterizing the diary's author thesaurus. I.e. the subject of evaluation and emotional state has a high degree of cognitivity, extracts plenty of grounds for emotive-evaluative reaction in the assessment. Besides, the author of the diary is characterized by the high degree of emotionality which is regularly verbalized in emotive-evaluative discourse and significantly determines the language personality axiological activity.

Keywords: language personality, Korney Chukovsky, emotive-evaluative discourse, the diary genre, thesaurus of language personality, concept.

В современной лингвистике осмыслены разные ипостаси существования языковой личности (далее – ЯЛ): «как индивидуума <...> со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; как типового представителя данной языковой общности <...> и как представителя рода человеческого, неотъемлемым свойством которого является использование <...> естественного языка» [Караулов 1997: 671].

Особенность настоящего этапа в изучении ЯЛ состоит в построении многообразных типологий, которые создаются в основном с опорой на предшествующие работы психологов и социологов и, к сожалению, иногда без серьезного анализа языкового материала. Выделение конфликтной и неконфликтной, экстравертной и интровертной языковых личностей, типов героев и злодеев и т. д. не вызывает возражений, но требует детального лингвистического обоснования. Обзор существующих классификаций, представленный в книге В.И. Карасика (см. [Карасик 2004]), подтверждает необходимость продолжать как аспектные, так и комплексные исследования ЯЛ, призванные подтвердить, дополнить, уточнить или опровергнуть те или иные классификационные схемы.

Мысль об интеллектуальной и эмоциональной составляющих человеческого сознания в их взаимодействии является весьма существенной для концепции языковой личности (см. [Караулов 1987]). Обращение к эмоционально-оценочной деятельности человека (к эмотивно-оценочному дискурсу – [Трипольская 1999]) представляется плодотворным, позволяющим реконструировать многомерную модель ЯЛ, включающую основные параметры эмоциональных состояний человека, которые детерминируют его оценочную деятельность.

В дискурсе, организованном с помощью эмотивно-оценочной лексики, проявляется когнитивный уровень (система ценностей) социума и конкретного человека, а также особенности категоризации эмоций, связанных с оценочной парадигмой в языковой картине мира. За эмотивно-оценочным словом стоит сложный механизм интеллектуального и эмоционального освоения мира, а в иерархической системе гетерогенного лексического значения слова отражается система оценок, предпочтений и желаний говорящих. Кроме того, эмотивно-оценочная лексика – это альтернативная зона словаря, зона языкового выбора. Выбрав эмотивно-оценочное слово (если выбор действительно осуществлен, а не представлено безвариантное употребление фамильярно-просторечной лексики), говорящий имплицитно (а иногда и эксплицитно) сообщает о себе как о ЯЛ, способной к рефлексии над языковым знаком и речевой стратегией. Ср.: «Акт предпочтения одного языкового средства другому – так же, как и степень его осознанности, – это и есть сам говорящий, “образ автора” данного высказывания» [Винокур 1993: 19].

Объектом лингвистического описания является К.И. Чуковский (далее – К. Ч.) как ЯЛ, воплощенная в дневниковом дискурсе. Тексты дневников опубликованы в журналах «Знамя» и «Новый мир». Дневники охватывают более шестидесяти лет (с 1901 по 1929 и с 1932 по 1968 гг.).

Этот текст отвечает всем «требованиям» дневникового стиля (жанра): структура текста, разный уровень распространенности или сжатости изложения, переключение языковых регистров, тематический перебив, отсутствие (может быть, мнимое) конкретного или гипотетического адресата: «До сих пор я писал дневник для себя, т. е. для того неведомого мне К. Чук., каким я буду в более поздние годы. Теперь более поздних лет

для меня нет. Для кого же я пишу? Для потомства? Если бы я писал для потомства, я писал бы иначе, наряднее, писал бы о другом, и не ставил бы порою 2-х слов вместо 25 или 30, – как поступил бы, если бы не мнил себя единственным будущим читателем».

Во всем дневниковом дискурсе (тексте, за которым «встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном итоге – особый мир» [Степанов 1995: 44]) мы вычленяем его эмотивно-оценочный аспект с учетом того, что дискурс, ведущей лексической характеристикой которого является эмотивно-оценочная лексика, имеет сложный интенциональный рисунок.

Эмотивно-оценочный дискурс К. Ч. рассматривается как инструмент для моделирования когнитивного уровня в структуре ЯЛ.

Качественные и количественные характеристики эмотивно-оценочного словаря К.И. Чуковского

Условно текст дневника разбит нами на две части: с 32 по 54 и с 54 по 69 год. Сделано это было по техническим причинам – для удобства обработки, в том числе и статистической, лексического материала. Однако оказалось, что эмотивно-оценочный дискурс, представленный в этих частях текста дневника, существенно отличается качественно и количественно.

Первая часть дневников содержит около 130 эмотивно-оценочных слов и около 150 их употреблений. Кроме того, около 60 оценочных высказываний построены с помощью рациональных оценок (включая и смешанные ряды, представленные эмотивными и рациональными оценочными единицами). Мы отдаем себе отчет в том, что граница между словарем эмотивных и рациональных оценок зыбка, подвижна и проницаема, поэтому цифровые данные не являются абсолютными.

Во второй части дневника, имеющей примерно такой же объем, что и первая, употреблено около 250 эмотивных оценок, и более 115 высказываний содержат разные типы оценочных слов. Указанное количество эмотивно-оценочных слов представлено 290 словоупотреблениями.

Каждая часть дневника содержит приблизительно 21000 словоупотреблений. Таким образом, во второй части эмотивно-оценочная лексика составляет около 1,4 %, а в первой – 0,7 %. Кроме того, во второй части почти вдвое увеличивается и количество оценочных речевых актов, построенных с помощью рациональных оценочных единиц. Дискурс языковой личности второй части дневникового текста существенно более насыщен указанной лексикой и содержит, по грубым оценкам, втрое большее количество прямых и косвенных оценочных актов.

В целом процент анализируемой лексики невелик, однако создается впечатление высокой степени насыщенности дискурса эмотивно-оценочной лексикой и высокой степени его эмотиогенности (В.И. Шаховский). Основную причину этого мы видим во взаимодействии эмотивно-оценочного слова с «соседями» по текстовому пространству: являясь смысловой и эмоциональной доминантой фрагмента дискурса, слово организует эмотивно заряженный текст, в котором коннотативные смыслы иррадируют в другие лексические элементы текстовой парадигмы, то есть происходит приращение, наведение коннотативного содержания. Эмотивно-оценочный и – шире – прагматический заряд исследуемой лексики так значителен, что, становясь доминантой высказывания (часто и формально эмотивно-оценочное слово занимает позицию предиката), лексическая единица распространяет этот заряд на близлежащий контекст, делая его экспрессивным.

Эмотивно-оценочный словарь ЯЛ оказался весьма невелик (около 400 единиц). Для сравнения напомним, что только эмотивно-оценочных существительных со значением лица в БАС около 1000, а прилагательных - около 960.

Достаточно неожиданно распределение эмотивно-оценочной лексики ЯЛ по частям речи: примерно 150 существительных, в основном со значением лица (*бездарь, опричники, гебеушничество, палач, полицейщина, жандарм, хунвейбины, микробы, негодяйство, пройдошливость* и др.), около 140 прилагательных (*трусливенький, рабы, иезуитский, гнусный, дивный, чудный, гениальный, потрясающий, прелестный, изящный* и др.), около 20 наречий (*убого, тускло, элементарно* и др.) и примерно 40 глаголов (*шельмовать, улюлюкать, травить, топтать, нападать, жучить, вышибить, лопотать, пискнуть, шаманствовать* и др.). Кроме этого, есть фразеологический материал с эмотивно-оценочным содержанием (*облить помоями, бить по зубам*).

Представляется, что это вполне значимые цифры. Предпочтение отдано именам, которые в высказываниях выполняют функцию предиката. Они характеризуют объект, выявляя основание оценки и делая оценочное высказывание более категоричным: эмоциональные оценки непосредственно приписываются объекту, а не передаются опосредованно через характеристику, например, его действий. Глагол относит эмотивно-оценочную характеристику к определенному временному промежутку, существительное же передает эмотивно-оценочную информацию об объекте как постоянно ему присущую. Более того, чтобы «заслужить» характеристику *нытик, дурак, рохля, Держиморда* и др., объект должен проявлять качества характера или поведенческие признаки постоянно или с высокой степенью интенсивности. Доказательством этого могут служить словарные дефиниции эмотивно-оценочных существительных в толковых словарях: практически все они содержат сему 'очень' и ее модификации.

Дневник К. Ч. часто содержит не описание тех или иных действий, событий, фактов, вызывающих эмотивно-оценочную реакцию, но описание человека - носителя определенных черт характера или же описание результатов его деятельности, в подавляющем большинстве случаев творческой.

Выявленный фрагмент словаря автора дневника с точки зрения воплощения эмотивно-оценочной семантики коррелирует с устройством эмотивно-оценочной подсистемы языка: в нем наблюдается примерно такое же преобладание негативных эмотивно-оценочных смыслов над позитивными. Кроме того, если негативная эмотивно-оценочная лексика как подсистема словаря отличается детализацией, смысловым варьированием, избыточностью, а позитивные оценочные единицы характеризуются однообразием, общеоценочными значениями и отсутствием детальной интерпретации действительности, то и в лексиконе автора дневника это ярко выраженное противопоставление имеет свое воплощение. Однако эта языковая универсалия, проявляясь в лексиконе ЯЛ, приобретает и специфические черты.

Во-первых, области позитивного и негативного словарей пребывают в состоянии яркого контраста: практически нет лексики, выражающей «умеренные» эмотивно-оценочные значения, – только категорично отрицательные или восторженно-положительные.

Во-вторых, не менее ярким является стилистический контраст: негативная лексика представлена сугубо разговорно-фамильярными эмотивными оценками (*негодяйство, дрянь, подонки, пискнуть, свинья, червяк, тупица, дурак, идиот* и др.) и книжными (*опричники, Держиморда, вельможа, раппы, клинические речи, дремучий, вириши,*

беспросветно бездарный, полуфотографы, середняки-художники), а позитивные смыслы передаются книжной, эстетически маркированной лексикой (*прелестный, поэтический, превосходный, гениальный, изумительный, волшебный, чудесный, феноменальное чудо изящества*), призванной в языке передавать эмотивную эстетическую оценку. Ср.: **чудесные** тональности, **прелестный** голос; *Маршак был прелестен, речь блестяща, впечатление чарующее; В Евпатории познакомился с Ойстрахом – студентообразный скрипач, милый, изящный, скромный; изумительное передразнивание; прелестно картавит; гениальный рассказчик анекдотов; книга превосходная; чудесный венок; изящная статья; дивная речь; чудесный Твардовский; бесконечно милый человек; лучезарный москвич.*

Практически все позитивные лексические единицы относятся к высокому стилю, с их помощью выражаются в основном эстетические оценки. У К. Ч. же сфера приложения этих лексем существенно расширяется. С их помощью выражаются разные виды оценок: этические (**чудный** человек, **изумительная** женщина, **прелестный** друг – «добрые, отзывчивые, интеллигентные люди»), интеллектуальные, оценка интеллекта, таланта (*Маршак был прелестен, прелестный голос, чудесный Твардовский, изящная статья, чудесное изображение лагерной жизни*) и, конечно, эстетические (**чудесные** тональности, **дивные** строки).

Однако эстетический компонент («память» об основной функции в лексической системе языка) в качестве ядерного, определяющего вид эмотивной оценки, или периферийного, сопутствующего, часто присутствует в акте эмоциональной квалификации события.

«Любимые» прилагательные *чудесный* (самое частотное), *изумительный, прелестный, чарующий* в дискурсе ЯЛ становятся универсальными средствами положительной оценки. Если говорить о системе предпочтений автора дневника, следует отметить такие особенности: во-первых, значимой является эмотивная насыщенность этих прилагательных и наречий. Ср.: *изумительный* – необыкновенный, восхитительный, приводящий в изумление; *восхитительный* – приводящий в восхищение, очаровательный, замечательный; *чарующий* – производящий неотразимое впечатление, пленяющий; *чудесный* – чудный, очень хороший; *чудный* – удивительный по прелести и красоте; *прелестный* – полный прелести, очаровательный, обаятельный, привлекательный (см. [МАС; ТСОШ]). Во всех толкованиях отражены компоненты ‘приятное чувство’ (восхищение, изумление, удивление) и ‘эстетическая оценка’ (красота, прелесть, очарование). Лексика этой группы совмещает в своей семантике информацию о положительных эмоциях и оценках.

Во-вторых, если говорить о языковом вкусе автора дневника, то можно предположить, что именно эта лексика не дает эмотивно-оценочному дискурсу погрузиться в бытовую разговорность, позволяет избежать некоторой заземленности, создать солидный противовес разговорной, сниженной стихии отрицательной эмотивной оценки. Выбор этого, не самого типичного способа позитивного эмотивно-оценочного реагирования говорит о языковом вкусе и блестящем владении ЯЛ литературным языком и языком художественной литературы.

О том, что позитивная эмотивно-оценочная лексика занимает особое место в эмотивно-оценочном лексиконе ЯЛ, говорят следующие факты: эстетически маркированные эмотивные оценки появляются в ситуациях, совершенно не соответствующих образно-эстетической модальности слов типа *дивный, чудный, прелестный, чудесный* и

др. Таковым является описание в дневнике похорон жены, смерть которой автор очень тяжело переживает. Ср.: *Дивный венки; прекрасное место для могилы; чудную речь сказала Т. Габбе; прелестные цветы; чудесные слова; прекрасные люди, замечательные деревья на кладбище, дивные сосны.*

Положительная оценка указанных реалий очевидна, однако выбор слова является явно нетипичным, авторским. Обычно всё, что связано с трагическими, мучительными событиями, мы не склонны квалифицировать словами с ярко выраженным положительным эмотивным зарядом. Будучи очень хорошими (красивыми, проникновенными, подходящими), венки, цветы, речи, место для могилы не соотносятся в нашем сознании с *прелестным, чудным, дивным*. Следовательно, в этих словах происходит ситуативное погашение сильных эмотивных коннотаций, которые не соответствуют эмоциональному состоянию пишущего, и они становятся лишь знаком позитивной оценки. Такое приспособление слова к нетипичной коммуникативной ситуации, к своим интенциям говорит о высокой степени освоения и «присвоения» слова ЯЛ.

Основные концепты в тезаурусе ЯЛ

Анализируя тематический словарь, можно выявить наиболее актуальные понятийные области исследуемой личности. Ориентиром в анализе эмотивно-оценочного дискурса, который является источником информации об устройстве и функционировании когнитивного уровня языкового сознания, является не только солидное количество тематически связанных лексических единиц в лексиконе говорящего и высокий уровень встречаемости их в дискурсе, но и устройство данного фрагмента лексикона. Под этим понимаются качественные параметры: уровень детализации в эмоционально-оценочном освоении мира, соотношение коннотативных смыслов, относящихся к полюсным областям оценочной шкалы, взаимодействие смысловых единиц разных понятийных областей и др.

1. «Интеллектуальные» концепты

Ядерное положение в эмотивно-оценочном лексиконе данной ЯЛ занимает лексика, так или иначе связанная с тремя взаимодействующими и взаимосвязанными, как будет показано далее, понятиями, относящимися к интеллектуальной деятельности человека: высокий интеллект, образованность и одаренность (талант), с одной стороны, и глупость, безграмотность и бездарность – с другой. Именно эта сфера ментальной и творческой деятельности оказывается для автора дневника наиболее значимой.

Такое положение дел частично согласуется с позицией этих концептов в эмотивно-оценочной картине мира социума: по данным разных типов словарей фрагменты «Глупый» и «Умный» в семантическом поле «Характеристика качеств личности» занимают весьма существенное место. Столь же объемной в лексической системе языка является и группа «Человек ленивый». Однако у К. Ч. практически нет ни одной единицы этой лексической парадигмы. Отмеченный факт еще не говорит о том, что отражаемые этой лексикой понятия и связанные с ними эмотивно-оценочные смыслы не актуальны для исследуемой ЯЛ. Данные смыслы «прирастают» к эмотивно-оценочной лексике с семантикой, например, 'безграмотный, бескультурный' и др. Такое перераспределение языковых ресурсов в лексиконе говорящего свидетельствует о степени спаянности отражаемых в слове качеств человека – безграмотности или, говоря языком К. Ч., «незнания», бескультурья и лениности ума. Для К. Ч. глупость, порождаемая не-работой ума, всегда оценивается резко отрицательно (никакого снисхождения!), тогда как концепт «Глупость» погружен в весьма неоднородный эмотивно-оценочный контекст в тезаурусе русской ЯЛ (см. [Трипольская 1999]). Показателем особой актуальности понятия

для говорящих являются большое количество лексических единиц и их частотность в дискурсе. Еще более существенным признаком освоенности данного понятийного пространства является фактор личностного осмысления этих концептуальных областей, то есть наличие специфических черт индивидуальной эмотивно-оценочной картины мира.

Обратимся к Русскому ассоциативному словарю (РАС) и Русскому семантическому словарю (РСС), чтобы определить, насколько актуальны указанные смысловые связи для русской эмотивно-оценочной картины мира.

Анализ словарных статей РАС, связанных с характеристикой интеллекта и культурного уровня, а также уровня одаренности человека, позволил сделать следующие выводы: на периферии ассоциативного ряда к стимулам *глупый* и *безмозглый* появляются одиночные реакции типа *недумающий*, *бездарь*, а стимул *талант* порождает также одиночные реакции *глупость*, *ум*, *умный*, *серый*. Эти данные согласуются с информацией РСС: семантические множители дескриптора *глупость* представлены в значениях слов *невежество*, *провинциальный*, *наивный*, *простой*; дескриптор *некультурность* имеет общие семантические элементы со словами *темный*, *провинциальный*, *отсталый*, *невежество*.

Словари фиксируют непрямую, может быть, не всегда очевидную связь между этими концептами в коллективном языковом сознании современников. Подчеркнем еще раз, что это неосновные и нечастотные реакции, выдаваемые информантами на соответствующие слова-стимулы. В лексиконе же К. Ч., который актуализируется в эмотивно-оценочном дискурсе, эти связи множественны, очевидны и актуальны, их причинно-следственный характер часто эксплицируется автором дневника. Низкий интеллект и низкий уровень культуры в подавляющем большинстве ситуаций сопутствует и низкой степени одаренности, неталантливости, бездарности, видимо, той, которую понять и принять у человека не хватает не только мужества, но и ума. Чтобы подтвердить это положение, обратимся к дискурсу автора дневника:

Умер Еголин – законченный негодяй, подхалим и – при этом бездарный дурак. Находясь на руководящей работе в ЦК, он, пользуясь своим служебным положением, пролез в редакторы Чехова, Ушинского и Некрасова – и эта синекура давала ему огромные деньги, – редактируя Чехова, он заработал на его сочинениях больше, чем заработал на них Чехов. Он преследовал меня с упорством идиота. Он сопровождал Жданова во время его позорного похода против Ахматовой и Зощенко – и выступал в Питере в роли младшего палача – и всё это я понял не сразу, мне даже мерещилось в нем что-то добродушное, только два года назад я постиг, что он беспросветная сволочь. Его «работы» о Некрасове были бы подлы, если бы не были так пошлы и глупы <...>. Дело в том, что он бездарен, невежествен, хамоват, туп, вульгарно-мелочен <...>. Совершенный позор (об аудитории художников. – Т. Т.): собралось человек до двухсот – невежественных до последней стадии и плохо рисующих... основная масса середняков-художников в сущности бездарные мазилки – без божества, без вдохновения.¹

Для К. Ч. настолько очевидна связь таланта, широкой образованности, настоящей культуры и интеллекта, что, столкнувшись с чем-то противоположным, он тщательно анализирует этот факт, который, будучи исключением в его жизненном опыте, не ведет к пересмотру основных ценностных ориентиров:

¹ Орфография и пунктуация автора дневника.

Очень талантлив... Трудолюбив, талантлив, упорен, бескорыстен. Но феноменально далек от общечеловеческой культуры. Он певец – и я верю – хороший. Но недаром Шаляпин смолоду водился с Львом Толстым, с Чеховым, с Горьким <...> недаром Собинов был одним из начитаннейших людей своего времени. Недаром Лядов мог цитировать в разговоре Щедрина и Достоевского – а Игорь Ал., не получив общегуманитарного образования, может цитировать лишь воюющую пошлятину современных казенных стихокропателей. Мне странно видеть молодого человека, который не знает ни Заболоцкого, ни Мандельштама, ни Ахматовой, ни Солженицына... Он пробует писать, и конечно, в его писаниях сказывается его богатая натура, но вкуса никакого, литературности никакой, шаблонные приемы, банальные эпитеты...

В лексиконе эмотивных оценок интеллекта или его отсутствия К. Ч. отдано предпочтение следующим характеристикам глупости: *идиот* (самая частотная единица), *дурак*, *идиотизм*, *идиотский*, *тупой*, *тупоголовый*, *туп*, *тупоумец*, *тупоумный*, *тупица*, *глупый*, *глупость*, *глупец*. К этим лексическим единицам примыкают частотные устойчивые словосочетания языкового и индивидуально-авторского характера: *патентованный дурак*, *последний идиот*, *беспросветный дурак*, *беспросветный идиот*.

Далее в лексиконе выделяется группа слов, в семантике которых сема 'глупость' занимает не ядерную позицию: *замолол*, *беспросветный*, *убогий*, *плоский*, *самодельковый*, *домотканый* и др., сочетаясь со смысловыми элементами 'низкий уровень культуры', 'безграмотность'. Благодаря этим компонентам авторских эмотивных оценок, связываются в единую подсистему указанные понятийные области.

Ядро смежного понятийного поля представлено эмотивно-оценочными и рационально-оценочными единицами: *неграмотность*, *некультурность*, *безграмотщина*, *дремучий*, *темный*, *убогий*, *самодельковый*, *кустарный*, *самodelка*, *раппы*, *рапповщина* и др.

Семантический компонент 'низкий уровень грамотности, культуры' в семной иерархии лексических значений занимает разное положение: ядерное (*безграмотный*, *бескультурье*, *дремучий*, *темный* и др.) и периферийное (имплицитные, производные семы в словах *раппы*, *домотканый*, *самodelковый*, *кустарный*). В них, кроме указанных, сильными являются семы 'неталантливый, неоригинальный, примитивный, пошлый'.

Обратимся к дневниковому дискурсу, в котором проявляются личностные семантические модификации эмотивно-оценочной лексики. Ср.:

Клинические речи, книги – безнадежно глупые, бездарные (дневник).

Беспросветный (с существительными *дурак*, *бездарь*, *подлец*, *негодяй*, *книга*, *работа* и др.) – о качестве (глупость, бездарность, безграмотность), проявляемом в высшей степени (дневник).

Убогий – недостаточный, несовершенный, чересчур простой, бедный содержанием, бесцветный, неинтересный, невыразительный; бездарный, лишенный ума, таланта (дневник).

В семантике этих слов очевидна и актуальна каузальная связь понятий глупости, неграмотности и низкого уровня культуры. Этим определяется и отрицательное эмотивно-оценочное отношение говорящего человека к проявлениям указанных признаков оцениваемого объекта.

2. Концепт «талант»

Как уже отмечалось выше, отсутствие таланта, одаренности – это существенное основание для негативной оценки К. Ч. Неталантливость может вызывать у говорящих целый спектр разнообразных эмоций и оценочных суждений. Так, будучи характеристи-

кой абстрактного человека, неодаренность едва ли спровоцируют резкую негативную реакцию. Иная аксиологическая ситуация складывается, когда речь идет о неталантливом авторе и о бездарном произведении, которое представлено на суд читателей или зрителей. Оценка отсутствия дарования в этом случае совсем иная – по гамбургскому счету.

У К. Ч. с явлением бездарности связаны эмоции гнева, раздражения, досады, реже – тоски и безнадежности. Эмоционально-оценочная реакция К. Ч. понятна: бездарность, управляющая литературой, распоряжающаяся жизнью писателя, диктующая, что и как писать, не может не вызывать подобного отношения.

Многие лексические единицы этой тематической группы нуждаются в специальном комментарии. Не все из используемых слов зафиксированы словарями, а многие лексемы получили дальнейшее семантическое развитие в дневниковом дискурсе. Сравним наиболее актуальные из них с семантизацией в толковых словарях (далее представлены либо словарное толкование и авторское преломление семантики слова в дневнике, либо только семантизация слова в словаре, если его употребление соответствует словарной интерпретации).

Домотканый – невысокого художественного уровня, не относящийся к лучшим образцам культуры; неодаренный, примитивный, малообразованный, не находящийся в контексте мировой культуры (дневник).

Домотканый. Вытканый домашним, кустарным способом (МАС).

Дремучий. 2. Перен. Совершенный, полный (о носителе каких-либо отрицательных качеств), невежда (МАС).

Кустарный. Перен. Несовершенный, примитивный (МАС).

Элементарный – не обладающий глубиной постижения сути вещей, что характерно для серьезного художника (дневник).

Элементарный. 2. Нетрудный, несложный, простейший // ограниченный, упрощенный // Само собой разумеющийся, понятный всякому без разъяснений (МАС).

Раповщина, раппы – невежество, необразованность, нетворческий характер деятельности, неталантливость (дневник).

Кропанье – медленный, рутинный, нетворческий труд; жалкий, неталантливый результат (дневник).

Пепельно-скучный – серый, неинтересный, неоригинальный, такой, в котором нет проблесков таланта или оригинальности (дневник).

Пепельный. Сероватый, похожий цветом на пепел (МАС).

Передвижники (захиревшие передвижники) – энтузиасты, подменяющие энергией и старанием талант и оригинальность; вульгарно понимающие реализм в искусстве (дневник).

Передвижник. Передовой, демократически настроенный художник-реалист второй половины 19 века (МАС).

Середняк, художник-середняк, середняк-художник – серый, неоригинальный, малообразованный, малоодаренный художник (дневник).

Середняк. 1. Человек средних способностей, ничем не выдающийся (МАС).

Пискнуть – внести ничтожную лепту в развитие того или иного вида искусства; создать вещь очень слабую и малоталантливую (дневник).

Пискнуть. 1. Издавать писк; 2. Говорить или петь тонким, писклявым голосом (МАС).

Семантические переосмысления, которым подвергается эмотивно-оценочная лексика в лексиконе ЯЛ, отличаются разной степенью сложности.

Прокомментируем механизмы появления семантических модификаций эмотивно-оценочного слова в словаре К. Ч. Так, прилагательное и наречие *элементарный, элементарно* в дискурсе ЯЛ как бы совмещает оба языковых значения 'само собой разумеющийся' и 'нетрудный, несложный, понятный всякому без разъяснений' (МАС). В результате такого взаимодействия разных значений формируется эмотивная оценка 'простейший, упрощенный до вульгарности, не обладающий глубиной постижения предмета, что свойственно серьезному искусству'.

Рапты, рапповщина – с понятием этой пролетарской организации автор связывает следующие качества: невежество, неграмотность, бездарность, а также категоричность и агрессивность.

Представляют интерес лексемы *самodelковый* и *домотканый*. Последнее представлено в словаре со значением 'вытканый домашним, кустарным способом', а ступенчатый дефиниционный анализ приводит к значению 'несовершенный, примитивный' (см. *кустарный*). Лексемы *самodelка* и *самodelьщина* семантизированы следующим образом: 'самodelьная вещь' и 'плохо сделанная, неискусная самodelьная вещь' (МАС). Семантика этих слов трансформируется в лексиконе К. Ч.: прилагательные *самodelковый* и *домотканый* имеют значение 'примитивный, упрощенный, сделанный неталантливо – применительно к результатам писательского, научного или другого творческого труда'. Это оценка примитива, плод деятельности неразвитого, необразованного ума, малоинтеллектуальная продукция. Подобные семантические процессы характерны для следующих выражений: *обыватель густопсовый, дремучие глаза, художники-середняки* и др. Актуальный смысл 'бездарный' наблюдается и в эмотивных оценках *пискнуть в журнале, косноязычные статьи, никудышные книжонки* и т. п.

Сравнительно небольшой круг эмотивно-оценочных единиц литературного языка существенно восполняется авторскими словами. В функциональном плане они оказываются наиболее значимыми в силу совмещенности указанных смыслов, которая отражает взаимосвязь понятий, актуальную для говорящего.

Противоположный оценочный полюс представлен также весьма своеобразно: в лексиконе нет слов *одаренный, одаренность, дарование, даровитый, способности* применительно к творческой личности (исключение составляют люди науки). К.Ч. в этой области не признает полумер, в его эмотивно-оценочной парадигме актуализируются только полюсные области. Ср.: *талант, гений, мастерище, гениальный; потрясающий, чудный, изумительный, поразительный (талант)* и др. – на одном полюсе, и всё перечисленное выше, связанное с семантикой 'бездарный', – на другом:

Вчера Маршак был прелестен... Стали читать его переводы Бернса – превосходные, на высочайшем уровне...й Больше всего в этой олимпиаде понравилось мне – «Сурок» Бетховена, исполненный какой-то тоненькой испуганной девочкой – феноменальное чудо изящества, прелестный поэтический голос, чудесные тональности, – жаль только, что она так сильно оробела вначале; ослепительный талант; центральный человек литературы.

Если характеризовать лексикон ЯЛ, то, безусловно, наличие своего, окказионального слова является яркой чертой личностного словаря, однако, как видим, переструктурирование, модификация лексических значений, выдвигание компонентов глубокой периферии на место основных, ведущих сем является не менее важной характеристикой говорящего. Эти процессы не так очевидны и требуют целенаправленного анализа, однако именно этот путь исследования лексикона позволяет выявить специфические черты понятийной системы ЯЛ, описать особенности основных концептов и их связей в тезаурусе.

Характерная черта вербализации этого сложного понятийного участка говорящего субъекта - актуализация каузальных связей между указанными свойствами человеческой природы, которая отражается не только в частотной со-встречаемости указанных лексических единиц в речи, но и в организации значений основных лексем: переплетении и взаимодействии в нем семантических компонентов 'неумный (неразвитость ума)', 'темный, дремучий (бескультурный)', 'элементарный (нетворческий)', 'бездарный'.

3. Морально-нравственные концепты

Следующий значимый по количеству лексических единиц, их частотности и значимости в эмотивно-оценочном дискурсе фрагмент лексики – это нравственно-этические характеристики людей, поступков, художественных произведений, социальных реалий.

Для автора дневника актуальным является не очень широкий круг лексических единиц, передающих эмотивную оценку морально-этических качеств. Из словаря личностных характеристик говорящий выбирает для вербализации своих интенций лишь небольшой фрагмент, однако этот выбор очень существен для описания личности в целом. Объектом оценки становится:

1) всяческое насилие над личностью и государственный аппарат подавления человека (*накинуться, травить, Держиморда, черносотенцы, гепеушничество, вельможа, палач, полицейщина, опричники, изверги, оболют помоями, шельмовать, бандитские, фашисты, жандарм, топтать ногами, жучили, фанатик, изуверство, хунвейбины, хунвейбинство, недочеловеки, Бенкендорфы и Дубельты, несмолкаемый лай, «чуковщина», вышибить, бить по зубам, колотить, улюлюкать, топтать, бить ногами, травля, наскок, разгул, расправа* и др.);

2) трусость и рабство, порожденные насилием (*подхалим, подхалимляне, пресмыкаться, муравьи, микробы, холуй, трусливенькие статьи, заячьи труслив, рабы, пискнуть* и др.);

3) хамство и наглость (*наглый, наглец, хамоват, хам, хамский, хамски, нахал, нахальничать, нахальный* и др.);

4) «ловкачество», приспособленчество, отсутствие человеческого достоинства (*пройдошливость, ловкач, процельга, интриган, двурушник, проныра, пролезть, подхалим, подхалимляне, мошенничать, лукавец, иезуитский, шулер, ловкачество* и др.);

5) подлость и благородство (*подлец, подонок, мерзавец, негодяй, бесчестный, негодяйство* и *чудный человек, изумительный, феноменальный, прелестный друг*).

Ведущую позицию в этой лексической области занимают эмотивно-оценочные слова с семантикой подавления, травли и уничтожения инакомыслящих, а также лексемы, обозначающие возникающие в ответ раболепие и трусость.

Если обратиться к анализу функционирования «языка» морально-нравственных понятий, нельзя не отметить следующую особенность: характеристики глупости, безграмотности, бездарности очень часто соединяются в синтагматическом ряду со словами, являющимися оценками самых разных человеческих пороков: карьеризма, ловкачества, хамства, жививости, подлости и др. Они организуют синтагматический ряд однородных характеристик, взаимосвязанных друг с другом. Ср.:

Малограмотная сволочь; бездарный мерзавец; тупой подонок; темный, оголтелый, обездушенный; бездарный дурак; бездарный карьерист; тупоголовая подлая литература; распухшая бездарность; фальшивый и плоский; бездарен, невежествен, туп, хамоват, вульгарно-мелочен; гниль, бездарность, карьеризм; бездарные подонки, черносотенцы и др.

В психологии принято рассматривать личность как систему взаимосвязанных и взаимодействующих признаков. Подтверждение этой гипотезе психологи искали и в словаре, где существительные-характеристики лица обычно являются многослойными семантическими единицами, а иногда и полисемантическими словами [Логика и методология... 1976]. Это дает основание для вывода о связи и, главное, прогнозируемости в психологической структуре личности тех или иных качеств.

Наблюдения над словарем и дискурсом позволяют реконструировать актуальные связи между различными признаками в структуре личности. Так, в картине мира К. Ч. прослеживается явная доминантная зависимость следующих признаков и свойств: от необразованности, некомпетентности, неразвитости интеллекта и бездарности берут свое начало многие отрицательные свойства характера и поведения. Приведём примеры из текста дневника:

Вечером доклад Сольца о чистке партии... Фадеев председатель, Кирпотин, Шабад, Лядова, Гайдар и много безличностей. Речь его была не слишком блестяща, покуда говорил он один, но когда его стали расспрашивать о чистке – т. е. о практике этого дела, он так и сыпал бисером, и все собравшиеся гоготали. Гоготали нивно, п. ч. основная масса состояла из очень простодушных людей, вроде тех, что заполняют галерку. Дремучие глаза, мясистые деревенские щеки. «Интеллигентных» лиц почти нет. Ни за что не скажешь, что писатели.

В этом текстовом фрагменте особо интересным является употребление имен, лишь косвенно связанных с семантикой отрицательной эмотивной оценки – *простодушные, наивно, мясистые деревенские щеки*. Попадая в эмотивно-оценочный контекст, в котором доминирует негативная оценочная семантика (*гоготали, безличности, сыпал бисером, дремучий*), эти лексические единицы «втягиваются» в процесс негативного эмоционального оценивания, актуализируя следующие смыслы: 'не отягченные раздумьями, мало знающие, не стремящиеся осмыслить действительность, темные, дремучие'.

Всё это наводит на мысль, что оцениваемые субъекты очень далеки не только от искусства, но и от интеллектуальной деятельности вообще (*ни за что не скажешь, что писатели*). Кроме того, на сформулированные смыслы накладывается и еще один оценочный слой – «сегодня наивно гогочут – завтра с энтузиазмом поддержат убийц».

Мед. «сестра» это типичная низовая интеллигенция, сплошной массовый продукт – все они знают историю партии, но не знают истории своей страны, знают Суркова, но не знают Тютчева – словом, не просто дикари, а недочеловеки. Сколько ни говори о будущем поколении, но это поколение будет оголтелым, обездушенным, темным. Был у меня «медбрат» - такой же обокраденный. И у меня такое чувство, что в сущности писать не для кого.

Метафора *дикари* актуализирует в данном контексте семантику 'наивный, простодушный, ничего не знающий', и это, с точки зрения автора, даже извинительно. Другое дело – *недочеловеки* в его дискурсе. Это характеристика сознания, «забитого» так называемой полезной социокультурной информацией, которая не ведет ни к развитию интеллекта, ни к приобретению к большому искусству, ни к формированию души. В этом фрагменте вновь в эксплицитном виде представлена причинно-следственная связь: от темноты и «обездушенности» – к оголтелости, черносотенству, к агрессивности и напору. Ср. также: «Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные» (А. и Б. Стругацкие).

Нельзя сказать, что это уникальное видение мира и понимание человеческой природы: и в коллективных ценностных представлениях имеется мнение (правда, не самое типичное) о том, что безграмотность и серость, «темнота и дремучесть», словами К. Ч., порождают неадекватно высокую самооценку, агрессивность и стремление к власти над теми, кто превосходит данного субъекта в чем-либо.

Подтверждение этому находим в РАС: слово-стимул *безмозглый* провоцирует ряд одиночных реакций, чрезвычайно интересных с точки зрения обсуждаемых проблем – *бездарь, воинствующая тупость, негодяй, свинья, трус, червяк*. Таким образом, наравне с реакциями, отражающими жалость и сочувствие к носителю низкого интеллекта, в сознании говорящего коллектива человеческая глупость, безграмотность, тупость так или иначе ассоциируются с целым набором отрицательных свойств характера и поведенческих признаков. Однако эмотивно-оценочная картина мира К. Ч., утверждающая примат традиционных общечеловеческих ценностей над ценностями тоталитарного сознания, безусловно, является самобытной и отражает психологические и языковые особенности интеллигентного человека, талантливого писателя и литературоведа, а также специфику мира литературы и политической обстановки в стране.

В лексической организации дневникового текста ярко проявляются черты ЯЛ, квалифицирующей мир с определенной долей строгости и категоричности, с привлечением всего многообразия оттенков ценностной шкалы, с пониманием того, что реальный объект оценки и эмоционального отношения сложен, многогранен и представляется как сложная комбинация эмотивно-оценочных смыслов, характеризующая тезаурус автора дневника. Иными словами, субъект оценки и эмоционального состояния отличается высокой степенью когнитивности, вычленяет в объекте оценки множество оснований для эмотивно-оценочного реагирования. Кроме того, автора дневника характеризует высокая степень эмоциональности, которая, регулярно вербализуясь в эмотивно-оценочном дискурсе, в существенной мере определяет аксиологическую деятельность ЯЛ.

Литература

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. 2-е изд. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Часть 1. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 224 с.

Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык: энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Больш. рос. энцикл.: Дрофа, 1997. – С. 671.

Логика и методология системных исследований: Монография. – Киев-Одесса: Вища школа, 1977. – 256 с.

Афанасьев В.А., Караулов Ю.Н., Михалёв Н.В., Молчанов В.И. Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову / Под ред. С.Г. Бархударова. – М.: Наука, 1982. – 568 с.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. Ин-т языкознания РАН / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Наука, 1995. – С. 35-73.

Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск: НГПУ, 1999. – 170 с.

В.А. Лукин

УДК 81'42

**РОЛИ АВТОРА И «ЭФФЕКТ ОБРАЗА АВТОРА»
НА ФОНЕ ТИПОЛОГИИ ТЕКСТОВ**

Исследуются отношения между ролями автора письменного текста. На основе анализа условий нейтрализации противопоставления «автор текста vs. автор произведения» определяются типы текстов. Вводится понятие «эффект образа автора», которое описывается в его функциональных, дисфункциональных и афункциональных аспектах.

Ключевые слова: автор текста, автор произведения, функция, дисфункция, типы текстов, эффект образа автора.

Vladimir A. Lukin

**THE AUTHOR'S ROLES AND THE «IMAGE OF THE AUTHOR EFFECT»
IN THE ASPECT OF TEXT'S TYPOLOGY**

The paper deals with the correlation between written text author's roles. Basing on the analyzing conditions that determine the neutralization of the opposition the «author of the text vs. the author of the work» the various types of texts are defined. The «image of the author effect» concept is introduced and described in its functional, dysfunctional and afunctional aspects.

Keywords: the author of the text, the author of the work, function, dysfunction, types of texts, the image of the author effect.

О общеизвестная дистанция между говорящим/слушающим и автором/читателем растет по мере того, как в соответствующей семиосфере увеличивается доля письменной коммуникации, особенно если в нее регулярно включаются письменные тексты, частично или полностью не подлежащие устному перекодированию. В этом случае компетенция автора усложняется за счет дополнения языковой семиотики различными искусственными кодами – от письма и специальной терминологии до исчислений и формальных языков. Усложнение ведет к тому, что автор вынужден выполнять разные виды психологической, социальной и семиотической деятельности; происходит дифференциация ролей автора.

Как влияет фактор адресата (образ читателя) на иерархию ролей автора в условиях симметричной и асимметричной коммуникации? В какой степени и для какого рода письменной коммуникации распределение ролей автора обуславливает типологическую специфику текстов? Или, наоборот, типологические особенности текстов диктуют распределение и количество ролей автора? Может быть, и то и другое предопределяется общей причиной (структурой) более высокого порядка?

Ответы на эти и другие вопросы предполагается получить, обратившись к науке и научному тексту, с одной стороны, к искусству (литературе) и художествен-

ному тексту – с другой. При всем различии между наукой и искусством их объединяет приоритет письменной коммуникации над устной:

«В истине, которую нельзя изложить письменно, не нуждается никакая наука» [Больцано 2003: 376].

«Всё, что писатель имеет сказать людям, он должен не говорить, а писать» [Хэмингуэй 2010: 648–649].

Письменный текст

Различия между письменной и устной коммуникацией существенны в семиотическом аспекте: «Всякому ясно, что семантика произносимой речи в значительной степени обусловлена факторами, лежащими вне словесного ряда. В тех случаях, когда речь строится как письменная, то есть без всяких имитаций обстановки говорения, характерно стремление вместить всю гамму смыслов в объективную природу слова» [Виноградов 1980: 49]. В коммуникативно-прагматическом плане существенно то, что автор письменного текста исполняет несколько различных ролей. Если в устной коммуникации создание сообщения обычно совпадает с его отправлением и роли автора и отправителя совпадают, то в письменной коммуникации они чаще всего не совпадают во времени и в пространстве. Кроме того, «в письменной коммуникации создание “сообщения” не только обособлено во времени и пространстве, но и само по себе расколото, расщеплено на две стадии: креативную и собственно коммуникативную. На креативной стадии создается речевое произведение, на собственно коммуникативной оно вводится в коммуникативный фонд...» [Гиндин 1994: 61–62].

Из всех письменных (равно как и устных) сообщений наиболее сложным является текст. Еще в первой половине XX века представители немецкой школы гештальтпсихологии установили, что восприятие и запоминание текста протекают относительно независимо от его составных частей. Поэтому, запомнив содержание целого текста, человек практически никогда не воспроизводит его в одной и той же знаковой последовательности – составные части всегда варьируются (Ф. Барлетт). Позже А.Р. Лурия в итоге экспериментального исследования доказал, что «составными частями» текста являются его сегменты, закодированные по лексико-семантическим и грамматическим правилам языкового кода. В то же время текст как целое закодирован иным, собственно текстовым кодом. Причем нейроструктуры кодов не совпадают (см. [Лурия 1979: 302]) – за языковое и текстовое кодирование (декодирование) отвечают разные участки коры головного мозга. Текст, следовательно, имеет двухкодую организацию, что позволяет читателю не сохранять в памяти его части, запоминая содержание целого. Поэтому выгода от текста в том, что можно запомнить сложное содержание, не запоминая не менее сложной формы организации знаковой последовательности текста. Чем сложнее содержание, которое необходимо выразить и затем передать, тем больше нужда в тексте.

Практике избирательного запоминания гешп. забывания содействует семиотическая специфика фонографического письма. Первоначально чисто условное, оно со временем приобретает идеограмматичность. Имеются в виду прежде всего знаки препинания, которые Л.В. Щерба относил к «морфологии письменной речи, то есть к ее расчленению»: «Русское название – знаки препинания – указывает тоже на членение речи как на основную функцию пунктуации. В этом плане наши тома, части, главы, разделы, отмечаемые иногда двумя-тремя звездочками или горизонтальной чертой на середине страницы, – всё это своего рода знаки препинания. Далее идут красная строка и точка, соединенная с большой буквой в начале продолжения речи.

При этом точки разделяют друг от друга вполне самостоятельные мысли, а красные строки – связанные по смыслу ряды таких мыслей. Противоположение этих знаков не имеет четкого выражения в языке» [Щерба 1983: 131].

Тенденция к идеограмматичности текстовых знаков получает своего рода семиотическое усиление в практике кодирования и декодирования письменных текстов. Давно известно, что при наличии достаточного опыта процесс чтения (декодирования) текста, закодированного фонографическим письмом, имеет в целом идеограмматический характер: «По мере приобретения грамотности представление целого писаного или печатного образа слова (оптической фигуры слова) вступает во всё более непосредственную ассоциацию по смежности с звуковым представлением слова, которое в свою очередь вызывает по ассоциации его значение... А затем, по законам нашей психологической природы, эта посредственная ассоциация становится всё более непосредственной... так что один взгляд на писаное слово возбуждает в большей или меньшей степени непосредственно само значение слова. <...> Таким образом звуковое письмо становится для грамотного читателя в значительной степени идеографическим. Несравненная выгода в сравнении с настоящей идеографией в том, что не нужно усвоить себе предварительно много тысяч знаков, а по мере надобности читатель прибегает к посредству звуков» [Томсон 1910: 399–400]. Надобность эта возникает, например, тогда, когда ошибочная орфография или грамматические ошибки начинают мешать пониманию написанного.

Идеограмматическое чтение, в ходе которого имеет место укрупнение единиц декодирования, – весьма эффективный способ экономии памяти читающего и времени декодирования (чтения).

Идеограмматичность свойственна и процессу письма. Так, «быстро написанный черновик, в котором отдельные буквы переплетаются между собою, показывает, что пишущий вовсе не думал об отдельных буквах, а чертил привычные фигуры, обозначающие слова» [там же: 400] (позже такие «фигуры» А.Р. Лурия назвал «моторными идеограммами»). Подобными знаками насыщены сообщения письменной автокоммуникации, создаваемые для фиксации предварительных или промежуточных результатов мыслительной деятельности пишущего – черновики, записи для памяти, наброски, заметки... В текстах, рассчитанных на социально значимые группы получателей, подобного рода знаков меньше, но они обязательно присутствуют в любом тексте, поэтому грамотность предполагает создание навыка «идеограммного письма» (отсутствие такого навыка квалифицируется как зрительно-пространственная дисграфия по правополушарному типу – см. [Ахутина 2001]).

Идеограмматичность текстовых и метатекстовых знаков свойственна и печатным текстам, знаковая последовательность которых приобретает иконичность – вплоть до сближения формальной композиции текста (архитектоники) с его семантической структурой – см. [Лукин 2005: 152, 153, 344, 366]). В максимальной мере иконичность свойственна научным текстам, особенно математическим (об этом писал еще Ч.С. Пирс), а также таким, которые не могут быть перекодированы в устную форму (например, текстам компьютерных программ).

Надо подчеркнуть, что содержание, которое требует текста для своего выражения – не то же самое, что содержание текста. В самом деле, автор, скажем, статьи хорошо помнит ее содержание и сможет его вторично воспроизвести, но, очевидно, не в той же текстовой форме; и чем больше текст, тем больше будет расхождение. Такое содержание, для выражения которого автор создает текст, будем называть произведением автора (ПА) (см. [Лукин 2007]).

Дифференциация ролей автора произведения и автора текста

Если ПА – это достижение согласия в переговорном процессе, интерпретация эксперимента, испытания прибора или механизма, решение научной проблемы, то такое ПА должно быть получено, создано до составления текста (см. [Лукин 2014]). «Креативной стадии» письменной коммуникации (С.И. Гиндин) предшествует результативная работа над произведением, для описания, представления которого создается текст. Следовательно, роли автора текста предшествует роль автора произведения; они могут исполняться одним человеком, но в силу того, что ПА – это всегда одноплановая семантическая сущность, идея, роли дифференцируются: автором произведения и автором письменного текста, в котором оно отображается, могут быть и разные люди.

Так, несмотря на кажущуюся необычность, в следующих примерах описываются стандартные ситуации:

В.А. Успенский вспоминает, что Н.Г. Рычкова (автор текста) выполнила «популярное изложение доклада» А.Н. Колмогорова (автор произведения) «Автоматы и жизнь», опубликовав его в журнале «Техника – молодежи». «В редакции журнала Н.Г. Рычкова имела совершенно уникальный статус (зафиксированный, например, в платежных ведомостях): автор статьи академика Колмогорова» [Успенский 2002: 721].

М.Л. Гаспаров – автор произведения: «Когда меня спрашивают: “Где изложена ваша методика точности перевода?”, я отвечаю: “В статье В.В. Настопкене (автор текста – В.Л.) в вильнюсском журнале “Literatūra”, 1981» [Гаспаров 2001: 322].

Ясно, что авторы произведений сообщили в устных текстах суть своих идей авторам письменных текстов-публикаций¹. Тексты различны, различным образом кодируют одни и те же произведения. Это типично прежде всего для науки: наиболее весомые и ценные ПА постоянно перекодируются во множестве текстов критических и полемических статей, рефератов, обзоров, экспертных заключений, учебников, энциклопедий.

В итоге перекодирования ПА (идея), первоначально существовавшая как личностное знание конкретного человека, становится частью межличностного знания – идей-инвариантом, которую логично также расценивать как произведение (системное произведение – П). С этой точки зрения наука представляет собой систему идей-инвариантов, или П-систему. Подобно языку или общественному мнению, она существует «нигде и повсюду». Каждый исследователь, начиная работу, исходит из сложившейся на данный момент П-системы, использует ее для описания, анализа, обоснования, доказательства или опровержения фактов или других идей. Создание, восприятие, отбор, тиражирование, хранение или уничтожение текстов непосредственным образом зависят от системы идей, служат ей и предопределены ею.

П-система является предпосылкой для концептуальной общности исследователей, в границах которой равно возможны и необходимы взаимопонимание, противоречия, доказательства и опровержения. Текст же есть не более чем вариативное средство для выражения произведения, своего рода переменная при идее-константе – ПА или П. Поэтому в науке, начиная с XVII века, имя автора имеет своим приоритетным референтом произведение, а не текст. Отсюда типична ситуация «известное

¹ Ср. анализ хрестоматийной ситуации с изложением произведения Ф. де Соссюра (ПА) в тексте А. Сеше и Ш. Балли, основанном на других текстах, также не принадлежащих де Соссюру (см. [Вековищева, Хухуни 2012]).

произведение забытого текста»: все физики знают, в чем суть таких произведений, как *закон Ома*, *переменная Планка*, *демон Максвелла*, хотя большинство из них не знакомы с оригинальными текстами Ома, Планка, Максвелла.

Любопытным следствием описанного положения дел является то, что хотя плохой в функциональном отношении текст может сыграть роковую роль в судьбе открытия, а хороший – стать залогом успеха, имеется немало прецедентов того, как по-настоящему большие, этапные ПА, выраженные в неудачных, по общему мнению, текстах, благополучно трансформировались в системные произведения (П).

Например, свой программный труд «Философия ботаники» Карл Линней написал на латыни так, что «своеобразие изложения действительно иногда могло озадачить любого ученого, что и дало основание даже столь авторитетному исследователю, как Жорж Кювье, который исключительно высоко ценил “Философию ботаники”, отметить в ней “...трудности языка, весьма отличного от обычной латыни, порой темного, вследствие чрезмерной концентрации и множества аллюзий и метафор...”» [Амлинский 1989: 358–359].

«Критика чистого разума» И. Канта «была написана плохим языком и отличалась громоздким стилем» [Поппер 2004: 154], но это ничуть не помешало признанию идей великого философа.

«Тексты Выготского не отжаты и не вполне структурированы; поэтому в труды Выготского можно “вчитать” противоречащие одна другой установки. То, что некогда, в пределах многостраничной рукописи, было набросками, попав позже под твердый переплет, стало источником ригоризма и авторитарного цитирования, столь типичного для истории нашей науки» [Фрумкина 2007]. Успех идей (ПА) Л.С. Выготского в значительной мере состоялся вопреки его текстам – благодаря его знаменитому ученику: «А.Р. Лурия не только непосредственно воплотил “в материале” идеи учителя, но выступил как авторитет, обеспечивший дальнейшую рецепцию этих идей. А.Р. Лурия, таким образом, сыграл роль гаранта рецепции “культурно-исторической теории” (П – В.Л.) Выготского» [там же].

Ситуация «плохой текст хорошего произведения» имеет частный характер. В целом же описанные соотношения текста и произведения возможны при главенстве роли автора произведения над ролью автора текста и постоянной мене ролей авторов текстов (и произведений) и читателей. В итоге всё множество текстов, соотношенных с общей для них П-системой, подчинено ей; в зависимости конкретного ПА от П-системы и определяется целесообразность создания каждого нового текста, его композиция, кодовая организация, объем. В полной мере этим требованиям отвечает только наука, тексты которой исключительно функциональны (см. [Лукин 2014]), являются образцом функционально обусловленного текста.

Неразличение ролей автора текста и автора произведения

Совершенно иначе дело обстоит в случае текстов, содержание (цельность) которых неотделимо от плана выражения, а произведение (ПА) совпадает с цельностью. Типичен пример художественного текста, содержание которого единично (уникально) и не существует вне пределов его знаковой последовательности. Перекодировка такого текста (пересказ, адаптированное изложение) является так или иначе «порчей», некорректным, не всегда оправданным искажением либо созданием другого текста (перевод поэзии, экранизация), пусть и очень похожего (перевод прозы, постановка пьесы). Поэтому в истории культуры остается только имя автора текста, соответственно, референтом имени автора является текст.

Причина в том, что не существует какой бы то ни было единой для всех художников обуславливающей структуры, которая предопределяла бы цель текстопостроения, общую для всех авторов художественных сообщений.

Иммануил Кант, рядопологая природу и искусство, впервые системным образом обосновывает отсутствие их зависимости от чего бы то ни было (от любой возможной интегрирующей структуры). Их полная свобода сочетается с высочайшей гармонией и целесообразностью внутренней организации, где «всё есть цель и в то же время средство» [Кант 1966: 401]. Природа сама творит те законы, по которым существует, искусству же правила дает гений: «*гений* – это прирожденные задатки души (*ingenium*), *через которые* природа дает искусству правило» [там же: 322–323]. Стало быть, в искусстве правил и целей никак не меньше, чем гениев; правила меняются так же постоянно, как сменяют друг друга гении. Поэтому путь художника есть «созидание через свободу» – «способ представления, который сам по себе целесообразен... хотя и без цели» [там же: 321].

Примечательно, что И.В. Гете, великий поэт и естествоиспытатель, особо подчеркивает заслугу И. Канта, обосновавшего право искусства и природы, исходя из общих принципов, действовать бесцельно («aus großen Principien zweckloß zu handeln» [Goethe 1834: 381]). Впрочем, художники ощущают свою свободу как целесообразность без цели совершенно независимо от Канта, подтверждая тем самым его правоту: «Поэт, знающий заранее, что он напишет, никогда не может создать истинно поэтического произведения. В истинном творчестве “содержание” ... всегда – искомое, выясняющееся в самом конце творчества» [Брюсов 1987: 353]. «Я только писатель и ничего больше. У меня нет ясной цели, в этом главное. Куда и как идти – не знаю. Я даже не верю, что существует цель и путь. Реально для меня лишь пастернаковское “искусство всегда у цели”. Всё остальное крайне сомнительно» [Нагибин 2005: 361]

В этом случае нельзя утверждать, что роль автора произведения предшествует роли автора текста, не исключено как раз обратное; в целом границы между ними либо отсутствуют, либо предельно размыты и неопределенны, но поскольку речь идет о «созидании через свободу», автор может сам, по своему усмотрению разделять свои роли, выступая сначала как автор произведения, затем – как автор текста: «Как правило, в работе над каждой вещью у меня предшествует, кроме максимально разработанного плана, еще и скорпуплезно продуманный финал. Без ясного представления о том, чем должна закончиться повесть, я не приступаю к ее началу» [Быков 2010: 764].

Подчеркнем, что дифференциация ролей здесь предопределяется тем «правилом», которое создает сам художник; никакой общей и социально значимой структуры (причины) для дифференциации ролей нет. На этом основании художественный текст логично расценивать в качестве функционально не обусловленного (см. [Лукин 2007]). Его характерной типологической чертой является столь тесная связь ролей автора, что, например, принципиально невозможной оказывается ситуация «плохой текст хорошего произведения».

Произведение читателя и образ автора, автор текста и образ читателя

Читая текст, человек извлекает из него содержание. Когда текст прочитан, у читателя остается то, что он запомнил из содержания прочитанного – субъективный результат его собственной мыслительной деятельности (С.Л. Рубинштейн). Содержание текста – в самом тексте, у читателя – более или менее точная копия этого

содержания, проекция текста (Н.А. Рубакин); чем протяженнее текст, тем менее она точна. Содержание, извлекаемое читателем из текста, не тождественное содержанию текста, будем далее называть произведением читателя (ПЧ) (см. [Лукин 2007]).

Объем и содержание ПЧ обусловлены функциональным подобием ролей автора и читателя.

Поскольку в функционально не обусловленных текстах роль автора текста свободно соотносится с ролью автора произведения, то совпадая с ней, то дифференцируясь, постольку объем ПЧ столь же неопределен; читатель в функциональном отношении свободен, подобно автору – декодирование текста целесообразно, но не подчинено цели, общей для всех возможных читателей. Аудитория читателей предельно многообразна: от читателей, для которых процесс чтения самозначим, и тогда ПЧ либо не обязательно, либо вообще отсутствует, до читателей-филологов, которые находятся в затруднительном положении: в отсутствие общей «сетки координат», аналогичной П-системе, они вынуждены искать дополнительные аргументы для обоснования своего ПЧ в границах самого текста.

Одним из таких аргументов является образ автора. Включаясь в ПЧ филолога, он приобретает статус «категории чисто исследовательской» [Караулов 1987: 156]. Между тем онтология образа автора, впервые обрисованная В.В. Виноградовым, остается вещью в себе. Все по-прежнему согласны с тем, что образ автора – «идейно-стилистическое средоточие, фокус целого» текста [Виноградов 1971: 118]. Изучение же текстового стиля, в свою очередь, обусловлено прогрессом в деле исследования текста: «прежде чем изучать стилистику как теорию поэтического языка... мы должны создать науку о словесной структуре художественных произведений» [Виноградов 1980: 241], «нужно прежде всего изучить всё художественное произведение – как особый тип целостной системы», что «существенно отличается от изучения соответственных фраз и формул языка» [там же: 246]. «И тут путь исследования обратен социально-лингвистическому изучению элементов языка: от сложных структур – к “стилистическим единицам”, а не наоборот от слова и словосочетания – к его сложным объединениям» [там же: 252].

Таким образом, описание и стиля, и образа автора ставится в зависимость от создания теории текста, которая принципиально отлична от теории языка. Однако план создания лингвистической теории, объектом которой является художественный текст, во многом и сейчас остается незавершенным. Мы не располагаем таким определением (моделью) текста, которое позволило бы отличать его от различных нетекстов и построить общую типологию текстов. Естественно, что и понятие образа автора, несмотря на свою притягательность, востребованность и эвристичность, до сих пор не получило конструктивного обоснования, лишено однозначности [Иванчикова 1985: 124], остается «загадочным, не доведенным до уровня верифицируемости» [Караулов 1987: 26]. Поэтому «не только каждому читателю, но даже каждому акту чтения в принципе соответствует свой абстрактный автор» [Шмид 2003: 54].

Тем не менее, понятие образа автора используется всё шире – для анализа и описания не только художественных, но и, например, научных, официально-деловых и других функционально обусловленных текстов. Насколько это необходимо, правомерно, конструктивно?

Поскольку в функционально обусловленных текстах роль автора произведения превалирует над ролью автора текста, постольку и для читателей текст является материалом и средством для достижения цели – извлечения из текста ПЧ; наличие

общей для всех авторов и читателей П-системы позволяет корректировать ПЧ и достигать максимально высокой меры сходства ПЧ и ПА – оптимальное ПЧ «стремится» к тождеству с ПА исходного текста.

Цель автора текста, получившего в итоге исследования ПА (субъективно расцениваемое им – в роли автора произведения – как успешное, весомое), состоит в том, чтобы его текст был оптимальным средством трансформации ПА в П. Для этого текстопостроение осуществляется под знаком образа читателя – alter ego роли автора. Текст должен обеспечивать читателю максимально эффективное извлечение произведения и самый короткий путь к согласованию ПЧ (\approx ПА) с П-системой.

«Долг автора – предвидеть затруднения читателя и избавлять его от них» [Халмош 1971: 246]. Текст должен быть прозрачен, как линза, которая, увеличивая предмет рассматривания, остается незаметной. Отсюда понимание стиля, представляющего собой текстовый код (синтактику произведения, по В.В. Виноградову), как «мастерства настолько тонкого, чтобы оно не бросалось в глаза» [там же: 259]. И здесь образ автора, если он субъективно или объективно возникает в ПЧ, – лишнее звено («бросается в глаза») между текстом и извлекаемым из него произведением.

Сложность в том, чтобы при непростом содержании сделать текст как можно более простым.² Эта задача под силу не всем. Так, при изложении ПА «мастерство заключается в умении дать образованному читателю возможность сразу, не заботясь о деталях, схватить основную идею (ПА – *В.Л.*); последовательные дозы должны быть такими, чтобы их можно было глотать “с ходу”... Неопытный автор не предоставляет своему читателю такой возможности; даже если у читателя и возникает первое смутное представление, он не успевает осознать существо дела, пробираясь через лес символов, в котором даже самый мелкий индекс не может быть опущен» [Литлвуд 1973: 33]. То есть как раз неопытный, неумелый автор или автор, находящийся в ситуации цейтнота (как Линней, Кант или Выготский), закладывает в текст предпосылки для того, чтобы читатель был спровоцирован на размышления об авторе или о его «идейно-стилистическом» отображении, тогда как цель – «глотать текст “с ходу”», думая только о произведении.

Что касается образа читателя художественного текста (функционально не обусловленного), то максимально возможная свобода автора в любой его роли предполагает не необходимость, а только возможность такого образа.

Компетенция и тезаурус читателя функционально не обусловленного текста практически не совпадают и не должны совпадать с компетенцией и тезаурусом автора: «Текст абсолютно понятный есть текст вместе с тем и текст абсолютно бесполезный», – говорит Ю.М. Лотман (см. [Лотман 1996: 114]). Очевидным образом это не так применительно к учебному тексту, текстам приказов, распоряжений, компьютерных программ, но для художественного текста непонимание предстает как ценность [там же: 114], как отражение неисчерпаемости множества смыслов текста. Другим его отражением является всегда неполное осознание авторами результатов своей работы в роли читателей и отсутствие у них каких-либо преимуществ перед другими читателями в деле интерпретации собственных текстов.

Сомнительно, что при таких условиях создания текста возможен образ потенциального читателя, соотносимый с читателем реальным,³ если, конечно, не го-

² Программисты формулируют данное требование так: «Кодирование должно быть простым. Должен соблюдаться так называемый KISS-принцип: Keep It Simple, Stupid (делай проще, глупец!)» [Ван Тассел 1985: 45].

ворить о метафорах вроде М-читателя (У. Эко) или фиктивного читателя (В. Изер), суть которых сводится к обозначению актов самоконтроля автора (автокоммуникации на креативной стадии). Реальному же читателю, который так же свободен от функциональных ограничений, как и автор, может показаться нужным что угодно.

Амбивалентный эффект образа автора и негативный эффект образа автора

При неоднозначности, отсутствии должной доказательности и потому субъективности понятия «образ автора» можно объективно и с уверенностью утверждать, что среди всех типов текстов всегда есть такие, которые при их чтении, понимании или интерпретации вызывают у представительной аудитории читателей, ориентированных на соответствующий тип текстов, представления об авторе. Теоретически обоснованные или интуитивные, адекватные или искаженные, индивидуальные или групповые... – эти представления в качестве реального феномена не могут быть поставлены под сомнение никакой из концепций. Это, конечно, в большинстве случаев не образ автора (в понимании В.В. Виноградова), но то общее, что лежит в основе всех его трактовок и что можно было бы назвать «эффект образа автора». Его конкретное содержание, причины создания или возникновения, закономерные связи с личностью автора, а также получателя, формы зависимости от социальной среды коммуникативных процессов являются немаловажными показателями типов текстов.

Эффект образа автора, возникающий у читателя художественного текста, характеризуется амбивалентностью: нет оснований расценивать его ни как противоречащий, ни как содействующий адекватному восприятию данного типа текстов. Однако едва ли не большинство отечественных филологов включают в свое ПЧ «образ автора», как если бы он был не частью их произведения, а подлинной реальностью. Таким образом создается другая реальность – эпистемологическая: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях» [Мертон 2006: 605]. Ответ на вопрос о причинах этого феномена находится отчасти в области психологии науки, отчасти в компетенции психологии восприятия письменного текста; в настоящей статье можно лишь поставить данный вопрос.

Типологически более важен, неоднозначен и интересен эффект образа автора как составная часть ПЧ функционально обусловленного текста, прежде всего – научного.

Хорошо известно, что научный текст должен быть прост, ясен и обезличен. Читателю необходимо понять суть ПА, построив свое ПЧ, а не вникать в перипетии «приключения идей» на этапе создания ПА. Поэтому автор излагает не процесс исследования, а готовое ПА, имитируя не знающую ошибок логику бессубъектного решателя проблем – всезнающего и указывающего самый короткий путь от ПА к П-системе (см. [Лукин 2014]). Всё, что удлиняет этот путь, все личностные моменты, включая возможность возникновения эффекта образа автора, либо избыточно, либо дисфункционально. Тут приходится говорить о негативном эффекте образа автора.

³ Проблема, как ее видят сами авторы, возможно, как раз в том, что хотелось бы располагать таким образом читателя: «Перечитал по-новому речь Тургенева при открытии памятника Пушкину. Как хорошо! И куда всё девалось! И еще что “простой народ” ни в какой стране не читает своих гениев. Теперь в этом вся заковыка. Мы не знаем, кому мы книгу даем и что из этого выйдет» [Пришвин 1986: 334]. Косвенным образом это согласуется с мнением В.В. Виноградова: «То содержание, которое вкладывает в него сам автор, обычно существует недолго, – оно сходит в могилу, быть может, даже раньше творца, потому что, оглядываясь в поздние годы жизни на свои ранние произведения, он, конечно, мог понимать их уже по иному, чем тогда, когда создавал» [Виноградов 1971: 7]. Следовательно, «художественный текст обладает способностью со временем менять своего “имплицитного читателя”» [Баршт 2005: 28].

В целом для функционально обусловленного текста характерна обратная зависимость между эффектом образа автора и образом читателя: чем меньше автор контролирует процессы текстостроения образом получателя, тем вероятнее возникновение у читателя эффекта образа автора, который при этом приобретает дисфункциональный характер.

В то же время авторы произведений, особенно если их произведения успешны и значимы, нуждаются в обсуждении процесса их создания – нередко драматичного, уникального, противоречивого, «требующего несравненно большего участия воображения, чем художественное творчество, хотя проявленная при этом изобретательность и не обнаруживается в законченном» тексте [Бунге 1967: 131]. Для этого они постоянно и увлеченно создают устные и письменные тексты, не являющиеся научными (беседы, обсуждения и дискуссии за бокалом вина, воспоминания, научно-популярные и философские сочинения, эссе). В них ученые как авторы текстов описывают творческие и личностные аспекты своей работы в качестве авторов произведений – конкретных людей в конкретных обстоятельствах.

Примечательно в этом смысле наблюдение лауреата Нобелевской премии по физике М. Дельбрюка, которому она была вручена одновременно с писателем С. Беккетом: «...ученый, мысленно окинув взглядом свою жизнь, видит лишь крохотную аудиторию, которой он излагал результаты своих исследований, тогда как писатель, в данном случае – Сэмюэль Беккет, оказывал глубочайшее влияние на людей самых различных слоев общества. Когда же ученый и писатель начинают говорить о своей работе, происходит неожиданная инверсия. Если ученые воодушевлены возможностью говорить о себе и о своей работе до такой степени, что это граничит с болтливостью, то Сэмюэль Беккет, с достаточными основаниями, считает необходимым хранить полное молчание о себе, своей работе и своих критиках» [Дельбрюк 1971: 397–398].

Ученый говорит о своих произведениях (ПА), которые существуют только при условии многократного текстового перекодирования, поэтому его «многоговорение» – закономерное продолжение этого процесса. Художник сказал то, что он мог сказать, своим текстом, поскольку роли автора текста и автора произведения чаще всего не разделимы: «Жизнь писателя, когда он на высоте, протекает в одиночестве. Писательские организации могут скрасить его одиночество, но едва ли повышают качество его работы. <...> Все, что писатель имеет сказать людям, он должен не говорить, а писать» [Хэмингуэй 2010: 648–649].

Позитивный эффект образа автора

Речь идет о нефункциональном, исключительно субъективном эффекте образа автора – таком, который не препятствует и не способствует извлечению читателем произведения из научного текста. Следовательно, в функциональном отношении такой эффект образа автора амбивалентен (аналогичен тому, что был рассмотрен на материале художественного текста), обусловлен филологическими ожиданиями, предрассудками, симпатией или антипатией читателя научного текста. Позитивным эффект образа автора будет тогда, когда читателю текста он *кажется* таковым. Пользуясь случаем, уместно обойтись одним только примером из жизни автора настоящего текста.

Мне довелось учиться на филологическом факультете одного провинциального университета в конце семидесятых годов прошлого века. Систематического образования факультет не давал, но я искренне ему благодарен: всем нам была предоставлена свобода выбора тем и проблем курсовых и дипломных работ. С твоим выбором всегда считались, вполне обоснованно сомневаясь в нем, проверяя и предлагая стандартные

формулировки стандартных тем. Разумеется, подавляющее большинство из нас не пыталось воспользоваться этой свободой. В самом деле, это очень трудно – самому решать, чем заниматься, для чего, почему. Еще труднее самостоятельно найти проблему, сформулировать ее и обосновать актуальность. Точнее говоря, это практически невозможно, если тебе лет двадцать или чуть больше.

Я испытывал большие затруднения, находился в состоянии перманентного кризиса. Помогала работоспособность, упрямство, необоснованная вера в самого себя и необъяснимая притягательность науки (отнюдь не только лингвистики). Временами казалось, что цель близка, но потом выяснялось, что всё давно уже кем-то сделано. Наконец, удача вроде бы улыбнулась мне, правда, уверенности не было. И тут я приступил к чтению «Общей и русской идеографии». Такой открытости, личной вовлеченности и ясности в постановке и решении проблем, как у Ю.Н. Караулова, я никогда раньше не встречал. Это произвело сильнейшее впечатление, поэтому я допустил ошибку: стал, подражая выдуманному мной Караулову, стараться устно и письменно открыто и ясно формулировать найденную проблему, не пряча субъективного пристрастия, интереса к ней. Надо признаться, я вполне заслужил ироническое удивление, снисходительную улыбку, кривотолки и, что самое печальное, искреннее сочувствие.

Тогда я понял, что мне поможет только мнение самого Ю.Н. Караулова. Записавшись на прием, я в назначенное время пришел в Институт русского языка. Юрий Николаевич принял меня с легкой иронией, слушал сначала с улыбкой, потом внимательно и, кажется, не без интереса. Ни о каком образе автора или эффекте образа автора я, конечно, не думал. И совершенно не был удивлен тем, что реальный человек говорил и думал именно так, как я представлял себе того, кто излагал поразительно живые идеи в «Общей и русской идеографии».

В своей исследовательской жизни я больше никогда не старался походить на Караулова. В том, что мне посчастливилось осознать, каков мой жизненный путь, я всецело обязан эффекту образа автора «Общей и русской идеографии»; в том, что мне в тяжелые времена удалось не сойти с этого пути, я в решающем отношении обязан Юрию Николаевичу – самому цельному человеку из всех, кого мне пришлось знать.

Литература

Амлинский И.Е. Послесловие // Линней К. Философия ботаники. – М.: Наука, 1989. – С. 330–377.

Ахутина Т.В. Трудности письма и их нейропсихологическая диагностика // Письмо и чтение: трудности обучения и коррекция. – М.: МПСИ, 2001. – С. 7–20.

Баршт К. Графический слой рукописи Ф.М. Достоевского и параметры творческой автокоммуникации // Wiener Slavistischer Almanach. – 2005. – № 56. – С. 87–122.

Больцано Б. Учение о науке (Избранное). – СПб.: Наука, 2003. – 518 с.

Брюсов В.Я. Miscellanea. Замечания, мысли о искусстве, о литературе, о критиках, о самом себе // Брюсов В.Я. Соч. – В 2 т. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 351–377.

Бунге М. Интуиция и наука. – М.: Прогресс, 1967. – 187 с.

Быков В.В. Как была написана повесть «Сотников» // Быков В.В. Дожить до расвета. – М.: Эксмо, 2010. – 768 с.

Ван Тассел Д. Стиль, разработка, эффективность, отладка и испытание программ. – М.: Мир, 1985. – 332 с.

- Вековищева С.Н., Хухуни Г.Т.* Автор и текст (К столетию со дня смерти Фердинанда де Соссюра) // Вестник МГОУ. – Сер. «Лингвистика». – 2012. – № 5. – С. 10-15.
- Виноградов В.В.* О теории литературных стилей // Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 240-249.
- Виноградов В.В.* О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 239 с.
- Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. – М.: НЛЮ, 2001. – 416 с.
- Гиндин С.И.* Речевые действия и речевые произведения // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 54-63.
- Дельбрюк М.* Обновленный взгляд физика на биологию (Двадцать лет спустя) // Успехи физических наук. – 1971. – Т. 105. – Вып. 3. – С. 393-398.
- Иванчикова Е.А.* Категория «образа автора» в научном творчестве В.В. Виноградова // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1985. – № 2. – С. 123-134.
- Кант И.* Критика способности суждения // Кант И. Соч. – В 6 т. – Т. 5. – М.: Мысль, 1966. – С. 161-542.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
- Литлвуд Дж.* Математическая смесь. – М.: Наука, 1973. – 144 с.
- Лотман Ю.М.* Текст в процессе движения: Автор – Аудитория, Замысел – Текст // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 87-114.
- Лукин В.А.* В поисках «смыслового исхода» типологии текстов // Язык как материя смысла: Сб. ст. к 90-летию акад. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2007. – С. 497-520.
- Лукин В.А.* Роль текста в научном исследовании // Вестник РГНФ. – 2014. – № 4(77). – С. 81-95.
- Лукин В.А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М.: Ось-89, 2005. – 560 с.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. – М.: МГУ, 1979. – 320 с.
- Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – 880 с.
- Нагибин Ю.М.* Дневник. – М.: АСТ, 2005. – 702 с.
- Поппер К.Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: АСТ, 2004. – 638 с.
- Пришвин М.М.* Собр. соч. – В 8 т. – Т. 8. – Дневники 1905–1954. – М.: Художественная литература, 1986.
- Томсон А.И.* Общее языковедение. – Одесса: Техник, 1910. – 448 с.
- Успенский В.А.* Семь размышлений на темы философии математики // Успенский В.А. Труды по НЕматематике. С приложением семиотических посланий А.Н. Колмогорова к автору и его друзьям. – В 2 т. – Т. 1. – М.: ОГИ, 2002. – С. 63-110.
- Фрумкина Р.М.* Анатомия одной рецепции: культурно-историческая психология Выготского – Лурия // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 85. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/fr.html> (дата обращения: 15. 04. 2015).
- Халмош П.Р.* Как писать математические тексты // Успехи математических наук. – 1971. – XXVI. – Вып. 5(161). – С. 243-269.
- Хэмингуэй Э.* Речь при получении Нобелевской премии // Хэмингуэй Э. Собр. соч. – В 7 т. – Т. 7. – М.: АСТ, 2010. – С. 648-650.
- Шмид В.* Нарратология. – М.: Языки русской культуры, 2003. – 350 с.
- Щерба Л.В.* Теория русского письма. – Л.: Наука, 1983. – 133 с.
- Goethe J.W. – Zelter F.C.* (29 Januar 1830) // Briefwechsel zwischen Goethe und Zelter in den Jahren 1796 bis 1832. – Berlin: Dunker und Humblot, 1834. – S. 379-384. URL: <https://archive.org/stream/briefwechselzwi00riemgoog#page/n478/mode/1up/> (дата обращения: 15.04. 2015).

ЯЗЫКОВОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ ТАНЦА В СТИХАХ И ПРОЗЕ

В статье анализируются тексты, в которых отображены танцевальные движения и атмосфера светского бала. Это, прежде всего, произведения И. Бунина и Б. Пастернака, различающиеся по оси «стих-проза» (фрагменты романа «Жизнь Арсеньева» и стихотворение «Вальс» Бунина, фрагмент романа «Доктор Живаго» и стихотворение «Заместительница» Пастернака). Показывается, что в этих «близнечных текстах» наблюдается подобие на звуковом и семантическом уровнях, а в прозаических фрагментах обнаруживается особая ритмико-синтаксическая организация, отличающая их от окружающего контекста своей особой метрической и звуковой структурой. На сюжетном уровне фрагмент романа «Доктор Живаго» Пастернака, описывающий сцену танца, соотнесен с главками («Топотали их тувельки», «Дотанцовывал», «Бал») четвертой главы романа «Петербург» А. Белого, «в которой ломается линия повествования». Обнаружено, что дирижировавший танцами в «Докторе Живаго» Кока Корнаков является отражением Коко (Николая Петровича Цукатова), и Пастернак в своем романе сознательно или бессознательно воспроизводит линию рокового танца, связанного с Коко. Если же искать более глубокие интертекстуальные соответствия для Коки и Коко, то они обнаружатся в романе Л. Толстого «Анна Каренина», где на роковом бале, когда разгорается любовь между Анной Вронским, танцами дирижирует «статный мужчина» по имени Егорushка Корсунский.

Ключевые слова: языковое отображение, танец, стих, проза, ритм, звук, сюжет.

Natalya A. Fateeva

LANGUAGE PRESENTATION OF DANCE IN POETRY AND PROSE

The article analyzes the texts that describe dance movements and the atmosphere of the ball. First of all texts of Bunin and Pasternak differing along the axis «verse-prose» are compared (fragments of the novel ««Zhizn' Arsen'eva»» and the poem ««Val's»» by Bunin, a fragment of the novel ««Doctor Zhivago»» and the poem ««Zamestitel'nica»» by Pasternak). The author shows that in these «twin texts» similarity on the sound and semantic levels is observed, and in prose fragments special rhythmic-syntactic organization is discovered which differentiates them from the surrounding context by the particular metric and sound structure. On the plot level a fragment of Pasternak's novel «Doctor Zhivago» describing scenes of dance is compared with the inner chapters («Топотали ikh tufel'ki», «Dotantsovyval», «Bal») of the fourth chapter of the novel «Petersburg» by A. Belyj in which «the narrative line breaks». It was found that Koka Kornakov who conducted the dancing in «Doctor Zhivago» is a reflection of Koko (Nikolai Petrovich Tsukatov) from «Petersburg». It means that Pasternak in his novel consciously or unconsciously reproduces the line of fatal dance associated with Coco. In search for deeper intertextual correspondences for Koka and Koko the author refers to Tolstoy's novel «Anna Karenina» in which the fatal ball when love flares up between Anna and Vronsky was conducted by «handsome man» named Yegorushka Korsunskij.

Key words: language representation, dance, poetry, prose, rhythm, sound, story.

В своей статье я рассмотрю тексты, в которых отображены танцевальные движения и атмосфера светского бала. Сначала я проанализирую по два «близнецных» текста И.А. Бунина и Б.Л. Пастернака, которые различаются по оси «стих-проза», но представляют одну и ту же ситуацию «бала». Затем рассмотрю еще одну проекцию «бала-маскарада», кардинально противоположную по тональности этим двум и выводящую тему «танца» на уровень мироустройства.

Можно отметить, что почти все описания бала в прозе, прежде всего в прозе поэта, имеют особую звуковую и ритмическую организацию, которая отличается от других фрагментов текста выявленностью звуковой и ритмико-синтаксической организации текста. В стихотворных же текстах звуковая и ритмико-синтаксическая организация не менее значима, однако имеет иную доминанту.

В поле нашего исследования у Бунина сначала попадут описание бала в романе «Жизнь Арсеньева» (1927) и стихотворение «Вальс» (1906), между которыми более чем двадцатилетний промежуток. Мы увидим, что, хотя «проза поэта» и стирает черты своего строения, в ней отчетливо звучит «звук темы», организующий композицию отрывков.

«Бал» в романе сразу появляется в звуке, очерчивающем тему, и переносится с *белого, заливавшего каленым светом блиставшего снежного входа – входа бального собрания в залу*, где всё играет в быстроту и в лад, и *блестящие сапоги, и руки в белых вязаных перчатках* (Кн. 5, гл. IX)¹. «Бал» заливается «белым» звуком, и далее с волшебными, умножающимися в зеркалах толпами перемещается в сферу «вальса», где основные звуковые основы *-бл- / -вл-* (*бал, белый, вальс, волнение*) и *-зл- / -лс-* (*зал, алмаз, лоск*). Особенно показателен центральный фрагмент: *А потом великоленная пустота залы, предшествующая балу, ее свежий холод, тяжкая гроздь люстры, насквозь играющей алмазным сияньем, огромные нагие окна, лоск и еще вольная просторность паркета, запах <...> бальной белой лайки – и всё это волнение при виде прибывающего бального люда, ожидание звучности первого грома с хор, первой пары, вылетающей вдруг в эту ширь еще девственной залы, пары всегда уверенной в себе, самой ловкой* (Кн. 5, гл. IX). В нем ритм художественных образов создается звуковыми рядами, образующими паронимические соответствия параллельно друг другу, и эти ряды очерчивают контур всей «бальной» ситуации: *великоленная / вольная / вылетающей / ловкой; балу / бальной белой лайки / бального люда; залы / алмазным / лоск / люстры / залы*. Параллельно плавная картина бала как будто наполняется звуками «оркестра» (*огромные / гроздь / играющей / грома с хор*), и первая пара танцующих заполняет собой пустое «бальное» пространство (*первая пара, просторность паркета*)².

Если в предыдущем фрагменте отчетливо выделяется именно звуковой контур бала, то в следующем, где бальная картина описывается в динамике с точки зрения героя-рассказчика, на первый план выходит ритм, и можно обнаружить некое подобие стихотворной «рифмы», с помощью которой текст разделяется на отмеренные ритмические от-

¹ Все выделения шрифтом в текстах мои. – Н. Ф.

² Заметим, что такая картина бала константна для Бунина, видимо, в силу повторяемости самой затекстовой картины. Так, в романе «Жизнь Арсеньева» юный герой после первого бала был долго пьян «воспоминаниями о нем и о самом себе: о том нарядном, красивом, легком и ловком гимназисте в новом синем мундирчике и белых перчатках, который с таким радостно-молодецким холодком в душе мешался с нарядной и густой девичьей толпой, носился по коридору, по лестницам, то и дело пил оршад в буфете, скользил среди танцующих по паркету, посыпанному каким-то атласным порошком, в огромной белой зале, залитой жемчужным светом люстр и оглашаемой с хор торжествующе-звучными громами военной музыки, дышал всем тем душистым зноем, которым дурманят балы новичков (Кн. 2 Гл. IX).

резки. Причем текст сам как бы подсказывает, что он «становится всё ритмичней». Ср.:

Потом делалось всё *людней и шумней*, /
музыка гремела *привычней*, /
в дверях залы уже *теснились*, /
женщин всё прибывало, /
воздух становился всё *гуще, теплей*, /
и я как бы *хмелел*, /
на женщин смотрел *всё смелее*, /
а на мужчин *всё заносчивее*, /
скользил в толпе *всё ритмичней*, /
извинялся, задевая какой-нибудь фрак или мундир, /
всё вежливей и надменней... (Кн. 5, гл. IX).

Рифмы же в тексте, во-первых, образуются формами сравнительной степени наречий и прилагательных (*шумней, привычней, теплей; смелее, заносчивее; ритмичней, надменней*), во-вторых, эти формы рифмуются с глагольными (*теснились-теплей-хмелел-смелее*).

Если мы сравним это прозаическое описание бала с ранним стихотворением «Вальс», то заметим, что последнее является предварительным этюдом к целостному полотну. Но в этом этюде уже заложены все исходные темы и их пересечения, а в целом стихотворение оказывается метонимичным по отношению к образной перспективе прозаического описания³. Само же слово «вальс», хотя его и нет в основном корпусе стихотворения, разлито в его звуковом составе, и в нем взаимопроникают друг в друга «влажность», «протяжность», «плаванье», «сияние люстр», «слияние», и «ветер бальный». В стихотворении на первый план выходит танцующая героиня, которая также представлена в тексте романа через восприятие героя. Ср.:

Похолодели лепестки
Раскрытых губ, по-детски влажных —
И зал плывет, плывет в протяжных
Напевах счастья и тоски.
Сиянье люстр и зыбь зеркал
Слились в один мираж хрустальный —
И веет, веет ветер бальный
Теплом душистых опахал.

Начало стихотворения *Похолодели лепестки / Раскрытых губ, по-детски влажных* можно соотнести с темой *девственной залы и непорочно-праздничного платья* героини романа, *юность, тонкость и стан которой поражали всех присутствующих в зале*, а *похолодевшие лепестки губ со свежим холодом* – то есть и в том и другом случае героиня и зала слиты в едином образном потоке. Холодная зала с алмазной люстрой одинакова по ракурсу восприятия и с героем-рассказчиком, который ощущал себя «чем-то вроде ледяного зеркала». *Зала / алмаз / бал / холод* в романе также объединены в одном смысле-ловом ключе с *огромными нагими окнами*, которые получают дополнение в *обнаженных*

³ Однако и в самом романе «Жизнь Арсеньева» в описании первого бала присутствует метонимичность, являющаяся таким же специфическим признаком поэтичности прозы Бунина, как и Пастернака. Так, юный герой-гимназист у Бунина был очарован каждой попадавшейся на глаза легкой туфелькой, каждой белой пелеринкой, каждой черной бархаткой на шее, каждым шелковым бантом в косе, каждой юной грудью, высоко поднимавшейся от блаженного головокруженья после вальса... (Кн. 2 Гл. IX).

от перчаток до плечей и озябших, ставших отроческими, сиреневых руках героини. Ср.: *Меня каждый раз поражала в эту минуту ее юность, тонкость: схваченный корсетом стан, легкое и такое непорочно-праздничное платьице, обнаженные от перчаток до плечей и озябшие, ставшие отрочески сиреневыми руки, еще неуверенное выражение лица... только прическа высокая, как у светской красавицы, и в этом что-то особенно влекущее, но как бы уже готовое к свободе от меня, к измене мне и даже как будто к сокровенной порочности* (Кн. 5, гл. IX).

Заметим, что в этом фрагменте неоднократно подчеркивается тема «девственной зальи» и «непорочности», которая подается как особо влекущая и готовая к «сокровенной порочности». Эта «порочность» закодирована и в звуковой инструментовке текста, в которой обнаруживается «порочный круг»: *непорочно-праздничное / от перчаток до плечей / прическа / порочности*. Этот влекущий намек порочности задан уже в более раннем отрывке романе паронимией слов «удовольствие» и «вальс»: *Когда она танцевала с кем-нибудь, кто был красив, ловок, и я видел ее удовольствие, оживление, быстрое мелькание ее юбок и ног, музыка больно была меня по сердцу своей бодрой звучностью, вальсами влекла к слезам* (Кн. 5, гл. VIII).

Подобная же парадигма «вальса» слышна и у Пастернака в стихотворении «Заместительница» книги «Сестра моя – жизнь», которое обнаруживает ситуативную и композиционную изоморфичность с прозаическим описанием «вальса» в третьей части «Елка у Свентицких» романа «Доктор Живаго» (Кн. 1, ч. 3, гл. 11–15), написанном почти на 40 лет позже. И хотя у Пастернака одни и те же смысловые ряды, что и в стихотворении «Вальс» Бунина, сочетания их даны в других словесных символах-носителях, а значит в других звуках, что несколько меняет весь ракурс виденья бала:

Чтоб прическу ослабив, и чайный и шалый,
Зачаженный бутон заколов за кушак,
Провальсировать к славе, шутя, полушалок
Закусивши как муку, и еле дыша.
Чтобы, комкая корку рукой, мандарина
Холодящие дольки глотать, торопясь
В опоясанный люстрой, позади, за гардиной,
Зал, испариной вальса запахший опять.

Как мы видим, *похолодевшие лепестки губ* заменены в «Заместительнице» *мандарина* *холодящими дольками* как бы по смежности – тем самым тема холода делается наружной по отношению к героине, а тепла (испарина) – внутренней. *Лепестки губ* еще не расцветшей до конца женщины заменены у Пастернака *бутоном, заколотым за кушак*, – та же метафора юности звучит в других оттенках смысла. Теплые звуки бунинского стихотворения поэтому контрастируют одновременно и с его прозаическим описанием бала в «Жизни Арсеньева», и с пастернаковским стихотворением, в которых «гремит музыка»: у Пастернака *корку / рукой / гардиной*, у Бунина – *парадигма грома с хор*.

Обратимся теперь к описанию «елки» в романе «Доктор Живаго»: *Мимо жарко дышащей елки, опоясанной в несколько рядов струящимся сиянием, шурша платьями и наступаая друг другу на ноги, двигалась черная стена прогуливающих и разговаривающих, не занятых танцами. Внутри круга бешено вертелись танцующие. Их кружил, соединял в пары и вытаскивал цепью сын товарища прокурора лицеист Кока Корнаков. Он дирижировал танцами и во всё горло орал с одного конца зала на другой: «Grand rond! Chaîne chinoise!» – и всё делалось по его слову. «Une valse s'il vous plait» – горланил он таперу и в голове первого тура вел свою даму à trois temps, à deux temps, всё замед-*

ляя и суживая разбег до еле заметного переступания на одном месте, которое уже не было вальсом, а только его замирающим отголоском. И все аплодировали, и эту движущуюся, шаркающую и галдящую толпу обносили мороженым и прохладительными (Кн. 1, ч. 3, гл. 11). Мы сразу замечаем, что динамическая линия «вальса», во-первых, во многом здесь создается за счет шипящих звуков, которые образуются «кругом» причастий и деепричастий, передающих оттенки движения танцующих вокруг жарко дышащей елки наравне с предикатами основных движений «кружить» и «дирижировать» танцами (*шурша платьями, прогуливающиеся, разговаривающие, танцующие, замедляя и суживая, замирающий, движущаяся, шаркающая, галдящая, веселящий* – недаром у Юры от всего этого стоял «шум в ушах») – то же преобладание шипящих наблюдаем и в «Заместительнице» (*шалый, Зачаженный бутон заколов за кушак, Провальсировать к славе, шутя, полушалок Закусивши как муку, и еле дыша*). Во-вторых, сам темп и ритм описания вальса задается в романе выкриками «дирижера» (в переводе с французского – *На три счета, на два счета!*), которые ранее были заложены в композиции стихотворения «Заместительница» (1 часть – четырехстопный анапест; 2 часть – четырехстопный (иногда трехстопный) ямб).

Обращает на себя внимание и синтаксическое строение стихотворения «Заместительница». Стихотворение состоит из двух предложений, образующих отражение: в центре первого танцующая героиня на фоне гостей, возникающая из фотокарточки, в центре второго – олицетворенный вихрь на фоне кавказских гор с мчащимся скакуном, который неожиданно «садится». Приведем текст полностью:

*Я живу с твоей карточкой, с той, что хохочет,
У которой суставы в запястьях хрустят,
Той, что пальцы ломает и бросить не хочет,
У которой гостят и гостят и грустят.
Что от треска колод, от бравады Ракочи,
От стекляшек в гостиной, от стекла и гостей
По пианино в огне пробежится и вскочит
От розеток, костяшек, и роз, и костей.
Чтоб прическу ослабив, и чайный и шалый,
Зачаженный бутон заколов за кушак,
Провальсировать к славе, шутя, полушалок
Закусивши как муку, и еле дыша.
Чтобы, комкая корку рукой, мандарина
Холодящие дольки глотать, торопясь
В опоясанный люстрой, позади, за гардиной,
Зал, испариной вальса запахиший опять. (Конец первого предложения)
Так сел бы вихрь, чтоб на пари
Порыв паров в пути
И мглу и иглы, как мюрид,
Не жмуря глаз снести.
И объявить, что не скакун,
Не шалый шепот гор,
Но эти розы на боку
Несут во весь опор.
Не он, не он, не шепот гор,
Не он, не топ подков,*

*Но только то, но только то,
Что – стянута платком.
И только то, что толь и ток,
Душа, кушак и в такт
Смерчу умчавшийся носок
Несут, идуя в мечтах.
Им, им – и от души смеша,
И до упаду, в лоск,
На зависть мчащимся мешкам,
До слез, – до слез!*

Несмотря на расхождения сюжетного рисунка двух частей стихотворения, они связаны синтаксически, а, следовательно, логически. С одной стороны, каждая строфа представляет собой завершённую семантическую единицу, в то же время они объединены в два синтаксически четко расчленённые предложения (точки обозначают границы строф, а не предложений). Синтаксическая конструкция образует замкнутый круг: в первой части сначала идут определительные придаточные предложения, затем придаточные цели; вторая часть описывает то же синтаксическое движение в обратном направлении: начинается с придаточных цели, а заканчивается изъяснительно-определятельными придаточными предложениями. Таким образом, круг описания танца оказывается замкнутым.

Что касается сравнения атрибутов ситуации «танца» в «Сестре моей – жизни» и «Докторе Живаго», то мы вновь обнаружим множество соответствий, правда, в романе главной «танцующей» героиней окажется не Лара, а Тоня. Именно она *была очень разгорячена и утоляла жажду мандаринами, которые она без счета очищала от пахучей легко отделявшейся кожуры*, которая вступает в паронимическую рифму с «кушаком» (кн. 1, ч. 3, гл. 14). Тональность «шуршащего» звука в зале поддерживается и тем, что девушка *машинально совала платок назад за кушак*, а запах *мандариновой кожуры и разгоряченной Тониной ладони был одинаково чарующий* (ср. по звуку *рукавчик, крошечный*). Этот запах можно описать только в сложных оттенках: *Детски-наивный запах был душевно-разумен, как какое-то слово, сказанное шепотом в темноте*. Но именно это внутреннее Юрино переживание «запаха как шепота» и прерывается Лариным «выстрелом». Этот грянувший в «выстрел», вносящий «дрожащий [р]» в звуки «вальса», оказывается знаменем смерти Анны Ивановны, матери Тони.

Если сравнить «сюжетное пространство» (Ю.И. Левин) стихотворения и фрагмента романа «Доктор Живаго», то увидим, что они подчинены одной и той же схеме: сначала в центре находится воспринимающий субъект – в стихе он задан первым лицом (*Я живу*), в прозе – третьим, но по фамилии *Живаго* (букв. ‘живой, живущий’), затем всё внимание переносится на объект – танцующую героиню на фотокарточке или танцующую Тоню в восприятии Юры. При этом в стихе образ героини дан метонимически через ряд ощущений (зрительных, слуховых, тепловых, обонятельных), воспроизводимых по памяти, в прозе также через эти же типы ощущений – но в развернутом виде.

Так, в стихотворении «Заместительница» «карточка» становится сюжетопорождающим фактором для развертывающейся сцены бала: а именно, свето-мнемоническая энергия, содержащаяся в ней, переводит текст из статического состояния в динамическое. Причем сначала возникает звуковой сигнал (*хохот*), и только затем постепенно «по частям» обретает видимость тело девушки с двигающимися суставами и пальцами рук, что также получает звуковое оформление (*хрустят*), а в конце героиня уже окружена гостями. Постепенно «неорганизованные» предикаты действий (*ломает, пробежится*,

вскочит) превращаются в движение вальса – ритмическую и кругообразную форму движения (круг, как мы отметили, описывает и вся семантико-синтаксическая композиция стихотворения), которая перерастает дальше в метафору «вихря».

Интересно, что во второй части стихотворения субъект восприятия фактически отсутствует, но изначально задает сравнение «Карточка – Она – как вихрь», хотя в тексте в основном присутствуют формы мужского рода. Заметим, что и в первой части синтаксические структуры с явно выраженным гендерным началом (местоимениями *той, которой*) постепенно заменяются на инфинитивные конструкции с невыраженной субъектностью (*Провальсировать к славе...*). Вторая же часть начинается с явного перехода к мужскому роду (*Так сел бы вихрь*) – значит, центральным становится именно образ сравнения, существующий внутри лирического Я, который воспринимает танцующую героиню. И в тексте обнаруживаем лишь многократно повторяющееся местоимение *он*: *Не он, не он, не шепот гор, / Не он, не топ подков, / Но только то, но только то, / Что – стянута платком*. Однако этот «Он» всё время подается с операторами отрицания и противопоставления (*не он*) и постепенно превращается в ощущение среднего рода (но только *то, что – стянута платком*), которое получает гендерную оформленность благодаря краткому причастию женского рода. Получаем общий метафорический архетип Пастернака: «вихрь-буря-девочка-женщина», который постоянно присутствует внутри мужского субъекта, составляя его неотъемлемую часть (Ср., например, и в стихотворении «Марбург»: *(Как ты хороша!) – этот вихрь духоты...*)⁴. Этот «вихрь» выполняет роль агенса энергии, направленной вовнутрь, на самое себя. И в нем на первый план снова выходит «шум», как и в прозаическом тексте (ср. *шумя в мечтах*). Таким образом, в стихотворении «Заместительница» «карточка» в результате интериоризации во внутреннее пространство лирического субъекта «озвучивается» за счет уподобления звуков бала шумящему вихрю. Здесь можно напомнить, что многие сексологи (в частности, британский сексолог Хэвлок Эллис) определяют танец как виртуозное развитие сексуального импульса, который, видимо, и реализовался в текстовой метафоре «вихря» Пастернака.

Если же мы теперь вернемся к роману Пастернака, то именно в эту ночь у Живаго и Тони появляется сексуальное влечение друг к другу, а вся сцена танцев прерывается выстрелом Лары в Комаровского, при этом дирижирующим танцами выступает лицеист Кока Корнаков. Такая странная звучащая фамилия не может быть случайной. Она отсылает к главному «танцующему» герою «Петербурга» А. Белого Николаю Петровичу Цукатову, по прозвищу Коко.

Хорошо известно, что сам Белый запечатлен современниками или летящим, как в «Пленном духе» Цветаевой (*как птица, шумом рассеяемого воздуха, оставляя в глазах сияние, в ушах и в волосах – веяние*), или танцующим. Причем они проецировали облик «летающего» и «танцующего» поэта на образ его прозы – сам предикат «танцевать», по сути, раскрывает внутреннюю форму «стопного» ритма, который Белый переносил в прозу. Так, Мандельштам пишет (1922): «Основной нерв прозы Белого – своеобразное стремление к танцу, пируету, стремление, танцую, объять необъятное» [Мандельштам 1990: 293]; а Гиппиус параллельно добавляет (1922): «Боря Бугаев – весь легкий, как пух собственных волос в юности, – он танцую перелетит, кажется, всякие “тарары”». Ему точно предназначено их перелететь, над ними танцевать, – туда, сюда... направо, налево... вверх, вниз...» [Гиппиус 1991: 222].

⁴ Ср. эпиграф к «СМЖ»: Бушует лес, по небу пролетают грозные тучи, тогда в движении бури мне видятся, девочка, твои черты. Ленау (нем.)

Но вернемся к Коко, якобы второстепенному герою «Петербурга», который, однако, появляется в главе четвертой с говорящим названием – «Глава четвертая, в которой ломается линия повествования». Три главки этой главы также называются очень показательно – они постепенно вводят в тему «рокового маскарада», во время которого Николай Аполлонович собственно и решается подложить «бомбу» отцу. Это – «Топотали их туфельки», «Дотанцовывал», «Бал», причем сами названия в тексте образуют кольцевые композиции. В первой главке сцена бала подана еще очень мирно, почти как позднее у Бунина и Пастернака. Однако заметим, что для передачи сцены танцев Белый пользуется совсем другими средствами. Ср.:

ТОПОТАЛИ ИХ ТУФЕЛЬКИ

Раздавались звонки. *Выходили в зал из передней какие-то ангелоподобные существа в голубых, белых, розовых платьях, серебристые, искристые; обвевали газами, веерами, шелками, разливая вокруг благодатную атмосферу фиалочек, ландышей, лилий и тубероз; слегка опыленные пудрой их мраморно-белые плечики через час, через два должны были разгореться румянцем и покрыться испариной; но теперь, перед танцами, личики, плечи и худые обнаженные руки казались еще бледней и худей, чем в обычные дни; тем значительней прелесть этих существ как-то сдержанно искрами занималась в зрачках, пока существа, сущие ангелята, образовали и шелестящие и цветные рои веющей кисеи; свивались и развивались их белые веера, производя легкий ветер; топотали их туфельки.*

Раздавались звонки.

Обратим внимание на то, что конструкция, описывающая сцену «от звонка до звонка», составляет одно предложение. Сразу скажем, что это вообще свойство описаний таких сцен, видимо, обнажающее их кинематографическую природу: недаром в них преобладают перечисления и конструкции с однородными членами (см. выше описание первого гимназического бала у И. Бунина). У Белого описание бала можно также разбить на ритмизованные фрагменты с «внутренней рифмой»:

*Выходили в зал из передней какие-то ангелоподобные существа
в голубых, белых, розовых платьях,
серебристые, искристые;
обвевали газами, веерами, шелками...*

Из постоянных же для фрейма бала образов находим обнаженные, «бледные» руки и плечики, худые и замерзшие, но готовые «разгореться румянцем и покрыться испариной», а также веера, производящие легкий ветер. Отметим, что в конце данного абзаца именно предложение *Топотали туфельки*, повторяющее заглавие главки, замыкает круг между «звонками», и вскоре в этой главке и появляется Коко, жизнь которого метафорически представлена как сплошной «танец» в следующей главке под названием «ДОТАНЦОВЫВАЛ», которое также образует круговую рамку:

Николай Петрович Цукатов протанцевал свою жизнь; теперь уже Николай Петрович эту жизнь дотанцовывал; дотанцовывал легко, безобидно, не пошло; ни одно облачко не омрачало души; душа его была чиста и невинна, как вот эта солнцем горевшая лысина или как этот вот гладко выбритый подбородок меж бак, будто глянувший промеж облака месяца.

Все ему вытанцовывалось.

Затанцевал он маленьким мальчиком; танцевал лучше всех; и его приглашали в дома, как опытного танцора; к окончанию курса гимназии натанцевались знакомства; к окончанию юридического факультета из громадного круга знакомств вытанцевался

сам собою круг влиятельных покровителей; и Николай Петрович Цукатов пустился **отплясывать** службу. К тому времени **протанцевал** он имение; **протанцевавши** имение, с легкомысленной простотой он **пустился в балы**; а с **балов** привел к себе в дом с замечательной легкостью свою спутницу жизни Любовь Алексеевну; совершенно случайно спутница эта оказалась с громадным приданым; и Николай Петрович с той самой поры **танцевал** у себя; **вытанцовывались** дети; **танцевалось**, далее, детское воспитание, - **танцевалось** всё это легко, незатейливо, радостно.

Он теперь дотанцовывал сам себя.

В целом же корень глагола *танцевать* здесь также оказывается закольцованным: он повторяется в данном эпизоде 15 раз, к нему можно добавить также глагол *отплясывать* и 2 раза повторяющееся слово *бал* (получается 18 лексем, связанных с танцами), а далее следует главок под названием «БАЛ». В целом в рамках этого фрагмента повтор слов с корнем *танц-* становится подобным повторяющимся ритмическим движениям самого танца, а смена «сферы» танцев (от окончания курсов до «вытанцовывания» детей) становится аналогичной смене положений человеческого тела во время танцев.

При этом «танец» в середине описания превращается в «пляску», когда это касается службы: напомним, что слово «пляска», в отличие от «танца» обычно связывается с народным танцем, более эмоциональным и менее организованным. Любовь же Цукатова связана с возвышенным словом «бал». Затем в главке «Бал», правда, выясняется, что, пока муж «дирижировал танцами», его жена Любовь Алексеевна «дирижировала» встречами самых разнообразных особ. По ходу романа «танец» действительно перерастает в маскарад с пляской, в который оказываются вовлеченными старший и младший Аблеуховы (Аполлон Аполлонович и Николай Аполлонович в костюме красного домино). И об этом вновь сообщает нам звонок, возвестивший ранее начало бала:

*Вдруг раздался звонок: вся комната наполнилась масками; **ворвалась вереница черная капуцинов; черные капуцины быстро составили цепь вокруг красного сотоварища, заплясали вокруг него какую-то пляску; их атласные полы развевались, свивались; подлетали и уморительно падали кончики капюшонов; на груди же у каждого на двух перекрещенных косточках вышит был череп; и подплясывал череп. Красное домино, отбиваясь, тогда бежало из зала; капуцинов черная стая с хохотом погналась за ним вслед; так они пролетели по широкому коридору и влетели в столовую; все сидящие за столом им навстречу приветливо застучали тарелками.***

Как мы видим, в этом абзаце уже доминирует тема «пляски», почти что беговой, с черными капуцинами. Эта тема нагнетается однокорневыми повторами (*заплясали вокруг него какую-то пляску, подплясывал череп*), звуковыми отражениями (*развевались, свивались*), метафорой «черной стаи» с летающими движениями. В этот же танец вовлекается и Коко-Цукатов, и некий тапер, ранее представленный как «черная, гленастая птица»: *В танцевальном зале тапер, выгибая хребет, **заплясал** опять взбитым **коком волос** на бегущие и рулады льющие пальцы; **расплясался** дискант и медлительно тронулся бас.* Так, в музыкальном центре главы, где «ломается линия повествования», появляется пляшущий взбитый «кок волос» тапера, дирижирующего ритмикой движений в зале и уподобленный птице. Похоже, что в этом тапере зашифрован образ самого Белого, всё туже закручивающего узел повествования и «правлящего бал». Ср.: *Там тапер вдруг одною рукою элегантно гремящим ударом по басу **оборвал** свою музыкальную пляску, а другою рукой он заправским движеньем*

во мгновение ока перевернул нотный лист, и с рукою, взвешенной в воздухе, с выразительно разжатými пальцами меж клавиатурой и нотами, выжидательно как-то повернул свой корпус к хозяину... («Бал»).

Точно так же затем в «Докторе Живаго» (ср. «Живое слово») линия повествования тоже сломается, поскольку Лара, *хотя она была одета не по-бальному и никого тут не знала, она то давала безмолвно, как во сне, кружить себя Коке Корнакову, то, как в воду опущенная, без дела слонялась кругом по залу* (Кн. 1, ч. 3, гл. 13). Она была девушкой «из другого круга», как представляет ее нам автор, и слово «Корнаков» будет всё время звучать в ее ушах вплоть до выстрела в Комаровского, который начал ухаживать за сестрой Коки. Попадает же Лара не в Комаровского, а в отца Коки – товарища прокурора Корнакова, при этом мать Коки начала кричать: *Кока, Кокачка, ну что ты скажешь! На отца твоего... Да... Но десница Божья... Кока! Кока!* (Кн. 1, ч. 3, гл. 14). Так и в романе «Доктор Живаго» всё закручивается вокруг слова «Кока», связанного с глаголом «укокошить».

Вспомним, что в романе «Петербург» Коленька Аблеухов тоже хотел «укокошить» отца, который сочинил для своего сына песенку:

Дурачок, простачок

Коленька танцует:

Он надел колпачок –

На коне гарцует (Гл. 7, главка «План»).

Если мы посмотрим внимательнее, то в этой песенке как раз и рождается звуко сочетание КОКО из суффиксов *-ок*, имени *коленька*, а также слов *колпачок* и *конь*. Интересно, что и герб Аблеуховых, который был изображен над дверью их дома, «изображал длинноперого рыцаря в завитках рококо и пронизанного единорогом». Значит, Коко – отнюдь не второстепенная фигура, а одна из ключевых, которая «танцует» вместе с Коленькой Аблеуховым и задает ход всего повествования «Петербурга».

Получается, что Пастернак в романе «Доктор Живаго» сознательно или бессознательно воспроизводит линию рокового танца, связанного с Коко. Если же искать более глубокие интертекстуальные соответствия для Коки и Коко, то они обнаружатся в романе Л. Толстого «Анна Каренина», где на роковом бале, когда разгорается любовь между Анной и Вронским, танцами дирижирует «статный мужчина» по имени Егорушка Корсунский.

Литература

Белый А. Петербург. – Paris: Booking International, 1994. – 479 с.

Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Темные аллеи. – М.: Дрофа, 2004. – 512 с.

Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица. Серия «Забытая книга». – М.: Худ. лит-ра, 1991. – 472 с.

Мандельштам О. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Худ. лит-ра, 1990. – 464 с.

Пастернак Б. Собрание сочинений в пяти томах. – М.: Худ. лит-ра, 1989-1992.

СОЗНАНИЕ, СЕМИОТИКА, ЯЗЫК, КОММУНИКАЦИЯ И ПРАГМАТИКА КАК ЕДИНОЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО¹

В рамках концептуального пространства как формы объединения разных типов знаний рассматриваются взаимосвязи сознания, семиотики, языка, коммуникации и прагматики. Они образуют единство, которое можно определить как диалектическое единство, поскольку нерасторжимо связаны и способны влиять на отношения друг с другом. С учетом этой позиции дается определение слову как основной единицы знания: это лексический репрезентант концепта, чаще всего понятийного типа, который имеет звуковую оболочку, является синтагматическим членом высказывания и предстает в той или иной морфологической форме, совокупность которых образует его языковую репрезентативную парадигму и прагматическую парадигму. В общем виде интегративное концептуальное пространство слова, составными частями которого являются взаимосвязанные и взаимодействующие когнитивные по своей природе сознание, семиотика, язык, коммуникация и прагматика, можно представить в виде пятиугольника, отражающего структуру их взаимоотношений и связей.

Ключевые слова: сознание, семиотика, язык, коммуникация, прагматика, фигура знания.

Anatoly L. Sharandin

CONSCIOUSNESS, SEMIOTICS, LANGUAGE, COMMUNICATION AND PRAGMATICS AS A COMMON CONCEPTUAL SPACE

Within the limits of conceptual space as a form of combining different types of knowledge the relationships of consciousness, semiotics, language, communication and pragmatics are being considered in the article. They form the unity which can be defined as a dialectical unity as indissolubly linked and can affect relationships with each other. Taking this idea into account it is possible to define a word as a basic unit of knowledge: it is a lexical representative of the concept, more often of the conceptual type, which has a sound shell, it is a syntagmatic utterance member and it appears in a particular morphological form, the combination of which constitutes its linguistic representational paradigm and pragmatic paradigm. Generally the integrative conceptual space of a word the components of which are interrelated and interacting and inherently cognitive consciousness, semiotics, language, communication and pragmatics can be represented in the form of a pentagon reflecting the structure of their relations and connections.

Keywords: consciousness, semiotics, language, communication and pragmatics, figure of knowledge.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00448 «Язык как интерпретирующий фактор познания».

Термин «пространство», употребляясь чаще всего в нестрогом терминологическом значении, в настоящее время оказывается достаточно востребованным в сочетаниях с атрибутами, характеризующими его в отношении определенных сфер или областей научных знаний: когнитивное пространство, семантическое пространство, ономастическое пространство, лексико-грамматическое пространство, лингвокультурологическое пространство и т. д. В этом ряду особо выделяется сочетание «концептуальное пространство», которое, наряду с осмыслением его как одного из типов структурирования концептов (В.А. Ефремов), имеет и трактовку как методологической категории современного языкознания, привлекаемой для постановки и решения теоретических и исследовательских задач (О.В. Николаева). По мнению Н.Н. Болдырева, «в области научного знания четко обозначилось и существует определенное концептуальное пространство, именуемое когнитивной лингвистикой и представляющее собой единую систему научных взглядов и методологических принципов, которые направлены на изучение когнитивной функции языка и на реализацию общенаучной, объяснительной функции о языке» [Болдырев 2004: 35].

На наш взгляд, понятие концептуального пространства как формы структурированного знания, содержание которого определяют объекты этого пространства, близко к пониманию концептуальной системы. В частности, Р. Джекендофф утверждал, что «существует такой уровень, на котором вся информация, приходящая по разным каналам и принадлежащая разным модальностям, была бы сопоставимой» (цит. по: [Кубрякова и др. 1996: 94]). Однако в данном случае нам представляется, что понятие концептуального пространства более удачно, поскольку позволяет включить в него достаточно разные по своей природе и назначению объекты, тогда как понятие системы в большей степени сориентировано на рядоположенные единицы (ср.: фонетическое пространство, лексико-семантическое пространство и т. д.). Понятие пространства в силу таких его характеристик, как протяженность и объемность, оказывается более удобной и логически обоснованной формой включения в него объектов, которые, в принципе, имеют свое пространство, представленное системами их единиц. Другими словами, концептуальное пространство оказывается в нашем случае полисистемным и объемным, но при этом целостным образованием, имеющим свои границы. Структурированное знание, определяемое этим единым концептуальным пространством, формируется на основе взаимосвязи и взаимодействия разных по природе и назначению (функции) онтологически существующих объектов, которыми являются сознание, семиотика, язык, коммуникация и прагматика. Их познание позволяет увидеть и осмыслить, выражаясь словами Ю.Н. Караулова, ту «элементарную фигуру знания», или «когнему», представленную пентаграммой, включающей пять составляющих единицу знания компонентов: смысл, способ, слово (знак), область, функция (см. [Караулов, Филиппович 2009: 259]). Речь, конечно, не идет о прямом отражении этой фигуры знания, представленной пентаграммой рассматриваемых нами объектов исследования, а скорее всего – об изоморфности отношений в этих пентаграммах, о связях и взаимодействии данных объектов, что и позволяет видеть как и в фигуре знания, выделяемой на основе пяти компонентов Ю.Н. Карауловым, фигуру знания, для выделения и осмысления которой также необходимо единство пяти компонентов, представленных разными областями.

Как известно, современный этап развития лингвистики характеризуется понятием антропоцентризма. Отмечается, что антропоцентрический подход сменил системоцентрический подход, в основе которого основное внимание уделялось изучению системы языка, исходя из описания ее единиц в структурном аспекте, т. е. внимание было сосредоточено на языковых характеристиках этих единиц безотносительно к процессу коммуникации и человеку как основному субъекту речевой деятельности. При антропоцентрическом подходе произошло перемещение внимания исследователей с системно-структурных единиц как таковых на их функционирование в том или ином тексте или дискурсе, в результате чего речемыслительная деятельность человека предстает не в виде механического сложения простых в более сложные структурные единицы, а в виде нелинейного процесса речетворчества. Другими словами, *теоретическим фактором*, во многом определяющим лицо современных исследований языка, стало обращение исследователей к действительности языка с позиций антропоцентрического подхода. Если раньше язык рассматривался просто как средство коммуникации и выражения мыслей, то теперь сами коммуникация и сознание (мышление) погружаются в структуры языка, становятся концептуальным пространством, в котором разворачиваются те или иные языковые формы, имеющие ментальную и дискурсивную основу. В этом плане уместно вспомнить слова Е.С. Кубряковой о том, что «сегодня <...> в неменьшей степени акт номинации зависим и от коммуникативных факторов, т. е. от того, в какой роли мыслится его результат как единица дискурса» [Кубрякова 2004: 63].

Произошедшая смена научных парадигм логично приводит к рассмотрению взаимосвязи сознания, семиотики, языка, речевой деятельности (коммуникации) и прагматики в аспекте этой новой научной парадигмы, реализация которой наиболее ярко представлена в когнитивной, коммуникативной и прагматической лингвистиках. Обращение к этим направлениям вполне закономерно для современного этапа развития лингвистики, когда осознание языка в качестве специфического объекта действительности приводит исследователей к методам и приемам его описания как системы знаний о языке, а языковое знание, как и любое знание, получаемое человеком, есть результат взаимодействия, прежде всего, сознания, языка и коммуникации (речевой деятельности). Эти три составляющие, несомненно, имеют различную природу и свои самостоятельные уровни представления в жизнедеятельности человека, однако при этом они образуют единство, которое можно определить как *диалектическое единство*, поскольку способны влиять на отношения друг с другом.

Закономерным оказывается включение в эту триаду семиотики и прагматики, поскольку семиотический (знаковый) статус языковой системы определяет коммуникативную специфику людей в отличие от коммуникации животных, а прагматика определяет целеполагание коммуникации с точки зрения эффективности общения в целях социального взаимодействия людей, обеспечивая тем самым социально-культурные отношения между адресатом (адресатами) и адресантом (адресантами), что позволяет многим исследователям рассматривать прагматику как одну из составляющих семиотики, изучающей в данном случае отношения знаков к интерпретаторам.

Итак, рассмотрим взаимосвязь и взаимодействие между выделенными компонентами интегративного знания на материале слова как базовой единицы в осмыслении концептуального пространства данного интегрированного единства.

Большинством лингвистов центральными понятиями когнитивной лингвистики признаются концептуализация и категоризация. Их роль и функции определяются как важнейшие в человеческом сознании, поскольку они являются основой всей познавательной деятельности человека и связаны с приобретением, переработкой и использованием информации. Концептуализация и категоризация как виды мыслительной деятельности связаны с работой мозга, которая приводит к формированию концептов – единиц сознания. В целом же концептуализация и категоризация представляют собой классификационную деятельность, но при этом различаются по своему конечному результату и/или цели: «процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания, а процесс категоризации – на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории» [Болдырев 2000: 22]. При этом не следует думать, что процессы концептуализации и категоризации оказываются своего рода параллельными мыслительными процессами, которые на выходе таксономической деятельности человека дают нам разные результаты, указанные выше. Эти процессы и их результаты оказываются в отношениях включения одного в другое. И это включение выглядит, на наш взгляд, следующим образом.

Всякому объединению единиц должно предшествовать их выявление. А это означает, что концептуализация *первична* по отношению к категоризации. Однако *категоризация* при этом оказывается *более значимым, маркированным членом в оппозиции «концептуализация – категоризация»*, поскольку всякая категоризация предполагает наличие концептов как единиц концептуализации, тогда как вполне возможно, что выделенные посредством концептуализации объекты или события на каком-то этапе могут оказаться не охваченными категоризацией, т. е. подведение их под какую-либо категорию окажется затруднительным в силу их специфичности. Другими словами, не всякая концептуализация однозначно предполагает наличие соответствующей категории, не всякий концепт может быть охвачен имеющейся категоризацией. Ср., например, виды животных вне той или иной категориальной классификации или наличие языков вне генеалогической классификации. Но наличие такого рода концептов (представлений и понятий о предметах и явлениях действительности) не опровергает мнения о том, что «все знания о мире хранятся в нашем сознании в категориальной форме» [Болдырев 2006: 5]. Наоборот, именно категориальная форма позволяет в единичном, не охваченном категоризацией концепте увидеть его противопоставление классам объектов и тем самым выделить его в оперативном сознании как возможную когнитивную точку, которая окажется основой для формирования новой самостоятельной категории.

Однако, чтобы оказаться предметами восприятия и изучения, концепты должны быть осознаны в общении и тем самым стать коммуникативно востребованными. Для этого требуется их осознание в материально выраженной форме. В качестве такой формы выступает звуковая вербализация, которая чаще всего ассоциируется с языком, хотя это не совсем точно, поскольку звуковая (графическая) субстанция может оформлять знак как таковой, безотносительно к коммуникации, т. е. как семиотическую единицу. В этом случае язык понимается как чистая форма. Материальная сторона языка, представленная звуковой субстанцией, достаточно однозначно выражена в известном высказывании К. Маркса и Ф. Энгельса: «На “духе” с самого начала лежит проклятие – быть “отягощенным” материей, которая

выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков – словом, в виде языка» [Маркс, Энгельс 1966: 39].

Таким образом, концепт как оперативная единица сознания находит свою реализацию в слове как семиотической единице, т. е. знаке как условном представителе предмета или явления действительности, имеющем план содержания в виде предметно-понятийного содержания и план выражения в виде звуковой оболочки. Отношения между этими планами условные и определяются как конвенциональные (договорные). Другими словами, в своей первичной роли номинация связана с семиотическим аспектом, позволяющим рассматривать слово как семиотическую единицу, т. е. как знак. Причем в своем первичном обозначении слово как семиотическая единица является однозначным, поскольку знак не может быть многозначным согласно постулату о «законе знака», который предполагает идеально однозначное соответствие выражения и содержания (см. [Литвин 1984: 4]).

Наиболее наглядно семиотический характер слова представлен в тематической группе. Исследователи отмечают экстралингвистическую направленность ее содержания и считают, что слова в ней оказываются своего рода «слепками», «фотографиями» тех или иных фрагментов действительности. Например, лексический состав тематической группы «Части человеческого тела» обусловлен физиологической организацией человека, строением его тела. И собственно языковых закономерностей, позволяющих описать связи между словами в тематической группе, по существу, нет (см. [Котцова 2002]).

С этой точки зрения лексические значения, отражающие предметы и явления окружающего мира, оказываются его репрезентантами, имеющими аналоговую, логическую форму, содержание которой связано с отражением представлений и понятий об этих предметах и явлениях действительности. Другими словами, лексические значения, будучи аналогами естественных объектов, находятся как бы за пределами языка, за пределами слова как языковой единицы. В связи с этим примечательна позиция В.В. Виноградова, который писал: «Слова, взятые вне системы языка в целом, лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании. Рассматриваемые только под этим углом зрения слова, в сущности, еще лишены соотносительности языковых форм и значений. Они сближаются друг с другом фонетически, но не связаны ни грамматически, ни семантически» [Виноградов 1972: 16]. В этом случае сознание человека направлено на фонетическое (звуковое) оформление названий, обозначений.

Однако в настоящее время такое понимание языка как формы претерпело значительные изменения. «Первичное представление о языке как форме исключительно мыслительного содержания постепенно сменилось представлением о языке как форме, имеющей собственно языковое содержание» [Зубкова 1999: 7]. И это осознание получает подтверждение тогда, когда язык стал рассматриваться не только как средство отражения действительности, но и как самостоятельный объект этой действительности, познание которого позволяет выделять языковые концепты, репрезентированные теми или иными формами, которые активно воздействуют на восприятие человеком реальной действительности. Именно его способность перекодировать концепты универсального предметного кода в языковые концепты определяет специфику человеческого мышления. Именно вербализация концептов

не столько посредством звуковой оболочки, сколько посредством слов как языковых знаков обеспечивает существенное различие в концептуализации действительности человеком и животным.

Это значит, что слово, с одной стороны, выступает как орудие познания, а с другой, – оказывается результатом познания, в котором концентрируются определенные знания о мире. Эти знания, в свою очередь, сформировались на основе сжатия текстовой информации о том или ином предмете, явлении или событии. В результате слово предстает как своего рода текст, в котором познаваемый объект действительности описывается с позиций его существенных признаков, позволяющих его отличать от другого предмета, т. е. осмысливается в предметно-понятийном аспекте.

Что же касается знания, то оно включает в себя ту информацию, которая коммуникативно значима. Вот почему знания присущи и животным. Как отмечается в ФЭС, «элементарные знания, обусловленные биологическими закономерностями, свойственны и животным, у которых они служат необходимым условием их жизнедеятельности, реализации поведенческих актов» [ФЭС 1983: 192]. Ср.: *Птицы очень много знаний получают по наследству без специального обучения. И все же предусмотреть всего природа не смогла. Как узнать, например, птенцу, кто из соседей друг, а кто враг? Этому нужно учиться* (Б. Сергеев). В данном случае знания обусловлены биологической жизнедеятельностью животных, имеющей своей целью передачу животным информации, связанной с опытом существования той или иной популяции, с их общением. И лексема, например, *учить* демонстрирует прекрасный образец различия в получении знания животным и человеком. Если для человека его активность в акте передачи информации выступает как «деятельность», т. е. как осознанная мотивированная активность, то для животного его активность в акте обучения выступает как «поведение», т. е. как неосознанная (малоосознанная) активность (см. [Дридзе 1980: 25]).

Слово как единица знания не присуща животным. И в этом принципиальное отличие коммуникативной системы человека от коммуникативной системы животных. Данные системы, будучи связанными с отражением и передачей коммуникативно значимой информации, т. е. со знаниями, различаются основным способом накопления и передачи этих знаний. У животных мы имеем ситуативные знания, передаваемые нерасчлененными коммуникативными сигналами, а у человека основным способом передачи информации оказываются расчлененные (членимые) коммуникативные сигналы (предложения-высказывания), элементом которых является слово, хотя есть и нерасчлененные (нечленимые) высказывания, представленные, например, междометиями типа *Ах!*, которые отражают знания-реакции в тех или иных ситуациях. Однако по основному способу передачи информации человек получает событийные знания, отражающие предметно-признаковое познание действительности в форме, прежде всего, понятий, являющихся концептуальным содержанием слова.

В свою очередь, пребывание слов как семиотических единиц только в состоянии номинации (называния) объектов действительности не является конечной целью коммуникативного акта и коммуникативного действия человека. В этом случае слово, в принципе, оказывается коммуникативно не востребованным; оно, скорее всего, обслуживает ментальный лексикон индивида или индивидов. Тем не

менее, без наличия слов в их номинативной (семиотической, знаковой) функции невозможен дальнейший процесс включения номинативных знаков в коммуникацию как процесс передачи информации (значений), поскольку знание определенной (основополагающей) части этой информации, представленной словами, оказывается основой для социально-культурного взаимодействия адресата и адресанта и их взаимопонимания.

Более того, именно усвоение знаковой информации в слове (лексического значения) позволяет в дальнейшем использовать слова в той или иной языковой (речевой) форме в зависимости от коммуникативных целей. Как отмечал Г.В. Колшанский, номинация и коммуникация «составляют истинно диалектическое и нерасторжимое единство, в котором органически объединяются познавательная и коммуникативная функции человеческого сознания. Нельзя сообщать посредством языка что-то, что не относилось бы к миру обозначаемых вещей и, наоборот, нельзя обозначать нечто, что не может быть превращено в достояние общественного сознания» [Колшанский 1990: 69–70].

Именно включение в коммуникацию, представленную уже речемыслительными единицами (разного типами высказываний), позволяет слову в качестве номинативного знака реализовать свои функциональные речевые возможности, *изменить статус знака вообще (семиотический статус) на статус языкового знака как единицы общения*. И это изменение статуса слова сопровождается соотносительностью языковой формы и значения, т. е. слово становится единицей языка как коммуникативной знаковой системы, где оно предстает в виде определенного дискурсивного (морфолого-синтаксического) образования. Понятия материи и формы в этом случае не оказываются, как при семиотическом оформлении, полностью тождественными, поскольку понятие формы включает не только звуковое, но и собственно языковое оформление – грамматическое (см. [Шарандин 2007]).

При этом важно отметить, что включение слова в состав высказывания на правах того или иного его члена не делает слово коммуникативной единицей. Оно остается номинативной единицей, а не единицей сообщения. Однако его участие в сообщении позволяет отразить динамический характер человеческого сознания, которое в этом случае способно представить объективную действительность в виде взаимосвязанных и взаимодействующих денотатов тех или иных предметов и явлений действительности, отраженных в лексическом содержании слов, что, в конечном счете, позволяет успешно решать те или иные коммуникативные задачи, добиваться определенных коммуникативных целей и выполнять языку присущие ему функции.

Более того, изменение статуса слова как семиотической единицы на статус языковой единицы приводит к нарушению «закона о знаке», в результате чего слово в его языковом понимании оказывается не только однозначным, но и многозначным. Такое нарушение, казалось бы, тормозит процесс коммуникации, а на самом деле (при глубоком проникновении в ее сущность) намного упрощает процессы накопления и передачи информации, позволяет увидеть экономные пути познания действительности. По мнению Г.В. Колшанского, «многозначность, как в сфере лексики, так и в сфере грамматики является необходимым качеством языка, обусловливаемым самой сущностью его материального устройства, а также биологически-предпосылками мышления человека» [Колшанский 1980: 13]. Многозначность

оказывается результатом взаимодействия слов как единиц знания в высказывании, вследствие чего происходят процессы, приводящие к расширению или сужению концептуального пространства слова как семиотической единицы.

Таким образом, отношения семиотики и языка – это отношения развития информационной базы слова за счет подключения грамматической структуры, которая также по своей природе концептуальна. В свою очередь, традиционное определение языка как важнейшего средства человеческого общения нацеливает и на рассмотрение отношений между языком и коммуникацией.

Как известно, реальная коммуникация всегда в той или иной степени связана с функционированием слова, которое предстает в определенной форме. Поэтому понятие формы слова оказывается следствием наших знаний по освоению языка как знаковой коммуникативной системы, который выступает в качестве естественного объекта, коррелирующего с действительностью. Ее познание находит отражение в языковом сознании. В результате слово как языковой знак отразило реализацию и сознания как такового, связанного с освоением действительности (концептуальное сознание), и языкового сознания, связанного с различными формами вербализации этой действительности. Формы слова, будучи его представителями в высказывании (предложении), оказываются в этом случае языковыми единицами, совмещающими выполнение языком двух его основных функций – коммуникативной и когнитивной. При этом коммуникативная функция определяет функционирование слова как языкового знака в его дискурсивной форме, т. е. как морфолого-синтаксического образования, а когнитивная функция проявляется в объективации и репрезентации как предметно-понятийного содержания посредством слова (лексемы), так и дискурсивного содержания посредством языковой формы. Поэтому в целом у формы слова мы наблюдаем своего рода двойную референцию, которую по отношению к производному знаку Е.С. Кубрякова определила так: «...отсылать и к действительности, и к языку» [Кубрякова 2004: 407].

На наш взгляд, человек делает достоянием своей памяти и сознания не только конкретные выражения (высказывания), но и результаты абстрагирующей функции языка – формы. Если человек знает, что это форма 1-го лица единственного числа настоящего времени, то эта форма является значимой для него, поскольку она объективирует ряд типичных конкретных высказываний, описывающих ситуацию действия говорящего в данный момент речи как реальный факт. Он овладевает знанием лексического значения слова, но не затрачивает при этом усилий на реализацию формы данного слова в определенном контексте. Следовательно, важно определиться в разграничении понятий «слово» и «форма слова», поскольку их функции принципиально различны: «слово» как языковой знак объективирует окружающий нас мир, а «форма слова» как языковая единица – отношения между различными сторонами этого мира. Это не означает, что формы слов не объективируют действительности. Они объективируют, но их объективация вторичная, результат преломления в сознании человека той первичной объективации, которая осуществлена знаковым (лексическим) способом. Поэтому важно, после выявления первичной объективации, установить механизм и формы реализации вторичной объективации, той категоризации, которая функциональна в узком смысле слова, поскольку ориентирована на высказывание, на функционирование языкового знака (слова) в высказывании, в тексте.

Вот почему в системе специальных лингвистических знаний оказалось востребованным собственно языковое научное понятие, соотнесенное с понятием слова и с понятием формы слова. В качестве такого термина, который включил в свое содержание и понятие «слово», и понятие «формы слова», был использован термин «лексема»: «слово, рассматриваемое в контексте языка, т. е. взятое во всей совокупности своих форм и значений» [Виноградов 1972: 17]. В наших работах, в отличие от позиции В.В. Виноградова, лексема рассматривается как модель номинации, реализующая *одно* свое лексическое значение в разных условиях коммуникации. Другими словами, *лексема* – это языковой знак, планом содержания которого является только один какой-то лексико-семантический вариант, а планом выражения – совокупность форм, реализующих его в речи. Но в ней лексема реализует лишь одну форму, лексически, грамматически и стилистически гармонирующую с другими лексемами в структуре высказывания.

Таким образом, термины «слово-знак», «слово-лексема» и «словоформа» (форма слова-лексемы) в аспекте типов знаний отражают различную концептуализацию, будучи репрезентантом разных концептуальных пространств – когнитивно-семиотического, когнитивно-языкового и когнитивно-коммуникативного.

Взаимосвязь сознания, семиотики, языка и коммуникации оказывается очевидной в отношениях друг с другом. Семиотика по отношению к сознанию выступает как его ознаменование, означивание. Язык, в союзе с семиотикой, по отношению к сознанию выступает в качестве его репрезентанта, как средство материализации мыслительных структур, а по отношению к коммуникации – как средство общения, передачи информации и тех знаний, которые составляют сущность передаваемого концептуального содержания. Коммуникацию в аспекте взаимосвязи с сознанием и языком можно определить как сферу реализации сознания посредством языка. А сознание можно рассматривать как свойство высокоорганизованной материи – мозга, позволяющее осуществлять номинацию предметов и явлений действительности знаковым способом и реализовывать ее в коммуникации в целях социального взаимодействия людей, обеспечивая тем самым социально-культурные отношения между адресатом (адресатами) и адресантом (адресантами). Другими словами, *сознание* – это деятельность мозга, приводящая к номинации, *язык* – это номинативное средство, используемое в общении, а *коммуникация* – это непосредственная речевая деятельность человека, реализующая языковые средства в той или иной форме.

Каждая из этих составляющих имеет свои основные единицы: сознание представлено концептом, семиотика – словом-знаком, язык – словом-лексемой, а коммуникация – предложением-высказыванием, в составе которого основную смысловую нагрузку несет словоформа. В соответствии с этим сознание представляет собой деятельность мозга по формированию концептов; семиотика позволяет объективировать наиболее существенную информацию в содержании концепта – понятийную; язык, используя знаковое содержание, оформляет его концептуальной структурой (грамматикой); а коммуникация может рассматриваться как способ передачи концептов, обозначенных словом-лексемой, для использования в общении людей посредством предложений-высказываний, в которых слово, сохраняя свою номинативную ценность и самостоятельность, претерпевает различного рода видоизменения, связанные с его взаимодействием с другими словами. Слово как

языковая единица предполагает связь с абстрагирующей функцией сознания, а слово как речевая (коммуникативная) единица реализует конкретизирующую функцию сознания.

Таким образом, слово оказывается *единством* сознания, семиотики, языка и коммуникации (речевой деятельности) (см. [Шарандин 2012]). Аспектное же его описание с указанных позиций возможно лишь в исследовательских целях. На наш взгляд, данные аспектные определения слова могут быть следующими.

С точки зрения *сознания*: слово – лексический репрезентант концепта. С точки зрения *семиотики*: слово – это номинативный знак предметов и явлений действительности. С точки зрения *языка*: слово – это знак, лексическое содержание которого грамматически оформлено, что позволяет ему предстать в виде парадигматической единицы в словаре. С точки зрения *коммуникации*: слово – это синтагматическая единица, функционирующая в линейной речевой цепи высказывания в той или иной грамматической форме.

В онтологическом плане эти аспектные определения слова предстают в своем единстве, с позиций которого слово можно определить следующим образом. **Слово** (лексема) как *языковой* знак – это лексический репрезентант концепта, чаще всего понятийного типа, который имеет звуковую оболочку, является синтагматическим членом высказывания и предстает в той или иной морфологической форме, совокупность которых образует его языковую репрезентативную парадигму.

Это определение может быть дополнено *прагматической характеристикой слова*, участие которого в речевом акте реализует аспект «отношения знаков к их пользователям» (Ч. Моррис). Как отмечает Е.В. Милосердова, «можно, очевидно, с определенной долей уверенности говорить о том, что в каждом языке для выражения определенного коммуникативного намерения существует своя собственная «прагматическая парадигма». И так же, как, например, морфологическая парадигма (ср. систему падежей), она редко полностью совпадает с прагматической парадигмой другого языка <...> В результате воспитания, под влиянием социальной среды, образования и других факторов у каждого из носителей языка сложилась своя собственная «прагматическая парадигма» [Милосердова 2001: 18]. Значимость прагматической составляющей в структуре языковой личности отмечает Ю.Н. Караулов, выделяя особый уровень – прагматический, который в иерархии выделяемых им уровней оказывается наиболее ярким для характеристики языковой личности (см. [Караулов 1987]).

Таким образом, включение прагматики в интегративное концептуальное пространство слова как языковой единицы позволяет дать дополненное определение. **Слово** – это лексический репрезентант концепта, чаще всего понятийного типа, который имеет звуковую оболочку, является синтагматическим членом высказывания и предстает в той или иной морфологической форме, совокупность которых образует его языковую репрезентативную парадигму и прагматическую парадигму.

В общем виде интегративное концептуальное пространство слова, составными частями которого являются взаимосвязанные и взаимодействующие когнитивные по своей природе сознание, семиотика, язык, коммуникация и прагматика, можно представить в виде пятиугольника, который отражает структуру их взаимоотношений и связей. Как и в случае с представлением Ю.Н. Карауловым «фигуры знания», мы имеем возможность в дальнейшем сосредоточиться на более деталь-

ном рассмотрении и интерпретации отношений друг с другом выделенных нами составляющих параметров, которые обнаруживают десять типов связей:

1 – 2	2 – 3	3 – 4	4 – 5
1 – 3	2 – 4	3 – 5	
1 – 4	2 – 5		
1 – 5			

где 1 – сознание, 2 – семиотика, 3 – язык, 4 – коммуникация, 5 – прагматика.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – 123 с.

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд-е. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.

Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. – М.: Высш. шк., 1980. – 244 с.

Зубкова Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1999. – 237 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. – М.: Азбуковник, 2009. – 288 с.

Колианский Г.В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 152 с.

Колианский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 108 с.

Котцова Е.Е. Лексическая семантика в системно-тематическом аспекте. – Архангельск: Поморский ун-т, 2002. – 220 с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 556 с.

Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.

Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. – М.: Высш. шк., 1984. – 136 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения. – М.: Политиздат, 1966. – 152 с.

Милосердова Е.В. Прагматика речевого общения. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 122 с.

ФЭС: Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н. и др. М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 836 с.

Шарандин А.Л. Слово в аспекте знаковой теории языка // Слово и предложение: исследования по русскому языку и методике преподавания. СПб.: СПбГУ, 2007. – С. 9–19.

Шарандин А.Л. Сознание, язык и коммуникация как диалектическое единство // Когнитивные исследования языка. Вып. 12: Теоретические аспекты языковой репрезентации. – М.–Тамбов: ИЯ РАН, ТГУ, 2012. – С. 144–155.

З.Ю. Петрова

УДК 81'374

**«МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРИЮ МЕТАФОР И СРАВНЕНИЙ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX ВВ.» И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Статья посвящена возможным направлениям использования «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» в лингвистических исследованиях. Охарактеризован принцип семантического поля, на основе которого группируется материал в Словаре. Показано, как семантические отношения в классах тропов позволяют изучать эволюцию метафор и сравнений в языке художественной литературы. Формально-синтаксическая классификация тропов в Словаре дает возможность проследить очередность возникновения соответствующих типов конструкций в литературе. Основания сравнений в сравнительных конструкциях позволяют увидеть смысловую основу образных характеристик различных реалий. Кроме того, из Словара можно получить приблизительные сравнительные частотные характеристики компаративных тропов.

Ключевые слова: метафора, сравнение, словарь, семантическое поле, тезаурус, семантический класс, образная картина мира.

Zoya Y. Petrova

**«THE MATERIALS FOR THE DICTIONARY OF METAPHORS
AND SIMILES IN RUSSIAN LITERATURE OF XIX–XX CENTURIES»
AND THEIR LINGUISTIC RESEARCHES USAGE**

The article considers «The Materials for the Dictionary of Metaphors and Comparisons in Russian Literature of XIX–XX similes» and the main trends of their use in linguistic studies. The principle of semantic field is described which is the basis of the language material classification in the Dictionary. The author shows how semantic relations in classes of tropes make it possible to study evolution of metaphors and similes in the language of literature. Formal syntactic classification of tropes in the Dictionary allows the user to trace sequence of the corresponding constructions occurrence in literature. Due to explicit presentation of comparison criteria in similes with adjectives, verbs etc. one can understand semantic basis of figurative characteristics of different objects. Besides, the user of the Dictionary can get approximate comparative frequency characteristics of comparative tropes.

Keywords: metaphor, comparison, dictionary, semantic field, thesaurus, semantic class, worldview.

Описанию компаративных тропов целыми классами, состав и структура одного из которых определяет состав и структуру другого, посвящена обширная научная литература. Эти классы могут называться образными полями (см. [Weinrich 1976]), образными параллелями (см. [Кожевникова 1991 и др.]), метафорическими

концептами (см. [Лакофф, Джонсон 2008]), метафорическими моделями (см. [Баранов 2014]), образными парадигмами (см. [Павлович 2007]). Описанию отдельных образных полей в языке русской художественной литературы в целом и в языке отдельных писателей посвящены исследования А.Д. Григорьевой и Н.Н. Ивановой (см. [Григорьева, Иванова 1969]), А.М. Панченко и И.П. Смирнова (см. [Панченко, Смирнов 1971]), Л.Н. Рынькова (см. [Рыньков 1975]), Н.А. Кожевниковой (см. [Кожевникова 1986, 1991, 2003 и др.]). Использование понятия семантического поля, термина «метафорическое поле характерно и для исследований, предметом которых является языковая метафорическая номинация (см. [Скляревская 1993; Балашова 2014 и др.]). Имеется лексикографическое описание образных парадигм, охватывающее обширный материал языка художественной литературы, – «Словарь поэтических образов» Н.В. Павлович (см. [Павлович 2007]), но в нем описаны очень широкие классы «образов», без подразделения их на конкретные образные соответствия, не учитывается эволюция образной системы. Опираясь на эти и ряд других работ в области системного описания компаративных тропов, авторы «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» поставили перед собой задачу показать реальный состав системы компаративных тропов в языке русской художественной литературы, ее формально-синтаксические характеристики, выявить основные направления эволюции этой системы, описать развитие конкретных групп тропов.

Основной метод описания метафор и сравнений в «Материалах к словарю...» – метод семантического поля, тезаурусный метод. Взаимодействие понятий, реализуемое компаративным тропом (предмет сравнения и образ сравнения) описывается в терминах семантических полей, которые, с одной стороны, объединяются в более широкие семантические группировки, а с другой – подразделяются на более узкие подполя. И предметы сравнения, и образы сравнения группируются в семантические классы, образующие систему, лексико-понятийный тезаурус. Таким образом, компаративные тропы представляются в виде тезаурусной классификации, низшими элементами которой являются опорные слова конкретных метафор и сравнений. В основе группировки материала лежит идеографическая классификация слов (понятий), в разработку которой внес большой вклад Ю.Н. Караулов (см. [Караулов 1976]) (различные варианты такой идеографической классификации есть также в работах Р. Халлига и В. Вартбурга (см. [Hallig, Wartburg 1963]), В.В. Морковкина (см. [Морковкин 1992]) и др.). В процессе анализа материала эта система уточняется, видоизменяется, часто выводится из самого тропеического материала. Принципы создания Словаря и структура словарной статьи описаны во введении к его первому выпуску «Птицы» (см. [Кожевникова, Петрова 2000]). На сегодняшний день издан также второй выпуск «Материалов к словарю...» – «Звери, насекомые, рыбы, змеи» (см. [Кожевникова, Петрова 2010]). В данной работе хотелось бы сосредоточиться на том, что может дать пользователю Словарь, на материале двух этих выпусков.

1. Рассматриваемые выпуски Словаря отражают соответствующие фрагменты системы метафор и сравнений русской художественной литературы. Предметы сравнения подразделяются на три основных класса: «ЧЕЛОВЕК», «ВРЕМЯ» и «ОКРУЖАЮЩИЙ МИР». В классе «ЧЕЛОВЕК» выделяются подклассы «Обозначения людей», «Совокупности людей», «Части тела человека», «Жизнь, смерть,

возраст, судьба, различные жизненные обстоятельства», «Физические и психофизические свойства и состояния», «Внутренний мир человека»: «Душа, сердце, дух», «Интеллект», «Чувства», «Свойства характера», «Языковые явления», «Наиболее общие категории», «Социальные явления». Класс «ОКРУЖАЮЩИЙ МИР» подразделяется далее на подклассы: «Мир, земля, вселенная, воздух, небо», «Физические явления, ощущаемые человеком» («Температурные характеристики», «Звук», «Свет», «Огонь»); «Атмосферные явления», «Вода», «Земля, рельеф», «Растения», «Предметы, созданные руками человека» («Строения и части строений», «Город», «Страна, край», «Средства передвижения, машины», «Мебель» и т. д.). Каждое из слов, входящих в эти семантические классы, является заглавным словом словарной статьи.

Далее, при группировке материала по образам сравнения учитываются всевозможные отношения в семантических полях «Птицы», «Звери», «Насекомые», «Рыбы», «Змеи». Каждый класс тропов описывается как структурированное множество элементов, структуру которого задают соответствующие семантические поля прямых употреблений слов. Основные из этих семантических отношений следующие: родо-видовое, «целое – часть», «X – совокупность, множество X», «X – действие, состояние, характерное для X», «X – действие с X», а также отношения синонимии, квазисинонимии, словообразовательной деривации.

Наиболее распространенным отношением является родо-видовое: *зверь – собака, волк, лиса, медведь, лев, тигр, кошка, свинья, конь, овца, слон, мышь, заяц и пр., насекомое – муха, букашка, бабочка, божья коровка, жук и т. д.*

К родо-видовым отношениям относится и подразделение зверей, например собак, по породам: *собака, пес – борзой пес, легавая собака, дворняжка, пудель, сеттер, овчарка, бульдог, такса, сенбернар* и др.

Кроме родо-видовых отношений, при расположении материала в словарной статье учитываются следующие семантические отношения:

- названия животных, соотнесенные по полу (как супплетивные, так и словообразовательно-суффиксальные пары): *орел – орлица, ястреб – ястребица, конь – лошадь, бык – корова, баран – овца, свинья – боров; волк – волчица, медведь – медведица, тигр – тигрица, кот – кошка* и др. Например, НОЧЬ – волк: *И ночь идет за днем, как волк за тихой серной* (Багрицкий) – волчица: *Ночь плетется, как волчица Свежей осенью в реке* (Нарбут).

Тропы со словами, образующими пары, могут иметь и похожее, и разное значение, например, сходно значение тропов: ЧЕЛОВЕК – тигр: *<...> были остановлены вдруг каким-то беснующимся, который, увидев у Андрия драгоценную ношу, кинулся на него, как тигр, вцепился в него, крича: «Хлеба!»* (Гоголь) – тигрица: *Как тигрица, бросилась на мужа мать и толкнула его двумя руками так, что и он наконец упал* (Гарин-Михайловский) и различное значение тропов ЧЕЛОВЕК – баран: *– Вы-то, вы-то, такой мальчишка, – такой глупенький мальчишка, – вы тоже туда влезли с головой, как баран?* (Достоевский) – овца: *<...> я сегодня кашляю, как старая овца, и моя нянюшка, Терентьевна, не дает мне покоя: «Лягте, дескать, батюшка вы мой, да напейтесь чайку...»* (Тургенев).

- названия животных, соотнесенные по возрасту: *птица – птенец, сокол – соколенок, собака – щенок, овца – ягненок, свинья – поросенок, лев – львенок, медведь – медвежонок, заяц – зайчонок, кошка – котенок, мышь – мышонок* и т. д. На-

пример, СОН, СНЫ – кот: *И сон в душе, как кот, свернулся* (Волошин) – котятка: *сны прыгали вокруг меня, как котятка* (Бабель), МОРЕ – кошка: *Море умывается, как кошка*, Языком волны (Слущкий) – котенок: *Море тихо, как котенок*, *Всё скребется о причал* (Рубцов).

- различные словообразовательные соответствия: прилагательные: *зверь – звериный*: <...> *я пошел бы с этим человеком на всякое предприятие, требующее смелости, риска, ума и звериной осторожности* (Куприн), наречия: *по-звериному*: <...> *зубы его, крупные, белые и по-звериному заостренные, неприятно выставлялись* (Тургенев), *зверино*: *Выпил Барыба, а все молчал и улыбался четырехугольно, зверино* (Замятин), существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами, например, *зверь – зверек, зверок, зверушка, зверюшка*: ЧЕЛОВЕК – *зверек*: *Она не отрывала платка от своего рта и робко, как испуганный зверек, поглядывала на нас: не замечаем ли мы, что ей хочется плакать?* (Чехов), *зверушка*: *Какой-то пуганой зверушкой шмыгнул в уголок отец Петр, протопоп: мохнатенький, маленький, как домовый* (Замятин), *собака – собачка, собачонка*, например: ЧЕЛОВЕК – *собачка*: – *Николай Всеволодович, скажите как пред Богом, виноваты вы или нет, а я, клянусь, вашему слову поверю, как Божьему, и на край света за вами пойду, о, пойду! Пойду как собачка...* (Достоевский), дериваты с разными другими суффиксами: *зверь – зверюга*: *Ребята побаивались Барыбы: зверюга, под тяжелую руку в землю вобьет* (Замятин), *лев – лвище*: *Что лвище по рвищу – Дневальный по валу* (Цветаева), *верблюд – верблюдище*: *В этой жизни, что тащится, как Сахарой верблюдище Сквозь какой-то непочатый день* (Шершеневич) и др. Среди дериватов встречаются неологизмы, например: *медведь – размедведить*: *Вчера человек – единым махом / клыками свой размедведил вид я!* (Маяковский), *бык – быкан*: *мымыкает, грустный быкан...* (Белый), *быкомордый*: *Эта массомьяся / быкомордая орава?* (Маяковский).

- синонимы:

- со стилистически сниженным значением по сравнению с исходным, например, *лошадь – кляча*: ЧЕЛОВЕК – *кляча*: *Как кляча, пустившаяся курицалопом, он дернулся: скоком* (Белый), *ЖИЗНЬ – кляча*: *Жизнь – ленивая кляча, Жизнь не взвхренный конь* (С. Обрадович), *СУДЬБА – кляча*: *Двадцать девять томов обрушились на ковер, страницы их разлетелись, они стали боком... и белая кляча моей судьбы пошла шагом* (Бабель), *ИСТОРИЯ – кляча*: *клячу истории загоним* (Маяковский), *РЕКА – кляча*: *А река так тихо, так лениво катилась, как лениво тащится по косогору почти издохлая кляча Ивана Зеленых* (Левитов),

- с возвышенным стилистическим значением – устаревшие слова, церковнославянизмы, например: *лев – скимен*: ЧЕЛОВЕК – *скимен*: *Весь скимна-отрока еще нестройный вид* (Вяч. Иванов), *ягненок – агнец*: ЧЕЛОВЕК – *агнец*: *Там, под липой, у решетки, Мне назначено свиданье. Я иду, как агнец кроткий, Обреченный на закланье* (Вл. Соловьев),

- областные, местные, народные названия, например, *белка – векша*: ЧЕЛОВЕК – *векша*: *Я с ловкостью и быстротой, каких <...> никогда за собою не знал и от себя не чаял, взобрался в своем тяжелом убранстве на самый верх дерева, как векша...* (Лесков), *медведь – Топтыгин*: ЧЕЛОВЕК – *Топтыгин*: *А тут влетели еще восемь капитановых оборванцев и с ними Топтыгин на задних лапах – денщик Яшка Ломайлов* (Замятин).

● названия частей тела животных: *крылья, перья, клюв, зоб, когти, шерсть, щетина, руно, хвост, лапы, лапа, шкура, копыто, клык, грива, морда, рыло, пасть, челюсти, рога, хобот, бивень, зубы, язык, брюхо, сосцы, вымя* и нек. др.

Например, слово *когти* характеризует ЧЕЛОВЕКА: *Видите ли зеленые как у змея глаза, которыми он наяву морочит человека, эти коротенькие руки с длинными когтями, это крутое брюхо, которое было несыто, проглотив целиком Европу?..* (Марлинский), СМЕРТЬ: *Час этот был для нее как час перед казнью преступника – он еще не мертвый, но уж и не живой; может ли он наслаждаться жизнью, когда смерть впустила в него когти свои?* (Марлинский), БОЛЕЗНЬ: *в когтях цинги* (Хлебников), ВОСПОМИНАНИЕ: *<...> воспоминанье В меня впилось когтями* (Лермонтов), СОСТРАДАНИЕ: *Сострадание – чувство, которому покоряются так легко все женщины, впустило свои когти в ее неопытное сердце* (Лермонтов), СКОРБЬ: *Ты знаешь, Господи, как душу вырвать трудно У скорби из когтей* (Бенедиктов), ХАНДРУ: *<...> хандра налагала на него свои острые когти* (Соллогуб), СКУКУ: *У скучищи – три ручищи, А когтей на них три тыщи, Выжмут сок из всякой пищи. Милосердной смерть и чище!* (Мориц), ПЕСНЮ: *Песня! Сердце скреби когтями!* (П. Васильев), БЕДНОСТЬ: *Требуи, Бедность, выкупа любого Из твоих когтей* (Арс. Несмелов), ЗИМУ: *А там волшебница седая [зима] Лежит на высоте холмов, <...> Она на всю природу злится И в страшных инистых скалах, Нависнутых снегов слоями, Готова задавить горами Иль в хладных задушить когтях* (Державин), МОРОЗ: *В мышьи тела вонзенные когти мороза* (Хлебников), коготь – ЛУНУ: *Полночь. Пыльная дорога. Лунный коготь* (Мориц), ПЕРО: *И, ощущая рыхлый дерн страниц Безмолвным когтем острого пера...* (Мартынов). Такой же широкий круг предметов сравнения у слов *лапа, хвост, крылья* и нек. др. Помимо подобных образных обозначений, характеризующих широкий круг реалий, встречаются и более редкие, например, *бивень, клык, бычий пузырь, вымя, сосцы*.

● названия совокупностей птиц и животных: *стая, птичник, выводок, стадо, табун, гурт, отара, свора* и т. д. Например, слово *стадо* характеризует ЧЕЛОВЕКА: *Нынче менее, чем когда-нибудь, обратил он внимание на <...> знакомое, неинтересное, пестрое стадо зрителей в битком набитом театре* (Л. Толстой), ВОЛОСЫ: *С высокого темени волосы падали Оленей сбесившимся стадом* (Хлебников), МЕЧТЫ: *Мечты любви моей весенней, Мечты на утре дней моих Толпились – как стада оленей У заповедных вод речных* (Бунин), МЫСЛИ: *Далек от нежности рассветных мыслей строй, Они стоят, как тучи под горой, Как стадо темное в тисках осенней скуки* (Мориц), СТИХИ: *Духостихи – златорогов стада, Их по удоям не счесть никогда* (Клюев), ДНИ: *Дни, словно стадо антилоп, В испуге топчут прерии* (Пастернак), СТОЛЕТЬЯ: *Столетия, как стадо, или мимо него* (Липкин), ТЕНИ: *Черные всадники гонят Черных быков миллионы, Стадо полночных теней* (Брюсов), СУМРАК: *Синий сумрак как стадо овец* (Есенин), СНЕГ: *Ветер плачевный Гонит снега стада* (Хлебников), ОБЛАКА: *Средь полей необозримых В небе ходят без следа Облаков неуловимых волокнистые стада...* (Лермонтов), *Далеко под стопами моими бродили облака, подобясь стадам златорунных оводов* (Марлинский), ТУЧИ: *По гребням стадо туч ползет на синем брюхе* (Сельвинский), ТУМАН: *Там на улице жолклая сырость Гонит туман, как стада барашиковые* (Есенин), ВАЛЫ: *Огромные валы, словно стада китов, рыскали и плескали*

в пространстве... (Марлинский), ВОЛНЫ: *Море лежало <...> [волны] ползали на брюхе и чуть заметно терлись друг о дружку, словно несметное стадо черных и скользких свиней* (Пастернак), ГОРЫ: *Кругом, теряясь в золотом тумане утра, теснились вершины гор, как бесчисленное стадо...* (Лермонтов), КАМНИ: *Бычьим стадом* камни легли *У синей стужи озер* (П. Васильев), ДЕРЕВЬЯ: *В каменных водоемах, Где <...> отразились плодовые деревья Ручным бесконечным стадом* (Хлебников), *Дорога ведет под обрыв, Где стала трава на колени И призраки диких оливок, На камни рога положив, Застыли, как стадо оленей* (Тарковский), КОЛОСЬЯ: *<...> колосья бежали, склонив головы, как испуганное стадо* (Л. Андреев), АВТОМОБИЛИ: *В сумерках я следил бы в окне стада / мычащих автомобилей, снующих туда-сюда* (Бродский), ЯДРА: *Стадом чугуновых свиней, Чугунными свиньями жрала нас Эти ядер выше травы скачки* (Хлебников), СПИЧКИ: *Как стадо овец мирно дремлет, Так мирно дремлют в коробке Боги былые огня – спички, божественным горды огнем* (Хлебников) и т. д.

• названия жилищ, мест содержания животных: *гнездо, скворешник, берлога, нора, клетка* и др.

• обозначения действий животных, в том числе, звуков: *ворковать, кудахтать, выть, вой, мяукать, мурлыкать, скулить, рычать, реветь, ворчать, урчать, фырчать, мычать, ржать, бляеть, лаять* и пр., других действий животных: *вить гнездо, одичать, скрестись когтями, раздирать когтями, сжимать в лапах, брать волчьей хваткой, закусить удила, сновать на задних лапах, взвиться на дыбы, выйти из берлоги, мотнуть хвостом, скалить зубы, щериться, прижимать уши, зализывать что-л., лакать, спячка*, а также действий, производимых человеком с животными: *укрощать, стреножить, взнуздывать, выводить под уздцы из стойла, дразнить плащом*. С этим классом слов связаны обозначения реалий, с помощью которых человек производит разные действия с животными: *силки, уда, недоуздок, ярмо, поводья, лассо, кормушка*.

• обозначения характеристик животных: *лютый, хищный, дикий, ластоногий* и др.

Во всех классах тропов материал далее подразделяется по времени, после почти каждого примера в скобках приводится год написания или первой публикации соответствующего произведения.

2. Семантические отношения в классах тропов в сочетании с диахроническим принципом представления материала позволяют проследить развитие этих классов, появление в них новых элементов, отмирание старых. Эволюция классов тропов описана в работе (см. [Кожевникова 1995]). Приведем некоторые примеры из второго выпуска «Материалов к словарю...».

Новые элементы могут появляться в истории языка художественной литературы как в классах предметов сравнения, так и в классах образов сравнения. Например, если говорить о предметах сравнения, то класс тропов, предметы сравнения которых относятся к категории «Суда», в XIX в. включает уподобления ПАРОХОД – *кит, дельфин: Огнедышащий кит, Море он кипятит* (Вяземский), *Злой дельфин, ты просишь ходу, Ноздри пышут, пар валит, Сердце мощное кипит, Лапы с шумом роют воду <...>* (Фет), БРИГИ – *киты: <...> два брига, как спящие киты, тихо зыблились на влажном поле* (Марлинский), ШЛЮПКА – *тюлень: – Если б я не знал, ваше благородие, как разбило в щепы нашу четверку, я бы подумал, что это*

она ожила и выползла на берег, как **тюлень**! В самом деле, то была шлюпка, обороченная вверх дном (Марлинский), позже ряд видовых названий судов пополняется словами ЛОДКА, ЛАДЬЯ, КАРАВЕЛЛА, ДРЕДНОУТ, ЕЛА, КАРБАС, ЛЕДОКОЛ, ФЕЛУККА. Из других средств передвижения, кроме судов, в XIX веке зверям уподобляется ПОЕЗД (*зверь, конь*). В XX в. класс предметов сравнения «Средства передвижения» значительно расширяется, в нем появляются элементы АВТОМОБИЛЬ, ТРАМВАЙ, ТРОЛЛЕЙБУС, САМОЛЕТ, АЭРОСТАТ и др.

Класс тропов, характеризующих СТИХ, СТИХИ с помощью обозначений зверей: *Когда, как бурный конь, порвавший удила, Неудержимый стих, с путей метнувшись торных, В пространство ринется <...>* (Майков), развивается за счет отношения «Целое – часть»: с помощью названий зверей затем характеризуются СТРОКИ: *Строки ж глазасты, как лисы в норе* (Клюев), СТРАНИЦЫ: *Воспрянули мои страницы Ретивей дикого коня* (Клюев), РИФМЫ: *Рифмы кошками под колеса бросались* (Слуцкий).

Семантические отношения в образных полях служат основой развития и классов образов сравнения тропов. Чаще всего происходит развитие классов тропов за счет родо-видовых отношений. Класс образных обозначений человека с помощью названий копытных животных, в XIX в. включавший слова сви́нья: *А вот из нашей братьи чиновников есть такие сви́ньи: решительно не пойдет, мужик, в театр; разве уж дашь ему билет даром* (Гоголь), кабан: *«Чему, думал я, засмеялся этот толстый кабан?»* (Тургенев), лошадь: *Он вообще смахивал на лошадь: стучал ногами, словно копытами, не смеялся, а ржал, причем обнаруживал всю свою пасть, до самой гортани – и лицо имел длинное, нос с горбиной и плоские большие скулы* (Тургенев), овца: *Или, трудясь, как глупая овца <...>, Искать чинов* (Лермонтов), бык: *Дышал он протяжно и тяжело, как бык, но ходил без шума* (Тургенев) и нек. др. (эти слова в метафорических и сравнительных конструкциях, характеризующих человека, проходят через все периоды развития языка художественной литературы), в XX в. пополняются словами слон: *<...> вошел в столовую Кудеяр, большой и несуразный, точно слон, введенный в комнату* (Куприн), мамонт: *Когда любит поэт, <...> Он кажется мамонтом* (Пастернак), носорог: *Вот носороги идут коридором <...> то из дверей – голованится папа* (Белый), зебра: *Худая компаньонка, иностранка, <...> Писатель, пообедавший в гостях, Сигару покурил и, усмехнувшись, Подумал: «Полосатое трико Ее на зебру делало похожей»* (Бунин), лось: *Подписан приговор, имел вид добродушного лося* (Белый), позже – тапир: [Генрих Сапгир] *бражник, лианозовский эпикуреец, в мягком вязаном диванном пуловере, беспечный самосожженец – с профилем тапира и с деликатной улыбкой тигра* (Вознесенский).

Иногда классы тропов развиваются за счет обратного направления этого отношения: вид → род. Ряд тропов, характеризующих СТИХ, СТИХИ, начинающийся в XIX в. словом конь: *Когда, как бурный конь, порвавший удила, Неудержимый стих, с путей метнувшись торных, В пространство ринется* (Майков), позже пополняется словом зверь: *Строптивый стих, как зверь страшный, Горбатясь, бьется под рукой* (Рубцов).

Развитие классов тропов может происходить за счет отношения «Целое – часть». Например, на основе образа СОЛНЦЕ – конь, имеющего мифологическое происхождение, возникает метафора копыто (СОЛНЦА): *Через секунду / встречу*

я / неб самодержца, – / возьму и убью солнце! / Видите! / Флаги по небу полощет. Вот он! / Жирен и рыж. / Красным **копытом** грохнув о площадь, / въезжает по трупам крыш! (Маяковский). На основе тропа ТУЧИ – **барашки**: *Маленькие пестрые тучки стояли **барашками** на бледно-ясной лазури* (Тургенев), появляется троп ТУЧКА – *овечья шерсть*: *Тучку – клуб **шерсти овечьей** Лешева бабка прядет* (Клюев). В ряду тропов МОРЕ – *зверь, тигр, пес* и т. д. появляются тропы *лапы, морды* (МОРЯ): *Море бьет миллионом белых **лап*** (Луговской), <...> *из **морд** морей тяжелый изумруд / упал, сквозной, и капает, зеленый* (Соснора).

Может происходить развитие класса тропов и на основе обратного направления данной связи – «Часть → целое». Метафора *когти ЗИМЫ*: *А там волшебница седая [зима] Лежит на высоте холмов <...> Она на всю природу злится И в страшных инистых скалах, Нависнутых снегов слоями, Готова задавить горами Иль в хладных задушить **когтях*** (Державин) дает начало ряду тропов: *ЗИМА – зверь*: *И, ощерясь, **зверем** отступила За апрель упрямая зима* (Анненский), *пес*: *И на площади – пятно пятна румяней: Лижет кровь облезший **пес** – зима* (Нарбут) и т. д.

Все остальные указанные выше семантические отношения в классах тропов также участвуют в их развитии во времени. Это, например, отношение «X – совокупность, множество X»: *МЫСЛЬ – пчела*: *Как мысль моя, подобно **Пчеле**, полна отрад, Облетывала сад* (Державин), затем появляется троп *улей дум*: *Была ее душа – Дум грустный **улей*** (Хлебников), отношение словообразовательной деривации: *ТЕНЬ – собака*: *Небо нахмурилось, как скупец при расстаньях с деньгами, тень, как чужая **собака**, убежала прочь, поджавши хвостик* (Марлинский), затем *собачка*: <...> *издали к нему бежала тень, как потерянная, бесхозяйная **собачка**, робко, униженно* (Замятин). *ВОЛНЫ* вначале изображаются как *козы*: <...> *запрыгают вдруг, Как стада диких **коз** по горам и стремнинам* (Вяземский), затем как *козлы*: ***Козлами** кудлатыми море полно* (Багрицкий). Необычный дериват использует Бродский: *ТУЧИ – барашки / баранина ТУЧ*: *я пересек черту / и поплыл сквозь **баранину** туч* (Бродский).

Отношение «X – действие, состояние, характерное для X» также лежит в основе появления новых элементов в классах тропов. Так, класс тропов ГОРОД – *лев*: *Был град <...> Он пал – сперва как **лев** свободный* (Полежаев), *тигр*: *Проклят будь, о Рим, о лютый **тигр!*** (Майков), *зверь*: *Как **зверь** безмерный и стоглазый, Затихший город шевелится* (Гофман) пополняется глагольными метафорами *выйти из берлоги, мотнуть хвостом*: *Учуяв нюхом эту москатель, Голодный город **вышел из берлоги, Мотнул хвостом, зевнул и раскатил Тележный гул семи холмов пологих*** (Пастернак).

3. Помимо принципа семантического поля, материал в Словаре группируется по формально-синтаксическим конструкциям, в которых употребляются опорные слова тропов. Два основных типа таких конструкций – «Метафора» и «Сравнение». В группу метафор входят конструкции метафорического «переназывания»: *Чичиков еще раз взглянул на него искоса, когда проходили они в столовую: **медведь!** совершенный **медведь!*** (Гоголь), конструкции отождествления, метафорические перифразы: ***Лев** молодой пустынь, где держат твердь Атлант, Он мерит оком степь...* (Вяч. Иванов), генитивные метафоры: *Рвутся **времени** красные **кони** из туманных надорванных пут* (Александровский), метафоры-загадки и нек. др. конструкции. Среди сравнений выделяются сравнения с формально не выраженным основанием

сравнения: *Жалко, что я избегал тебя ранее, но теперь я сам, сын мой, похож на овцу, и вдобавок еще такую, которую посередине зимы взяли и остригли* (Лесков), сравнения-приложения: *Чтоб посолонь текли просонки, Медведи-ночи, лоси-дни...* (Клюев), сравнения, у которых основание сравнения выражено глаголом: *И он, запертый замком честного слова, прыгал, как тигр в своей клетке* (Марлинский), прилагательным: *Совершенно как бык здоровый, розовый, и усы вверх закручены* (Зошенко), реже – другими частями речи: формой имени существительного, предикативом, междометием. Этот принцип группировки материала в соответствии с его диахроническим расположением позволяет проследить очередность возникновения в поэтическом языке соответствующих типов тропических конструкций: иногда смысловая связь, лежащая в основе некоторого образного употребления, вначале выражается метафорой, позже – сравнением, в других случаях развитие формального выражения тропа происходит в обратном порядке. Бывает и одновременное функционирование обоих типов конструкций

Например, образная связь ЧЕЛОВЕК – *зверь* формируется практически одновременно в виде метафорической и сравнительной конструкции в поэтическом языке: *Как зверь, его Батый рвет гладный, Как змей, сосет лжецарь кровавый, Повсюду пролилася кровь* (об отечестве) (Державин), *Но я подумал: нет! как лютый зверь, Он растерзает сердце молодое!* (Лермонтов) – *Ты зверь, а не человек! У тебя волчье сердце* (Гоголь), *Горько жить и с добрым, да немилым человеком, посудите ж, каково было вековать с таким зверем по нраву и по виду* (Марлинский), – *Пьян!.. не на твои ли деньги, душегубец окаянный, зверь, зверь, зверь!* <...> (Тургенев). Образ ЧЕЛОВЕК – *конь* вначале фиксируется в сравнительных конструкциях: *И пылкий юноша меч прадедов лобзал, И к персям прижимал родительские длани, И в радости, как конь при звуке новой брани, Кипел и трепетал* (Батюшков), позже в метафорических: *В Максе ни сидня, ни тяжести, ни богатыря. Он сам был конь* (Цветаева), *Это Третий Мертетев, породистый конь* (Белый).

4. То, что в конструкциях «Сравнение с глаголом», «Сравнение с прилагательным» явно выделяются основания сравнения – сами эти глаголы и прилагательные, позволяет увидеть смысловую основу образных характеристик разных реалий. Каждая образная параллель имеет свой набор глаголов и прилагательных (иногда и слов других частей речи), являющихся основаниями сравнения. Описав этот набор, мы получаем всестороннее представление о том, какие семантические признаки становятся причиной сравнения одной реалии с другой в образной картине мира. Подобные наборы оснований сравнения в сравнительных конструкциях дают нам и возможность во многих случаях прояснить семантику метафорических словоупотреблений.

Особенно многочисленны и разнообразны основания сравнений, характеризующих человека. Проиллюстрируем вышесказанное более подробным разбором примеров из выпуска Словаря «Птицы». Сравнительные конструкции с опорными словами этого образного поля делятся на следующие основные классы:

= Сравнения с глаголами, среди которых можно выделить следующие основные группы:

А. Глаголы, обозначающие действия, для которых образ сравнения выполняет роль субъекта:

1. Движение:

1.1. Движение – перемещение в пространстве:

а) в определенном направлении: *лететь, мчаться, нестись* (и их производные: *вылететь, прилететь, улететь, помчаться* и т. д.); при этом у некоторых из этих глаголов присутствует сема быстрого движения: *Моя Италия! К тебе, на светлый юг, Помчался б я быстрой крылатой птицы* (Тепляков), *Лиза летела, как птица, не зная куда* (Достоевский),

б) в разных направлениях: *летать, порхать, виться, носиться*: *Как, бывало, в Казани в родительском садике вольной пташкой весело порхала она, распевая звонко любимые песенки...* (Мельников-Печерский), *Крошечной грациозной пташечкой она носилась возле сильной фигуры Истомина* (Лесков),

в) вверх: *возноситься, взлетать, взвиться, воспарить*: *Тебе герой! Желаний муж! <...> Борись вновь с бурями, мужайся, Как юный возносись орел* (Державин), [о поэте] *Ты скачешь, как серна, с горы на обвал, Орлом на утесы взлетаешь с размаха* (Мей),

г) по кругу: *кружиться, крутиться, приближаться кругами*: *Словно вспоминая давно забытое, она назвала несколько городов и все кружилась по конате бесшумно, как ястреб* (Горький),

д) с определенной целью – поймать, нанести ущерб: *напуститься, накинуться, наскочить, налететь*: *Сердитому доктору захотелось налететь на них ястребом и ошеломить* (Чехов),

1.2. Движение без перемещения в пространстве, с участием тела и частей тела:

а) тело: *трепетать, дрожать, биться; встрепыхаться, отряхиваться*: [об Анне Карениной] *Она стала биться, как пойманная птица* (Лев Толстой), *А Маша <...> задрожала в его объятиях, как птичка* (Чехов), *Кухарка, как испуганная курица, встрепыхалась в сенях, как только вошел Алтатыч* (Лев Толстой), *<...> дверь распахнулась и отряхиваясь, точно петух, на пороге встал человек в клеенчатом плаще* (Горький),

б) шея: *вытягивать шею*: *Бывало, он придет, принесет с собою, в заднем кармане сюртука, какое-нибудь вновь вышедшее сочинение и долго не решается читать, все вытягивает шею набок, как птица, да высматривает: можно ли?* (Тургенев),

в) голова: *подвернуть голову под плечо, вертеть головой, наклонить голову набок, задрать голову кверху*: *<...> задрал свою мохнатую голову кверху, как птицы, когда они пьют, <...> поскакал к другому флангу эскадрона* (Лев Толстой), *за обедом <...> вертел головой, как птица, и быстро, быстро крошил длинными пальцами хлеб* (Набоков), *Бунчук выстрелил еще раз. Калмыков дернулся, поворачиваясь на бок, как засыпающая птица подвернул голову под плечо, коротко всхлинул* (Шолохов),

г) глаза: *прикрывать глаза, смотреть, вперить взор, озирать, высматривать, осматривать, навести очи*: *<...> как орлы, озирали они вокруг себя очами все поле и чернеющую вдали судьбу свою* (Гоголь), *Студент двинулся вперед; старик сурово осматривал его, словно ястреб, сгибая набок свою шею и опуская глаза до самого полу* (Успенский), *Иногда, как птица, я прикрываю глаза, прислушиваясь к себе* (Ю. Казаков),

д) руки (сравниваются с крыльями птиц): *махать руками, охватить руками,*

накрыть руками, например: *А папочка стоит у решетки, да руками, словно птица крыльями, машет: моих-то спасайте! Моих!* (Салтыков-Щедрин), *Бабушка охватила внучков руками, как наседка покрывает цыплят крыльями...* (Лесков).

2. Положение в пространстве: *наклониться, сесть, сидеть, нахохлиться, притаиться*: – *Я готов!* – *сказал драгунский капитан и наклонился вперед, как птица...* (Марлинский), *Опечаленный дед и грустная суетливая бабушка – попробуют заговорить и нахохлятся, как старые обиженные птицы* (Мандельштам).

3. Звуки: *петь, щебетать, кричать, пискнуть, пищать, стонать, свистеть, горланить, заливаться, щелкать, ворковать, хлопать, кудахтать, каркать, крякать, куковать*, например: *<...> я запищал от страха, как грубо схваченная птичка* (Тургенев), *[мать] <...> вхохтала, как ослабевшая на гнезде куриная наседка* (Лесков), *И Фанни, оживясь, как птица щебетала* (Фофанов), *Лишь дочка чернокося соседки, Как птица полуночная, поет* (Клычков).

4. Нанесение ущерба: *когтить, мучить, хватать*: *Ты кроткою голубкой не прильнула К моей груди, но кориуном когтила* (Ахматова).

5. Существование, жизненный цикл: *жить, вырастать*.

6. Другие глаголы, обозначающие особенности поведения, внешности определенных птиц:

петух: *вздуть перья, надуться, наставиться на кого-л.*: *А теперь как вздул ты перья, Что раскормленный петух <...>* (Бенедиктов), *<...> уткнулся он в кибитку, да только надулся, словно петух, раскраснелся весь...* (Салтыков-Щедрин), – *Па-не!* – *прокричали оба пана с угрозою, наставившись на Митю, как петухи* (Достоевский),

цыпленок: *прятаться под юбки наседки, выглядывать из-под крыла матери, забиться под клушу*: *<...> вы все еще, как цыпленок, прячетесь под юбки вашей наседки-бабушки...* (Гончаров), *И я, как цыпленок, забившись под клушу, Не знал, куда деть оробевшую душу* (Чухонцев),

птенец, птенчик: *отворить клюв, открывать губки,*

сыч: *загрустить, одичать,*

кукушка: *прыгать по чужим гнездам*

и т. д.

Б. Глаголы, обозначающие действия, для которых образ сравнения выполняет роль объекта: *стеречь, подстрелить, сишибить, поймать, выпустить, кормить, зажать в ладонь, свернуть голову, ощипать, загонять, задушить, отшырнуть*, например: *Меня, как птицу, стерегли...* (Ф. Глинка), *Что за охота! Подстрелят вас как птицу...* (Лермонтов), *В нашем городе чудаков любят и подкармливают, как птиц* (Искандер),

= Сравнения с прилагательными, характеризующими внешний вид и внутренние свойства разных птиц:

птица: *легкий, быстрый, беззаботный, беспечный, вольный, свободный, крылатый, веселый, говорливый, востроносый*: *Чиста, как свет, легка, как Божьи птицы, Ты не сестра душе моей больной* (Ап. Григорьев), *Ермолай был человек престранного рода: беззаботен, как птица, довольно говорлив, рассеян и неловок с виду* (Тургенев), *Разверзлась роковая ямы, Как птицы, вольны вышли мы* (Некрасов), *Он был говорлив как птица [о Пушкине]* (Тынянов), *А у подножья, На фоне строгой королевы, Веселые, как птицы Божьи, Снимаются три бойких девы*

(С. Черный),

орел: *смелый, отважный, вольный, ревнивый, кровожадный, зоркий, могучий, сильный, надменный: Невинен будь, как голубица, Смел и отважен, как орел!* (Языков), *в том-то де и тонкость психологии, что при таких обстоятельствах я сейчас же кровожаден и зорок, как кавказский орел, а в следующую минуту слеп и робок, как ничтожный крот* (Достоевский), *У ног ее рыцарь, надменный, как птица, Как серый орел пиренейских снегов* (Гумилев),

голубь: *смирный, невинный, чистый, кроткий, простой,*

курица: *бедный, смирный, незлобивый, трусливый: Это был человек смирный, как курица, самого старого закала, взлелеянный на подобострастии и между тем человек добрый и даже благородный* (Достоевский),

петух: *гордый, возбужденный, горластый: Зато старик в своей обнове был горд, как петух* (Достоевский), *Мусье, мадамы, возбужденней петухов, / прут в парфюмерии, в драгоценном звоне* (Маяковский),

павлин: *надутый, гордый, ряженный и т. д.*

У каждого образа сравнения свой набор таких глаголов и прилагательных, причем материал, имеющийся в Словаре, позволяет определить «вес» разных предикатов в каждой словарной статье: какой предикат частотнее, важнее для какого образа сравнения. Так, для образа «орел» (при сравнении человека с орлом) выделяются такие смысловые элементы, как высота полета (*парить, возноситься*), хищность (*кинуться на кого-л., кровожадный*), надменность (*презреть, надменный*), сила (*могучий, сильный*) и смелость (*смелый, отважный*), зоркость (много глаголов, в семантике которых участвуют глаза: *блюсти, вперить взор, озирать, высматривать, видеть*, а также прилагательное *зоркий*). У образа «ястреб» гораздо больше предикатов со значением нападения на добычу: *налететь, броситься, кинуться, накинуться напуститься*, т. е. хищность играет для ястреба более важную роль. Важно также такое свойство, как быстрота движения. Как и для орла, важны предикаты со значением зрения: *блюсти, навести очи, осматривать*. У соловья выделяются такие основные свойства, как пение (*петь, заливаться, разливаться, разойтись, свистеть, щелкать*) и красота (*прекрасный, прелестный*). Для петуха характерна драчливость и шумность: *вздуть перья, надуться, наскочить на кого-л., драть горло, кричать, горластый*.

Основания сравнения позволяют сопоставлять разных птиц. Например, у всех хищных птиц общие основания сравнения из группы «Нанесение ущерба», «Движение с целью нанесения ущерба»: *налететь, накинуться, напуститься, когтить, мучить*. Петух и павлин сходны по основаниям сравнения *гордый, надутый*, но у павлина нет «боевых свойств» петуха, его задиристости и шумности. И для лебеда, и для ворона характерна крылатость, движения крыльями во внешнем облике: **лебедь:** *Разметнула свистными крыльями шали (точно лебедь, пахнувший холодом)* (Андрей Белый), *Лежит Царевич мой бессонный, Как лебедь крылья разбросал* (Цветаева) – **ворон:** *профессор <...> взвеваясь, как ворон, крылами крылатки* (Андрей Белый), *Гауеншильд, как ворон крыльями, хлопает фалдами по коридору* (Тынянов), но в остальном они различны: во-первых, цветом (**лебедь:** *белолицый, стройно-белый* – **ворон:** *чернеть*), а во-вторых, так сказать, «свойствами характера, поведения»: у лебеда отмечается нежность, плавность перемещения, у ворона – хищность, привычка питаться падалью и т. п.

Итак, эксплицитное выделение оснований сравнения в словарных статьях «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» позволяет охарактеризовать каждый образ сравнения, выделив в нем основные черты, сходства и различия с другими образами сравнения, прояснить причины сравнения одних реалий с другими в сравнительных и метафорических конструкциях.

Из приведенных выше примеров можно видеть, что материалы Словаря дают большие возможности для исследований метафорической картины мира русской литературы. Эти данные полезны и для лексикографов, описывающих переносные употребления слов. Кроме того, Словарь позволяет получить примерные сравнительные частотные характеристики тропов: из словарных статей можно увидеть, какие тропы более часты в языке художественной литературы (много материала в статье), какие – более редки (материала мало или даже имеется только один пример).

Подытоживая сказанное, повторим основные выводы о том, какую информацию можно извлечь из Словаря:

1. Показаны основные семантические классы тропов по предметам сравнения и по образам сравнения; семантические отношения в метафорических полях в сочетании с диахроническим принципом подачи материала позволяют проследить развитие классов тропов в истории языка художественной литературы.

2. Выделены формальные конструкции, в которых употребляются опорные слова тропов. Здесь также можно увидеть направление развития соответствующих тропов во времени: от сравнения к метафоре и наоборот.

3. Выделены основания сравнения – глаголы и прилагательные, которые позволяют понять семантическую основу, причину сопоставления реалий.

4. То, что материал выбирался из текстов подряд, методом сплошной выборки, и при включении в Словарь не особенно ограничивался, позволяет получить приблизительные частотные характеристики тропов.

5. После каждого примера в скобках приводится автор и год написания (первой публикации), поэтому при желании можно отсортировать материал по авторам и по годам и таким образом получить списки тропов, характерные для определенного писателя и «временные срезы» системы метафор и сравнений русской литературы.

Литература

Балашова Л.В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. – М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. – 632 с.

Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.

Григорьева А.Д., Иванова Н.Н. Поэтическая фразеология Пушкина. – М.: Наука, 1969. – 389 с.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 356 с.

Кожевникова Н.А. Гнезда тропов русской литературы XIX–XX вв. // Славянское слово в литературе и языке. – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2003. – С. 148–151.

Кожевникова Н.А. Образная параллель строение – человек в русской литературе XIX–XX вв. // Художественный текст: единицы и уровни организации. Сб. науч. тр. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1991. – С. 69–85.

Кожневникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. – М.: Наука, 1986. – 256 с.

Кожневникова Н.А. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформации. – М.: Наука, 1995. – С. 6–79.

Кожневникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1 «Птицы» / Отв. ред. М.Л. Гаспаров, В.П. Григорьев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 471 с.

Кожневникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 2 «Звери, насекомые, рыбы, змеи» / Отв. ред. Л.Л. Шестакова. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 512 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 254 с.

Павлович Н.В. Словарь поэтических образов. В 2-х тт. – М.: УРСС, 2007. – Т. 1 – 842 с.; т. 2 – 895 с.

Панченко А.М., Смирнов И.П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. // Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX вв. ТОДРЛ, XXVI. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1971. – С. 33–49.

Рыньков Л.Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX в. (послепушкинский период). – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1975. – 182 с.

Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб: Наука, 1993. – 152 с.

Hallig R., Wartburg W. Von. Begriffssystem als Grubdlage fur die Lexicographie. – Berlin, 1963. – 140 S.

Weinrich H. Sprache in Texten. – Stuttgart, 1976. – 356 S.

И.В. Ружицкий
Э.А. Ружицкая
С.Н. Шепелева

УДК 81'374

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ФЕДЬКИ-КАТОРЖНИКА: ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И КОЛЛЕКТИВНОЕ¹

Статья посвящена возможности реконструкции языковой личности через анализ речевых особенностей конкретного персонажа – Федьки-каторжника из романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Сделаны выводы относительно индивидуальных и коллективных черт данной языковой личности. Проведены параллели между этим художественным образом и другими персонажами Достоевского, определены его некоторые константные составляющие.

Ключевые слова: индивидуальная и коллективная языковая личность, Достоевский, константность образа персонажа.

Igor V. Ruzhitskiy
Elina A. Ruzhitskaya
Svetlana N. Shepeleva

THE PERSONAL IDENTITY OF FEDKA-THE-CONVICT: INDIVIDUAL AND COLLECTIVE

The article considers the possibilities of linguistic identity reconstruction through the analysis of the concrete character – Fedka-the-convict from Dostoyevsky's novel «Demons» – speech features. The conclusions regarding the individual and collective peculiarities in the structure of this linguistic identity are made. The parallels between this character and other Dostoyevsky's characters are drawn, some of its constant components are determined.

Keywords: individual and collective personal identity, Dostoyevsky, the constancy of the character.

Ю.Н. Караулов указывал на три возможности реконструкции языковой личности (далее – ЯЛ), это: 1) изучение речи персонажа литературного произведения; 2) проведение ассоциативного эксперимента; 3) наблюдение за речью (устной и письменной) носителя языка на протяжении долгого промежутка времени (см. [Караулов 2006]). Список таких способов реконструкции ЯЛ в ходе дальнейшего развития лингвоперсоналогии был существенно расширен: составление многопараметрового словаря языка писателя (см. [Ружицкий 2015]); изучение текстов определенного жанра, продуцированных какой-либо конкретной ЯЛ (например, личных писем, публичных выступлений и т. д.); исследование того, как ЯЛ проявляет себя в ситуации выполнения определенного задания, например, написания эссе на заданную тему, и др. В настоящей статье используется первая возможность – анализ речевых особенностей конкретного персонажа романа Ф.М. Достоевского «Бесы» – Федьки-каторжника. «Понятие “языковая личность” (homo loquens) упо-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00135 «Многопараметровое представление тезауруса Достоевского» (руководитель – Ю.Н. Караулов).

требуется чаще для обозначения родового свойства homo loquens вообще <...>. Вместе с тем ничто не препятствует тому, чтобы имеющаяся трехуровневую структурную модель языковой личности <...> эту “родовую” модель не применить как эталон-анализатор, диагностирующий состояние языковой развитости конкретного индивидуума. Тогда составляющий указанную структуру набор языковых умений может расцениваться как определенный (лингвистический) коррелят черт духовного облика целостной личности, отражающий в специфической, языковой форме ее социальные, этические, психологические, эстетические составляющие, т. е. определяющий в речевых поступках основные стихии художественного образа» [Караулов 2006: 70–71].

Широко известен тот факт, что у Достоевского довольно много сквозных образов: это персонажи-демонические злодеи (Валковский, Свидригайлов, Ставрогин, Иван Карамазов), и учителя-проповедники (Макар Иванович Долгорукий и Николай Семенович, старец Зосима), и персонажи-шуты (Лебядкин, Ф.П. Карамазов, Фердыщенко, Ежевикин, Фома Опискин), и др. Федька-каторжник стоит в ряду этих параллельных образов несколько особняком, хотя, конечно, существует связь между ним и героями «Записок из Мертвого дома», а некоторые особенности речи Федьки-каторжника, в основном касающиеся преступного жаргона, – взяты из «Сибирской тетради» Достоевского. Есть в ЯЛ Федьки-каторжника и то, что связывает ее с другими созданными Достоевским художественными образами, например, Смердяковым и Ф.П. Карамазовом. Обращает на себя внимание также совпадение имени **Федор**: Карамазов – **Федор** Павлович, сам Достоевский, который очень редко случайно дает имена своим героям, тем более если он называет кого-то своим именем, – тоже **Федор**. А Федька, к тому же, еще и **Федорович**, т. е. сын Федора, рожденный автором.

Интересно то, что Федька-каторжник, казалось бы второстепенный персонаж очень хорошо запоминается, хотя он и задействован в романе только в трех небольших диалогах – два первых со Ставровиным и один с Петром Верховенским. Исследованию загадки такой запоминаемости данного образа и посвящена статья. Гипотеза же, которую мы выдвигаем, состоит в том, что ЯЛ Федьки-каторжника обладает многими чертами некоторой коллективной ЯЛ, что и способствует ее узнаваемости, а значит – и запоминаемости.

Анализ ЯЛ Федьки-каторжника проводился с учетом следующих параметров: (1) словарь персонажа, распределение словоформ по частоте; за частотные, с учетом того, что анализируемые диалоги очень небольшие по объему, принимаются словоформы, употребленные более одного раза; (2) анализ использованной лексики с точки зрения ее стилистической маркированности; для упрощения представления материала в одну группу (2.1) объединялись просторечная и жаргонная лексика, а также областные, разговорные и неправильно произнесенные слова, в другую (2.2) – лексика, не характерная для простолюдина, – слова высокого стиля, книжная лексика, старославянизмы и др. (отметим, что такое распределение используемой Федькой лексики на две группы – это первое, что обращает на себя внимание любого, даже неискушенного читателя); здесь же фиксируется использование слов с суффиксами субъективной оценки; (3) устойчивые сочетания различного типа – пословицы, поговорки, сентенции, отсылки к прецедентным текстам и др.; (4) синтаксические особенности; (5) другие наблюдения, например, относительно использования слова в символическом значении и т. п.

Диалог 1

(1) Обращает на себя внимание очень высокая частота употребления личного местоимения **я** – 15 раз (+ 4 раза *мне* и 3 раза *меня*, а также 1 раз притяжательное местоимение *мою*) при максимально частотном употреблении предлога **в** – 20 раз (союз **и** используется 17 раз, отрицательная частица **не** – 15 раз, предлоги **по** и **на** – по 10 раз). Федька в этом диалоге представляется Ставрогину, для него важно рассказать о себе то, что заинтересует собеседника.

Из полнозначных слов наиболее частотным является обращение *сударь* (9)², и это весьма примечательно: обращение *господин* тоже встречается, но только 2 раза, а *барин* вообще отсутствует. Кроме того, отметим частое употребление словосерса, этимологически связанного с *сударь*: *было-с, идти-с, каторге-с, края-с, ли-с, пообещали-с, приготовлю-с, словах-с, что-с*. *Сударь* – это обращение хотя и уважительное, но к почти равному себе, в третьем диалоге – с Петром Верховенским его уже нет, хотя, учитывая статус собеседника – сына бывшего барина, проигравшего, правда, его в карты, уважительное обращение должно было бы присутствовать.

В речи Федьки интересна также функция, в которой употребляется **так уж** (4) – три раза не в значении сомнения, что более характерно для современной русской речи (*Так уж не придет?*), но как средство убеждения собеседника, ввода дополнительного аргумента:

У того коли сказано про человека: подлец, **так уж** кроме подлеца он про него ничего и не ведает. Али сказано – дурак, **так уж** кроме дурака у него тому человеку и звания нет. А я, может, по вторникам да по средам только дурак, а в четверг и умнее его. Вот он знает теперь про меня, что я очинно паспортом скучаю, – потому в Расее никак нельзя без документа, – **так уж** и думает, что он мою душу заполонил [Достоевский 1972–1990, т. 10: 206].

Частота **так** и **уж** в этом диалоге вообще довольно высокая, вне сочетания **так уж** – 8 и 5 раз соответственно. Аналогичную функцию усиления аргументации может выполнять и частица **да**, встречающаяся в речи Федьки 8 раз (*Да вы-то мне нужны...* и т. п.), хотя чаще **да** используется во вторичной, союзной функции – в значении ‘но’, а также **вот** – 7 употреблений (*Вот он знает теперь про меня...*).

Относительно большая частота словоформ с корнем **-здеиш-** (*здеишем, здеишний, здеиших, здеишнюю*) объясняется, по всей видимости, желанием Федьки подчеркнуть, что Ставрогин в этих краях уже стал чужим, а значит – может чего-то не понимать.

(2.1) Достоевский, стилизуя простонародную речь, довольно часто использует прием изменения стандартного облика слова, заключающийся в том, что говорящий «подгоняет» не совсем понятную для него лексическую единицу под похожую и известную. У Федьки это, например, *астролом* (*Петр Степаныч – астролом и все Божии планиды узнал, а и он критике подвержен*) и *аглицкий*. Ср. также в «Селе Степанчикове»:

[Мужик о Фоме] «Нет, говорит, ты дурак, пехтерь, пользы своей не знаешь; а я, говорит, **астролом!** Я все божии планиды узнал» [Достоевский 1972–1990, т. 3: 35].

Аглицкий у Достоевского встречается и в собственно авторской речи, но только в ироническом контексте:

² В скобках в этом и подобном случаях указывается частота данной словоформы в анализируемом диалоге.

А что, если к довершению комизма, покамест вы [«Отечественные записки»] будете спорить с «Русским вестником» и доказывать ему, что есть русская народность, а он обратно, что нет русской народности, – что, если вдруг русская народность возьмет да найдет вас сама? Куда денутся тогда все **аглицкие** теории «Русского вестника» и **аглицкие** масштабы, под которые не подходила русская народность! [Достоевский 1972–1990, т. 18: 8]

Схожую функцию, т. е. как элемент простонародной речи, выполняет и **облизьяна** в «Униженных и оскорбленных»:

[Анна Трифоновна о Нелли] Да за кого ты себя считаешь, фря ты эдакая, **облизьяна** зеленая? Да без меня ты бы на улице с голоду померла. Ноги мои должна мыть да воду эту пить, изверг, черная ты шпага французская [Достоевский 1972–1990, т. 3: 258].

Из других слов, характерных для простонародья, в первом диалоге употребляются следующие: *али*, (*в*) *брюхе*, *вон* (в зн. ‘вот’), *доселе*, *дяденька*, *запрошлое* (2), *звания* (в зн. ‘слово, название’), *знамши*, *изобидеть*, *коли*, *набросьте* (в зн. ‘добавьте, дайте денег’), *натрескался*, *наслышаны* (2), *облагонадеживают* (в зн. ‘обещают’), *одежи*, *окромя* (3), *очинно* (3), *папаша*, *погодил*, *позаимствоваться*, *потому* (6) (в зн. ‘поэтому’), *придутся* (*три целковых*), *Расее* (2), *растрес*, *руководствовать* (в зн. ‘показывать дорогу’), *скупаю* (*паспортом*), *справлять*, *участь*, *хошь*, *эхма*, (*не*) *являйся* (в зн. ‘приходи’).

Кроме того, в составе фразеологических единиц употребляется бранная лексика: *дурак* (2), *дурака*, *подлец*, *подлеца*, *черт*.

Частое использование слов с суффиксами субъективной оценки (*мещанишки*, *доходишки*, *дяденька*, *зонтичек*, *кушачок*, *чаек*) сближает речь Федьки-каторжника с речью персонажей-шутов, в первую очередь его тезки, Федора Павловича Карамазова. Употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов с целью создания комического эффекта вообще характерно для русской языковой культуры – как проявление некоторой склонности к скоморошеству и шутовству. Функции этих морфем самые разнообразные – пренебрежение, преуменьшение, интимизация общения и др., однако в случае их высокой частоты в речи конкретной ЯЛ основной интенцией становится вуалирование истинного смысла сказанного, создание своего рода маски, осуществляемое также и при помощи других языковых средств, например, смешения разных стилей.

(2.2) Из слов, не характерных для простолюдина, мы видим следующие: *бесчеловечие*, *ведает*, *заполонил* (*душу*), (*вашей*) *милости* (5), *милостивый*, *доверенности*, *единственно*, *ночь*, (*не*) *питают* (*доверенности*), *планиды*, *подвержен*, *позволите*, *пред* (4), *родительницу*, *сем* (*на сем мосту*), *сие*, *скончались*, *соблаговолили*, *стопами*, *таким образом*. Отдельно отметим группу слов, относящуюся к сфере религиозных представлений: *Бога*, *божиш*, *божию*, два раза в этом же значении **Истинный** (*пред Истинным*), а также *душу*, *колокола*, *крестили*, *молит* (*Бога*), *церковные*.

(3) К фразеологическим единицам, употребляемым в этом диалоге, относятся *вдоль по каторге* (‘на пожизненную каторгу’) и *переменить участь* (‘находясь в заключении, совершить преступление или побег, чтобы судиться вновь и по новому преступлению попасть куда угодно, только бы не на старое, надоевшее место, не в прежний острог’). Оба выражения были взяты из языка каторжников и использовались еще в «Записках из Мертвого дома», ср.:

«Вам на срок, а нам **вдоль по каторге**», – говорили они [самые страшные, из «особого отделения», преступники] другим заключенным [Достоевский 1972–1990, т. 4: 11]. [Горянчиков] Этот действительно способен броситься на постороннего человека так, на за что, единственно потому, например, что ему завтра должно выходить к наказанию; а если затеется новое дело, то, стало быть, отдалается и наказание. Тут есть причина, цель нападения: это – **«переменить свою участь»** во что бы то ни стало и как можно скорее [Достоевский 1972–1990, т. 4: 45].

Встречаются такие речевые клише, как *милостивый господин, старушка Божия, к земле растет (о старушке); я пред вами, сударь, как пред Истинным; по гроб жизни*, а также различного рода поговорки, прибаутки, ритмизованные фразы: *сдал книги и колокола и церковные дела, да вот день да ночь – сутки прочь; либо сена клок, либо вилы в бок; натрескался пирога, как Мартын мыла; лучшие, думаю, я уж сапогу поклонюсь, а не лаптю; здешний город – это все равно, что черт в корзине нес, да растрес.* Несколько туманной для понимания остается фраза Федьки *по нем поминки справляя, два десятка камней собакам раскидал*, которое в Словаре языка Достоевского комментируется следующим образом: «<...> мы, возможно, имеем дело с аллюзией на библейское *собирать камни и разбрасывать камни; два десятка камней собакам раскидал*, таким образом, употреблено в зн. ‘отдать, истратить’» [СЯД 2012: 156]. Так или иначе, но *раскидать камни* связано с поминальным обрядом.

(4) В речи Федьки-каторжника в его первом со Ставрогиным диалоге наблюдается довольно много случаев нарушения норм лексической и грамматической сочетаемости, что характерно и для простонародной речи, и для творчества Достоевского: *зонтиком позаимствоваться, природная родительница, паспортом облагоднадеживают, доверенности не питают, об вас многим наслышаны, паспортом скучаю* (жарг. ‘нуждаюсь в паспорте’), *душу заполонил* (нар.-поэт ‘подчинил’), *помимо их не посмею вас беспокоить* (‘без их ведома...’), *в том предмете, что* (‘так как, поскольку’), *кроме них могу* (‘без них могу’), *стороной вышло* (‘случайно получилось’). Отмечается также нарушение синтаксических норм в построении целых предложений:

<...> Петр Степанович паспортом по всей Расее, чтобы примерно купеческим, облагоднадеживают <...>; Дяденька тоже наш на прошлой неделе в остроге здешнем по фальшивым деньгам скончались <...>; Так вот не будет ли вашей милости от щедрот <...>; У того коли сказано про человека: подлец, так уж кроме подлеца он про него ничего и не ведает; А уж это, признаться, стороной вышло, больше по глупости капитана Лебядкина, потому они никак чтоб удержать в себе не умеют; <...> всё под зонтиком сироту обогрели, на одном этом по гроб жизни благодарны будем [Достоевский 1972–1990, т. 10: 205–206].

Вопрос о сознательности нарушения этих норм – как Федькой, так и самим автором – является дискуссионным, однако тот факт, что в третьем диалоге такого рода «ошибок» мы практически не встречаем, говорит скорее об их намеренном использовании.

(5) В первом диалоге Федьки-каторжника со Ставрогиным частично раскрывается символическое значение слова **зонтик**, чрезвычайно важного для понимания психологического содержания романа «Бесы». Это символическое значение можно сформулировать следующим образом: ‘Я нахожусь под твоим покровительством, ты ответственен за мои поступки’ (*Счастливого пути, сударь, всё под зонтиком*

сироту обогрели, на одном этом по гроб жизни благодарны будем). Зонтик, под который прячется Федька, – встречается в самом начале его первого разговора со Ставрогиным. В общей же сложности частота употребления **зонтик** (**зонтичек**) в «Бесах» – 22 раза (при общей частоте во всех текстах Достоевского в Полном собрании сочинений – 44, а во всех художественных текстах – 31). В диалоге Ставрогина с Лебядкиным **зонтик** приобретает уже иной смысл:

[Ставрогин] <...> постоите на крыльце. Возьмите **зонтик**. | – **Зонтик** ваш... Стобит ли для меня-с? – пересластил капитан. | – **Зонтика** всякий стобит. | – Разом определяете *minimim* прав человеческих... | Но он уже лепетал машинально; он слишком был подавлен известиями и сбился с последнего толку. И, однако же, почти тотчас же, как вышел на крыльцо и распустил над собой **зонтик**, стала наклеиваться в легкомысленной и плутоватой голове его опять всегдашняя успокоительная мысль, что с ним хитрят и ему лгут, а коли так, то не ему бояться, а его бояться [Достоевский 1972–1990, т. 10: 214].

В Словаре языка Достоевского символическое значение идиоглоссы **зонтик** комментируется в примечаниях к словарной статье следующим образом: «<...> Будучи связанным со многими персонажами на протяжении всего романа (Федька Каторжный оказывается под **зонтиком** Ставрогина; под **зонтиком** Ставрогина в голове Лебядкина зреет донос; ироническое и символическое одновременно замечание Ставрогина, обращенное к Лебядкину: “**Зонтика** всякий стоит”); Степан Трофимович уходит в большой мир, держа в руках **зонтик**, палку и саквояж), **зонтик** выступает в качестве важного элемента композиции романа и участвует в построении его лейтмотива» [СЯД 2010: 1049]. **Зонтик**, таким образом, соединяет убийцу (Федьку-каторжника), заказчика убийства (непосредственным заказчиком является Петр Верховенский, но «последней инстанцией» – Ставрогин; здесь, кстати, легко прослеживается параллель образов Федька – Ставрогин и Смердяков – Иван Карамазов) и их жертвы (Лебядкины).

Нельзя не обратить внимания и на то, что речь Федьки-каторжника в первом диалоге глубоко иронична, иронией прикрыта даже откровенная лесть:

Крестили Федором Федоровичем; доселе природную родительницу нашу имеем в здешних краях-с, старушку Божию, к земле растет, за нас ежедневно день и ночь Бога молит, чтобы таким образом своего старушечьего времени даром на печи не терять; Воды в реке сколько хошь, в брюхе карасей развел; <...> Петр Степанович меня, примером, в терпении казацком испытывают <...>; А я, может, по вторникам да по средам только дурак, а в четверг и умнее его; <...> я пред вами, сударь, как пред Истинным, – вот уже четвертую ночь вашей милости на сем мосту поджидаю, в том предмете, что и кроме них могу тихими стопами свой собственный путь найти. Лучше, думаю, я уж сапогу поклонюсь, а не лаптю; Эхма, за компанию по крайности набросьте, веселее было идти-с; Я, сударь, в вас уверен, а не то чтоб очинно в себе; Петр Степаныч – астролом и все Божии планиды узнал, а и он критике подвержен; Чтобы по приказанию, то этого не было-с ничьего, а я единственно человеколюбие ваше знамши, всему свету известное [Достоевский 1972–1990, т. 10: 205–206].

Федька хоть и предлагает себя новому хозяину, Ставрогину, но ведет себя с ним на равных, что и дает ему возможность вести беседу в ироническом ключе.

Ирония ощущается также при употреблении Федькой мн. ч. по отношению к какому-либо конкретному лицу (чаще всего – к Петру Верховенскому), что определяется правилами обращения слуги к господину: *они пообещали, говорили, не умеют, они чрезвычайно скупой, они и не понимают, не веруют-с* и т. п., но мн. ч. также мы видим

и когда Федька говорит о себе: *А что одежи промокло, так мы уж, из обиды одной, молчим; <...> что по нашей судьбе (по нашему обороту – в зн. ‘по нашим обстоятельствам’) нам, чтобы без благодетельного вспомоществования, совершенно никак нельзя-с, об вас многим наслышаны и т. д.*

Диалог 2

(1) Наиболее частотными во втором диалоге словоформами являются (предлоги, местоимения, союзы и личные имена в данном случае во внимание не принимаем, важной, пожалуй, является только относительно высокая частота объяснительного союза *то есть* – 3 употребления): *вспомоществования* (5), *эх* (5), *да* (4), *никак нельзя-с* (3), *сударь* (3), *виде-с* (2), *вынуть* (2), *говорят* (2), *господь* (2), *могу* (2), *полторы* (2), *последнего* (2), *раз* (2), *рублев* (2), *сиятельство* (2), *судьбе* (2). Обращение *сударь* осталось, но в конце диалога его заменило иронично звучащее *ваши сиятельство*. Безусловно, обращает на себя внимание высокая частота употребления слова *вспомоществование*, в узусе имеющего значение ‘материальная помощь, пособие’, в речи же Федьки – завуалированное ‘награбленное’ или ‘плата за убийство’:

По сиротству моему произошло это дело [ограбление церкви], так как в нашей судьбе совсем нельзя без **вспомоществования** [Достоевский 1972–1990, т. 10: 221].

Употребление междометия *эх* образует своеобразную цикличность речи Федьки во втором диалоге: один раз в самом начале для выражения положительных эмоций (*Да как завел меня туда господь <...> эх, благодать небесная, думаю!*) и четыре раза для выражения сожаления, упрёка, озабоченности, но одновременно и удовлетворения – в самом конце, когда Федька собирает разбрасываемые Ставрогиным деньги. В схожем, но не тождественном значении (при выражении просьбы) употребляется *эхма* в первом диалоге: *Эхма, за компанию по крайности набросьте, веселее было идти-с.*

Частота употребления словоерса увеличилась практически до максимально возможной для такого небольшого по объёму текста – 18 раз: *веруют-с, виде-с* (2), *зашел-с, Лебядкина-с, ли-с, нельзя-с* (3), *нет-с, посещать-с, прибирали-с, себя-с, слышал-с, советуют-с, стоит-с, Филиппова-с, человек-с.*

(2.1) Из лексики, характерной для простолюдина, в этом диалоге мы встречаем *али, аль, вон* (в зн. ‘вот’), *вынуть* (в жарг. зн. ‘украсть’), *задаром, (двенадцать, сотни полторы) рублев* (2), *дивисься, доподлинно, маненечко, облегчил* (в жарг. зн. ‘убил’), *(по нашему) обороту, окромя, очинна, пообождав, прибирали* (в жарг. зн. ‘крали’), *пущаться* (в зн. ‘идти на что-л.’), *спервоначалу, слышамши, узнамши.*

В этом диалоге употребляется только одно слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом – (*три*) *рублика*, но уже в конце диалога, когда Федька снова начинает ерничать. До этого же момента он почти серьезен, частично снимает маску: разговор для него важный, решающий – завершение сделки, получение денег (*вспомоществования*).

(2.2) В процентном отношении книжная лексика во втором диалоге встречается чаще, чем в первом: *благодетельного, возлагать (надежду), взаимный (спор вышел), вспомоществования* (5), *единая (душа), жестокосердный, изволили, иной раз, истинную, наблюдать (своими глазами), объявляли* (в зн. ‘рассказывали’), *остепенил (себя), персти, приобрел (двенадцать рублев), соблаговолите, собственно, (из) уст, чрезвычайно*. Слова из области религиозных представлений: *благодать, богу, веруют, верьте (богу), господь* (2), *грехи, душа, дяконов, махальницу, небесная, небесного, подбородник, помолиться, согрешил, творца, угодника, хлопотницу, чересседельник.*

(3) Единственным прецедентным текстом, отсылки на который мы встречаем в речи Федьки, является Священное Писание: *в творца небесного, нас из персти зем-*

ной создавшего, ни на грош не веруют-с. Из устойчивых сочетаний во втором диалоге употребляются речевое клише – *мертвецки пьян* и устойчивое сравнение, причем уже здесь, говоря о Петре Верховенском, Федька переходит со мн. ч. на ед. ч. – *смотрит как баран на воду*. Как мы видим, количество фразеологических единиц здесь значительно меньше, чем в первом диалоге: Федька наоборот стремится быть понятым, у него уже нет намерения скрывать что-либо от Ставрогина.

(4) Нарушение норм лексической и грамматической сочетаемости наблюдается в следующих немногочисленных случаях: *верьте богу, взаимный спор вышел, где сейчас изволили посещать-с, жестокосердый насчет вспомоществования*.

Диалог 3

(1) Из частотных словоформ в речи Федьки в диалоге с Петром Верховенским в первую очередь обращает на себя внимание повторение союза **и** – 22 раза, благодаря чему текст становится ритмизованным, близким по звучанию к евангельскому повествованию. Эта функция союза **и** усиливается частотными **как** (11) и **что** (10). Федька начинает учить своего бывшего хозяина, порицать его за неверие, за атеизм. Нравоучительный тон проявляется и в использовании связки **есть** (6), в таких случаях, как *Господин Ставрогин как есть в удивлении пред тобою стоит*, что также свойственно книжному стилю.

Высокая частота *ты* (20), *тебя* (5), *тебе* (2), *тобою* (2), *тобой*, *твое* объясняется сознательным подчеркиванием Федькой даже не равного с Петром Верховенским положения, но превосходства над ним. Причем в начале диалога Федька обращается вполне вежливо – на «ты», но по имени-отчеству: – *Ты постой, Петр Степанович, постой <...> ты первым делом здесь должен понимать <...>*. Обращение на «ты», но по имени-отчеству принято в России среди равных, форма мн. ч. возникает при упоминании Ставрогина и при обращении к себе, как противопоставление его Верховенскому: *<...> господин Ставрогин тебя давеча по щечкам отхлестали, что уже и нам известно*. А вот словоерса и обращения **сударь** нет вообще (в «Братьях Карамазовых» точно так же меняется речь Смердякова в его обращении к Ивану Карамазову, когда Смердяков, совершив убийство, *переступив*, уже больше не чувствует себя лакеем). Довольно часто употребляется **господин**, но в основном по отношению к Ставрогину и Кириллову, Петра же Верховенского Федька называет **природным господином**:

И не будь ты природный мой господин, которого я, еще отроком бывши, на руках наших нашивал, то как есть тебя теперича порешил бы, даже с места сего не сходя! [Достоевский 1972–1990, т. 10: 428]

Как и в других диалогах, отмечается довольно частотное употребление местоимений **я**, **мой** в различных формах: *я* (6), *меня* (4), *мне* (3), *мною*, *мое*, *мой*, *мою*, *моя*. Обращает на себя внимание также высокая частота употребления местоимения **самый**: *самого* (2), *самому* (2), *самый* (2), *самую*, *самым*.

Частота употребления лексемы **Бог** с ее производными и синонимами еще выше, чем в первом диалоге: *бога* (2), *Истинного* (2), *творца* (2), *божшм*.

(2.1) Из народно-разговорной лексики в третьем диалоге в речи Федьки используются следующие единицы: *али*, *бывши*, *верно (говорю)*, *видишь* (в зн. вводного слова), *зачал*, *зеньчуг*, *нашивал (на руках)*, *неучтивство*, *(с) первоначалу*, *порешил* (в зн. ‘убил’), *почем (ты знаешь)*, *сулил*, *сулишь*, *сумлеваюсь*, *сызнова*, *теперича*, *убивец*, *илеешь (меня в Петербург)*. Просторечию свойственная и трансформация нерусской фамилии **Эркель**: *прапорщик Эркелева <...> привел*.

Отдельного внимания заслуживает употребление жаргонного **дерзнул** (*Ты меня дерзнул*), ср. в «Записках из Мертвого дома»:

– Он меня дерзнул! – кричит мясистый друг, крепко качая голову писаря левой рукой, которою он обхватил его. «Дерзнул» – значит ударил [Достоевский 1972–1990, т. 4: 133].

Кроме того, хотя и в небольшом количестве, употребляется бранная лексика: (*поганая*) *вошь*, (*настоящий*) *подлец*. Федька, безусловно, хочет оскорбить Верховенского, но делает это в достаточно вежливой форме, даже несколько щеголевато, отчеканивая каждое слово, используя сравнительные обороты:

<...> у господина Кириллова, Алексея Нилыча, у которого всегда сапоги чистить можешь, потому он пред тобой образованный ум, а ты всего только – тьфу!; Ты, любезнейший, врешь, и смешно мне тебя даже видеть, какой ты есть легковёрный ум; Но ты, как бестолковый идол, в глухоте и немоте упорствуешь <...>; Господин Ставрогин пред тобою как на лестнице состоит, а ты на них снизу как глупая собачонка твякаешь, тогда как они на тебя сверху и плюнуть-то за большую честь почитают [Достоевский 1972–1990, т. 10: 428–430].

«Пощечина» словесная закончилась пощечиной реальной, что для Федьки, однако, закончилось очень плохо: его после этого находят с проломленной головой.

(2.2) К лексике, не характерной для речи простолюдина, относятся *велено*, (*на благородном*) *визите*, *всенародно*, *воздыханием*, *легковерие*, *легковёрный*, *любезнейший*, *насуцного* (*пристанища*), *отроком*, *осенила*, *перстом*, *почитаю*, *почитают*, *пред* (5), *предо*, *преображения*, *преобразилась*, *пристанища*, *распоряжением*, *сего*, *сей*, *сирота*, *философом*. **Философом** Федька называет Кириллова, противопоставляя его Петру Верховенскому, которого в первом диалоге иронично назвал **астроломом**. В третьем диалоге, особенно по сравнению с первым, довольно много религиозной лексики: *атеист*, *апокалипсиса*, *бога* (2), *богородицы*, *Божиим*, *веровать*, *Всевышнего*, *горнилом*, *заступница*, *идол*, *идолопоклонник*, *Истинного* (2), *коленопреклонением*, *матерь*, *молитвой*, *лестнице*, *пеленой* (*осенила*), *перл*, *пресвятой*, *подножию*, (*с*) *сияния* (*перл похитил*), *соблазнитель*, *Создателя*, (*о*) *сотворении мира*, (*всякой*) *твари* (*преображение*), *чудо*.

(3) Устойчивых сочетаний в третьем диалоге в речи Федьки встречается сравнительно немного: *неповинная кровь*, *с места сего не сходя*. Интересно употребление обращения к христианской легенде как к прецедентному тексту (точный источник христианской легенды о ризе Богородицы, пересказанной Федькой, неизвестен, но автор, по всей видимости, использует легенду из «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьева):

<...> в древние времена некоторый купец, точь-в-точь с таким же слезным воздыханием и молитвой, у Пресвятой Богородицы с сияния перл похитил, и потом всенародно с коленопреклонением всю сумму к самому подножию возвратил, и Матерь Заступница пред всеми людьми его пеленой осенила <...> [Достоевский 1972–1990, т. 10: 428].

(4) Нестандартной сочетаемости и синтаксических построений в этом диалоге немного: *сумлеваюсь в уме*, *чего стал достоин уже тем одним пунктом*, *первым долгом здесь должен понимать*, *и из этого ты выходишь первый убивец*, *перестал по разврату своему веровать*, *природный мой господин*; *Я как есть ни одной каплей не участвовал*, *не то что полторы тысячи* <...>; <...> *ты на благородном визите у господина Кириллова*. Речь Федьки-кагоржника в этом диалоге вполне грамотная, близкая к книжной, несколько неуклюжей синтаксис, возможно, объясняется стремлением говорить как образованный человек:

<...> на одной линии с татаринном или мордвой состоишь; Алексей Нилыч, будучи философом, тебе истинного Бога, Творца Создателя, многократно объяснял и о сотворении мира, равно и будущих судеб и преобразования всякой твари и всякого зверя

из книги Апокалипсиса; <...> может, и моя слеза пред горнилом Всевышнего в ту самую минуту преобразилась, за некую обиду мою, так как есть точь-в-точь самый сей сирота, не имея насущного даже пристанища; <...> так что по этому предмету даже в ту пору чудо вышло, и в государственные книги все точь-в-точь через начальство велено записать; Это ты никогда не смеешь меня чтобы допрашивать; Господин Ставрогин как есть в удивлении пред тобою стоит и ниже пожеланием своим участвовал, не только распорядением каким али деньгами [Достоевский 1972–1990, т. 10: 428–430].

(5) Абсолютное неприятие Федькой-каторжником того, что Петр Верховенский пустил за стекло киота мышь (на самом деле мышь пустил Лямшин, о чем читатель уже осведомлен, настоящий же виновник, по мнению Федьки, – это Верховенский):

<...> А ты пустил **мышь**, значит, надругался над самым Божиим перстом [Достоевский 1972–1990, т. 10: 428]

объясняется, по всей видимости, тем, что в христианских мифологических представлениях вообще мышь может символизировать дьявола, пожирателя, злую, разрушительную деятельность (см., например, [МНМ 1992: 190]). **Мышь** у Достоевского приобретает схожее символическое значение не только в контексте романа «Бесы», но и в других произведениях: «В поэтологии Д.<остоевского>, как и в народных суевериях, мышь хтонична: она сопутствует “подпольному человеку” (символ темного “подпольного” или подземельного сознания), Свидригайлову (пророчица беды, смерти). Бестиарное противоречие между “львовством” и “мышкинством” предопределяет возвышение и крах героя» [Владимирцев 1997: 140].

Проведенный анализ речи Федька-каторжника в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» позволил сделать следующие выводы и предположения.

1. Просторечная и бранная лексика, арго, ненормативная лексическая и грамматическая сочетаемость, употребление формы мн. ч. при обращении или упоминании человека для выражения почтительного к нему отношения, использование поговорок, прибауток, упоминание народных обычаев и др. в речи Федьки-каторжника безусловно отражают типичные черты ЯЛ простолюдина. С другой стороны, насыщение дискурса Федьки-каторжника лексическими, фразеологическими и синтаксическими библиизмами может показаться весьма необычным, если учесть что Федька – это жестокий убийца, лакей и человек из народа в одном лице. Для Федьки совершить убийство – проблема не большая, он уже *переступил*. И без мучений, без какой-либо рефлексии по этому поводу, по крайней мере, читатель об этом ничего не знает. Для него не существует человека – ни его жизни, ни его мнения, ни его ответной реакции в диалоге, Федька ни о чем не спрашивает и ни на что прямо не отвечает, вопросы собеседника для него тоже не очень-то и важны.

Повторений слов одного диалога в другом практически нет, исключение составляют лишь некоторые служебные слова, в том числе просторечные *али* (*аль*), *окромя*, а также такие знаменательные, как *Бог* (а также однокоренные с ним слова и синонимы – *божий*, *Творец*, *Истинный*), *человек* и некоторые другие. Кроме того во втором и третьем диалогах встречаются две библейские аллюзии.

Есть все основания предполагать, что такой тип ЯЛ, как Федька-каторжник, в русской литературе был впервые открыт именно Достоевским, однако в дальнейшем он приобрел черты константности. Достаточно сравнить его с некоторыми персонажами современной детективной литературы, например, вором в законе Антибиотиком из цикла «Бандитский Петербург» Андрея Константинова: то же частое употребление слова *Бог* и однокоренных с ним (так, в романе «Адвокат» из этого цикла *Бог* в различных

формах употребляется 23 раза, и практически все употребления – в речи Антибиотика; Антибиотик под конец жизни всегда носил с собой Библию, что не мешало ему отдавать приказы об убийстве), способность переключаться с одного стилистического регистра на другой, широкое использование фразеологических единиц различного типа и т. п. Исключение составляет только способность Антибиотика свободно оперировать отсылками к прецедентным текстам, что, однако, объясняется самим автором, А. Константиновым, обязательным наличием в советской тюрьме библиотеки и большим количеством свободного времени у воров в законе. В эпоху Достоевского на каторге читать было запрещено.

2. Способность Федьки-каторжника к сознательному и мотивированному переходу в зависимости от ситуации, темы общения (совершение сделки, поиск нового хозяина, осуждение и др.) и адресата (употребление «ты» в разговоре с Петром Верховенским) с одного стиля на другой, к иронии и одновременно к лести, а также к игре, например, неожиданному переходу на тему нищеты, используя типичный прием нищего – самоуничижение, и др. говорят о том, что личность Федьки-каторжника ординарной назвать сложно. Выбор общей тональности разговора и языковых средств обусловлены интенциями говорящего. Интенцию первого диалога можно назвать «тайнословием». Значение этого слова определяется его прямыми ассоциациями: 1) тайнопись – наличие скрытой интенции, у Федьки такой интенцией является предложение себя Ставрогину в качестве убийцы Лебядкиных; 2) многословие – говорит в основном Федька и говорит много, казалось бы, с излишеством слов, с «плетением словес»; 3) сквернословие (наличие бранной лексики). Во втором диалоге маска практически снимается, Федьке надо заключить сделку: просторечных слов становится меньше, речь – намного четче, чего-то тайного, завуалированного практически нет. В третьем диалоге происходит смена хозяина, более того, Федька ставит себя даже не на равных с Петром Верховенским, но выше, обвиняя того в неверии.

Сквозной же линией во всех трех диалогах выступает стремление говорящего подчинить себе собеседника. В такой речи не бывает пауз: она будет заполняться многозначными словами-символами, различного рода генерализованными высказываниями, отсылками к прецедентным текстам, частым упоминанием Бога, одновременно – юродство, шутовство, ерничанье и т. д., и в этом отношении типологические черты данной ЯЛ намного шире, точно такие же особенности свойственны, например, ЯЛ многих политиков или адвокатов: скрыть истинное (или отсутствие истинного) за языковой маской и одновременно – управлять собеседником.

Литература

Владимирцев В.П. Бестиарий // Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / Науч. ред. Г.К. Щенников. – Челябинск: Металл, 1997. – С. 140–142.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.

МНМ: Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2 (К–Я) / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – 719 с.

Ружицкий И.В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: Монография. – М.: ЛЕКСРУС, 2015. – 543 с.

СЯД: Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (А–В; Г–З; И–М) / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Азбуковник, 2008, 2010, 2012.

О.И. Северская

УДК 81'374

**«ДОСТОЕВЩИНА – ЭТО...»
(ОПЫТ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ПОНЯТИЯ)**

В статье делается попытка уточнения смысловой структуры концепта «достоевщина» с опорой на ассоциативно-вербальную модель описания языка Ю.Н. Караулова. Рассматривается связь ассоциаций с сюжетно-фабульной структурой ключевых романов Ф.М. Достоевского, с их фразеологией; контекстные значения обозначающей концепт лексемы сопоставляются со словарными, с их денотативным, сигнификативным и оценочным компонентами. Используется метод корпусного исследования.

Ключевые слова: ассоциативно-вербальная сеть, ассоциативная лингвистика, корпусное исследование, достоевщина, Достоевский.

Olga I. Severskaya

**«DOSTOEVSHINA IS...»
(THE EXPERIENCE OF THE ASSOCIATIVE-VERBAL
REPRESENTATION OF CONCEPT)**

The article attempts to clarify the semantic structure of the concept «dostoevshina» (Dostoevsky's spirits) based on the Yu.N. Karaulov's associative-verbal model of language description. The author investigates the relationship between the associations and the story-fable structure of the main Dostoevsky's novels and their phraseology; the context meanings of *dostoevshina* as a lexical unit are compared with the dictionary meanings, with their denotative, significative and evaluative components. The analysis is based on the corpus study method.

Keywords: associative-verbal net, associative linguistics, corpus study, Dostoevsky spirits, Dostoevsky.

Вне зависимости от того, какие ответы может получить пользователь Сети в ответ на запрос, вынесенный в название статьи, у сотрудников Института русского языка РАН, которым некогда руководил и в котором продолжает работать Ю.Н. Караулов, возникнет своя четкая ассоциация: «достоевщиной» у нас называют и «Словарь языка Ф.М. Достоевского», и связанные с его обсуждением заседания группы, и саму группу этого интереснейшего словаря. Поэтому попытка представления этого понятия как узла ассоциативно-вербальной сети может стать своеобразным посвящением Ю.Н. Караулову, поскольку окажется в русле его основных научных интересов, к которым относятся идиолингвистика и ассоциативная лексикография.

Говоря об ассоциативно-вербальной сети как отражении языковой способности, Ю.Н. Караулов подчеркивает: «Любое слово в нашем сознании, в памяти, точно так же как в речевой цепи, не существует <...> в отдельности: оно десятка-

ми, сотнями “нитей” тянется к другим словам. Любое слово требует, так сказать, “продолжения”, ищет свою пару, хочет превратиться в “модель двух слов”. <...> При этом каждая пара стимул-реакция – это еще не законченное высказывание, но уже необходимая его составляющая – либо грамматически оформленная его часть, либо только ядро будущего высказывания, которому предстоит придать завершенную форму» [Караулов 1994: 191]. Одновременно такая сеть определяется им и как «окно» в языковое сознание, представляющему своего рода «когнайзер», специфический «объект динамического характера, функционирование которого результируется постоянным приращением смыслов, ростом количества входящих в него специфических единиц знания, т. е. процессами осознания и познания (курсив автора – О.С.)» [Караулов, Филиппович 2009: 4]. Основываясь на этих положениях, проведем анализ представленных в узусе реакций на слово-стимул «достоевщина», избрав в качестве материала содержащие его фрагменты текстов, поскольку «текст как результат овнешнения языкового сознания содержит ассоциативные связи между своими элементами, оформленные в виде соседствующих “внешних знаков”, языковых единиц, синтагм» [Филиппович 2012: 52–53]. Это делает возможным «считывание» по набору содержащихся в микроконтекстах реакций языковой, когнитивной и прагматической информации, формирующей содержание концепта «достоевщина» и уточняющей семантическую структуру самого слова.

Слово *достоевщина* присутствует в толковых словарях русского языка довольно давно. Д.Н. Ушаков, в частности, дает ему два толкования: «1. Психологический анализ в манере Достоевского. 2. Душевная неуравновешенность, острые и противоречивые душевные переживания, свойственные героям романов Достоевского» (см. [Ушаков 1935–1940]). В словаре Т.Ф. Ефремовой, как и в других современных лексикографических источниках, этому слову также ставится в соответствие «противоречивость чувств, душевная неуравновешенность, страдание и обреченность» (см. [Ефремова 2006]), унаследованная «по совокупности» от героев знаменитого писателя. «Русский семантический словарь» *достоевщиной* называет «углубленность в мучительный самоанализ, сознательное обнажение всех сложностей и противоречий своих переживаний, поступков» (см. [Шведова 1998]). Попала *достоевщина* (в том числе и в варианте *достаевщинка* < по контаминации: *доставать* и *Достоевский*) и в жаргонный «Словарь петербуржца» Н.А. Синдаловского, где определяется как «разговор по душам до потери пульса» и «навязывание собственных рефлексий» (см. [Синдаловский 2003]).

Однако, как показывает материал Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), это не единственные ассоциации, которые возникают с этим довольно популярным словом у носителей русского языка. В основном корпусе зарегистрировано 65 употреблений, в газетном – 13, и в этих употреблениях прослеживаются некоторые закономерности.

Во-первых, понятие «достоевщина» может как синонимизироваться с человеческой и литературной личностью самого писателя, о чем говорит, например, написание слова с прописной буквы: «Но это уже “Достоевщина”» (Н.Н. Берберова. Курсив мой. 1960–1966) или же в сочинительной конструкции:

«разве на каждом шагу <...> не чувствуется *Достоевский, достоевщина* <...>?» (Н.В. Устрялов. *Patriotica*. 1921), а также в противопоставлении: «Тактика заставляет меня умять *Достоевского* в борьбе с “*достоевщиной*”» (А. Белый. Между двух революций. 1934).

Во-вторых, с этим понятием ассоциируется не только весь жизненный путь Достоевского и его творчество и литературно-философская доктрина в совокупности: «Нельзя идти *путем Достоевского*, нельзя жить *по Достоевскому*. <...> «*Достоевщина*» таит в себе для русских людей не только великие духовные сокровища, но и большие духовные опасности» (Н.А. Бердяев. *Мирозозерцание Достоевского*. 1923), но и отдельные произведения. Чаще всего возникают ассоциации с «Преступлением и наказанием», «Идиотом» и «Братьями Карамазовыми».

«Преступление и наказание» – самый популярный источник ассоциаций. С «достоевщиной» с отсылкой к этому роману соотносятся, прежде всего, *убийство, изучение природы убийств, сознание Раскольникова* (Комс. правда, 27.02.2002). При этом осмысливается и идеология *убийства*: «Это уже *достоевщина*, которая растолковала, что *русский человек* <...> *из-за денег не убьет, спасая себя – не убьет, рвась к власти – не убьет, а вот из-за теории – убьет*» (А. Слаповский. Висельник. 1994), и этика: «А потом еще и гоношишься: да ладно, кончайте *достоевщину* <...> *Человек* <...> научился любоваться убийством, получать утонченные удовольствия там, где прежде были смрад и гниль» (Известия, 26.07.2010), и главная мысль романа, например, в утверждении о том, что в сериале «Бригада» присутствует «атмосфера *достоевщины*»: «Вспомните, ведь у Достоевского, человек, который преступил, рано или поздно за все платит» (Известия, 23.10.2002).

Ассоциации вызывает и основная сюжетная коллизия романа – *убийство старухи*, которое расценивается как прецедентный факт, эталон в оценке сходной ситуации: «Господа и товарищи <...> *сегодня я тоже имел честь перешагнуть через свою старуху, но вы не задушите меня ее выдуманнными ладонями*. О, черт бы взял эту вечную *достоевщину*, преследующую русского человека!» (В. Пелевин. Чапаев и пустота. 1996); «*От патологической ненависти к старухе и омерзения* <...> *начали подниматься руки и потянулись к ее жалкой глотке*. Это был настоящий припадок, это была настоящая, без примесей, *достоевщина*» (В. Конечкий. Вчерашние заботы. 1979). При этом на прецедентную ситуацию могут указывать узнаваемые детали: «*Опеку над жиличкой* <...> оформили юридически или вот-вот оформят <...> далее без проблем. Даже *гробить* никого не надо, *без достоевщины обойдется: ни топора, ни “куклы”-портсигара*. Просто обкормить *старушку*... да той же салями!» (А. Измайлов. Трюкач. 2001).

Таким образом, на опосредованную связь с «Преступлением и наказанием» словесных реакций словесно-символьные, в терминах Ю.Н. Караулова и Ю.Н. Филипповича (см. [Караулов, Филиппович 2009: 8]), единицы могут указывать не только коннотативно, но и на уровне денотации.

Впрочем, *убийство*, ассоциируемое с *достоевщиной*, не обязательно отсылает именно к этому роману. Так, не вполне ясно, какое именно преступление – Раскольникова или Рогожина – образует подтекст в следующем микроконтексте: «Но тут было другое, тут была какая-то темная *достоевщина* – *пустая квартира*,

труп, накрытый английским пальто, и дверь во враждебный мир, к которой уже шли, быть может, досужие люди... Усилием воли я прогнал эти мысли – вся *достоевщина*, разумеется, была <...> в моем сознании, пораженном метастазами чуждого покаяния» (В. Пелевин. Чапаев и пустота. 1996). В другом же случае отождествляемая с «достоевщиной» *страсть-мордасть с криминалом* (Лебедь (Бостон), 26.05.2003) появляется в контексте рассуждения о романе «Идиот».

Название его как стимул, в свою очередь, вызывает ассоциации с образом главного героя, воплощающего суть «достоевщины»: «Если человек *идиот*, то он *умнее всех*» (Л.Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. 1920–1943). Косвенно с этим романом связаны такие ассоциативно-вербальные определения «достоевщины», как нечто *идиотское, безумное, безмозглое*, встречающиеся в корпусе неоднократно. На связь с «Идиотом» указывают и контексты, в которых либо «достоевщину» олицетворяет *Мышкин как Христос* (Лебедь (Бостон), 26.05.2003), либо *Христос, Человекобог, Богочеловек по имени Иешуа Га-Ноцири, Иисус из Назарета* ей противопоставляется (М. Козаков. Актерская книга. 1978–1995).

Вместе с тем, большинство ассоциаций в этом поле опосредовано другими образами и другими сюжетными линиями, а именно – образами Рогожина и Настасьи Филипповны и их романскими отношениями.

Так, с Настасьей Филипповной ассоциируются «девушки – всегда с *перчинкой, с дымком* <...> с *достоевщиной*» (Известия, 30.09.2001), с ее отношениями с Рогожиным такое соотносимое с понятием «достоевщины» представление о мучительной любовной связи: «живая *женщина* <...> *пришла к живому мужчине, и не просто пришла от того, что полюбила, а как раз наоборот, оттого, что не любит*» (В. Корнилов. Демобилизация. 1969–1971). В качестве реакции на словостимул появляются и «символьные» словосочетания *жестокый роман, горькая участь, суицид ад, зато нескучно* в контексте: «после удручающей стерильности западной жизни страстно хотелось *достоевщины*» (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания. 2000–2002). Представление о «жестокоем романе» может оставаться и в подтексте: «Он *объявит, что без тебя ему не жить* <...> потом пойдет сплошная *достоевщина*, и он не *отвяжется от тебя уже никогда*. Один к одному! Задушевные беседы плавно перешли в ухаживания, ухаживания – в приставания, приставания – в преследования» (В. Белоусова. По субботам не стреляю. 2000). В целом, с «Идиотом» чаще всего связывается представление о роковых страстях, виновницей которых становится именно женщина, а это также осознается как проявление «достоевщины»: «*Достоевщина* *какая-то: захлестнули бабу поздние желания, прорвались, долго сдерживаемые, – и душа вон, к быку на рога не страшно*» (В. Личутин. Любостай. 1987). А вот представление о «достоевщине» как *гулах, разгулах, надрыве* ассоциируется не с Настасьей Филипповной, а с Грушенькой, героиней «Братьев Карамазовых».

Этот роман включается в ассоциативно-вербальную сеть «достоевщины» не через сюжетно-фабульные построения и не через образы героев, хотя они иногда и упоминаются, как, например, в этом портрете Есенина: «*Как Алеша, он был розов, застенчив, малоречив, но в нем не было ни тени “достоевщины”*»

(М.В. Бабенчиков. Сергей Есенин. 1955). Большинство в наборе реакций составляют вариации на тему «слезы ребенка» из ставшего крылатым выражения Ивана Карамазова о том, что «весь мир познания не стоит <...> слезок ребеночка к “боженьке”». Приведем некоторые из них: «Галина Хованская, депутат Госдумы, говорит, что новый Жилищный кодекс поднял всю муть со дна человеческой души. Прямо *достоевщина*. Только *слеза ребенка уже не в счет*» (Труд-7, 26.06.2007); «Братцы, *ребенок плачет*. Вы что – *будете строить свое счастье на слезах одного ребенка?* – К черту *достоевщину!*» (Н. Горланова. Филологический амур. 1980). Представление о детских слезах может трансформироваться в картину оплакивания ребенка, даже тогда, когда смерть или слезы остаются в подтексте: «У вас будет еще много мальчиков. – Не хочу, не хочу другого мальчика! – Ну, дружок. – Доктор похлопал его по рыдающему плечу. – *Бросайте эту достоевщину разводите. А то выйдет у нас не больница, а литературный кружок*» (М. Елизаров. Pasternak. 2003); «*Нет ничего страшнее смерти бесхитростного ребенка*, да еще сиротки. Почему такой уход в *достоевщину?*» (Труд-7, 20.11.2009). Встречаются и совсем тонкие аллюзии, как, например, в контексте, где возникает по ассоциации «цепочка от какого-то мальчика Вани <...> до вице-преьера Шохина, не нашедшего иного способа *вернуть деньги на себя*, кроме как *убить стоящих у него на пути*» (Известия, 18.04.2006), связывающая с «достоевщиной» философию «Братьев Карамазовых» и «Преступления и наказания» одновременно.

Смерть, гроб, отпевание, морг, тлен, гниль, смрад, упоение гибелью ассоциируются с «достоевщиной» довольно часто, она характеризуется и как нечто *мрачное, жуткое, разрушительное, жестокое, несправдливое, трагическое, маниакальное*. Кроме того, в роли контекстных синонимов выступают и *трагический миф, тоска по трагедии, кровь, боль, тревога, ранимость, незащищенность, вина, желание восстановить попорченную истину, муть со дна души, страдания человека в большом городе, безвыходность* (ср.: «Все улицы были перекрыты. Куда бы мы ни направлялись, везде кордоны. Свернув с главных улиц, мы кружили по переулкам, искали выход к нужным местам. Какая-то *достоевщина!*» – Л. Вертинская. Синяя птица любви. 2004), *растерянность, упадочнические настроения, мучительность, обреченность, бедность, беды, счастье* – как со знаком «минус»: «“нет” безмозглому счастью и “да здравствуют” глубокие размышления в дерьме <...> и я начинаю думать, что *достоевщина* сидит в каждом русском» (Комс. правда, 28.04.2001), так и со знаком «плюс», когда синонимом «достоевщины» становится возможность *поговорить о душе, о счастье в высоком смысле <...>* и, взявшись за руки, вместе отправиться на поиски этого счастья» (Комс. правда, 15.04.2005).

Что касается словарных значений, представленных в зафиксированных в корпусе ассоциативных парах, то они соответствуют трем аспектам понятия «достоевщина».

Прежде всего, реакции отражают представление об «углубленности в мучительный самоанализ»: «достоевщина» ассоциируется с «мучительными пассивными переживаниями» (Петербургская газета, 09.05.1911), «интеллигентским самобичеванием» (А. Львов. Двор. 1981). Встречаются и более развернутые опре-

деления: «И сладко, что заставили заглянуть в себя, и мерзко, и куклой чувствуешь себя в руках манипулятора» (Известия, 26.07.2010); «Разве ты не видишь, он изломан, изъезжен <...> какими-то своими философиями, писаниями, вообще достоевщина за пять копеек» (Р.Б. Гуль. Азеф. 1958).

«Противоречивость чувств, душевная неуравновешенность» (ср.: «до рассвета не дожить, но при этом сердце горит, кровь бурлит» – Комс. правда, 04.05.2011) является прямым продолжением «самокопания» и «самоожжения»: «*“Достоевщина”* <...> всегда замыкается в пределы одного сознания, копаются в нем, *создает культ раздвоенности изолированной личности*» (М.М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. 1963); «Дело в том, что “про себя” – я не совсем то, даже совсем не то, каким “реализуюсь” в своих поступках. Но это уже “достоевщина”» (Н.Н. Берберова. Курсив мой. 1964–1967); «И вот началась музыка, достоевщина: “С одной стороны, признаю, но, с другой стороны, подчеркиваю”» (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок. 1931). Противоречивой оказывается и структура ассоциирующихся с «достоевщиной» образов: «проститутка-святая, убийца-герой» (Л.Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. 1920–1943).

Ассоциации реализуют и представление о «навязывании собственных рефлексий»: «Никаких полосканий! – крикнул он. – Я не желаю слышать, как кто бы то ни было полощет свою душу. Достоевщина!» (К.Г. Паустовский. Книга о жизни. 1946).

«Достоевщине» в ассоциативно-вербальном поле сопоставляются и чисто внешние атрибуты – например, стереотипные представления о *мрачных дворах-колодцах, жутких лестницах домов*. Но даже без упоминания этих типичных реалий «Петербурга Достоевского» его образ проступает в тексте: «Сразу повеяло чем-то сырым, подвальным; какая-то дурная достоевщина, вызревшая в самой сердцевине реальной жизни. И обнаружившая давнюю гниль, скрытую ныне под масштабным евроремонтом, которым охвачена вся страна» (Известия, 26.04.2004). Внешним проявлением внутренней «достоевщины» оказывается, например, *кривой передерг губ*. В плане внутреннего содержания она характеризуется как *явление моральное и идейное, психологическая атмосфера (психологизм)*, а также как *творческий метод, литература и философия*.

У «достоевщины» обнаруживаются и *антураж*, и *атмосфера*, которые имеют особые видимые признаки: «темные, тусклые краски, приглушенный свет» (Труд-7, 28.11.2006); «полутона, четкие линии размываются, пятна красок, мешанина настроений» (В. Аксенов. Праздник, который хотели украсть. 1991), – состояние «непроявленности» как раз и является источником стоящей за «достоевщиной» противоречивости.

В ассоциативном поле переосмысливается и оценочность номинации, фиксируемая словарями пометой «неодобр.». Интересно, что прагматический компонент четко ассоциируется с системно-языковыми фактами. В корпусе есть пример рефлексии над словообразовательным формантом слова *достоевщина*: «*“Щина”* – это вам не “изм”. Достоевщина, есененщина, сталинщина радикально отличаются от байронизма, гитлеризма или нищестанства» (Знамя, 2000, № 6). Суффикс, который, как отмечается в «Русской грамматике», действительно придает значению образованного с его помощью слова оттенок неодобрительности (см. [Русская грамматика 1980: 180]),

сравнивается в этом примере с «ведьминой метлой»: «когда “щинили” культуру <...> вылезало *что-то дьявольское*» [там же]. Интересно, что такие же ассоциации возникают и в другом контексте, также при переосмыслении оценочности слова: «Впрочем, *понятие «достоевщина» в наше время приобрело новый, хотя вполне определенный оттенок. Это больше не ругательство, исторгнутое из безжалостных уст блюстителя литературного пуризма да реализма, но синоним чертовщины, дьявольской загадочности жизни*» (Октябрь, 2003, № 3). Таким образом, можно сказать, что оценочный компонент «лексикализуется», т. е. переходит из прагматического плана в лексико-семантический.

Набор реакций, отмеченных в корпусе, показывает, что «достоевщина» может также оцениваться по степени своего проявления как *настоящая, без примесей; рафинированная, с допустимым процентом примесей; с большой долей, высшей точки напряжения*; встречается даже ее *народный вариант*, что позволяет говорить о градации, количественном измерении определяющих понятие качественных характеристик, что в системе не характерно для существительных, обозначающих абстрактные признаки.

Заметим также, что, при всем разнообразии ассоциаций, уточняющих объем стоящего за рассматриваемым словом понятия, есть и такие, которые говорят об известной проминализации, «стирании лексической единицы», по У. Чейфу (см. [Чейф 1975: 296]). Так, встречаются примеры, в которых «достоевщина» никак не определена: «угробил полдня на возню с *достоевщиной*» (А. Измайлов. Трюкач. 2001); «Давайте без *достоевщины*, – ввернул Певцов недавно услышанное от одной курсистки *модное словечко, значение которого Иван Дмитриевич не понял, но спрашивать не стал*, дабы не показывать свою необразованность» (Л. Юзефович. Костюм Арлекина. 2001).

Анализ материала, предоставленного Национальным корпусом русского языка, показывает, что «достоевщине» соответствует достаточно широкое и разветвленное ассоциативно-вербальное поле, которое на лексико-семантическом уровне структурируется ее словарными значениями. Вместе с тем, некоторые из них уточняются и переосмысливаются за счет усиления денотативных либо сигнификативных компонентов. Некоторые признаки «достоевщины» рассматриваются как эталонные, позволяющие предцифровать их субъектам, объектам и ситуациям, сопоставимым с теми, что описаны в «Преступлении и наказании», «Идиоте» и «Братьях Карамазовых»: в этом плане ключевыми оказываются ассоциации *убийство, преступление, покаяние, расплата, вина, жестокий роман, мучительный самоанализ, обнажение противоречий* и некоторые другие. Фразеология самого Достоевского задействована в ассоциативно-вербальном поле минимально, исключение составляет фразеологизированное выражение *слеза ребенка*, которое трактуется весьма широко. В свете ассоциаций меняется и оценочность, связываемая с «достоевщиной»: с неодобрительной на практически нейтральную, свойственную простой констатации факта.

Литература

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х томах. – М.: АСТ-Астрель-Харвест, 2006 [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova> (дата обращения: 20.05.15).

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Книга 1 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – С. 191–218.

Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. – М.: Азбуковник, 2009. – 336 с.

Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Словообразование. Морфология / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – 792 с.

Синдаловский Н.А. Словарь петербуржца. – СПб.: Норинт, 2003 [Электронный ресурс]. – URL: http://peterburger_lexikon.academic.ru/801.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка в 4-х томах. – М.: Сов. энциклопедия – ОГИЗ, 1935–1940 [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/794818> (дата обращения: 20.05.15).

Филиппович Ю.Н. Инфокогнитивная технология моделирования вербального сознания // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – Т. 10, вып. 2. – С. 51–62.

Чейф У.Л. Значение и структура языка. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой – М.: Азбуковник, 1998. – XXV, 807 с. – URL: <http://www.slovari.ru> (дата обращения: 20.05.15).

Н.Л. Чулкина

УДК 81'374

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ НОВОГО ТИПА¹

В статье рассматриваются проблемы создания лингвокультурологических словарей антропоцентрического типа и предлагается описание проекта словаря «100 концептов русской повседневности». При этом автор опирается на теоретические положения, выдвинутые Ю.Н. Карауловым в рамках теории языковой личности, в частности, на трехуровневую модель языковой способности. Материалом для построения динамической модели предлагаемого лингвокультурологического словаря служат ассоциативные словари русского языка (РАС-1 и РАС-2).

Ключевые слова: лингвокультурологический словарь; ассоциативные словари; компьютерная версия-программа.

Nina L. Chulkina

ANTROPOCENTRIC LINGUISTICS AND LINGUO-CULTURAL DICTIONARIES OF A NEW TYPE

This article discusses the challenges of creating a lingvo-cultural dictionary and propose the project description of the dictionary «100 concepts of Russian daily life». The author draws on theoretical positions, proposed by U.N. Karaulov as a language personality theory, in particular, on the three-tier model of language ability. Materials used for building a dynamic model of the proposed dictionary are the associative Russian dictionaries (RAS-1 and-2).

Keywords: linguo-cultural dictionary; associative dictionaries; computer version-program.

Введение

Первая глава монографии Ю.Н. Караулова и Ю.Н. Филипповича «Лингвокультурное сознание русской языковой личности» называется «Языковое сознание как объект лексикографирования». Центральным понятием этой главы, да и всей монографии в целом, является *когнайзер* – термин, придуманный авторами для обозначения модели лингвокультурного сознания и принципов ее функционирования. Надо сказать, что эта идея, разумеется, в более скромном масштабе, привлекала меня давно. Занимаясь изучением и лингвокультурологическим описанием концептосферы русской повседневности, я представляла себе практический выход такого описания именно в словарном виде. При этом такой словарь задумывался не только и не столько в традиционном «бумажном» виде, но прежде всего в виде компьютерной программы, позволившей бы превратить статическое лексикографическое произведение в динамическую модель языковой способности, ее части, связанной с обыденным языковым

¹ Исследование выполнено при поддержке Проекта НШ НШ-5740.2014.6.

сознанием, с повседневностью. Я так и назвала этот проект: «100 концептов русской повседневности». К сожалению, воплотить в жизнь эту идею пока не удалось, но мне хотелось бы поделиться некоторыми соображениями, которые, безусловно, были навеяны общением с моим Учителем – Юрием Николаевичем Карауловым, чей юбилей мы отмечаем в этом году.

Антропоцентрическая лингвистика и задачи современной лексикографии

Принято считать, что соотношение теории и практики – ключевой вопрос фундаментальных наук. Гуманитарные же исследования обычно признаются «самоценными», и их «практическая значимость» чаще всего определяется как возможность использования в вузовских теоретических курсах или при создании учебных пособий и программ. Однако антропоцентрический подход как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека. Такой подход, безусловно, оказывает влияние и на лексикографию. В типологии словарей центральным становится противопоставление *текстоцентрические (системоцентрические)-антропоцентрические словари*. Такое представление о путях создания словарей вытекает из анализа лексикографической деятельности. В первом случае основой этой деятельности является создание словарной картотеки на базе примеров из художественной или публицистической литературы. Именно подобные тексты дают составителям словарей материал, с помощью которого они выделяют основные лексико-семантические варианты слов и формулируют их дефиниции. Функционирование лексических единиц также иллюстрируется в основном литературными примерами. Толковые словари этого типа призваны выполнять главным образом *нормативную функцию*. Норма употребления описываемых в них языковых единиц поддерживается двойным авторитетом: ученых-лингвистов – авторов словарей, и литераторов (как правило, классиков русской литературы).

Второй из названных видов словарей – *антропоцентрический* – связан с другим типом деятельности лексикографов, когда исходным материалом выступает речь рядовых носителей языка или их языковое сознание. Способы фиксации этого материала могут быть различными (аудиозапись; письменная фиксация примеров употребления лексических единиц; ассоциативный эксперимент). Важно то, что движение к словарю начинается *от узуса*, и дальнейшая лексикографическая «обработка» полученного материала заключается обычно в определенном его ранжировании в соответствии с жанром и адресатом создаваемого лексикографического произведения. Словари такого типа принято считать *описательными*, а не нормативными. Они призваны лишь демонстрировать «жизнь» слова в реальной речевой деятельности носителей данного языка. Эта традиция развивается в русской лексикографии начиная с В.И. Даля. Именно им в основу толкового словаря впервые был положен «живой, устный язык русский, а паче народный». Сегодня интерес к словарям, описывающим живой русский язык, очень велик. В последние годы появилось довольно много разных по охвату языковых явлений и единиц, а также по качеству исполнения лексикографических произведений этого типа [Белянин, Бутенко; Елистратов; Ермакова, Земская, Розина]. В них в том или ином виде моделируются и отражаются механизмы функционирования языковой личности как типичного представителя данной языковой общности в определенный период ее существования.

Конкретное решение данного вопроса может быть соотнесено с разделяемым сегодня большинством российских лингвистов учением о языковой личности Ю.Н. Караулова, в которой языковая личность предстает как совокупность трех взаимосвязанных уровней: *вербально-семантического* (собственно языкового); *лингво-когнитивного* (совокупности знаний о мире и о языке, представленных в национальной языковой картине мира); *мотивационного* (представляющего иерархию усредненных ценностных установок и мотиваций).

Таким образом, словарь антропоцентрического типа призван служить динамической моделью речевой способности человека. В нем должны быть найдены такие способы параметризации языковых единиц, которые в идеале имитировали бы некоторые фрагменты речемыслительной деятельности языковой личности, функционирования ее внутреннего лексикона.

Общие проблемы создания лингвокультурологических словарей антропоцентрического типа. Проект создания словаря «100 концептов русской повседневности»

Хотя лексикографию принято считать прикладной областью лингвистики, реально получается так, что в процессе создания словарей лексикографам приходится заново, «по ходу дела» решать многие ключевые вопросы науки о языке. А зачастую бывает и так: новые представления о языке-объекте описания рождаются именно в ходе «черной», подготовительной работы по составлению словарей. Одной из важнейших теоретических проблем такого рода, является проблема *значения и смысла* языковых единиц. От того или иного ее решения зависит, в частности, содержание и объем дефиниций, т.е. основной части словарных статей лексикографического произведения, включающего в себя толкования. Как было отмечено ранее, понимание автором соотношения значения и смысла складывалось под влиянием взглядов Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, А.А. Залевской, Ю.С. Степанова, считающих, что семантика языкового знака составляет лишь определенную «зону» его смысла.

Важно отметить, что при антропоцентрическом взгляде на язык обращение только к *значению* лексической единицы представляется недостаточным для полного описания адекватного употребления ее в речи. Ведь довольно часто именно прагматические характеристики слова определяют особенности его функционирования в определенных контекстах и придают ему национальную специфику. При создании антропоцентрических словарей включение в описание не только значения лексических единиц, но и их *интерсубъективного смысла* – совокупности знаний о мире, известных большинству носителей языка, но не включенных в дефиниции толковых словарей, представляется необходимым.

Опираясь на это и некоторые другие положения теории языковой личности, нами делается попытка описать проект создания словаря «100 концептов русской повседневности», включающего в себя серию лингвокультурологических словарей, объединенных в содержательном плане концептосферой русской повседневности, русского быта, а в техническом плане – единой компьютерной версией, вход в различные части которой может осуществляться как по параметрам, заданным в каждом из словарей, так и по концептам, то есть по идеографическому принципу. Реализация такого проекта позволила бы создать оригинальное лексикографическое произведение на основе современных технологий. Первые три словаря данной серии – «*Словарь элементарных единиц русской речи*», «*Словарь фреймов типичных*

ситуаций русской повседневности» и «*Словарь национально-маркированных единиц*» – это лишь часть задуманного и разрабатываемого лексикографического комплекса.

Приступая к составлению названных словарей (впрочем, как всяких других), авторы обязаны, в частности, ответить на такие вопросы, как:

- 1) Для кого создаются словари, кто их адресат, или пользователь?
- 2) Какова макροструктура каждого словаря, т.е. каков словник (его объем и содержательное наполнение) и каковы общие принципы его лексикографического описания (алфавитный, идеографический)?
- 3) Какой должна быть микροструктура словаря, т.е. структура словарной статьи?

Какую информацию предполагается включить в состав словарных статей (грамматическую, семантическую, энциклопедическую)?

Итак, кому адресованы наши словари и как предполагается их «делать».

1) Данная серия словарей адресована широкому кругу пользователей:

- иностранцам, изучающим русский язык;
- жителям ближнего зарубежья и регионов России,
- овладевающим русским языком, как неродным;
- переводчикам, работающим с русским языком;
- культурологам, занимающимся современной русской действительностью;
- русским школьникам и взрослым в качестве справочного материала по вопросам сочетаемости слов, их национально-культурного фона.

Такой «пестрый» спектр пользователей ставит перед составителями словарей ряд практических вопросов. Так, например, необходимо решить, надо ли давать перевод на другие языки объяснительной части словарных статей «Словаря элементарных единиц русской речи» и «Словаря национально-маркированных единиц» в «книжной» версии, и как быть тогда с пользователями-носителями русского языка? Или таким переводом с ориентацией на язык и культуру адресата можно снабдить только компьютерную версию?

2) Состав словников всех словарей, включенных в данную серию, отражает концептосферу русской повседневности и представлен двумя способами: один из них – специфичен для каждого из словарей, второй – общий для всех – идеографический. Именно последний из названных способов является базой для создания единой компьютерной версии-программы, вход в различные части которой осуществляется по концептам. Каждое понятие из области русского быта и повседневной жизни современных русских охарактеризовано с функциональной и национально-культурной точек зрения, включено в прагматический контекст миропонимания современной русской языковой личности.

3) Безусловно, самым сложным вопросом построения словаря является его микροструктура, или структура словарной статьи. В решение этой проблемы (для каждого словаря) оказываются вовлеченными практически все аспекты науки о языке.

Таким образом, важнейшими предпосылками и базой для создания лингвокультурологических словарей-тезауров, тематически объединенных концептосферой русской повседневности, а технически – общей компьютерной версией, являются:

1. структурированность мира повседневности и описание его как концептосферы, выстроенной на основе отдельных концептов и их объединений;
2. положение о трехуровневой структуре языковой личности (Ю.Н. Караулов).

Наш проект включает словари трех типов соответственно: «Словарь элементарных единиц русской речи» (отражает вербально-семантический уровень языковой способности); «Словарь фреймов типичных ситуаций русской повседневности» (лингво-когнитивный уровень); «Словарь национально-маркированных единиц» (мотивационный уровень языковой личности).

Обратимся к последовательному описанию проекта создания названных лингвокультурологических словарей.

«Словарь элементарных единиц русской речи»

Данный словарь построен на базе так называемой «ассоциативной грамматики», «которая находится в распоряжении стихийного носителя языка... в живом, готовом к употреблению виде» [Караулов 1999: 6-7]. До сих пор учебники и словари для изучающих русский язык создавались на основе традиционных, описательных грамматик, в которых зафиксировано вторичное, отраженное существование грамматики в виде сформулированных лингвистами правил комбинирования языковых единиц. В вербальной памяти носителя языка грамматика существует в лексикализованном виде, она как бы «привязана к отдельным лексемам, распределена между ними» [там же: 6]. Реальным воплощением ассоциативной грамматики можно считать «Русский ассоциативный словарь», построенный в результате многоступенчатого массового ассоциативного эксперимента и представляющий собой ассоциативно-вербальную сеть (АВС). В этой сети содержатся в виде «образцов», «моделей» все грамматические формы слов и их сочетания. Эти элементарные единицы речи являются строительным материалом для более развернутых коммуникативных блоков и текстов. В повседневном общении они многократно повторяются и, таким образом, входят в разряд «прецедентных». В большинстве своем это словосочетания, представляющие собой (в паре со словом-стимулом, предъявленным в ассоциативном эксперименте) так называемую «модель двух слов» (Н.И. Жинкин). Но есть и более сложные грамматикализованные фрагменты дискурсов. Корпус таких единиц, «набранный» из «Русского ассоциативного словаря», и должен быть представлен в «Словаре элементарных единиц русской речи». Это его словник. Как и в двух других лексикографических произведениях, включенных в проект, область функционирования элементарных единиц ограничена русской повседневностью.

«Стержнем» *микроструктуры* этого словаря является *слово-концепт*. К нему «привязываются» все языковые единицы, которые вместе с описываемым словом-концептом представляют собой *элементарные единицы речи* (ЭЕР). Непростым в композиции словарной статьи является вопрос о пометках. Так, с одной стороны, пользователь, имея перед глазами несколько образцов, моделей элементарных единиц русской речи и примеры их функционирования в более широком контексте (в предложении; в микродиалоге), может сам сделать вывод об их грамматических характеристиках, чтобы потом в готовом виде использовать их в адекватных коммуникативных ситуациях. С другой стороны, правильное речепроизводство с

включением приводимых в словаре ЭЕР возможно, как нам представляется, всё же при наличии у пользователя хотя бы минимальных грамматических знаний о них. Во всяком случае, ему должна быть предоставлена возможность «сверить» свои наблюдения с некоторым нормативным эталоном. При этом грамматические и стилистические пометы должны быть краткими, не нарушающими жанр лексикографического описания языковых единиц.

Особый раздел отдельных словарных статей должно составить описание ограничений на лексическую сочетаемость, так как именно этот аспект употребления часто вызывает трудности не только у инолингвов, но и у тех, для кого русский язык является родным. Такое описание, вероятно, целесообразно представить на русском языке в словаре-книге и на языке пользователя в его компьютерной версии.

Некоторые элементарные единицы речи идиоматичны. Они обозначают особые, культурно-маркированные понятия и нуждаются в комментариях. Эти комментарии также должны составить особую часть словарных статей и снабжены переводом в компьютерной программе.

а) атрибутивные словосочетания:

большая=/ маленькая	}	семья
дружная		
крепкая		
счастливая семья		
многодетная		
хорошая=/ плохая		
молодая		
семья		
благополучная=/ неблагополучная		
полная=/ неполная ²		
нормальная		
обеспеченная		
обыкновенная		
прочная		

в) именные словосочетания:

}	семья	}	семьи	}	семья			
						художника	член	на
						военнослужащего	традиции	работе
						историков	опора	на прогулке
						офицера	состав	в беде
						филологов	глава	в сборе
						учителей	доход	
						брата	друг	
						подруги	в кругу	
						сестры	фотографии	
						Ивановых		
из трех человек								
ячейка общества ³								

² неполная семья – семья, в которой у ребенка нет одного из родителей (чаще отца)

³ клише новояза (советской эпохи)

раздор конфликт скандал ссора катастрофа развод гармония доверие обязанность равенство согласие достаток	в семье	раздор конфликт скандал ссора ад катастрофа развод гармония доверие обязанность равенство согласие достаток
---	---------	---

Приведем пример пробной статьи «Словаря элементарных единиц русской речи» с одним из базовых концептов повседневности:

СЕМЬЯ

2) глагольные словосочетания:

с е м ь я { распалась= развалилась
была всегда

создавать/создать
иметь
любить
бросать/бросить= оставлять/оставить
забыть
строить
содержать

} семью

2а. СЕМЕЙНЫЙ

а) именные словосочетания:

семейный { подряд⁴
скандал
альбом⁵
традиции
конфли
круг
отдых
праздник
уют

} семейные { узы
обязанности

⁴ Методы ведения работ, основанные на принципах хозрасчета, когда семье выдается наряд на производство всего комплекса работ в пределах расчетной стоимости [Толковый словарь языка совдепии 1998: 448].

⁵ Альбом, в котором хранятся семейные фотографии.

«Словарь фреймов типичных ситуаций русской повседневности»

Работа над этим словарем также ставит перед составителями множество вопросов, как чисто практического, так и теоретического характера.

Первая сложность связана с определением словника. Ведь единицей словаря является не слово в строгом понимании, а некоторая коммуникативная ситуация, определенным образом структурированная. Обращение авторов к фрейму как единице описания фрагмента концептосферы мотивировано тем, что «фреймы представляют собой не аморфные списки слов (как в тематических группах, представленных в традиционных тематических словарях), а единицы, организованные вокруг некоторого концепта. В противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Кроме того, фреймы имеют более или менее конвенциональную природу и поэтому могут определять и описывать, что в данном обществе является “характерным” или “типичным” [Ван Дейк 1988: 16-17]. Итак, список, входящих в словарь фреймов типичных ситуаций русской повседневности, или его словник, задается основными концептами этой сферы: ДОМ (жилище); СЕМЬЯ; РАБОТА, УЧЕБА; ОТДЫХ, ДОСУГ, РАЗВЛЕЧЕНИЯ. Эти концепты в структуре словника можно было бы назвать мета-терминалами. Более дробное и конкретное представление ситуаций обозначено терминалами, т.е. концептами, называющими описываемую коммуникативную ситуацию: ДОМ (жилище) (квартира, дача, ремонт, переезд, уборка, и др.); СЕМЬЯ (свадьба, завтрак, обед, ужин, прием гостей, развод и др.); РАБОТА (дорога, транспорт, зарплата; на заводе, в школе, в НИИ; профессии др.); УЧЕБА (лекция, экзамен, общежитие, студент и др.); ОТДЫХ (дача, парк, море, отпуск, каникулы, после работы, в выходные дни, праздник и др.); ДОСУГ, РАЗВЛЕЧЕНИЯ (вечеринка, дискотека, кино, театр, ресторан, застолье, компания, телевизор и др.)

Следующая, не менее сложная задача – создание микроструктуры словаря, т.е. построение словарной статьи. Ясно, что в «Словаре фреймов...» словарная статья и должна представлять собой фрейм той или иной типичной ситуации русской повседневной жизни, русского быта. В литературе по когнитивной лингвистике, теории речевых актов рассуждения о том, что такое фрейм и какова его структура довольно запутаны и противоречивы. Обычно они заканчиваются конкретным примером фрейма какой-нибудь ситуации. Трудность построения фрейма – в определении иерархии составляющих его термов и слотов, их лексическом наполнении и способе описания конвенциональных, «ритуальных» отношений между словами-понятиями, входящими во фрейм-структуру. Поскольку назначение «Словаря фреймов...» мы видим в том, чтобы снять трудности понимания и речевого производства в типичных ситуациях русской повседневности, необходимо при построении фреймов установить «обратную связь», т.е. проверить, возможно ли на базе предъявленных фреймов восстановить целиком описываемые ими в компрессированном виде ситуации. Для этой цели проводился эксперимент с русскоязычными студентами. Респондентам предлагалось создать небольшой по объему текст (8-10 предложений) на основе предъявленных фреймов.

Материалом для построения фреймов служит тот же «Русский ассоциативный словарь». Словарными статьями в этом словаре являются ассоциативные поля

(АП), построенные на базе слова-стимула. Это слово-стимул иногда можно рассматривать как *терм* или *терминал* фрейма, т.е. тот концепт, который называет ситуацию и вокруг которого (на основе входящих в АП лексических единиц) может быть построен фрейм этой ситуации.

Чтобы дать наглядное представление о «Словаре фреймов...», приведем здесь несколько пробных словарных статей – фреймов, объединенных концептом-терминалом **ДАЧА**.

ДАЧА -

I. 1. Загородный дом, обычно для летнего отдыха. СНЯТЬ ДАЧУ.

2. Загородная местность, где находятся такие дома, где они снимаются*

Жить на даче. Детский сад выехал на дачу.

II. Для русских: это не только и не просто «место для летнего отдыха»; это еще и 1) показатель социального статуса человека, семьи, уровня благосостояния; 2) место выращивания овощей и фруктов, которые в советское время – время дефицита продуктов – составляли существенную часть рациона как летом (свежие овощи, ягоды и фрукты), так и в зимнее время (консервированные).

Субъекты:

- дачный
- дом(ик)(коттедж)
- огород
- земельный (дачный, приусадебный) участок
- 6 (10...) соток*
- сад

Свойства:

- большая =/=маленькая
- благоустроенная*
- кирпичная
- деревянная
- летняя/зимняя*
- правительственная*
- государственная*
- генеральская*

Место:

- за городом
- под Москвой
- под Санкт-Петербургом
- в лесу
- в горах
- на море
- в (дачном) поселке*
- в садовом товариществе*

Действия:

- отдыхать
 - работать
 - жить
 - быть
 - находиться
- } на даче

строить/построить	}	дачу
покупать/купить		
снимать/снять		
	}	на дачу

6 (10) соток – размер участка земли перед дачным домом. Т.к. 1 сотка = 1 га, участок в 6 соток считается самым маленьким. Такие участки обычно предоставляются в России по месту работы рабочим и служащим.

* летняя дача – легкое строение без системы отопления, в котором можно жить только в теплую погоду.

* зимняя дача – благоустроенный дачный дом с отоплением, в котором можно жить **не** только летом, когда тепло, но и холодной осенью и даже в морозную зиму.

- благоустроенная дача – дачный дом с водопроводом, канализацией и газом и электричеством, **т.е.** со всеми коммуникациями по типу городского дома.
- правительственная дача – дача, предоставляемая членам правительства России.
- государственная дача – дача, предоставляемая государственным служащим (в советское время т.н. «номенклатуре» – высшим чиновникам партийно-государственного аппарата).
- генеральская дача – дача, предоставляемая высшему военному составу (особенно 50-60-е годы после окончания Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.).

* дачный поселок - место за городом, где расположены только дачные дома с участками.

ПОЕЗДКА НА ДАЧУ

Транспорт: а) на машине;
б) на автобусе;
в) на электричке.

а) На машине:

Субъекты:

Я;
(наша, моя) семья; мы с семьей;
мы с друзьями (с другом, с подругой).

Действия:

поехать, приехать/ездить,
собраться на дачу на машине
сложить/положить вещи в машину
(в багажник)
заправиться (заправить машину бензином)
выехать из города
на (загородное, Минское⁶) шоссе, автостраду;

⁶ Минское шоссе – шоссеная дорога, ведущая в г. Минск (Белоруссия).

на МКАД (Московскую кольцевую автомобильную дорогу)
на (проселочную) дорогу
попасть в пробку, в аварию

} выехать

б) На автобусе:

Действия:

доехать до автобусной станции,
найти/посмотреть расписание автобусов,
взять/купить билет(ы) на загородный автобус
в кассе, у кондуктора автобуса
сесть в(на) автобус,
доехать на автобусе до остановки (до станции)

Объекты:

загородный автобус
билет на автобус
автобусная станция
остановка автобуса = автобусная остановка
расписание автобусов

в) На электричке:

Действия: доехать до вокзала

найти кассы пригородных поездов
взять(купить) билет(ы) на электричку
найти/посмотреть расписание пригородных поездов (электричек)
выйти на платформу
успеть /опоздать на (последнюю) электричку
сесть
по(ехать) на электричке
выйти на станции «Жаворонки»
дойти/идти (до дома) от станции пешком
доехать/ехать (до дома) от станции на автобусе

Объекты:

электричка = пригородный поезд
расписание пригородных поездов
касса (пригородных поездов)
билет на электричку
станция «Жаворонки»

В воскресенье мы с друзьями ездили на дачу. Нас было 6 человек, и мы решили поехать на электричке. Договорились встретиться у кассы пригородных поездов Белорусского вокзала. Там же есть и расписание электричек. Аня приехала первой и купила всем билеты. Ждать пришлось недолго: наш поезд подошел через 10 минут. До станции «Жаворонки», где находится наша дача, нужно ехать всего 30 минут, и потом еще минут 10 идти пешком до дома. Так что через 40 минут мы уже были на месте⁷.

⁷ Приведенные тексты составлены информантами (студентами-носителями русского языка), которым были предъявлены реконструированные на базе «Русского ассоциативного словаря» фреймы.

«Словарь культурно-маркированных единиц русской речи»

Одной из составляющих владения родным языком является способность языковой личности оперировать единицами, представляющими собой культурно-маркированные знаки: прецедентные тексты, паремии, зоонимы и др.

Прецедентные тексты – это тексты 1) значимые для той или иной языковой общности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) хорошо известные большинству членов этой языковой общности, включая ее предшественников и современников, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно членами данного языкового коллектива. Владение прецедентными текстами (ПТ) – результат развития языковой личности в определенной культурной среде. Большинство прецедентных текстов, многократно повторяясь в сходных коммуникативных ситуациях, приобрели статус символов, культурных знаков и в этом качестве живут своей самостоятельной жизнью. Их связь с оригиналом стала достаточно условной. Например, фамилии литературных персонажей, ставшие именами нарицательными, некими эквивалентами определенных черт человеческих характеров или явлений жизни: **Обломов** = *лень, бездеятельность*; **Плюшкин** = *скарденность, жадность*; **Баба Яга** = *некрасивая, сварливая, вредная женщина (старуха)*.

Роль таких культурных символов берут на себя не только герои или названия литературных произведений (мертвые души; живой труп; дети подземелья), но и некоторые вещи, элементы антуража описываемых событий (золотой ключик; золотая рыбка; разбитое корыто).

Цитаты из некоторых литературных произведений, в которых содержатся умозаключения о жизни, также утратив иногда в сознании носителя языка прямую связь с этими произведениями, принимают статус генерализованных высказываний и в таком качестве используются в повседневной коммуникации («Деньги утром – вечером стулья»; «Мы все учились понемногу...»; «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?»). Часто такое цитирование в разговоре сводится к упоминанию одной строчки или даже одного слова. Для носителя языка этого оказывается достаточно, чтобы восстановить продолжение цитаты и идентифицировать заключенный в ней символический смысл.

Приведенные структуры составляют особый пласт национального языкового сознания среднего русского. Отсутствие его у инолингвов или носителей инокультуры является серьезным препятствием для понимания русской речи.

«Словарь культурно-маркированных единиц» призван снять трудности понимания и употребления подобных культурных языковых знаков.

Понятно, что словарь адресован в первую очередь инолингвам, изучающим русский язык и русскую культуру (включая представителей ближнего зарубежья). Он может оказаться полезным и при обучении русскому языку как родному, так как позволит восстановить или освежить в памяти происхождение тех или иных прецедентных текстов, их связь с литературными произведениями, частью которых они являются, и тем самым, прояснить тот символический смысл, который они приобрели в процессе многократного употребления в речи. Поэтому структура словаря, в которой представлены прецедентные тексты, должна отражать двойственный характер этих культурно-маркированных единиц, являющихся, с одной стороны, частью определенного художественного произведения, и, с

другой – фрагментом национальной концептосферы. В целом словарь должен иметь два входа:

1) в соответствии с идеографическим принципом указывать место данного прецедентного текста, пословицы или поговорки, зоонима в системе понятий, оценок и предпочтений, характерных для среднего русского;

2) демонстрировать возможные ситуации и контексты употребления приводимой в словарной статье культурно-маркированной единицы.

Основным источником и базой для создания «Словаря культурно-маркированных единиц» также является «Русский ассоциативный словарь», позволяющий проследить способы функционирования этих единиц в дискурсе. Однако одного «Русского ассоциативного словаря», как нам представляется, недостаточно для того, чтобы репрезентировать в полном объеме наличие данных единиц в лингвокультурном сознании среднего русского. В качестве дополнительного источника информации по этому вопросу используются школьные учебники и учебные пособия, ибо, как показывают некоторые эксперименты со студентами, основная часть культурного фонда взрослого носителя русского языка складывается именно в школьные годы, на базе изучаемых в школе литературных произведений, учебников и пособий по литературе; кроме того используются словари крылатых слов, а также недавно изданный словарь «Русское культурное пространство».

Пробные статьи

Таким образом, антропоцентрические лингвокультурологические словари создаются для целесообразного воздействия на языковое сознание человека. Их главная задача – помочь пользователю, во-первых, в формировании языка как принадлежности сознания, во-вторых, в эффективном использовании этого языка. Антропоцентрические словари противопоставляются системоцентрическим (лингвоцентрическим), задача которых – фиксировать, описывать и оценивать имеющиеся языковые факты с нормативной точки зрения.

Создание антропоцентрических словарей должно базироваться на использовании адекватного материала, отражающего психологически реальные значения языковых единиц, или их интерсубъективный смысл. Такой материал, в частности, может быть получен (и уже получен!) в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Результаты этого эксперимента отражают реальное «бытование» лексической единицы в языковом сознании «наивного» носителя. Учет этих данных позволяет избежать известный субъективизм исследователя, который не может быть преодолен в рамках логического, системоцентрического метода словаростроения.

ДОМ, СЕМЬЯ

Мой дом – моя крепость.

Пословица, имеющая параллели и в других языках – например, лат. *Domus sua cuique est tutissimum refugium* «Свой дом – каждому безопаснейшее убежище». Употребляется в ситуациях, когда говорящий хочет подчеркнуть, что *дом любого человека* неприкосновенен и в нем он чувствует себя в безопасности.

Вот эта улица, вот этот дом.

Шутл. Прецедентный текст – строка из припева популярного в 30-е-40-е

годы романса «Крутится, вертится шар голубой»: «Где эта улица? Где этот дом? / Где эта барышня, что я влюблен? / Вот эта улица, вот этот дом, / Вот эта барышня, что я влюблен». Успеху песни способствовало ее исполнение Борисом Чирковым в кинотрилогии Г. Козинцева и Л. Трауберга «Юность Максима» (1935), «Возвращение Максима» (1937), «Выборгская сторона» (1939). **Используется при указании на какой-нибудь дом в шутливо-ироничном стиле.**

Все смешалось в доме Облонских

Часто шутл. Прецедентный текст – одна из начальных фраз романа Л.Н.Толстого «Анна Каренина», которая сразу вводит читателя в запутанную ситуацию семьи Облонских. **Употр.: О большой путанице, неразберихе, сумятице в семейном доме.**

Родительский дом – начало начал.

Прецедентный текст – первая строка припева песни В.Шаинского на стихи М.Рябинина «Родительский дом:

«Родительский дом – начало начал/
Ты в жизни моей надежный причал.
/Родительский дом, пускай много лет /
Горит в твоих окнах добрый свет!»

Употр. Отчий дом, родной дом.

ГОСТЬ (ГОСТИ) {дом, семья}

В гостях хорошо, а дома лучше.

Послов. **Употр.: Так обычно говорят, когда собираются из гостей домой.**

Незванный гость хуже татарина.

Погов. – Для русского народа, пережившего монголо-татарское иго, нет ничего хуже пришедшего в дом татарина. **Употр.: о неожиданном и нежеланном госте.**

Гости в дом – хозяину радость.

Упорт.: Подчеркивается характерная черта русских людей – гостеприимство

Компьютерная версия:

алгоритм представления концептосферы русской повседневности

При создании лингвокультурологических словарей необходимо учитывать требования современного пользователя. Так, наряду с книжной версией желательно разработать и компьютерную программу, предусматривающую множественность входов в словарь или серию словарей. В нашем случае такая компьютерная версия, тематически объединенная концептосферой русской повседневности, должна репрезентировать каждую словарную единицу с различных сторон, коррелирующих с тремя уровнями структуры языковой личности:

- вербально-семантическому уровню соответствует «Словарь элементарных единиц русской речи», представляющий «модели двух слов», наиболее частотную синтаксическую и лексическую сочетаемость (а также экспликацию ограничений на эту сочетаемость). Материалом для составления такого словаря служат, как отмечается в работе, наиболее частотные словосочетания «Русского

ассоциативного словаря».

- когнитивный уровень отражен в «Словаре фреймов типичных ситуаций русской повседневности». Словарная статья этого словаря представляет собой фрейм одной из типовых ситуаций, названных словом-стимулом и реконструированных из ассоциативного поля этого слова, принимаемого как терминал данного фрейма.

– мотивационный уровень может быть представлен в нескольких словарях, отражающих национально-культурную специфику ценностного универсума русской языковой личности. В нашей работе сделана попытка описания проекта «Словаря культурно маркированных единиц языкового сознания».

В общем, следует отметить, что ассоциативно-вербальная сеть, воплощенная в «Русском ассоциативном словаре» и являющаяся коррелятом обыденного языкового сознания, дает в руки составителя антропоцентрических словарей и их компьютерных версий неоценимый материал. В идеале может быть создано уникальное комплексное лексикографическое произведение, представляющее собой не статическую, но *динамическую модель языковой способности*.

Компьютерная программа должна иметь множество входов. В этом случае каждый концепт может быть охарактеризован либо с точки зрения одного из составляющих его *интерсубъективный смысл* аспектов (сочетаемости; вхождения в определенные типичные ситуации употребления; прагматики культурно-маркированных единиц, в состав которых он входит), либо комплексно, с помощью общего входа во все три словаря одновременно.

Выводы

Таким образом, структурированность мира повседневности и возможность описания его как концептосферы, выстроенной на основе отдельных концептов и их объединений, позволяют представить полученные данные в лексикографической форме. Разработана такая лексикографическая модель динамического типа, в которой отражена трехуровневая структура языковой личности (Ю.Н. Караулов); данная модель включает словари трех типов соответственно:

- 1) «Словарь элементарных единиц русской речи» (отражает вербально-семантический уровень языковой способности);
- 2) «Словарь фреймов типичных ситуаций русской повседневности» (когнитивный уровень);
- 3) «Словарь национально-маркированных единиц» (мотивационный уровень языковой личности).

Для реализации этой модели может быть использована база данных «Русского ассоциативного словаря», на основе которой вместе с книжной версией «Словаря концептов русской повседневности» (включающего в себя серию названных словарей, которая открыта для пополнения) должна быть создана компьютерная версия–программа, ибо «ситуация свободного выбора способа потребления культурной информации предстает одной из граней плюралистичности современной культуры, в которой осложняются отношения между текстами разной природы» [Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. I, 1998: 46].

Литература

Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Сост. В.В. Петрова; пер. с англ.; под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 334 с.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.

Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. – М.: Азбуковник, 2009. – 336 с.

Культурология XX век: Энциклопедия / Гл. ред. и сост. С.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1998.

Толковый словарь языка Совдепии / Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. – М.: Фолио-Пресс, 1998. – 701 с.

Л.Л. Шестакова

УДК 81'374

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТР И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В «СЛОВАРЕ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА»¹

Статья посвящена рассмотрению стилистического параметра в «Словаре языка русской поэзии XX века» как сводном комментирующем конкордансе. Показано, что в словаре подобного типа целесообразен принцип распределения стилистической информации по зонам словарной статьи. Стилистические пометы разного содержания (*устар.*, *нов.*, *книжн.*, *высок.*, *разг.*, *прост.* и др.) вводятся в зону значения для маркирования заголовочных слов, в зону комментариев для характеристики отдельных грамматических форм. В словаре, основу которого составляет множество поэтических контекстов, отдельные пометы (*Шутл.*, *Ирон.*, *Бран.* и др.) даются при необходимости после контекстов для их целостной эмоционально-экспрессивной оценки. Каждый из названных способов представления стилистического параметра иллюстрируется примерами из томов Словаря. Демонстрируются также возможности изучения стилистических ресурсов поэтического языка на основе выборки и систематизации словарных стилистических помет.

Ключевые слова: словарь поэтического языка, конкорданс, словарная статья, стилистический параметр, стилистическая помета.

Larisa L. Shestakova

STYLISTIC PARAMETER AND WAYS OF ITS REPRESENTATION IN «THE DICTIONARY OF THE XXth CENTURY RUSSIAN POETRY»

The article describes the stylistic parameter in «The Dictionary of the XXth Century Russian Poetry» which is the summary commenting concordance. It is shown that in the dictionary of this type the principle of stylistic information distribution in various zones of the entry is expedient. Stylistic notations of the different contents (*ustar.*, *nov.*, *knizhn.*, *vysook.*, *razg.*, *prost.* etc.) are entered into the meaning zone for marking heading words, into the commenting zone – for separate grammatical forms characterizing. If it is necessary in the dictionary which basis is formed by a great number of poetic contexts a separate notations (*Shuttl.*, *Iron.*, *Bran.* etc.) are given after contexts for their complete emotional and expressional assessment. Each of these ways of stylistic parameter representation is illustrated by examples taken from the Dictionary. In addition, the possibilities of poetic language stylistic resources studying on the basis of stylistic notations of dictionary sampling and systematization are demonstrated.

Keywords: dictionary of poetic language, concordance, entry, stylistic parameter, stylistic notation.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-04-00438 «Разработка метаязыка словаря нового типа (“Словарь языка М.В. Ломоносова”): теоретический и прикладной аспекты» (руководитель Е.М. Матвеев).

Многоотомный «Словарь языка русской поэзии XX века» (см. [СЯРП]), о котором пойдет речь в этой статье, был представлен вначале в виде небольшого пробного выпуска (см. [Самовитое слово 1998]). Этот выпуск включал в себя около 800 статей на букву «А» (*А – А-ю-рей*) и несколько приложений: алфавитно-частотный и частотно-алфавитный указатели, а также перечни слов, встретившихся только у одного из десяти выбранных поэтов. Для автора идеи Словаря В.П. Григорьева, редакторов и составителей, занимавшихся в то время уточнением концепции первого сводного поэтического конкорданса, важен был взгляд со стороны, непредвзятая оценка еще небольшого по объему готового материала. К удовольствию коллектива, на пробный выпуск живо и заинтересованно откликнулся Юрий Николаевич Караулов, внимание которого в тот момент было сосредоточено на проекте «Словаря языка Достоевского» и общих проблемах авторской лексикографии. Рецензия, опубликованная в журнале «Русистика сегодня» (см. [Караулов 1999]), содержала разносторонний и нетривиальный анализ пробного выпуска. Ю.Н. Караулов, определивший свою позицию как позицию пропонента, а не оппонента, первым обратил внимание на многие стороны СЯРП и возможности его использования в качестве особого исследовательского инструмента. Впервые «Словарь языка русской поэзии XX века» был определен как «поэтический тезаурус, в котором эксплицируются, дают себя обнаружить как контекстные, так и межконтекстные связи слова» [там же: 159]. Коснулся Ю.Н. Караулов и дискуссионной в своей основе проблемы выбора поэтов, количества и объема источников: «В самом деле, – задавался он вопросом, – 10 авторов-источников – много это или мало?» и давал на него наиболее точный ответ: «...достаточно, чтобы задать все параметры процесса» [там же]. При этом отмечалось «всегда возможное расширение круга источников», которое Ю.Н. Караулов напрямую связывал с «простой» структурой словарной статьи, с ее зонами: заголовочного слова, контекстов, шифров (обязательные зоны), а также значения и комментариев (факультативные зоны). Упомянув отдельные словарные статьи (*Август, Агатый, Ад, Акрополь, Аорист...*), рецензент писал о возможности измерить, по материалам Словаря, «степень самовитости» каждого слова, изучить «поэтические универсалии» и «поэтические уникалии». Отметим, что позднее слова единичного употребления, или редкие слова, были выделены составителями Словаря в отдельный массив для специального изучения (см. [Шестакова 2010; Шестакова, Кулева 2013]).

Наиболее яркие фрагменты рецензии связаны, пожалуй, со взглядом Ю.Н. Караулова на поэтический словарь из пространства ассоциативной лексикографии. «Вообще за каждым словом в самовитом словаре, – отмечал он, – проглядывает мир, но мир вовсе не тот, который мы видим с вами повседневно. Это мир особый, мир поэтический, в котором даже имена собственные зачастую ассоциируются с иным знанием, чем в нашей реальности. Так, Африка в поэтическом мире связана не с крокодилами, бананами, пальмами и баобабами, как в Ассоциативном тезаурусе, а с Пушкиным:

Недурен российский классик [Пушкин], Небо Африки своим звавший, не-
вское – проклятым! ...

...и на стол вспрыгнувший при самодержце Африканский самовол – На-
ших прадедов умора – Пушкин в роли гувернера» [Караулов 1999: 162-163].

С момента публикации рецензии Ю.Н. Караулова прошло более полутора десятилетий. Опубликовано уже пять томов СЯРП, готовится к печати шестой. В процессе подготовки томов проявилась жанровая природа Словаря как хронологически выстроенного сводного поэтического конкорданса комментирующего типа с определенным набором решений по каждому его параметру. Остановимся далее на стилистическом параметре, с помощью которого (как и с помощью других параметров) фиксируется «особость» поэтического мира, формируемого материалами Словаря.

Стилистический параметр носит в СЯРП намеренно «распределенный», зонально рассредоточенный характер. Такой подход к нему при выработке концепции Словаря был признан наиболее целесообразным, так как он учитывал стилистические проявления не только слов, но и отдельных форм слов, и целых контекстов. Причем высокая степень стилистической разнородности лексики была зафиксирована уже в процессе работы над словником, который составлялся по произведениям выбранных поэтов – Анненского (в Словаре и здесь далее – сокращенно Анн), Ахматовой (Ахм), Блока (АБ), Есенина (Ес), Кузмина (Куз), Мандельштама (ОМ), Маяковского (М), Пастернака (П), Хлебникова (Хл) и Цветаевой (Цв).

Как говорилось, частью структуры словарной статьи является так называемая зона значения. В СЯРП она имеет более широкое, по сравнению с другими словарями, наполнение, и поэтому само название ее условно. В данную зону вводится при необходимости информация, которой, по мнению составителей, может недоставать читателю для понимания, первоначальной оценки поэтических строк, самого места конкретного слова в языке поэзии. Эта информация направляет внимание читателя на орфографическую, грамматическую, семантическую или иную сторону слова. Стилистическая составляющая здесь тоже присутствует. И хотя в СЯРП стилистическая информация характеризуется, как говорилось, «распределенностью», именно в зоне значения дается основная ее часть – информация о той или иной окрашенности собственно заголовочного слова. Лексикографически она традиционно передается определенным набором помет. Надо сказать, что у составителей Словаря не было отдельной цели «изобретать» новые пометы и расширять их состав. Задача была более скромной – с помощью небольшого числа существующих помет разграничивать, в пределах Словаря, лексику нейтральную и стилистически окрашенную; такими, своего рода легкими мазками маркировать слова, посылая читателю сигнал об их стилистической выделенности в языке, способности вызывать особое стилистическое впечатление. (А такой сигнал может служить отправной точкой для последующего анализа конкретных проявлений, преобразований подобных слов во множестве поэтических контекстов.) Не случайно, В.П. Григорьев в Предисловии к I тому сказал об этом очень кратко, упомянув лишь несколько помет: «Изредка мы прибегаем к <...> стилистическим пометам <...> *прост.* и *разг.*, отмечая “просторечное” или “разговорное” употребление заглавного слова, *нов.* – для авторских неологизмов с более-менее различимым индивидуальным смыслом» [СЯРП I: 8].

В Словаре используются пометы: хронологические («исторической перспективы») – *устар.* и *нов.*, указывающие на разновидности устной речи – *разг.*, *прост.*, на диалектный характер слова – *обл.*, эмоционально-экспрессивные

– *бран.*, *груб.*, *ирон.*, *презр.* и некоторые другие. Почти не встречается в СЯРП помета *поэт.* – поэтическое. С точки зрения В.П. Григорьева, в словаре языка поэзии «все слова поэтические», и такая помета избыточна. В отдельных случаях, правда, составителям показалось возможным применить помету, тем самым отметив непосредственную соотнесенность слова со сферой поэзии (например, этой пометой сопровождаются слова *дольний*, *песнопевец*, *песнопение/песнопенье*). При постановке помет составители опирались на собственную интуицию и, конечно, использовали словарные источники. Основной среди них – это «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, который в наибольшей степени коррелирует с той эпохой, поэтический язык которой представлен в Словаре.

Обратимся далее к конкретному материалу – он взят, преимущественно, из двух томов СЯРП – опубликованного пятого (Н – Паяц) и подготовленного к печати шестого (Пе – Радость).

Состав слов, сопровождаемых названными пометами, чрезвычайно разнообразен – тематически, семантически, частеречно, количественно и т. д. Вот небольшой ряд примеров из указанных томов Словаря: *устар.* *пенязь* (‘мелкая монета’), *перевить* (‘перепеленать’), *персияне* (вар. к персы), также *персиянка*, *персияночка*, *персиянский*, *перст*, *персть* (‘прах, пыль’); *нов.* *невунный* (Ес), *невуоубийца*, *первоголубизна* (Цв), *перевызубривши* (М), *песнезов* (Хл), *пестунылицы* (П), *Петропавловск-Цусима* (ОМ); *обл.* *перелесица* (вар. к перелесок), *пигалица* (‘чибис’), *плахта* (‘платок, юбка’), *погребав* (‘побрезговав’); *нар.-поэт.* *подколотный*, *полосынька*, *по-над*, *пригорюниться*, *прыскуч*; *церк.* *плащаница*, *повечерие*, *потир*, *присно*; *книжн.* *питаемый*, *питать*, *питомец*, *питомица*; *пламенеть*, *пламенея*; *высок.* *почтить*, *пурпурукудрый*; *разг.* *пакостник*, *пальнуть*, *попомнить*, *примазаться*; *прост.* *подпальнуть*, *подсобить*, *прилучница*, *примать*.

Материалы Словаря показывают, что во многих случаях подобные слова употреблены каким-то одним поэтом. Например, *устар.* *пезета* (вар. к *песета* – ‘денежная единица в Испании’) встречается только у М, *устар.* *первины* у ОМ, *устар.* *пенязь* у Хл, *обл.* *непогодина* у Ес, *обл.* *непроглядь*, *паветвь* (‘вторая ветка’) у П, *обл.* *неродица* (‘недород, неурожай’) у Куз, *обл.* *падун* (‘водопад’) у Хл, *нар.-поэт.* *приуслушаться* у Анн, *разг.* *посопеть* у М, *разг.* *потасовка* у П, *разг.* *поблажка* у Цв, *прост.* *пачпорт* у Анн, *прост.* *пащенок* у П, *прост.* *перх* (‘кашель’) у Цв и т. д. Однако нередко стилистически окрашенные лексемы оказываются принадлежностью словаря сразу нескольких поэтов, что последних, несомненно, сближает, и иногда неожиданно. Так, *прост.* *подсобить* отмечается у АБ, Ес и Цв; *прост.* *похабник* – у Ес и П, *прост.* *похабничать* у Ес и М (при этом только у М *похабен*, *похабный* и (дважды) *похабно*); *разг.* *погодить* – у Анн, АБ (трижды), Куз, М (дважды), П, Хл (дважды) и Цв (шесть раз); *книжн.* *питомец* – у Ес, П и Цв (а *питомица* – дважды только у П). По наблюдениям и проведенным подсчетам ясно видно, что в совокупном лексиконе десяти поэтов, принадлежавших разным литературным направлениям, имевшим разные эстетические воззрения, заметное место занимают слова со сниженной окраской, и нередко такие слова оказываются востребованными большинством из представленных в СЯРП авторов. Например, *разг.* *подыматься* отмечается у всех поэтов, кроме Анн, *разг.* *позабыть* – у всех поэтов, кроме М, *прост.* *помереть* – у Анн, Ес, М, Хл, Цв.

Введение стилистических помет в словарь, создаваемый с помощью современных технологий, позволяет делать выборку слов с конкретными пометами, производить подсчеты таких слов, сравнение их частоты и характера употребления у разных авторов. Это, в свою очередь, подводит к определенным выводам о стилистическом расслоении поэтического языка эпохи, доли в нем по-разному стилистически нагруженных слов. Подобная работа была проведена, в частности, на материале слов с пометой *нов.*, вошедших в том I Словаря (буквы А – В) (см. [Колодяжная, Шестакова 2006]). Она показала, что эти слова составляют примерно 6,5 % всей лексики тома (более 550 слов), встречаются они у всех поэтов, но более всего у Цв, Хл, М, по частеречной принадлежности – это преимущественно существительные; выборка показала, и это важно, что более половины новых слов занимают в тексте выдвинутую – рифменную позицию. Приведенные и другие данные обусловили возможность создания, на базе СЯРП, малого электронного словаря новых слов в поэзии Серебряного века (материалы этого словаря размещены в интернете на сайте <http://lexrus.ru>).

Отметим, что изучение стилистически нагруженной лексики по данным Словаря может идти и в других направлениях – это подсказывается самой работой над ним, составительской и редакторской. Так, на словарных отрезках разной протяженности отмечается концентрация, порой густая, лексем, сопровождаемых разными, близкими или совпадающими пометами, что, с одной стороны, демонстрирует стилистическую пестроту единиц поэтического лексикона, с другой – его стилистическое единообразие. При этом, конечно, часто объединяются в «кусты» лексем с одним и тем же словообразовательным элементом. Например, в томе I на с. 882 друг за другом идут слова с приставкой *вы-*: *разг. выхаркнуть, прост. выхлебать, выхлестнуть, нов. выхмелить* и т. д., а на предыдущих и последующих страницах находим: *разг. вытворить, нов. вытелить, разг. вытолкать, нов. вытосковать, прост. вытрясть, вытряхать, нов. выхрустывать, вычерстветь, разг. вышаркивать, вышвырнуть* и т. д. Как видно, эта совокупность слов складывается из единиц стилистически сниженных и новых. Примечательно, что многие новообразования в таком окружении (и вне «своего» контекста) обнаруживают сниженность звучания (а такого рода единицы обычно дополнительно стилистически не квалифицируются). Сравнение подобных перечней с соответствующими списками слов в общеязыковых словарях показывает порой существенную разницу в их составах – поэтический язык активно реализует потенции национального языка, в том числе в стилистическом отношении.

Добавим также, что необходимость обращения к стилистическим пометам оказывается особенно частой при составлении статей именно к словам с приставками, привносящими в производные лексем коннотации различного свойства. Это касается, например, статей с приставкой *за-* в третьем томе СЯРП (см. [Шестакова 2008: V]) и статей с приставками *пере-, по-, под-, про-* и др. – в шестом. Иллюстрациями во втором случае могут служить большие массивы слов с пометой *разг.* (их особенно много): *переслюнить* (АБ), *понаобещать* (М), *понаслышке* (П, Куз, М), *приглянуться* (Цв), *примазаться* (М), *примоститься* (Ес, Цв), *приневолить* (АБ), *прогрохать* (М), *продраться* (Цв)... – и с пометой *прост.*: *переступить* (П), *подсобить* (Ес, АБ, Цв), *подталый* (Ес), *примать* ('принимать', Хл), *продувной* (Цв). Отмечаются здесь также лексем с пометой *обл.*: *переточина*

(‘протока, ручей’, П), *пригнести* (АБ). В общие ряды вписываются и новообразования типа *переобедать* и *переовечить* у Цв, *переобезьянить* у П, *переогромен* у ОМ, *подсюсюкнуть* у М и под. Неологизм Ахматовой *перепастерначить* оказывается окруженным в СЯРП разговорными словами: предшествуют ему *переорать*, *перенакостить*, *перепалка*, а следуют за ним *перепиваться*, *перепой*, *перержавленный*.

Очевидно, что лексический массив, содержащийся в томах Словаря, включает как однозначные, так и многозначные слова. В последних стилистически окрашенным может быть одно из значений. СЯРП – это не объяснительный словарь, в котором при необходимости можно сопроводить толкование любого значения стилистической пометой, поэтому важно было найти простой прием для передачи стилистической неоднозначности слова, учитывая при этом достаточную степень информированности нашего читателя. Таким приемом стало использование формулы: *тж* (также) + помета, например, *тж разг.*, *тж прост.* и т. п., обозначающей наличие в слове как нейтральных, так и стилистически маркированных значений. Подобным образом представлено в СЯРП, например, слово *закатиться*. В соответствующей статье зона значения содержит указание: *тж разг.* Ср. приводимые в ней строки:

Ветер взвихрил снега. Закатился серп луны (АБ) – и:

Как получу, мол, пенцию, В Артуре стану бой, Не то, так в резиденцию Закатимся с тобой... (Анн).

Среди статей нового тома такое указание находим в статьях к словам *перекусить* [*тж разг.* немного поесть], *помянуть* [*тж разг.* вспомнить], *пристать* [*тж разг.* привязаться; *тж разг.* подойти, прийти к лицу] и др.

Второе место реализации стилистического параметра в СЯРП – это зона комментариев к контекстам. Пометы в них чаще всего относятся к конкретным грамматическим формам. Так, в большой статье ИГРА несколько раз в строках Хл встречается устаревшая форма *род. мн.* игор. После тех контекстов, которые содержат эту форму, приводится помета и определяется сама форма. Вот как это выглядит в названной статье:

ИГРА <...> Камень кумирный, вставай и играй Игор игрою и грома. [здесь: *устар.*; *род. мн.*] Хл 919 (255).

См. и другие примеры:

ПЕРУН <...> ПЕРУНУ *Загл. Хл[913] (85)*; Ты знаешь: путь изменит пря, И станем верны, о, Перуне, Когда желтой и белой силы пря Перед тобой вновь объединит нас в уне. [здесь: *устар.*; *зват.*] *ib.* [там же. – Л.Ш.];

ПРОТЕЗ Мы, / излюбленное / пушечное лакомство, / мы, / оптовые потребители / костылей / и протез, / мы / выйдем на улицу, / мы / 1 августа / аж к небу / гвоздями / прибьем протест. [здесь: *прост.*; *род. мн.*] М929 (363);

ПИАНИНО <...> И вечером / та или иная мразь, / на жену, / за пианином обучающуюся, глядя, / говорит, / от самовара разморюсь: / «Товарищ Надя! К празднику прибавка – / 24 тыщи. <...>» [здесь: *прост.*; *тв. ед.*];

ПОМОИ <...> Назад! Зачем соваться под нос, Под дождь помой? Утратят ли боеспособность «Синоп» с «Чесмой»? [здесь: *прост.*; *род. мн.*] П926-27 (I,323.2).

Ср. также:

ПЛАТИТЬ <...> И ладит, и гладит, Долг девичий плотит. Ресницами в самые веки щекотит. [здесь: *прост.*] Цв920 (III,197);

ПОБЕЖАТЬ <...> Хорош ветерочек шлет нам Русь: встречный – относит шум. // А шумно – шаги, колеса... А томно – уж слух побёг, Что – шумно! хоть *мы* – не босы: Две тысячи пар сапог. [здесь: *прост.*] Цв928,29-38 (III,172).

И, наконец, третья стилистическая позиция в словарной статье связана с так называемыми послепометами, т. е. пометами к целому контексту. Обычно это пометы эмоционально-экспрессивного содержания, передающие общую тональность поэтических строк: *Шутл., Ирон., Бран., Груб.* Подробно об этом говорилось в работе [Шестакова 2007] в связи с послепометой *Шутл.* Там, в частности, речь шла о том, что постановка этой пометы не до иллюстрации, а после нее связана с представлением о шутливости как в большой степени контекстном явлении. Строки из СЯРП демонстрируют разные приемы и средства создания в тексте шутливого начала, формирования шутливой окраски. Это соединение слов далекой семантики, разных сфер употребления, использование приемов сравнения, уточнения чего-л., повтора общих словообразовательных элементов и т. д. Приведем несколько таких примеров, в которых при отсутствии шутливых слов возникает шутливый эффект:

Если бы проведаль бог, Что Наташа педагог, Он сказал бы: ради бога, Убере-те педагога! *Шутл.* (ОМ); Забываю тягости и горести, И меня преследует вопрос: Приращенье нужно ли в аористе И какой залог «пепайдевкос»? *Шутл.* (ОМ); А чтоб энергия / не пропадала даром, / кстати и Ай-Петри / почистить скипидаром *Шутл.* (М).

Ср. употребление послепометы *Ирон.*:

В кинематографе вечером Знатный барон целовался под пальмой С барышней низкого званья, *Ее до себя возвышая...* [курсив автора] *Ирон.* (АБ); Молчит... / но чувство, / видать, велико. / Ее [Кускову] / утешает / усастая няня, / выдавшая виды, – / Пе эн Милюков. *Ирон.* (М), а также *Шутл.-ирон.*: В вашей анкете / вопросов масса: / – Были выезды? / Или выездов нет? – / А что, / если я / десяток пегасов / загнал / за последние / 15 лет?! *Шутл.-ирон.* (М).

В заключение отметим, что лексикографическая модель поэтического языка XX века, создаваемая материалами СЯРП, содержит определенный объем стилистической информации. Она систематизирована таким образом, чтобы читатель мог без больших усилий ее извлекать, использовать и изучать. А направления изучения предоставляемых Словарем стилистических данных могут быть, как было показано, самыми разными.

Литература

Караулов Ю.Н. [Рец.] «Самовитое слово. Словарь русской поэзии XX века». Пробный выпуск: А – А-ю-рей. Сост.: Е.М. Брейдо, А.В. Гик, В.П. Григорьев, Л.И. Колодяжная, Т.Е. Реутт, Н.А. Фатеева, Л.Л. Шестакова. Автор идеи Словаря, руководитель проекта и ред. вып. В.П. Григорьев. – М.: Русские словари, 1998 // Русистика сегодня. – 1999. – № 1–2. – С. 158–163.

Колодяжная Л.И. Слова с пометой нов. в «Словаре языка русской поэзии XX века» / Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л. // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления): Материалы междунар. конф. – СПб.: Наука, 2006. – С. 88–90.

Самовитое слово / Словарь русской поэзии XX века. Пробный выпуск: А – А-ю-рей. – М.: Русские словари, 1998. – 158 с.

СЯРП: Словарь языка русской поэзии XX века / Сост. В.П. Григорьев (отв. ред.), Л.Л. Шестакова (отв. ред.), Л.И. Колодяжная (ред.), А.С. Кулева (ред.), В.В. Бакеркина, А.В. Гик, Т.Е. Реутт, Н.А. Фатеева. Т. I. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 896 с.; Т. II. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 800 с.; Т. III. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 792 с.; Т. IV. – М.: Знак, 2010. – 768 с.; Т. V. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 1016 с.

Шестакова Л.Л. Помета шутил. в словарях русского языка // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2007. – С. 712–723.

Шестакова Л.Л. Предисловие // Словарь языка русской поэзии XX века. Т. III. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. IV–VII.

Шестакова Л.Л. Редкие слова в поэзии Маяковского / Шестакова Л.Л., Кулева А.С. // Рус. яз. в школе. – 2013. – № 6. – С. 63–68.

Шестакова Л.Л. Редкие слова в произведениях поэтов Серебряного века: опыт лексикографического описания // Проблемы лексической семантики: Тез. докладов междунар. конф. Девятые Шмелевские чтения. – М.: ИРЯ РАН, 2010. – С. 160–163.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранов Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, *e-mail: baranov_anatoly@hotmail.com*

Беляевская Елена Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры стилистики английского языка факультета гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета, *e-mail: prtm@linguanet.ru*

Бойко Борис Леонидович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германских языков Военного университета Министерства обороны РФ, *e-mail: borisboiko@gmail.com*

Бубнова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, *e-mail: kafedragf@mail.ru*

Голев Николай Данилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Кемеровского государственного университета, *e-mail: ngolevd@mail.ru*

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, *e-mail: tatyana_gridina@mail.ru*

Гудков Дмитрий Борисович – доктор филологических наук, профессор, доцент кафедры кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, *e-mail: dmi-gudkov@rambler.ru*

Добровольский Дмитрий Олегович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, *e-mail: dobrovolskij@gmail.com*

Елистратов Владимир Станиславович – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры лексикографии и теории перевода факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, *e-mail: vse.slova@mail.ru*

Караулов Юрий Николаевич – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор научного центра русского языка Московского государственного лингвистического университета, *e-mail: karaoulov@rambler.ru*

Красных Виктория Владимировна – доктор филологических наук, профессор, доцент кафедры общей теории словесности МГУ имени М.В. Ломоносова, *e-mail: victoryvk@gmail.com*

Лукин Владимир Алексеевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, *e-mail: lucerby@yandex.ru*

Маховиков Денис Викторович – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела психолингвистики Института языкознания РАН, *e-mail: denisrich2708@yandex.ru*

Милославский Игорь Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, *e-mail: igormil@hotmail.com*

Нефёдова Елена Алексеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *e-mail: eanefedova@gmail.com*

Нистратов Александр Алексеевич – научный сотрудник отдела психолингвистики Института языкознания РАН, *e-mail: a.nistratov@mail.ru*

Петрова Зоя Юрьевна – кандидат филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, *e-mail: zoyap@mail.ru*

Ружицкая Элина Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», *e-mail: nedoer@mail.ru*

Ружицкий Игорь Васильевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *e-mail: konnitie@mail.ru*

Санчес Пуиг Мария – доктор филологии, профессор филологического факультета Университета Комплутенсе, *e-mail: mspuig40@gmail.com*

Северская Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, *e-mail: oseverskaya@yandex.ru*

Тарасов Евгений Федорович – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом психолингвистики Института языкознания РАН, *e-mail: eft35@mail.ru*

Трипольская Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Новосибирского государственного педагогического университета, *e-mail: tr_tatiana@mail.ru*

Улуханов Игорь Степанович – доктор филол. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела древнерусского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, *e-mail: istepu@mail.ru*

Уфимцева Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, *e-mail: nufimtseva@yandex.ru*

Фатеева Наталья Александровна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, *e-mail: nafata@rambler.ru*

Черкасова Галина Александровна – научный сотрудник отдела прикладной лингвистики Института языкознания РАН, *e-mail: gacherk@mail.ru*

Чернейко Людмила Олеговна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *e-mail: avollis@mail.ru*

Чулкина Нина Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, *galolif@rambler.ru*

Шарандин Анатолий Леонидович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, *e-mail: sharandin@list.ru*

Шепелева Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, *e-mail: svetnikmsk@yandex.ru*

Шестакова Лариса Леонидовна – доктор филол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, *e-mail: lara.shestakova@mail.ru*

Шпильная Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета, *e-mail: nshpilnaya@yandex.ru*

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Рукопись должна быть представлена в печатном и в электронном виде или отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru.

На отдельном листе (в отдельном файле) прилагаются сведения об авторе:

- фамилия, имя отчество;
- ученая степень;
- ученое звание;
- место работы;
- должность;
- почтовый адрес (рабочий, домашний);
- контактный телефон;
- адрес электронной почты, который будет опубликован в журнале.

Рукопись проходит обязательное рецензирование. О результатах рецензирования автору сообщается по контактному адресу и/или телефону, указанным в заявке.

Об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента, принимает решение редколлегия.

Научные статьи в журнале публикуются бесплатно.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ И СТРУКТУРЕ СТАТЬИ

Статья должна содержать:

- название (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
- инициалы и фамилию автора/авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на русском языке (не более 200 слов);
- ключевые слова (5-7 слов) на русском языке;
- название статьи и фамилии автора/авторов на английском языке (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на английском языке (не более 200 слов);
- ключевые слова на английском языке (5-7 слов).

Основной текст статьи должен содержать:

- Введение – с указанием на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы;
- Основную часть (может содержать разделы);
- Заключение (выводы) – с указанием новых результатов, их теоретического или прикладного значения;
- Библиографический список.

ОФОРМЛЕНИЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Общий объем текста статьи – до 40 000 знаков.

Текст статьи набирается на компьютере на одной стороне листа (для печатного варианта); формат – А4; поля – 2,5 смс каждой стороны (не более 30 строк на одной странице; 60 знаков в строке включая интервалы между словами); размер шрифта – 12; гарнитура – NewTimesRoman; абзацный отступ – 1,25 см; интервал между строками – 1,5 см.

Все страницы рукописи в печатном варианте с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в число страниц рукописи включаются таблицы, рисунки, подписи к рисункам, библиографический список).

В электронном варианте статьи страницы не нумеруются.

ЗНАКИ, ЦИФРЫ, ФОРМУЛЫ

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также символами: О (буква) и 0 (цифра); 1 (единица) и I (римская единица или буква «i»).

Век обозначается римскими цифрами (XIX в.).

Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отделяют пробелом от смежных символов.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В качестве иллюстраций допускаются только четкие рисунки, графики и схемы, а также фотографии.

Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ.

Все детали рисунка при его уменьшении должны быть хорошо различимы.

Иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями.

Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, заменяя их подписями.

Подписи приводятся шрифтом одной величины.

На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте статьи.

ТАБЛИЦЫ

Таблицы используются исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах пишутся полностью.

В названии таблицы и в ячейке таблицы после названия точка не ставится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Библиографический список оформляется в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц для каждого источника. Размер шрифта – 12; междустрочный интервал – 1,0.

Ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках непосредственно после цитаты (автор, год, страница): [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Единым форматом оформления пристатейных библиографических списков в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка».

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ПРИСТАТЕЙНОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Статья в журнале (сборнике):

Адорно Т.В. К логике социальных наук // *Вопр. философии.* – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Crawford, P.J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P.J. Crawford, T.P. Barrett // *Ret. Libr.* – 1997. Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Монография:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – МЛ Проспект, 2006. – С. 305-412.

Философия культуры и философий науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 199 с.

Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Автореферат:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной до-

ставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Диссертация:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Аналитический обзор:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. – 39 с.

Патент:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серезгин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745.1998. Бюл. № 33.

Материалы конференций, симпозиумов, конгрессов, форумов и т.д.:

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф., Ярославль, 2003. – 350 с.

Марьянских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С.125-128.

Интернет-документ:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 20052007. URL: <http://www.nlr.rirfawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей Н Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.a8p7nomers366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/200e/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А.В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-frant.narod.ru/memoflatchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

АДРЕС РЕДКОЛЛЕГИИ

125009, Москва, Б. Кисловский пер. д.1 стр. 1

Институт языкознания РАН, к. 47

Отдел психолингвистики

Телефон: (495) 690-14-64

E-mail: editorial-vpl@yandex.ru

GUIDELINES TO PREPARING AND SUBMITTING A MANUSCRIPT

Papers should be submitted either in printed and electronic format or sent to the e-mail editorial-vpl@yandex.ru.

An attached file, separate from the paper, should contain the following information about the author(s):

name and surname;

academic degree;

academic title;
place of work;
position;
business and personal address;
telephone number;
e-mail address which will be published in the journal.

Papers are reviewed and selected. The result of the review and selection process is announced to the author at the addresses or by the telephones provided in the submission form.

The editorial board is responsible for prioritizing papers which receive a favourable review.

Publications are free.

CONTENT AND STRUCTURE REQUIREMENTS

Papers should include:

title (capitalized, boldfaced, centered);
author's name and surname (small letters, boldfaced, centered);
summary in Russian (up to 200 words);
key words in Russian (5-7 words);
title and the author's name and surname in English (small letters, boldfaced, centered);
summary in English (up to 200 words);
key words in English (5-7 words).

The text of the paper should contain:

Introduction with a brief account of the background and rationale of the work.

Main body (it may contain a few short subheadings).

Conclusion putting the main findings and their value for the field.

References.

FORMATTING

Papers should not exceed 40,000 symbols.

Our preferred format for text is Microsoft Word. We prefer the use of 12-point Times New Roman. Format – A4; margin – 2,5 cm; paragraph break – 1,25 cm; space between lines – 1,5 cm. Pages should not be numbered.

TABLES

Tables should be only used for presenting data which cannot be stated in the text.

Words in tables are typed in its full forms.

Table and cell titles do not take full stops.

REFERENCES

References are each numbered, ordered alphabetically. Please use 12-point Times New Roman, single space.

In the body of the text please use the following format: [Name year: page(s)] (e.g. [Ivanov 2000: 18]).

Please follow the style below in preparing reference lists.

Examples of reference lists

Journal paper:

Адорно, Т.В. К логике социальных наук // *Вопр. философии.* – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Crawford, P.J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P.J. Crawford, T.P. Barrett // *Ret. Libr.* – 1997. Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Monograph:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – МЛ Проспект, 2006. – С. 305-412.

Философия культуры и философий науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 199 с.

Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Thesis synopsis:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Thesis:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Analytical review:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. – 39 с.

Patents:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745.1998. Бюл. № 33.

Conference abstracts:

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф., Ярославль, 2003. – 350 с.

Марьянских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С.125-128.

Digital and Internet sources:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 20052007. URL: <http://www.nlr.rirfawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей Н Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.a8p7nomers366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/200e/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А.В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-frant.narod.ru/memoflatchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

ADDRESS OF EDITORIAL BOARD

125009, Moscow, B. Kislovski per., 1/1

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, room 47

Department of Psycholinguistics

Telephone: (495) 690-14-64

E-mail: editorial-vpl@yandex.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Сообщество психолингвистов нуждается в постоянной организации своей работы. Ранее таким средством служили только наши Симпозиумы. В настоящее время мы создали еще одно средство информационной поддержки работы нашего психолингвистического сообщества – это журнал «Вопросы психолингвистики», который издается Институтом языкознания РАН при поддержке Московского института лингвистики.

Для распространения журнала необходима коллективная поддержка. Мы обращаемся к Вам с просьбой организовать в Вашем научном подразделении подписку на журнал «Вопросы психолингвистики», чтобы сделать его доступным через вузовские библиотеки как можно более широкому кругу исследователей. В первую очередь мы обращаем Ваше внимание на желательность ознакомления с журналом не только студентов старших курсов, но и профессорско-преподавательского состава.

Как показывает практика последнего времени, круг людей, проявляющих интерес к журналу, постоянно расширяется. Подтверждением этому является высокий импакт-фактор Российского индекса научного цитирования «Вопросов психолингвистики» – 0,35 по данным 2012 года.

Напоминаем Вам, что Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс 37152.

Свои вопросы и предложения Вы можете отправлять на электронный адрес редакции *editorial-vpl@yandex.ru*.